

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОЛОККИЕ ЗОРН

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

2019

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ

В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2019 — 4(57)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Законченность формы художественной мысли — на примере «Воспоминания» Пушкина
(К завершению юбилейного года 220-летия)..... 3
К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА
МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА (1814 — 1841)

Виктор Мельников. Лермонтов. Последняя дуэль..... 27
Вячеслав Алтунин. Лермонтов. Полет..... 29
Валентин Огнев. «...И память их жива поныне»..... 33
Надежда Лисогорская. Лермонтовские Тарханы..... 39

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Виталий Ковалев. Олеся Янгол. Ночи Дианы: из книги «Побережье наших грез»..... 40
Игорь Карлов. Дважды краснознаменная повесть имени генерального секретаря ЦК КПСС,
президента СССР Горбачева М. С. 59
Геннадий Маркин. Скомканное письмо..... 79
Вячеслав Лямкин. Отпусти его на небо, душа, отпусти... .. 98
Алексей Яшин. Кастальский ключ из водопровода
(Историческое сказание от Гостомысла до наших дней)..... 110

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Федор Ошевнев. Верующий батюшка..... 149
Николай Макаров. Первый «железнодорожник» Афганистана..... 156
Михаил Смирнов. Старик и облака..... 161
Александр Лепешенко. Доктор Радонов в работе и дружбе..... 168
Ольга Набережная. Открытая дверь..... 172
Владимир Кокинский. Принципиальный..... 178
Александр Мошна. Безымянное кладбище..... 185

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов. «В черте буржуазного шика...»..... 188
Анна Поритер. Белая чайка..... 192
Елизавета Баранова (Весина). Над старым домом, у реки..... 193
Михаил Лапшин. Лихое время..... 196
Петр Межиньш. «Мой свет меня зовет...»..... 199
Валерий Демидов. Загадочный сон..... 202
Анна Барсова. Из цикла «Кавказские страницы»..... 209
Владимир Трусов. «По натуре гуманитарий...»..... 213

Кристина Ашуркова. Океан.....	218
Иван Нечипорук. «Алтыном почерневшим жизнь моя...».....	222
Анатолий Арестов. В погоне.....	225
Людмила Межиньш. «Я из мира серебряных птиц...».....	229
Виталий Кузнецов. Фауст.....	232
К 100-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ	
Мария Серова. Произведения В. Д. Поленова из коллекции ТОХМ.....	237
Зоя Скопинцева. Музей моего сердца.....	244
Марина Кузина. Музейные истории.....	248
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Яков Шафран. Герой и романтик морских глубин.....	255
Евгений Трещев. «Мой костер в тумане светит».....	268
Николай Тимохин. «Во всех тональностях пускай играет счастье».....	271
Владимир Сапожников. Лирический герой Олега Пантюхина.....	274
Кнарник Хартавакян. «И сердце и строка».....	278
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	
(Материалы авторов и об авторах: Валерий Демидов, Ефим Гаммер, Михаил Смирнов, Евгений Трещев, Алексей Яшин, Яков Шафран, Роман Тишковский, Леонид Ханбеков, Сергей Сенин, Евгений Скоблов, Нина Гаврилова, Анна Барсова, Александр Пономарев, Валерий Савостьянов, Игорь Карлов).....	
	289

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) —
зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) —
зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам.
председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск,
Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом
критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный
президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немага литературная»
(Минск, Белоруссия)
— «Общеписательская литературная газета»
(Москва)
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульского госуниверситета.

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета:
<http://www.pz.tula.ru> (в PDF формате).

См. также на сайте «Русское поле»:

<http://priokskie.ruspole.info> и на сайте

«Megalit: евразийский журнальный портал»:
<http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори»

публикуется в электронном виде на сайтах:

<http://www.pz.tula.ru/pz.Bgr.html>,

<http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html> и

<http://priokskie.ruspole.info>

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов:

<http://журнальныймир.pdf/hurnaly/priokskie-zori>

<http://журнальныймир.pdf/hurnaly/kovcheg>

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и

«Ковчег» в Фэйсбуке:

<https://www.facebook.com/PRIOKZOR12017/>

<https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts>

© «Приокские зори», 2019

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

**ЗАКОНЧЕННОСТЬ ФОРМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ —
НА ПРИМЕРЕ «ВОСПОМИНАНИЯ» ПУШКИНА**
К завершению юбилейного года 220-летия
Александра Сергеевича Пушкина

*Между силою бессознательного творчества,
тем, что мы называем «гением», с одной стороны,
и силою сознания, ума — с другой, существуют раз-
личные степени соразмерности, согласованности,
точно так же, как между физическим объемом те-
ла, ростом человека и его мускульною силою.*

Д. С. Мережковский. «Л. Толстой и Достоевский»

*В реалисте вера не от чуда рождается, а чудо
от веры.*

Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»

◆ На памятнике тысячелетия России в Новгороде Великом русская литература XIX века — столетия ее всемирного феномена! — представлена Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем. Юбилей любого из них, даже не очень «круглый», есть событие для нашей литературной жизни. Но все же Александр Сергеевич *ipso facto** был и есть первой литературной любовью России, и не то что его юбилейные даты, но каждое шестого июня — праздник русской словесности... даже сейчас, в наступившую суконно-цинковую эпоху глобализации с ее всемирным расчеловечиванием, обращением некогда мыслящего социума в *человейник* (термин АА. Зиновьева) — роботизированный придаток Молоха глобализации с качествами *умозамещения* и *цифрофрениии* — это уже наше словотворчество...

Но еще жива осязаемо память о великой русской литературе XIX — начала XX веков, традиции которой почти на все прошлое столетие продолжила литература советская! И мы сочли возможным посвятить 220-летию Пушкина в этом году две «Колонки главного редактора»: во втором номере нашего журнала — о таланте и гении, как высших формах реализации интуитивно-художественного познания (об этом напоминает и эпитафия из Д. С. Мережковского — см. выше), и здесь, в завершающем юбилейный пушкинский год выпуске «Приокских зорь». Отсюда и второй эпитафия, из «Братьев Карамазовых» — прямое отношение к теме настоящей «Колонки», ибо в литературе законченность формы художественной мысли есть подлинное чудо, а рождается оно от веры в свое высокое предназначение «сеять разумное, доброе, вечное»...

* В силу одного этого, само по себе (лат.)

Сразу отметим, что мысль представить содержание «Колонки» развитием вроде как сугубо литературоведческой темы, хотя это сходство только внешнее — внимательный читатель тотчас поймет, — возникла у нас не сиюминутно, что называется, «к юбилею», к дате, хотя бы мы и не относимся к «датским» сочинителям. Просто к факторам ужасающего падения качества современной художественной литературы, как-то: засоренность русского языка жаргоном, американизмами и вообще вопиющая безграмотность, мелкотемье, отсутствие (и нежелание этому учиться!) элементарных знаний в части теории литературного творчества, особенно в поэзии, и так далее, относится пренебрежение *к работе над законченностью формы* создаваемого произведения. А если сюда добавить практическую ликвидацию (особенно в «самиздатовских» книгах, а это почти 100 % из числа издаваемых!) институтов профессиональных редакторов и корректоров, то и имеет, что имеем...

Ради бога, не подумайте, уважаемые авторы «Приокских зорь», что мы вас упрекаем во всех — вышеперечисленных — грехах литературных! Тем более, что у нас в журнале отбор произведений для публикации ведут квалифицированные сотрудники, то же самое можно сказать о редакции и корректуре, которые мы сохранили от старых традиций. Но все же прочтите, авторы и читатели «ПЗ», нижеследующий материал: как бережно и трепетно относился гений русской литературы к законченности формы своих стихотворений — на примере «Воспоминания»; а пример этот давно стал классикой подобного анализа. И в дополнение — как в том же ключе работал над повестью «Три года» А. П. Чехов.

...Коль скоро написанное нами суть литературно-публицистический очерк, но не сугубое литературоведение, то здесь (по правилам жанра) не предусмотрен список использованной литературы. Для анализа «Воспоминания», включая переписку Пушкина, мы использовали академическое ПСС А.С. Пушкина*; общая же методология исследования разработана нами в книге**.

Встречающиеся в тексте цитаты из (преимущественно литературоведческих и литературно-публицистических) работ Н. Г. Чернышевского, Б. В. Томашевского, Л. Н. Толстого, П. В. Анненкова, В. В. Вересаева, М. Еремина (я слушал его лекции в Литинституте...), В. Г. Белинского, Валерия Брюкова и Мирры Лохвицкой выверены по серьезным изданиям.

♦ Итак, нас интересует такой существенный вопрос интуитивно-художественного познания, как проблема законченности формы художественной мысли.

Именно здесь, решив этот вопрос, можно ответить: каков «масштаб» отношения художественного выражения к породившей его художественной мысли — соотношение художественно-интуитивного и логического в творческом познании. Приведем полный (критический) текст стихотворения; в черновых вариантах зачеркнуто Пушкиным.

а) Текст, включенный Пушкиным в издание:

- < 1> Когда для смертного умолкнет шумный день,
- < 2> И на немые стогны града
- < 3> Полупрозрачная наляжет ночи тень
- < 4> И сон, дневных трудов награда,
- < 5> В то время для меня влачатся в тишине

* Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 16 тт. Т. III (Кн. 1).— М.: Изд-во АН СССР, 1948; Т. III (Кн. 2).— М.: Изд-во АН СССР, 1949.

** Яшин А. А. Художественная эвристика (Роль чувственного познания в творчестве): Петровская академия наук и искусств.— Изд-во «Тульский полиграфист», 2001.— 411 с.

< 6> Часы томительного бденья;
 < 7> В бездействии ночном живей горят во мне
 < 8> Змеи сердечной угрызенья;
 < 9> Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
 <10> Теснится тяжких дум избыток;
 <11> Воспоминание безмолвно предо мной
 <12> Свой длинный развивает свиток;
 <13> И с отвращением читая жизнь мою,
 <14> Я трепещу и проклиная,
 <15> И горько жалуясь, и горько слезы лью,
 <16> Но строк печальных не смываю.

б) Продолжение стихотворения в рукописи:

<17> Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
 <18> В безумстве гибельной свободы,
 <19> В неволе, бедности, в гоненьи<?> [и] в степях
 <20> Мои утраченные [годы].
 <21> Я слышу вновь друзей предательский привет
 <22> На играх Вакха и Киприды,
 <23> Вновь сердцу наносит холодный свет
 <24> [Неотразимые обиды].
 <25> Я слышу жужжанье клеветы,
 <26> Решенья глупости лукавой
 <27> И шепот зависти и легкой суеты
 <28> Укор веселый и кровавый —
 <29> И нет отрады мне — и тихо предо мной
 <30> Встают два призрака младые,
 <31> Две тени милые — два данные судьбой
 <32> Мне ангела во дни былые —
 <33> Но оба с крыльями, и с пламенным мечом —
 <34> И стерегут — и мстят мне оба —
 <35> И оба говорят мне мертвым языком
 <36> О тайнах счастья и гроба.

в) Варианты (черновой автограф):

*
 Есть
 Давно день — и тихо ночь
 На стогны града.

*
 Умолкнул шумный день — и тихо налегла
 Немая ночь на стогны града
 Полупрозрачная нисходит с нею мгла
 И сон, дневных забот награда —
 ~~отрада~~
 Но сон меня бежит — влачатся в тишине
 Часы томительного бденья —
 грустно

~~И ~~грустью~~ бодрствую, живею~~ горят во мне
Змеи сердечной угрызенья —
Воспоминания

*

Умолкнул шумный день — и наступив <легла><?>
Немая ночь на стогны града
Полупрозрачная слетела с нею мгла
И сон, дневных трудов награда —
< 1> Когда умолкнет шумный день
(а) (б) (в)
< 2> И ~~от~~ прос...>вь на немые стогны града
< 3> Полупрозрачная наляжет ночи тень

~~елекает~~

~~нисходит~~

< 4> И сон, дневных трудов награда
< 5> В то время для меня влачатся в тишине
~~Все спит... Но для меня влачатся в тишине~~
< 6> Часы томительного бденья —
< 7> В ночном бездействии живею горят во мне
~~В безмолвии <ночном> живею горят во мне тоской~~
< 8> Змеи сердечной угрызенья —
< 9> Вся кровь кипит; в уме, подавленном тоской
~~В уме, ветревоженном тоской~~
<10> Теснится тяжких дум избыток

~~грустных~~

~~горьких~~

Воспоминания —

*

Воспоминание предо мной
Свой мрачный развивает свиток
~~Свой дл<инный>~~

*

Воспоминание печально предо мной
Свой длинный развивает свиток

*

Воспоминание — зачем ты предо мной
Свой длинный развиваешь свиток?

*

<11> Воспоминание безмолвно предо мной
<12> Свой долгий <?> развивает свиток

~~Свой мрачный~~

Читаю жизнь мою

~~Все в~~

И содрогаюсь и

И стону жалобно, слезы лью

Над строками

*

И я минувшую читаю жизнь мою
И трепещу и проклинаяю
И томно жалуясь и горько слезы лью
Но строк заветных не смываю —
печальных

*

<13> И с отвращением читая жизнь мою,
<14> Я трепещу и проклинаяю
<15> И горько жалуясь и горько слезы лью
~~И горько жалуясь — и слезы лью~~
< 16 > Но строк печальных не смываю!!!

*

Я вижу в праздности, в безумстве и пирах
Свою потопленную младость
~~Свою потопленную р<адость>~~

*

В изгнаныи, в бедности под стражей и в степях
< >
Я слышу жуужжанье клеветы
~~Я слышу клеветы жу<жжанье> (б)~~
~~Я слышу вновь жуужжанье клеветы (а)~~
Лукавый смех, надменный ропот
~~И вижу(а)~~
~~Я вижу(б)~~
~~Лукавый смех и го<рдый> ропот (в)~~
Измены гнусный шип и легкой суеты

*

<17> Я вижу в праздности, в неистовых пирах
~~Я вижу в праздности в раз<врате> и пирах~~
гибельной
<18> В безумстве ветренной свободы
<19> В неволе бедности, в гоненьи<?> [и] в степях
<20> Мои утраченные [годы]
~~Мои годы(а)~~
~~Мои потопленн<ые><годы> (б)~~

Я слышу жуужжанье клеветы
<нрзб>
[Измены шепот] смех лукавый
Решенья глупости и легкой суеты
~~Измены гнусный глас и хладной суеты (а)~~
~~Измены гнусный крик и легкой суеты (б)~~
Укор жестокой и кровавый —
И вновь

*

*Я слышу вновь друзей предательский привет
Мне сердце жгут его обиды —*

*

*Я слышу дружбы вновь предательский привет
На играх Вакха и Киприды
Вновь наносит легкой свет
Неотразимые обиды —*

*

*И дружбы слышу вновь предательский привет
Измену —*

*

*И дружбы слышу вновь предательский привет
Мне сердце жгут обиды
Мне вновь предательски <?> наносит холодный свет
~~Измену их мне вновь~~ (а)
~~И мне <прзб> наносит холодный свет~~ (б)
Свои обиды*

*

*<21> Я слышу вновь друзей предательский привет
<22> На играх Вакха и Киприды
<23> Вновь сердцу наносит холодный свет
<24> [Неотразимые обиды]
<25> Я слышу жуужжанье клеветы
<26> Решенья глупости лукавой
<27> И шепот зависти и легкой суеты
<28> Укор веселый и кровавый —
<29> И нет отрады мне — и тихо предо мной
~~И новую~~
<30> Встают два призрака младые
<31> Две тени милые — два данные судьбой
~~Две тени милые — и к давнему~~ (а)
~~Две тени милые — две данные судьбой~~ (б)
<32> Мне ангела во дни былые
~~Мне Генин во дни былые —~~
<33> Но оба с крыльями, и с пламенным мечом
~~Но оба с крыльями~~ (а)
~~И оба грозные и с пламенным мечом~~ (б)
<34> И стерегут — и мстят мне оба —
~~И стерегут — оба~~
И мертвую любовь питает их <?> огнем
~~И мертвую любовь сменила~~ (а)
~~— Неуга <сающая> злоба~~ (а)
И мертвую любовь их огнем (б)
И мертвую любовь своим огнем (в)
Неумирающая злоба*

*

и со мной идут одним путем

*

*И оба говорят мне внятным языком
О тайнах вечности и гроба*

*

<35> *И оба говорят мне мертвым языком*
<36> *О тайнах счастья и гроба*

Примечание: Стихотворение датируется согласно помете Пушкина: 19 мая 1828 года. Первая часть, как самостоятельное стихотворение, напечатана Пушкиным впервые в альманахе «Северные Цветы на 1829 год», СПб, 1828 г., С. 10 отд. «Поэзия». Без изменения вошло в «Стихотворения А. Пушкина», Ч. II, 1828, С. 127—128 (отд. стихотворений 1828 года). Вторая часть опубликована впервые Анненковым в первом томе «Материалов для биографии А. С. Пушкина» (1858 год). Некоторые варианты публиковались П. О. Морозовым (1903), Б. В. Томашевским (1928), М. А. Цявловским (1930), Н. В. Измайловым (1937). Под обозначением «Бессонница» записана Пушкиным в мае 1828 года в качестве темы для стихотворения. Под другим заголовком — «Бдение» — вошло в список стихотворений, предназначенных для издания, составленный в мае-июне 1828 года.

◆ Смысл этого стихотворения считается неясным до настоящего времени в том смысле, что исследователи творчества Пушкина не пришли к единому пониманию его. Эти расхождения дифференцируются по трем основным вопросам:

- о целостности стихотворения;
- о направленности авторской идеи;
- о степени конкретности образов (во 2-ой части стихотворения).

Каждый из исследователей подходил со своим мнением, причем акцентация здесь двоякая: во-первых, каждый в центр рассмотрения ставил, как правило, один из этих трех вопросов; во-вторых, акцентацию определяли литературные, философские и пр. взгляды исследователя (написанное выше — не апология права каждой литературоведческой школы, в данном случае на индивидуальность, а просто суммирует наше восприятие факта и причин расхождения во мнениях). Итак, вот наиболее известные воззрения.

П. В. Анненков, первый серьезный биограф Пушкина, объединил обе части стихотворения, считая, что только в таком виде оно будет являть характер целостности. Его поддержал Н. Г. Чернышевский: «...Первая половина напечатана еще при жизни Пушкина. Теперь эти две половины, соединенные через столько лет в одно стихотворение, представляет одну из лучших и характернейших лирических пьес Пушкина в том виде, как она создалась под пером его». В. В. Вересаев тоже считал, что стихотворение может быть правильно понято лишь в цельном виде, а раздельное чтение половинок многое оставляет неясным, недоговоренным. Б. В. Томашевский связывает первый и третий вопросы: «...ведь если Пушкин и отбросил этот конец по интимности, то эта интимность помешала ему его доработать. Кроме того, еще неизвестно, насколько основательна эта догадка об «интимности» как решающем поводе. Быть может, здесь играли роль и мотивы чисто эстетические: придание стихотворению большей сжатости, выразительности и общности путем устранения перечня личных воспоминаний».

По второму, важнейшему, вопросу об авторской идее, расхождения в оценке определяются комплексом субъективности восприятия. Лев Толстой не раз возвращался к «Воспоминанию», стихотворение глубоко трогало и волновало великого пропо-

ведника гуманизма. Строки его цитируются в «Анне Карениной», в предисловии же к «Воспоминаниям» Толстой дает оценку пушкинскому стихотворению, выделяя его нравственно-побуждающее начало: *«Во время невольной праздности-болезни — мысль моя все время обращалась к воспоминаниям, и эти воспоминания были ужасны. Я с величайшей силой испытал то, что говорит Пушкин в своем стихотворении «Воспоминание»».*

Анненков оттеняет момент угнетенности души поэта, вызванной последекабрьской реакцией, все усиливающейся разьединенностью Пушкина со столичным его окружением. Он пишет, что *«существование Пушкина делается порывистым и беспокойным»*, Пушкин утомлен столичной жизнью, он даже просится на войну, в открывшуюся против турок кампанию. Имена его друзей-декабристов под запретом, разговоры только об арестах, ссылках и обысках (Герцен). По мнению Анненкова, в «Воспоминании» отражение обстановки в стране преобладает над личным самочувствием поэта. Особняком стоит восприятие смысла «Воспоминания» В. В. Вересаевым. По отношению к ранее разобранным мнениям, но совершенно в «ключе Вересаева» (сравни с оценкой им Л. Толстого, Достоевского и Ницше в «Живой жизни»). У Вересаева философское обобщение преобладает над биографическим, интимным... Ибо это стихотворение — *«тоска олимпийского бога»*, бога, изгнанного за какую-то вину на землю, а не *«восстание совести, не горькое покаяние человека, стыдящегося неморальной своей жизни»*, и пр. По Вересаеву, этот изгнанный бог томится в тяжелой и темной земной жизни. Чувствуется, что и в характеристике «Воспоминания» Вересаев ориентируется на ницшеанскую философию искусства; во всяком случае, нельзя не отметить дух общности воззрений (сравни.: *«Искусство — а не мораль... как собственно метафизическая деятельность человека; в книге много раз повторяется необычное положение, что существование мира находит себе оправдание только как эстетический феномен!»* (выд. Ницше).

Дело вкуса — признавать или отвергать метод Ницше в философии искусства, но использование его в анализе лирического (конкретного) стихотворения дает (как это получилось у Вересаева) слишком общий и в то же время слишком субъективно-тенденциозный характер. Мы полагаем, прежде всего, что однострочная публикация всех 36 строк вряд ли возможна в обычных изданиях. Во-первых, это будет чтение стиха «с препятствием» на не доведенных даже до ритмической канвы 23, 24 и 25-ой строк; без сомнения, «обычный» читатель будет спотыкаться и на вопросах, квадратных скобках «подразумевания» в 19-ой и 20-ой строках. Все это сбивает с ясного, мерного такта пушкинского стиха, к которому (не литературовед, а обычный читатель) привыкает с детских лет. И если пушкинский стих всегда воспринимается с первого прочтения, то здесь это окажется невозможным. Но недоработанность второй части — следствие той причины, по которой Пушкин опубликовал лишь первые 16 строк стихотворения.

Почему? — Нет четкого представления о том, отличался ли Пушкин «официальной щепетильностью» или нет, избегал ли он в публикуемых произведениях касаться интимных сторон своей жизни, высказываться более или менее прямо в характеристиках конкретных лиц, либо нет? Более, пожалуй, склоняюсь к первому: слишком многое говорит за то, что наш великий поэт был прям и искренен в общих (патриотических, поэтических и пр.) высказываниях, но (в силу ли черт характера, тревожной жизни поэта — неустойчивости его положения в свете, при дворе... и миллиона других причин) часто лукавил, либо просто остерегался всего конкретного, действуя по принципу: лучше молчать, чаще говорить неподцензурно в своем близком кругу, но не переводить в оттиснутые литеры строчки. Керн он посвящал божественное, об-

вораживающее «Я помню чудное мгновенье...»), однако хорошо известно, как он отзывался о ней же в частных письмах. Не публиковал он, естественно, эпиграмм и рискованных стихотворений со слишком прозрачными намеками; здесь был ему в самом начале поэтической жизни преподан суровый урок. Известно, сколь дорого обошлись поэту эпиграммы 1819 года на Аракчеева и Фотия.— Поневоле такие уроки приучат маневрировать и четко разделять: что печатать, а что оставлять в письменном столе, либо в ушах избранных друзей. Но несомненно и присутствие в его характере определенных наследственных черт осторожности в высказываниях. Отрицать это было бы нелепым; ибо такое было время, такая наследственность и такая страна, хоть и управляемая «самым элегантным и самым просвещенным» русским монархом, который и в Париже был парижанином, и в Вене венцем (речь, понятно, идет о времени правления Александра I). Итак, Пушкин не стал публиковать, а по той причине и дорабатывать (?! — это тоже о многом говорит, если совсем уж тщательно копаться в тонкостях пушкинского характера...) вторую часть «Воспоминания» по причинам, изложенным выше. Это, понятно, не ново, вернее, совпадает с господствующими в пушкиноведении воззрениями; во всяком случае, в части выводов.

Но чем больше вдумываешься в смысл стихотворения, тем более кажется, что Пушкин, как человек с тонким художественным чувством, даже при вдруг почему-то случившемся «порто-франко» в подцензурной совести и душе, не стал бы публиковать вторую часть. И щекотливое положение с упоминанием слишком конкретных «двух данных судьбой» ангелов, конечно, осознанно послужило поводом для отсечения последних 20 строк от публикуемого стихотворения. Возможно, что он активным сознанием и представлял все это дело так (?) — Но бессознательное, первородное художественное чувство, которое, в конечном счете, и «решает»: хорошо или нехорошо, нравится — не нравится,— сработало в смысле: первые 16 строк — хорошо, все 36 строк вместе — нехорошо. Еще раз повторяю: вполне возможно, что сам Пушкин так и не думал, а думало, как сейчас принято говорить, «подсознание».

♦ Причина же следующая. При всей кажущейся цельности стихотворения, построенного по схеме: <1—16 строки; с философским, психологическим подтекстом, глубокое по мысли лирическое воспоминание-отражение> → <17—36 строки; развертывание темы первой части в плане воспоминания собственно личных невзгод жизни и воспоминания о некогда «стерегущих», а ныне — «мстящих», здесь, в стихотворении, мистифицированных образах>,— при всем этом нас не покидает сомнение в снижении художественности лирического обобщения во второй части, вернее, в том смысле, что прочтенное целиком стихотворение уступает по впечатляемости прочтению только первых 16-ти строк. Как «лирическое восклицание» — первая часть есть законченное стихотворение; присоединение 2-й части усиливает дидактический момент, что несвойственно вообще поэзии Пушкина. Очевидно, автор «Воспоминания» (не знаю, в осознанном ли, в подсознательном ли акте) оказался гораздо «холоднее рассудком», чем все его позднейшие комментаторы, разделив задуманное стихотворение на два самостоятельных, хотя очень близко стоящих друг к другу, стихотворения: первое из них «Воспоминание», состоящее из первых 16-ти строк: лирико-философское размышление; второе (17—36 строки текста) — лирическая жалоба-воспоминание о тяготах жизни полуопального поэта, о бывших в его жизни «ангелах»-заступниках. И, как когда-то писали в «Литературной газете», «Если бы я был директором», да еще Александр Сергеевич окончательно доработал бы 17—36 строки, то печатал бы обе части следом друг за другом под названием: «Воспоминание» и [«Продолжение воспоминания»].

Кстати, в литературоведении принято сопоставлять «Воспоминание» с «Думой»

Лермонтова, написанной десятью годами позже (в 1838 году). Так вот, сопоставлять-то можно только как раз первую часть, что лишний раз подтверждает приведенные выше рассуждения. И окончание «Думы»:

*И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.*

«Обобщение-вывод» по всему стихотворению равно читаем, как такое же отношение 13—16 строк к первой части «Воспоминания». Лермонтов, в отличие от Пушкина, не колебался в придании «Думам» дописка в форме лирически выраженной жалобы на личные невзгоды. Это и понятно: можно вполне утверждать, зная Лермонтова, как поэта с гораздо большей степенью рассудочности, одновременно — с не меньшим поэтическим, лирическим дарованием, чем у Пушкина. Вот этот «умный холеризм» Лермонтова и не позволил внутренне побуждать себя к дидактическому, «лично-Я»-лирическому продолжению «Дум».

Теперь от схоластического толкования «единства и разобщенности» перейдем к собственно стихотворению. Не может быть сомнения в том, что и личные, и общественные невзгоды отразились в лирическом восклицании «Воспоминания». В государстве уже сидел на монаршем престоле еще не отошедший от испуга декабрьского восстания, с наливающимися краснотой гнева щеками, император Николай Павлович. В России был исторически первый (явно осознаваемый граждански-мыслящей частью населения государства) период реакции — явления исторически закономерного, но субъективно усиленного неприятными чертами характера Николая I (см., например, главу «Николай Первый» в книге Г. Чулкова «Императоры. Опыт психологического портрета»).

«Свои восстали против своих» — отсюда и тот тридцатилетний резонанс на все время правления Николая Первого. Двусмысленность положения Пушкина, певца, который один остался в живых. Всех других певцов разметали волны монаршего гнева. Со временем, конечно, ощущение трагизма утихло, но тогда, три года спустя, оно было довлеющим в душе поэта.

«Воспоминание» датировано 19 мая 1828 года. Каково было внутреннее состояние Пушкина около этого времени? — Ответ могли бы дать письма, но они редки в этом (28-м) году, а особенно мало их в период, к которому относится написание стихотворения. Но даже и существующая переписка очень мало дает; очевидно, и поэт, и его корреспонденты остерегались откровенничать в это время даже в частной переписке. А может все его собеседники по письмам были в Сибири? Кроме того, ведь и не следует оболщаться на счет эпистолярного наследия Пушкина. И то, что можно почерпнуть из 40 томов писем Л. Толстого, корреспондентом которого был весь мир, того нельзя прочесть в записках Пушкина к приятелям, друзьям, до которых всегда можно было доехать на извозчике, и в редких письмах к лицам, отдаленным несколько большими расстояниями.

Итак, неофициальная переписка поэта: 1 мая 1828 года он получает большое письмо от графа М. Ригги, в котором тот присылает свой французский перевод стихов Державина и пушкинского «Пророка». Следующее письмо, имеющее отношение к Пушкину, — записка князя П. А. Вяземского Оленину от 21 мая, где он предлагает устроить «прощальный пикник» в связи со своим отъездом в Царское Село. И на той записке помета Пушкина: «*Читал Пушкин и лапку приложил*». Менее обескураживает следующее (по времени) известное письмо Пушкина — послание в стихах Н. М. Языкову из СПб в Дерпт, 14 июня 1828 года:

*К тебе собирался я давно
 В немецкий град тобой воспетый,
 С тобой попить, как пьют поэты,
 Тобой воспетое вино.
 Уж зазывал меня с собою
 Тобой воспетый Киселев,
 И я с веселою душою
 Оставить был совсем готов
 Неволю Невских берегов —
 И что ж? Гербовые заботы
 Схватили за полы меня
 И на Неве, хоть без охоты,
 Окованным остался я.
 Ах, юность, юность удалая!
 Могу ль тебя не пожалеть?
 В долгах, бывало, утопая,
 Заимодавцев избегая,
 Готов я всюду был лететь;
 Теперь докучно посещаю
 Своих ленивых должников
 И тяжесть денег и годов,
 Остепенившись, проклиная.*

*Прости, Певец! играй, пируй,
 С Кипридой, Фебом торжествуй,
 Не знай ни скуки, ни жеманства,
 Не знай любезных должников
 И не плати своих долгов
 По праву русского дворянства.*

Стихов, ради бога стихов! Душа просит. Прости, желал бы сказать до свидания».

Следующее письмо М. П. Погодину от 1 июля; начало его:

«Простите мне долгое мое молчание, любезный Михайло Петрович; право, всякий день упрекал я себя в неизвинительной лени, всякий день собирался к Вам писать и все не собрался». Далее несколько малозначащих записок, и от 1 сентября чрезвычайно занимательное письмо к князю Вяземскому (из него уясняется степень приятельских отношений и взаимодоверия между писателями):

<в первой половине письма>:

«Благодарствуй за письмо — оно застало меня посреди хлопот и неприятностей всякого рода...».

<во второй половине письма>:

«Мне навязалась... на шею преглупая шутка. До прав<ительства> дошла, наконец, Гавриилиада; приписывают ее мне; донесли на меня, и я отвечаю за чужие проказы, если кн. Дм<итрий> Горчаков не явится с того света отстаивать право на свою собственность. Это да будет между нами».

(В подстрочном примечании к исходной публикации пояснено, что последние пять слов написаны по полю, вдоль отчеркнутых предыдущих строк: *Мне навязалась ~ свою собственность*).

Вот и вся неофициальная переписка Пушкина около момента написания «Воспоминания».

Что мы из нее почерпываем: во-первых, поэт старался (как и всегда) по мере необходимости «рассеиваться» в «дружеских пирушках»; это было особенно ему нужно в столь тяжелое морально для него время (записка Вяземского). Многозначительно письмо Языкову: можно видеть и подтекст. Во всяком случае, из него видно: поэту невмочь оставаться в Петербурге и он рад бы его покинуть, но многое тому помехой... (Лично нам не совсем ясны «гербовые заботы» Пушкина).

◆ Если и доискиваться особого, скрытого смысла в этом стихотворном послании, то следует обратить внимание на выделенные пять строчек: их можно толковать как своего рода переоценку ценностей в мировоззрении поэта, совпавшую (и стимулированную, конечно) с декабрьским переломом России и началом долгих годов реакции. Так что эти строки подтверждают: действительно, поэт в этот период (написания «Воспоминания») переживал нелегкую пору, когда тяготы личной и общественной жизни в государстве мучительно тревожили душу, не давая ей покоя. Отсюда и возвращение к образам прошлого, воспоминание и оценка всей предыдущей жизни. Поэт переживает глубокую депрессию, которую сам называет «непозволительной ленью» (в записке М. П. Погодину); депрессию — внешним признаком которой является глубочайшая апатия. Может, поэтому поэт так мало пишет в это время?

Следующее письмо (кн. Вяземскому) — иллюстрация одной из тех бед, которые в личном плане обрушились одновременно на Пушкина. Речь идет о раскрытии, пока в слухах, авторства «Гаврилиады». Известно, чем бы грозило раскрытие этого авторства, если через 60 лет по поводу схожего по сюжету стихотворения К. М. Фофанова «Таинство любви» дело дошло до доклада Победоносцева Александру III и до закрытия напечатавшего стихотворения журнала! А ведь оно было куда «наивнее» «Гаврилиады»... Кстати, детское конспирирование в письмах вряд ли упрощало взаимоотношение поэта с Третьим отделением и Святейшим Синодом. Так что, хотя мы и говорили об осторожности Пушкина, не следует ее понимать как искусство. Это все же была осторожность поэта, «осторожника-любителя»...

Исследователи «Воспоминания» отмечают метания Пушкина в это время, время написания стихотворения. Из рассмотрения писем этого периода видно, как тяготила его жизнь в Петербурге. В попытках хоть как-то вырваться из замкнутого кольца такой жизни (а просто вырваться он не может — ведь поэт чиновник, придворный), Пушкин, используя начало русско-турецкой войны 1828 года, пытается уехать хотя бы туда, принять участие в случившейся кампании. При этом поэт проявляет известное упорство и целеустремленность. Он пишет один раз Бенкендорфу. В случившейся неудаче у него не опускаются руки и он снова пишет (письмо от 18 апреля 1828):

*«Милостивый государь
Александр Христофорович!*

По приказанию Вашего превосходительства, являлся я сегодня к Вам, дабы узнать решительно свое назначение, но меня не хотели пустить и позволить мне дожидаться. Извините, Ваше превосходительство, если вновь осмеливаюсь Вам докучать, но судьба моя в Ваших руках, и Ваша неизменная снисходительность ободряет мою нескромность. С истинным, глубочайшим почтением и сердечной преданностью, честь имею быть

*Вашего превосходительства
милостивый государь
покорнейшим слугою,
Александр Пушкин».*

Ответ Бенкендорфа от 20 апреля — отрицательный и к тому же стандартный, сравн. с ответом на подобное же прошение князя П. А. Вяземского. Как раз последнее могло бы навести на мысль, что письмо Пушкина об отправке его на турецкий фронт было обычной «великосветской позой», своего рода «вежливостью придворного патриотизма» (раз уж с подобными просьбами обратились и многие другие, и у Бенкендорфа был выработан даже стереотипный ответ). Но ответное письмо Пушкина на письмо Бенкендорфа с отказом, к счастью, отрицает эту мысль; чувствуется, что поэт хватается за любой повод уехать из Петербурга и как можно подальше. Вот это письмо от 21 апреля:

*«Милостивый государь
Александр Христофорович!*

Искренне сожалея, что желания мои не могли быть исполнены, с благоговением приемлю решение государя императора и приношу сердечную благодарность Вашему превосходительству за снисходительное Ваше обо мне ходатайство.

Так как следующие 6 или 7 месяцев я вероятно в бездействии, то желал бы провести это время в Париже, что, может быть, впоследствии мне уже не удастся. Если Ваше превосходительство соизволите мне испросить от государя сие драгоценное дозволение, то Вы мне сделаете новое, истинное благодеяние.

Пользуюсь сим последним случаем, дабы испросить от Вашего превосходительства подтверждения данного мне Вами на словах позволения: вновь издать раз уже напечатанные стихотворения мои. Вновь поручая судьбу мою великодушному Вашему ходатайству, с глубочайшим почтением, совершенной преданностию и сердечной благодарностию, честь имею

*быть милостивый государь
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин».*

И действительно, если бы даже Пушкин мог написать ура-патриотическое (из придворной вежливости) письмо об отправке его на фронт, то это отрицается цитированным выше письмом к Бенкендорфу, а также вообще пушкинским взглядом на «восточный вопрос». Что-что, а здесь поэт не был ура-патриотом. Так, М. Еремин пишет, в связи с характеристикой публицистической деятельности Пушкина и его отношением к колонизации Кавказа в 30-х годах: *«На первый взгляд пушкинская постановка кавказского вопроса принципиально ничем не отличалась от обычной, общепринятой в печати (от официозной «Северной пчелы» до «Московского наблюдателя»). Пушкин как будто бы в полном согласии с официально-правительственной политикой предлагает проповедовать христианство, противопоставив его магометанству. Но главное в пушкинском освещении кавказской темы не в предложении каких-бы то ни было проектов, а в тех реалистических зарисовках, в которых раскрывалась сущность колониальной политики царского правительства на Кавказе».* Сравните эту уклончивость Пушкина, например, с конкретно-прямыми государственно-чиновническими требованиями «проливов и Константинополя» для России в «Дневниках писателя» Ф. М. Достоевского. Вообще, Пушкин был великий хитрец — истинное дитя своего времени и своего, со времен Ганнибала, рода. Итак, по переписке Пушкина около времени написания «Воспоминания»: безо всякого сомнения налицо мятущаяся, душевно-взбудораженная, выбитая из всякой колеи спокойствия (при внешней, порой и частой, невозмутимости) жизнь поэта. На него давят и личные не-

взгоды, и обстановка в Петербурге, в кругу, где он принуждаем вращаться, жить и даже изворачиваться, чтобы хоть как-то жить более свободно, чем в «царско-придворной» ссылке под опекой государя и Бенкендорфа. Уже этого достаточно, чтобы побудить к отчаянию и жалобе поэта в «Воспоминании».

♦ *Обычный обман*: когда читаешь стихи Пушкина, то с трудом можно поверить тому, что окончательному тексту предшествовала упорная, напряженная черновая работа. Действительно: 36 строкам текста «Воспоминания» предшествовало 126(!) строк чернового текста (см. варианты выше). Да это и понятно: только так, говоря словами Маяковского, и может быть отыскан «радий» истинной поэзии стиха, глубокого смыслом, легко читаемого, того, что запоминается с первого прочтения, стиха эмоционально насыщенного, высокого образца лирической поэзии, что и есть пушкинское «Воспоминание». Тот факт, что Пушкину стих давался нелегко в смысле «облекания идеи в форму» (вспомните пресловутый миф о «легкости» есенинского письма...), критика отмечала уже давно. Первым наиболее четко выразил это хотя и злой, но справедливый во многом Писарев: «...*Весь остов поэтического произведения подвергается во время работы очень значительным и глубоким видоизменениям... Поэт, как плохой портной, кроит и перекраивает, урезывает и приставляет, шивает и утюжит до тех пор, пока не получится в окончательном результате нечто правдоподобное и благообразное. Желающие могут найти в «Материалах для биографии Пушкина», собранных Анненковым, многочисленные примеры той черновой работы, посредством которой Пушкин втискивал придуманную мысль в придуманную форму»* (в статье «Пушкин и Белинский»).

Начальная строка стихотворения удалась только в четвертом варианте и, в среднем, три-четыре варианта предшествовало каждой строке стихотворения. И все это направлено именно на втискивание точной мысли в адекватное, эмоционально-окрашенное, благозвучное слово и строку. *Пример*: в варианте 4-ой строки первоначальное «отрада» заменяется на более точное, емкое «награда». В вариантах 3-ей строки поочередно сменяют друг друга: нисходит — слетает — наляжет; в последнем и точность, и поэтическая емкость. В этом смысле следует отметить изменения в вариантах 7, 9, 10, 12, 18, 20, 32, 34 и 35 строк. В вариантах 17-ой строки наблюдаем несколько другое устремление поэта: он ставит вместо преувеличенного: «Я вижу в праздности, в раз<врате> и пирах», более смягченные и неакцентирующие на резкости самобичевания строки: «Я вижу в праздности, в неистовых пирах». Иногда поэт возвращается после раздумий к первоначальному варианту строки; так, в 31 строке после неудачного «Две тени милые — и к дав<нему>», он записывает: «Две тени милые — две данные судьбой», зачеркивает и это, почему-либо не удовлетворявшее его, но в окончательном варианте все же возвращается к второй записи. Особенно нелегко дались Пушкину последние (31—36) строки, где он наиболее четко старался обрисовать сущность роли «двух ангелов» в его жизни, и роли, судя по всему немалой, раз они постоянно являются в воспоминаниях поэту.

А поэтико-стилистической правке подверглись все, почти без исключения, строки стихотворения (см. анализ выше). Только в таком черновом труде и смог Пушкин достичь вершин поэзии. Кстати, поэт сам прекрасно представлял: к чему он стремится в искусстве стиха, недаром образ Киприды (Афродиты) столь частый гость в его лирических произведениях. И здесь, в «Воспоминаниях», он слышит «друзей предательский привет на играх Вакха и Киприды». — «С Кипридой, Фебом торжествуй», — пишет он Н. М. Языкову в цитированном выше стихотворном письме. Белинский подтверждает право Пушкина на пояс Киприды в русской поэзии: «*Чтоб выразить всю силу неотразимого влияния на душу и сердце человека поэзии Гомера, греки гово-*

рили, что он похитил пояс Афродиты... Пушкин первый из русских поэтов овладел поясом Киприды. Не только стих, но каждое ощущение, каждое чувство, каждая мысль, каждая картина исполнена у него невыразимой поэзии» («Сочинения Александра Пушкина», ст. 5-я).

На примере «Воспоминания» мы можем понять, каким трудом давался этот пояс, этот вольный, философски-содержательный и глубоко лирический строй Пушкину.

◆ *Следующий раздел нашего анализа.* Имеет смысл вспомнить о той роли философии, которую усиливал Викентий Викентьевич Вересаев в своей книге «В двух планах». Здесь же речь пойдет о близком, но другом. А именно, об общей «философской тональности» «Воспоминания». Н. Л. Степанов в книге «Лирика Пушкина» отмечает, что в поэтическом языке стихотворения сильно чувствуется влияние философии, а также, сказали бы мы, языка, «терминологии» философии пророка Экклезиаста. Далее Степанов отмечает, что при всем этом «философия Экклезиаста чужда Пушкину». Однако это не совсем так, и не следует ограничиваться в анализе «Воспоминания» только голым отрицанием. Действительно, пессимистические мотивы философии Экклезиаста пронизывают «Воспоминание»; есть строки в первой части стихотворения, очень созвучные по мысли и слогу с текстом книги библейского проповедника:

*«влачатся в тишине часы томительного бденья»,
«в уме, подавленном тоской»,
«и с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуюсь,
и горько слезы лью».*

Но особенно это относится к тексту и всему духу последних 17—36 строк. Не будем кропотливо выискивать попарного сопоставления строк «Воспоминания» и стихов книги Экклезиаста, просто для иллюстрации выпишем эти стихи:

— «Суета сует, сказал Экклезиаст, суета сует, — все суета! (Эккл., 1.2).

— «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, — и нет ничего нового под солнцем» (Эккл., 1.9).

— «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа» (Эккл., 1.14).

— «И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это — томление духа; потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания — умножает скорбь» (Эккл., 1.17, 18).

— «Сказал я в сердце моем: дай, испытаю я тебя весельем, и насладись добром, но и это — суета!» (Эккл., 2.1).

— «Вздумал я в сердце моем услаждать вином тело мое и, между тем как сердце мое руководилось мудростью, придерживаться и глупости, доколе не увижу, что хорошо для сынов человеческих, что должны они были бы делать под небом в немногие дни жизни своей» (Эккл., 2.3).

— «И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот все — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!» (Эккл., 2.11).

— «И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо все — суета и томление духа!» (Эккл., 2.17).

— «Потому что все дни его — скорби, и его труды — беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя, и это — суета» (Эккл., 2.23).

— «Еще видел я под солнцем: место суда, а там — беззаконие; место правды, а там — неправда» (Эккл., 3.16).

— «Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть. И это — суета и томление духа! (Эккл., 4.4).

— «Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше» (Эккл., 7.3).

— «Сердце мудрых — в доме плача, а сердце глупых — в доме веселья» (Эккл., 7.4).

— «Не говори: «отчего это прежние дни были лучше нынешних?», потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом» (Эккл., 7.10).

— «...И нашел я, что горьче смерти женщина, потому что она сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею» (Эккл., 7.26)*.

— «Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости» (Эккл., 9.10)**

Мы специально привели эти выписки, выбранные из всего текста книги Проповедника, чтобы более убедительно показать именно связь, а не простое литературно-фразовое совпадение с ней текста «Воспоминания». Философия Экклезиаста в основе своей пессимистическая и в некотором смысле в ней следует видеть предшественницу этического учения Шопенгауэра. Но дело в том, что учение Экклезиаста — это пессимизм, еще не переросший в ортодоксальную систему, в следующую, уже философски оформленную систему скептицизма, что наблюдаем у Артура Шопенгауэра и его последователей: Гартмана, Ницше, Фридриха Паульсена. А пессимизм в этике — неотъемлемая часть мировоззрения поэтически мыслящей личности; намного позже это концентрированно выразили символисты: «Уделом поэта и было, и будет — страдание» [Мирра Лохвицкая]; «И помни: от века из терний поэта заветный венок» [Вал. Брюсов]. Чем она вызвана? — трудно однозначно ответить: тут следует учитывать, наверное, и извечный конфликт поэта с людьми, явления «запаздывания признания идей поэта», и психологический комплекс художественной личности и пр. — словом все то, что от века называется различными терминами, но суть есть некий «парнасский комплекс» поэта.

И вот в «Воспоминании» очень ярко проявилось это двуединство поэзии Пушкина: его личный, здоровый поэтический оптимизм («Но строк печальных не смываю») и извечный налет пессимизма, усиленный той массой невзгод, что обрушилась на поэта в пору написания стихотворения, да еще к этому обостренное ощущение проходящей жизни, воссоздание живой и отчетливой картины печальных, мало радующих поэта воспоминаний. И третий аспект отметим. Не следует забывать при всех этих отвлеченных рассуждениях, что автор «Воспоминания» — прежде всего поэт. И порой мы часто ищем философское обоснование там, где автор менее всего о нем и помышлял, беря библейские образы («Свой длинный развивает свиток», «два данные судьбой мне ангела во дни былые — но оба с крыльями, и с пламенным мечом...» и пр.) лишь для образной поэтизации. Таково, очевидно, соотношение самой личности поэта, выражающей свое «Я» в стихотворении, и философски-пессимистической окраски произведения.

Кстати о стихотворениях, написанных около времени появления «Воспоминания». Это: «В. С. Филимонову при получении поэмы его «Дурацкий колпак», «*To Dawe*,

* Соотнесите со строками 29—34, — явление «двух ангелов милых».

** Соотнесите одновременно со строками 15—16 и 35—36.

esqr», «Ты и вы», «Дар напрасный, дар случайный». Из все них по духу близок к «Воспоминанию» «Дар напрасный...»:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

.....
*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

(26 мая 1828 года)

Написанное (датированное) семью днями позднее, это стихотворение созвучно с «Воспоминанием» и прекрасно подтверждает все рассуждения о трагедийности духовной жизни поэта в тот период.

В «Воспоминании» поэтом достигнут величайший симбиоз глубоко переживаемого личного чувства и высокой лиричности поэзии. Здесь ничего нельзя добавить к словам Белинского: «*Лирические произведения Пушкина в особенности подтверждают нашу мысль о его личности. Чувство, лежащее в их основании, всегда так тихо и кротко, несмотря на его глубокость, и вместе с тем так человечно, гуманно (выд. Белинским — А. Я.)! И оно всегда проявляется у него в форме, столь художнически-спокойной, столь грациозной!*». Коль скоро речь зашла об отзывах наших русских критиков о лирике поэта, где затрагиваются личные моменты (это значит и о стихотворении «Воспоминание»), то следует привести и высказывание Писарева, а именно: «*В так называемом великом поэте я показал моим читателям легкомысленного версификатора, окутанного мелкими предрассудками, погруженного в созерцание мелких личных ощущений и совершенно неспособного понимать великие общественные и философские вопросы нашего века.*»

Ну, что ж! Все имеет свой смысл, и любое высказывание, даже детский лепет, тем более следует принимать во внимание отзыв столь значительного ума, каким был Писарев. Ведь нужно понимать и его: это был, пожалуй, первый человек в русской литературе, который понял, что в эпоху второй половины века следует расстаться с мильми сердцу надеждами «века просвещения» и его сына — 10-х—30-х годов XIX века о примате мира духовного над прозой жизни, расстаться с мыслью о «перевоспитании нравственно» мира печатным словом гуманной литературы. Он ощутил холодное дыхание прагматического века чистогана. И все понимается в сравнении: ведь и сам Пушкин устами Онегина «брал Гомера, Феокрита». Теперь же мы вновь, как ни в чем ни бывало, наслаждаемся как Гомером, так и Феокритом, а равно и... Пушкиным.

«Воспоминание» и по тематике, и по поэтическим средствам, использованным поэтом, примыкает к пушкинским элегиям. Ибо элегичность темы — раздумье, воспоминание, философски-поэтическое обобщение смысла прошедшей жизни; с другой стороны, в соответствии с темой стихотворение построено в элегическом ключе: замедленное поэтическое повествование шестистопного ямба нечетных строк. Сочетание же с 4-стопными четными строками не дает стиху «утонуть» в мерной растянутой ритмике и энергически оживляет стихотворение. При всем этом мерность, непрерывное течение, «развертывание свитка воспоминаний» достигается пунктуацион-

ным построением: так вся первая часть «Воспоминания» не разделяется на отдельные предложения. Все стихотворение не делится на строфы.

◆ В заключение кратко выскажем мнение о понятом смысле стихотворения и о «животрепещущем» противостоянии «личного» и «общественного» в этом произведении. Каждый человек представляет интерес, начнем мы фразой — не будь все упомянутого — Арцыбашева. И мысли каждого, если только человек этот не стандартизовался до уровня конвейерного придатка, сугубо индивидуальны и единично-неповторимы. И по всем законам человеческого бытия любую человеческую же особь тянет к размышлению-воспоминанию на фоне наступающей темноты ночи, приносящей и тишину, и прохладу, и освобождение от экклезиастовой «суеты сует» дня.

Примитивно можно толковать «Воспоминание» как продукт этой общечеловеческой потребности. Но Пушкин (будем для сокращения числа слов говорить без принятых эпитетов) — поэт, поэтому, во-первых, его воспоминание облекается по инерции ремесла (в высоком, конечно, смысле) в стихотворную форму, а во-вторых, и это главное, «Воспоминание» не есть, конечно, вдохновенный экспромт. Об этом говорит то, что за определенное время до написания стихотворения Пушкин уже имел мысль его, его идею, и даже записал в планах своих в качестве темы для будущего стихотворения. Хотя тема эта была им обдумана лишь начерно, в общем. Об этом можно судить по тому, как изменялись предполагаемые названия стихотворения: «Бдение» и др. (Ведь «Бдение» — это не «Воспоминание»?). Хотя еще раз отметим, общая идея вынашивалась поэтом задолго до облачения ее в известную нам форму стихотворения. «Воспоминание» — стихотворение перелома, раскаяния, осмысливания прошедших лет жизни. Поэта в образах воспоминания преследует комплекс моральных неудовлетворенностей. На фоне очистительной бури, только что пронесшейся над Россией, череда ничего хорошего не сулящих лет николаевской реакции, поэт вызывает из подсознания в активную память воспоминания о своей не совсем моральной, не совсем цельной и пр. жизни. Как и у всякой чувствительной художественной натуры, это самобичевание несколько, быть может, гипертрофировано, но воспоминания жгут чело поэта, вновь и вновь тревожат его душу. И не в силах держать это клокочущее в груди чувство, Пушкин, как любой человек художественной натуры, самовыражается в стихах, тем самым (по всем законам психологии) облегчая свою душу, снимая с себя груз терзающих его воспоминаний. Здесь, конечно, нет различия между «личным» и «общественным»; бесполезен и спор, который ведут исследователи: что есть примат: личные невзгоды над общественными, либо наоборот. Это уже схоластика, аристотелевское членение...

Человек — едино организованная живая система, восприятие его комплексно, тем более, когда он выражает состояние ума, души в художественном произведении, то поток высвобождающегося сознания никак не делится на остороженькие параллельные течения: мысль поэта, единая и цельная, материализуется в его стихе; и что есть душа поэта, то есть и его стиховыражение. Нет понятия «личного», «общественного», всякого «поту- и послестороннего» и пр., есть *особенность* организации художественного мышления, все остальное — форма. И как бы Пушкин ни написал «Воспоминание»: в форме ли «Я-излияния» (каким мы его знаем), в форме ли общегосударственного обличения, все было бы одно: в стихах спроецировалось мышление поэта, а истинный художник дает выход своему творчеству, укладывая бессознательно выработанное в форме логики, хотя бы затем, что читающим, спорящим, слушающим людям легче воспринимать произведение в логических формах, нежели в виде чистого потока сознания художника, хотя человек-художник с несравненно большим наслаждением воспринимает как раз последнее; потому-то,

например, чтение Джойса и Пруста, как род наслаждения, доступно далеко не всем. Но это к слову.

В целом, восприятие «Воспоминания» — как стихотворения-откровения, философского обобщения; причем, эти качества есть продукт живой связи личности Пушкина в конкретных условиях его жизни, неотделимой от истории государства и всей европейской цивилизации (тогда говорили только так, не был введен термин «мировая...»), ибо, во всяком случае, мир культурного европейца был замкнут в этой самой Европе). Отсюда также дополнительно ясно, почему «Воспоминание» берется как самостоятельное в его первых 16-ти строках. В дополнение к сказанному рассмотрим логически вытекающий из предыдущего вопрос о своего рода сюжетной предрасположенности художника. Наиболее характерен случай Чехова, а для Чехова наиболее показателен процесс работы над повестью «Три года».

♦ История написания повести «Три года» потому привлекает внимание исследователей психологии творчества, что это типичный для творческого мышления Чехова образец движения его художественной мысли: от задуманного эпического произведения — романа — к окончательной форме рассказа. И, кроме того, именно в «Трех годах» очень отчетливо видны «неубранные» следы романа.

Говоря о том или ином литераторе, человек со склонностью к дедуктивному анализу (а это изначально простая и естественная форма анализа, наиболее «человечная», можно сказать...) помимо всякой темы и логики беседы, монолога, мысли о произведении этого литератора, невольно, подсознательно относит его к поэтическому либо прозаическому жанру. Это первое, основополагающее для дальнейшего суждения деление. Действительно, поэзия и повествование, то есть проза в обширном смысле, не являясь ни в коем случае антагонистами, тем не менее четко определяют знак поэтического искусства автора: поэзия и проза — гора с двумя вершинами, в единстве их выросло четкое различие: как «+» и «-» одного и того же по природе электрического заряда. И определенно это однозначно: есть поэтическая натура, есть натура прозаическая; в переносном смысле употреблено. Некрасов с госпожой Панаевой написали два романа, но он поэт. Тургенев и Гамсун писали стихи, но они классики романа. Стихи писал Ибсен, но он драматург, не поэт. Даже Лев Толстой сочинил военно-вакхическую песнь и перелагал в «Азбуке» былины русским размером стиха. А представить поэтом Достоевского, Пруста, Беккета, Томаса Манна? А вот Арцыбашева можно представить поэтом типа «Шопенгауэра из подвала» (Федор Сологуб). Гёте писал стихами, но эпические произведения. Стихи писали такие «исконные» прозаики, как Эдгар По, Джеймс Джойс... Наконец, не так уж неблагозвучны и стихи литераторов-философов: Ницше, Шопенгауэра. Но равно в двух стихиях парить не дано никому: проза Пушкина суховата, это отстой, хотя бы и великолепный... как сливки, от поэзии. В русской литературе есть лишь одно исключение — Лермонтов, равно великий поэт и повествователь, впрочем, — и Федор Сологуб.

Второе деление уже более тонкого порядка, вот по его-то итогам и говорят утвердительно: тот-то великий новеллист, этот — исторический бытописатель, а вон тот — рассказчик за обеденным столом. И если поэтичность творчества отчасти коррелирует с поэтичностью природы, ее темпераментом, то второе деление выводит анализирующего на тонированную сумерками тропу психологии творчества, ее общих законов и особенностей. Так вот, Чехов — новеллист, и новеллист прежде всего; воздержимся говорить о его пьесах, это не входит в нашу задачу. Попробуем пофантазировать на вольную тему, разобраться в психологической подоплеке такого художественно-жанрового избрничества.

Художник слова, при всем многообразии индивидуальностей, лишь двойко, в конечном итоге, соопределяет процесс творчества: написания, выражения темы, мысли, сюжета,— и процесс изобретения: обобщения, выведения, анализа, *etc.* сюжета. Первая группа, вдохновляясь смутной пока еще идеей, старается тотчас запечатлеть ее на бумаге, сюжет же вырастает, как помощник обретения мысли, в процессе самого письма. Вторые же тщательно и предварительно обдумывают сюжет, может даже пишут планы, а после воплощают его с продуманной уже установкой, мыслью, идеологией, в форме художественного произведения. Третьему не быть, а если быть, то это фокус. Соответственно, первые — новеллисты, эссеисты, остро-сюжетные рассказчики, ибо тщательное обдумывание сюжета уже нивелирует его пики, сглаживает анекдотическую соль. Так, кстати, рождаются максимы, афоризмы — быстро! Вторые пишут прекрасные романы, повести. Понятно, что они же пишут и на моральные темы.

Новеллист, так упрощенно и суженно наречем авторов первой группы, размышляет и анализирует ничуть не меньше романиста (так упрощенно...). Но вся осново-различающая их суть в том-то и заключается, что романист вживается в мир фантазируемого его творческим мышлением героя, он привязывает его к себе намертво сюжетной линией, пока еще мертвого (как в известной римской казни убийцы — к слову) и носит, таскает на себе, пока не оживит художественным колдовством. Другое совсем дело новеллист: мысли его более эклектичны по итоговым, целевым, как сейчас говорят, устремлениям. Он не может представить, а, следовательно, и искать художественное самоутверждение в заранее задуманном и обдуманном сюжете. Мысли его о себе, человечестве вообще, о боге и о природе, о старшем дворнике Никифоре, о современной и прошлой политике, об уроках и футурологии истории прыгают, связываются в звенья, распадаются, комбинируются. Лихорадит. Натура такого художника более нервическая, возбудимая, а потому и маскирующаяся обычной методой: иронией и скепсисом. И вот, в какой-то цепи вроде случайных ассоциаций является нужная мысль. Она и проста на вид, до смешного примитивна, но творческое подсознание выбирает ее, именно в ней оно готово и может художественно выразить своего рода неосмысленное «творческое либидо», тоску по художественности выражения мысли. Все дальнейшее — творческий запой, напряжение озаренного ума. Тотчас сама по себе сплетается из звеньев цепь, а звенья-то, пустяшные и негодные по виду, давно собраны запасливым глазом, ухом, выдернуты из случайных мыслей и догадок. И нужно скорее записать на бумаге ли, в голове, пока не распалась цепь мыслей, ассоциаций. Вот отчего рассказ, новелла не содержат ничего лишнего: все в них полно и плотно, лишние сюжетные ходы и запасные идеи отсечены. Именно так рождается рассказ и новелла. А новелла, спасибо тому литературоведу, кто дал такое верное определение, по мыслям — роман, по содержанию — сама занимательность, по форме и объему — рассказ, притча. Так писал Чехов.

Но в душе каждого художника живет мысль о большом полотне, о романе. Все доводы за это; нужен роман, следует высказаться полностью и до конца. Не знаю, заблуждения ли это, истина или, может быть, некая патология художественно-образного мышления, вроде как каждый профессор должен быть с бородой, а каждый охотник застрелить волка, тигра, бекаса, ворону... смотря по возможностям. Но предельно четко представляется: что следует из начала, из желания писателя-новеллиста, писать роман, полотно. Почему-то, как на экране немого кино, это видится: обдумана *общая* сюжет-мысль; это уже главный путь к неудаче; художник-эпик обдумывает его в деталях, наоборот, может, пока еще не сознавая общей идеи, а новеллист — по отношению к романисту — антипод. С тем же лихорадящим творческим

возбуждением, с каким пишется первая фраза рассказа-новеллы, автор начинает эпопею. Но он заранее слегка остудил себя, понимая отчетливо, что единым запалом здесь многого не сотворишь. Хорошо представляешь это затягиваемое творческое возбуждение, вроде как оттягиваешь начало изысканного пиршества. Так и автор наш чувствует, обоняет радостный пир нового и желанного в мыслях давным-давно жанра творчества. Написано широкое эпическое начало. Импульс все еще будоражит, явства первые опробованы, дело движется: расставлены персонажи, сделаны все завязки, очерчены приблизительно и характеры. Есть терпение, есть интерес, есть радость творчества, работает фантазия, сюжет лепится, как сам по себе, и кажется, что будет виться и лепиться до победного: *vivat!! εντιχοξ!!*

Но однажды утром, после месяцев упорного труда, автор-новеллист теряет управление романом, правильное сказать, мысль его вышла из-под контроля, и автор встал в тупик; простой и детский вопрос видишь у него: а что я сказать-то хотел? Это конец эпопеи, ибо тощая корова пожрала корову тучную, и не в земле египетской, а на страницах рукописи. Изогнутым вопросом и вопросом утвердительным все закончила мысль: а ведь новеллой в десять страниц я это расскажу лучше и доходчивее. Но чтобы выйти из положения с честью и достоинством, автор, потерявший всякий интерес, как любая нервически-возбудимая творческая натура, к неудавшейся эпопее, наскоро сводит все сюжетные линии, оканчивает писание. Выбросить жалко. По себе каждый знает: как жалко выбросить любой тобою исписанный лист бумаги. Он его оставляет, впоследствии несколько правит, убирая слишком лишнее. Так получается кентавр литературы: с головы — роман, с хвоста — новелла. И по самой структуре кентавра невозможно убрать голову, следы романа; тогда опять придется выбросить исписанную бумагу, а жалко. А если автор талантлив, то и напрасно. У него и кентавр смотрится чуть необычным, но привлекательным зверушкой.

◆ Впервые напечатанная повесть «Три года» («Русская мысль», январь-февраль 1895 г.) носила подзаголовок «рассказ», но следы неудавшегося романа столь явно видны в повести, что этот-то подзаголовок и несет специальную нагрузку: сообщить читателю, что-де, несмотря на завязку романа, автор своего рода авторским же принуждением свел эту завязку незадолго до кульминации к рассказу, повести, причем, повести именно в том смысле, как рассказовое обрывание завязавшихся сюжетных линий романа. Более того, известно, что при подготовке повести для собрания сочинений Чехов старался, по мере возможности, снять с нее наметки романа: прежде всего он сократил бытовую детализацию, затем уменьшил характеристики персонажей; значительное число стилистических исправлений преследовало ту же цель? Ведь есть же некий закон стилистики художественного языка, определяющий специфику стилистической окраски жанра в отношении его к более пространному [от повести к роману] или к более сжатому [от повести к рассказу, новелле, фельетону] жанру?

Особенно, как отмечается во всех исследованиях, либо комментариях к повести, сильной переработке Чехов подверг характеристику Лаптева, описания его бесед с друзьями, друзьями Юлии, сами его отношения с Юлией. Более сжатая, плотная переконпоновка характеристики главных персонажей — наиболее характерный момент новеллизации романа, особенно в части замены описательных характеристик характеристиками взаимоотношений и поступков; чем и отличается в этом смысле новелла от романа. Убираются мысленные монологи Лаптева о его чувствах к Юлии (до женитьбы), разговоры о модных течениях в среде интеллигенции, характеристики Лаптева как дилетанта в части искусства и пр. Все это подробно исследовано литературоведами и подтверждает мысль всякого впервые читающего «Три года» и догадывающегося о причинах медленной завязки и быстрого, сжатого конца, обостренной

кульминации, словом, о рассказовом окончании только-только развернувшегося романа. И самое-то интересное, что даже тщательной «чисткой» Чехов не смог убрать явные следы романа. Кроме того, существуют и фактические доказательства замысла и начала воплощения романа: в письмах (например, М. П. Чеховой от 22.09.1894) Чехов сообщал, что пишет «роман из московской жизни». Некоторое время спустя он уже сообщает, что работа над романом кропотливая и требует массу труда. И, наконец, спустя несколько месяцев, в письме к Е. М. Шавровой (от 4.12.1894) он пишет: *«Замысел был один, а вышло что-то другое, довольно вялое и не шелковое, как я хотел, а батистовое... Надоело все одно и то же, хочется про чертей писать, про страшных, вулканических женщин, про колдунов, но, увы! требуют благонамеренных повестей и рассказов из жизни Иванов Гаврилычей и их супругов»*. Это с тонкостью до формулировок подтверждает вольные рассуждения, приведенные выше. А факт из уст (рук) автора наиболее авторитетен и справедлив, Чехов же обладал редким качеством самоанализа творчества.

Теперь, после объяснения творческо-психологических основ переконструирования романа в повесть и документального подтверждения этого факта в отношении повести «Три года», отметим по пунктам следы романа в повести, тем самым уже текстологически показав процесс работы Чехова над этим произведением, то есть, как и у Пушкина, все той же *завершенности формы*.

1. Сюжетная завязка романа есть взаимоотношения Алексея Лаптева и Юлии Сергеевны. Развитие — специфическое для жанра романа: с отображением фона (провинциальный город), введением многих второстепенных персонажей, моментами сопротивления завязке (антипатия героини к герою, нежелание их брака у отца героини и пр.) и преодоление: меркантильный интерес Юлии Сергеевны, смерть сестры Лаптева.

2. Параллельное с развитием завязки характерописание героя, чисто романтический прием.

3. Наличие момента «герой открыт в характеристике, героиня скрыта», искусственное оттягивание характеристики одного из главных героев, как момент длительного поддержания напряженности сюжета романа. Действительно, читатель так и не получает полного раскрытия характера Юлии.

4. Ввод в завязке романа многих второстепенных лиц: доктор-отец, сестра Лаптева, племянницы, Панауров, московское окружение Лаптева.

5. Принадлежность романа — биографические (героев) отступления, см., например, историю воспитания сестры Нины и ее замужества за Панауровым.

6. Довольно подробные характеристики второстепенных персонажей, например, Панаурова.

7. Завязки нескольких, пересекающихся в замысле автора, сюжетных линий: Лаптев и Юлия, Панауров и Юлия, Костя Кочевой и Юлия, Костя и Лаптев, дети сестры и Юлия и так далее.

8. Подробные описания сопутствующих основной сюжетной линии событий: болезнь и смерть Нины Федоровны.

9. Романский ход, как завязка интриги, противоречия, двигающего весь ход сюжета,— «странный брак» Лаптева и Юлии Сергеевны.

10. Подробная характеристика родной среды героя (московская купеческая семья Лаптевых), дополнение характера героя.

11. Перенесение места действия из провинциального города в Москву.

12. Бытовые описания купеческой среды, романский вариант бытоописания.

13. Введение новой группы второстепенных персонажей: московский круг знакомых Лаптева. Их характеристики.

14. Вторая любовная линия героя — «Особа».

15. Перенесение, возвращение места действия: после описания московской жизни Лаптева — опять в провинциальный город, где умирает сестра его.

16. Уточнение побочных сюжетных линий: в среде московского круга общения Лаптева.

Это основные «романные» моменты. А вот конец типично рассказовый, даже вызывает ощущение «рубки мачт» на попавшем в бурю паруснике. Автор быстро и немотивированно совсем обрубаёт все сюжетные линии, комкая конец; чувствуется, что им владеет одно желание: прекратить неудавшийся роман. Совершенно немотивированы изменения отношений главных героев: *«И когда завтракали на террасе, Яруев как-то радостно и застенчиво улыбался и все смотрел на Юлию, на ее красивую шею. Лаптев следил за ним невольно и думал о том, что, быть может, придется жить еще тринадцать, тридцать лет... И что придется пережить за это время? Что ожидает нас в будущем? И думал: «Поживем — увидим».* Последнее есть скорее вопрос автора самому себе в отношении того, что было задумано романом, а вышло рассказом, повестью.

Перечитайте этот роман → повесть → рассказ; вряд ли какой из пунктов 1—16 приведенных выше замечаний покажется вам излишним...

◆ ...Как-то в беседе с президентом Академии российской литературы (ныне — Почетный президент), одним из ведущих современных литературных критиков и видным организатором всероссийского литературного процесса, Леонидом Васильевичем Ханбековым, тогда главным редактором альманаха (правильнее, я бы сказал, журнала, ибо он выходил шесть раз в год) «Московский Парнас», мы затронули вопрос как раз о законченности формы художественных и публицистических материалов авторов «Московского Парнаса» и дружественного ему (оба выходят под эгидой Академии!) нашего журнала «Приокские зори». Явно досадливо поморщившись — разговор шел по телефону — Леонид Васильевич сказал в том смысле*, что какую-то законченность формы он может затребовать с авторов своего альманаха, если таковым зачастую лень, или нынешняя бестолковая торопливость во всем, даже прочесть ими написанное перед сдачей материала в редакцию... хотя бы самые грубые грамматические и смысловые ошибки наскоро поправить!

И еще добавил (эти слова вошли в только что упомянутую книгу, поэтому ставим в кавычках цитирования): «Сложнее всего писать короткие рассказы. Кто был мастером короткого рассказа? Правильно — Антон Павлович Чехов».

...То есть маститый критик, литературовед, он же поэт, прозаик и публицист, Леонид Васильевич лишний раз уверил нас в том, что написать по вдохновению произведение — от четверостишия до многотомного романа — это хотя и большая часть дела, но не все дело, ибо последнее завершается законченностью формы. Для того-то Софья Андреевна многократно перебеляла тысячи страниц «Войны и мира» с тем, чтобы получить возврат от Льва Николаевича эти же страницы со множеством правок. И вроде бы столь легко читаемую, казалось, единонаписанную в порыве-потоке сознания «Угрюм-реку» Вячеслав Яковлевич Шишков на самом деле писал и тщательно отделявал аж с 1918-го по начало 1930-х годов...

Дело мастера боится, не умеешь, не берись, — гласит русская пословица. А раз умеешь, то, берясь за дело, всенепременно держи в голове: только законченность формы суть венец — делу конец! Здесь, как и в тексте только что прочитанного вами,

* Л. В. Ханбеков мастер на меткие, афористические характеристики; см.: Скоблов Е. М., Карагодина О. Г. Леонид Ханбеков: Шутки в сторону. — М.: Белый Ветер, 2018. — 80 с.

уважаемый читатель, очерка, значение слова-термина «форма» многогранно: от языковой и грамматической выверенности до соответствия канонам обозначенного (на титуле книги и в голове автора) литературного жанра.

«Позвольте, полупочтенный! — вскричит раздосадованный поучениями (а ныне все горды, все мысленно мундиры, в том числе литературные, вождельно примеряют...) автор,— сами же, не давая покоя своей голове и рукам с зажатым гусиным пером, беспрестанно обмакиваемым в пузырек с железисто-галлусовыми чернилами, надоедливо пишете в своих «Колонках», повестях-рассказах и романах, что-де Молох глобализации уже напрочь во всем мире, включая бывшую 1/6 часть земной суши, ликвидировал читателя художественного слова как класс; литературная жизнь догорает на последних тлеющих лучинах («Гори, гори, моя лучина...»), а сами же требуете от нас, малоимущих от земных радостей и благ, какой-то кропотливой правки рукописей, формы соблюдения опять же, а? Неувязочка, товарищ главред, получается! Хорошо было Александру Сергеевичу и Антону Павловичу на свои повышенные гонорарии, а Пушкин еще камер-юнкерское жалованье получал и в долг немеренно брал, благо царь, когда поэта белогвардеец застрелил (это из «Мастера и Маргариты»...), по ним сполна рассчитался, в тишине обдумывать и бесконечно шлифовать эти самые *формы*! А тут все скорей и скорей, «попашешь, попашешь, попишешь стихи» — и поскорей их в пасть интернету: читай, дескать, кто хочет — не хочу». И так далее с упреками, стенаниями, жалобами на всеобщую неустроенность и давно изъятые из сочинительского обихода гонорары.

Согласен, мой дорогой коллега по писчебумажным упражнениям. Молох глобализации, превратив всю совокупность людскую в мелкобуржуазную биомассу, в живой придаток — шестеренку своей гигантской машины, уже близок к цели: упразднить класс читателей. Но ведь авторы-то еще долго, по инерции, будут сохраняться!? Тем более — ведь для себя самих сочинять будут — не следует халтурить. Сам себе судия — он самый строгий. *Еже писах, писах.*

**К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА
МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА
(1814 — 1841)**

Виктор Мельников
(г. Коломна, Московская область)

Виктор Семенович Мельников родился в Казахстане, но «милым пределом» для него стала подмосковная Коломна. В этом городе он не только написал свои лучшие произведения — Мельников основал «Коломенский альманах», настоящий творческий Дом для писателей, поэтов, художников, публицистов Коломны. До сих пор читатели воспринимали Виктора Мельникова только как прозаика. Но оказалось, что в глубине души его таилась поэтический огонек, шло творчество, которое автор не торопился открывать миру. Однако затаенная мелодия все равно прорывалась и рождались лирические строки стихотворений.

ЛЕРМОНТОВ. ПОСЛЕДНЯЯ ДУЭЛЬ

Пролетка спешит, как судьба, по отлогому склону,
То вниз, то взлетая по горной дороге кривой.
А черные лошади мчатся... и сыплет зеленой,
На потные крупы уже запыленной листвой.

И солнце багряное с неба спускается ниже,
Как яростно ал, будто щит боевой, его круг!
А кони спешат... С каждым шагом становится ближе
Гора роковая с названьем бессмертным: Машук.

Уж все решено... И намечено место дуэли,
Огонь чью-то жизнь оборвет, будто слабую нить.
Как страшно, что мчится свинец к преднамеренной цели,
Как больно, что нам этот путь не дано изменить!

.....
И боль полыхнула в груди окровавленным комом,
И ангелы душу его к облакам понесли.
И охнул июль над землею заоблачным громом,
Как звук Бородинского боя в далекой дали.

А дождь поливал... Неподвижный, покинутый всеми,
Лежал онемевшей России великий Поэт.
Рыдало в горах раскаленное небо, и Время
Над ним зажигало бессмертья немеркнувший свет.

НЕБО РЫДАЛО НАД ГОРЬКОЙ РОССИЕЙ

Тучки небесные, вечные странники!

М. Ю. Лермонтов.

Из Тархан в Пятигорск белой стаей летучей
Облака уплывали... Не ведало лето,
Что в горах обратятся в тяжелые тучи,
Чтоб, вернувшись, поведать о смерти поэта.

Облака над усадьбой в Тарханах кочуют,
Словно воины грозные, в бурках лохматых,
И сердцами холодными будто бы чуют,
Что в уходе поэта они виноваты.

Распустили б над ним свои мощные крылья,
И не дали сразить его пулей смертельной.
Не сумели спасти, уберечь. Не укрыли,
Допустили, что пал на краю у Вселенной.

Небосвод был лазурным, а стал черно-синий,
Это скорбь разлилась без конца и без края.
Ах, как небо рыдало над горькой Россией,
Молодого певца в долгий путь провожая!

Над Тарханами небо в печали застыло,
И, небесной молитве торжественно внемля,
Будет вечно грустить светлый храм Михаила
О душе, что так рано покинула землю.

Вячеслав Алтуни

(пос. Центральный, Арсеньевский район,
Тульская область)

Наш постоянный автор.

ЛЕРМОНТОВ. ПОЛЕТ

Он видел Землю в голубом.
Во мраке непроглядной ночи
Среди слепящих белых точек
Спиралью, световым столбом
Она крутилась, как волчок...
Моря, пустыни, континенты
И рек синеющие ленты
Цвели.
Он смотрит.
Вдруг — толчок!
И из космических просторов,
Набрав немыслимую скорость,
Несется он навстречу ей...
Еще не музыки, ни речи,
Ни дней томительно пустых,
Ни шепота молвы коварной,
Ни равнодушия, ни тоски,
Ни лжи завистливых друзей.

Он — витязь чуждой стороны.
Он в мире спит. И видит сны.
А его родина далече,
Там, где туманности светлы,
Где бродят облаков стада,
Таинственно мерцают светлы
И есть прекрасные планеты,
Но нету лучше, чем Земля.

И весь он — в ожиданье встречи,
Весь в полыханье тех огней.
Он видит краски, видит свет,
Всю красоту, что так любима.
Ужель мираж все это? Нет!
Источник ведь — в ее глубинах.

Когда бы знать он мог о том,
Что ждет его! Но до того ли?
Мир ярче и свежей от боли.
Он видит Землю в голубом!

КОЛОКОЛА

Гуси кричат на пруду.
Сыплется лиственный прах.
Ветер полощет звезду
В синих, холодных водах.

Дым с огородов ползет.
Лето сжигают дотла.
А с потемневших высот —
Колокола!
Колокола журавлей,
Колокола над былым,
Над запустеньем полей
Благословением им.
Колокола на рекой
И над деревней родной,
И над безвестной судьбой,
И над осеннею мглой.

И над святою землей,
И над угожьями зла,
И над погибшей душой —
Колокола.
Колокола...

БЕЗ ТЕБЯ

Утром болея встаю и скорбя.
Вот и еще одна ночь без тебя.
Вот и еще без тебя один день,
Серый, безликий, летучий, как тень.

Вечен природы круговорот.
Вот и еще без тебя один год.
Дождь отшумел. Уже кружится снег.
Вот и еще без тебя один век.

Вот без тебя уже тысяча лет,
А из окна моего тот же свет.
Так же одна из старинных ракич,
Мерно качаясь, скрипит и скрипит...

ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ

Тихо. Пасмурно. Стыло.
И сквозь дымку — багряное.
Все житейское сплыло.
В быт наш Вечность нагринула!

Мир возвышенно-строгий
В свете юного месяца...
На осенней дороге
Можно с Пушкиным встретиться!

* * *

Ты приедешь из семьдесят пятого года
В ярком платье, в сиянье своей красоты.
Ты приедешь оттуда, где цветет и бушует природа,
Где цветешь и бушуешь весенней стихиею — ты!

В наших душах давно уже смолкли и громы, и трели.
Отгорели зарницы. Угас юный жар наших тел.
Время необратимо. И мы навсегда постарели.
И не верим уже ни во что, кроме будничных дел.

За окном уж давно и свистит, и гудит непогода,
Хлещет ветками сад. И томительно тянутся дни.
А я жду... Ты приедешь из семьдесят пятого года,
И с тобою нагрянут зори, песни, цветы и огни!

ИМЕНА

Тетя Вера. Бабка Маня.
Дядя Леша. Дядя Ваня.
Вы в родимом Песковатом
Небольшом и небогатом.
Тетя Нюра. Дядя Леша.
Шелестит, шуршит пороша.
Снова я приехал в гости.
Только где ж вы? На погосте.
Птиц возня и ветра вздохи.
А дома — в чертополохе.
И как тихое рыданье:
Тетка Марфа. Дядя Ваня...
Над Окою в далях синих
Бабка Анна. Дед Василий...

ДЫХАНЬЕ БОГА

Во мгле теряется дорога.
Вокруг ни звука, ни души.
Лишь легкое дыханье Бога
В осенней слышится глуши...

СТАРЫЙ ДОМ НОЧЬЮ

Эта крыша, чердак, эти стены,
Эти окна, что смотрят во тьму.
Дом живет сам в себе, сокровенно.
Страшно в нем по ночам одному.

Эти шорохи, трески и стуки...
В синей бездне ночной тишины
Раздаются нездешние звуки.
Песни... Дикие песни луны.

Не уснешь... Все какие-то тени
С колдовскою своею игрой.
Чей-то шепот. Виденья, виденья...
И — вдруг что-то ночью порой
Затрещит, упадет, напугает...
Что там? В сумрак идешь наугад.
И душа узнает, замирает:
Это духи ночные шалят!

Валентин Огнев
(г. Щекино)

«...И ПАМЯТЬ ИХ ЖИВА ПОНЫНЕ»

Пушкин — дневное светило, Лермонтов — ночное светило.
(Д. Мережковский)

В 2019 году мы отмечаем 205-летие Михаила Юрьевича Лермонтова, великого сына России, рано погибшего гениального поэта, прозаика, драматурга, художника, человека.

Его память увековечена в литературе, музыке, географических названиях, музеях. Но и памятников М. Ю. Лермонтову немало. В основном они находятся на Северном Кавказе. Это связано с тем, что в этих городах и местах бывал поэт.

Первое скульптурное изображение поэта было не в Пятигорске, а в Великом Новгороде, где скульптурный барельеф М. Ю. Лермонтова занял достойное место в памятнике «Тысячелетие России». Монумент был воздвигнут в Великом Новгороде в 1862 году в честь тысячелетнего юбилея легендарного призвания варягов на Русь. Памятник имеет форму колокола и содержит 128 человеческих фигур. Скульптурные изображения делятся на три уровня. Верхний уровень скульптур венчает монумент фигурой стоящей на коленях перед ангелом с крестом (олицетворение православной церкви) женщины, олицетворяющей Россию. Средний уровень скульптур содержит 6 групп фигур в общей сложности 17 фигур вокруг шара — державы, символизирующих различные периоды истории русского государства (согласно официальной историографии того времени). В нижней части монумента располагается фриз, на котором помещены горельефы 109 деятелей истории, религии, науки и культуры. Их можно разделить на четыре группы: просветители, государственные люди, военные деятели и герои, писатели и художники. Среди писателей и художников в композиции изображен Михаил Ломоносов.

В Пятигорске памятник Михаилу Юрьевичу Лермонтову был торжественно открыт 16 (29 по новому стилю) августа 1889 года. Его сооружение растянулось на долгие 18 лет.

В 1870 году один из первых российских лермонтоведов Петр Кузьмич Мартыанов в

своей статье в журнале «Всемирный труд» предложил установить в Пятигорске памятник Лермонтову. Идею поддержал тогдашний контрагент Кавказских Минеральных Вод Андрей Матвеевич Байков. В 1871 году было получено высочайшее разрешение императора Александра II на сбор пожертвований для установки памятника великому русскому поэту. Первые взносы сделали два неизвестных крестьянина Таврической губернии в сумме 2 рубля.

При сборе пожертвований происходили примеры постыдного отношения к памяти Лермонтова. Находившийся на лечении в Эссентуках миллионер-солепромышленник Аносов категорично отказался, когда ему предложили внести пожертвование на памятник Лермонтова. А некий чиновник Мищенко внес одну копейку, чем вызвал гнев прибывшего в Пятигорск из Валдая крестьянина И. С. Андреичева. Крестьянин внес 99 копеек на пополнение 1 копейки.

Какое участие в сборе пожертвований на памятник Лермонтову приняли жители Тульской губернии? Каким образом происходил сбор приношений? Рассмотрим это по материалам архивного дела, хранящегося в Тульском государственном архиве.

Тульскому губернатору С. П. Ушакову 5 декабря 1879 года поступило письмо из Комитета по сооружению в г. Пятигорске памятника поэту Лермонтову за подписью Председателя Комитета, Начальника Терской области. В письме говорилось, что «23 июля 1871 года Величайше разрешена повсеместная подписка для сбора добровольных приношений на сооружение в г. Пятигорске памятника поэту М. Ю. Лермонтову. 30 сентября 1875 года, вскоре по присоединению к Терской области округа Кавказских минеральных вод, с разрешения его Императорского высочества Наместника, учрежден в гор. Владикавказе, под моим председательством, особый Комитет по сооружению означенного памятника». В письме указывалось, что собранная сумма 6977 рублей 95 копеек не хватает даже на составление проекта памятника. На сбор денег особенно повлияли годы русско-турецкой войны. Комитет просил Ушакова принять звание Члена Комитета и оказать содействие в добровольных пожертвованиях для сооружения памятника Лермонтову.

МВД Тульского губернатора разработало циркуляр, который 11 января 1880 года за № 3 направили полицмейстеру г. Тулы и уездным исправникам Тульской губернии. В циркуляре им указывалось на разъяснение сущности добровольных приношений для сооружения памятника Лермонтову и давался срок исполнения до 1 марта 1880 года.

Пожертвования из большинства уездов стали поступать в конце февраля 1880 года. Первые рапорта исправников и подписные листы поступили из Каширского, Белевского, Епифанского, Чернского, Новосильского, Тульского, Алексинского, Крапивенского, Богородицкого уездов. Суммы пожертвований составляли от 3 до 30 рублей.

А как же сработали по сбору пожертвований на памятник исправники других уездов и полицмейстер г. Тулы? Здесь все оказалось непросто. Так, в канцелярию Тульского губернатора 12 марта 1880 года поступил рапорт Веневского уездного исправника, в котором исправник указывал, что в уезде жертвователей не оказалось. По всей видимости исправник продолжил работу по сбору добровольных приношений на памятник и 18 марта 1880 года отправили новые подписные листы. А 23 марта 1880 года он уже сообщал о пожертвованиях на сумму 17 рублей.

Не нашлось меценатов на памятник Лермонтову в г. Одоев и уезде. Об этом 16 марта 1880 года сообщил Одоевский уездный исправник. Удивляет рапорт полицмейстера г. Тулы от 9 марта 1880 года. В многотысячном губернском городе благотворителей также не оказалось.

Семья Лермонтовых была хорошо известна в г. Ефремове и уезде. В городе Еф-

ремове находился дом Е. А. Арсеньевой — бабушки Михаила Юрьевича. В уезде, недалеко от Ефремова, в селе Кротова, почти всю жизнь прожил его отец Юрий Петрович Лермонтов, который был похоронен на кладбище в с. Шипово. Михаил Юрьевич в детстве бывал в этих местах. Но ефремовские обыватели не откликнулись на сбор пожертвований для строительства памятника, на увековечивание памяти поэта. Вот что пишет в рапорте от 28 февраля 1880 года за исправника помощник: «По исполнению предписания Вашего Превосходительства от 11 января сего года за № 3, с возвращением подписного листа за № 8. Имею честь донести, что лиц, желающих пожертвовать на сооружение в г. Пятигорске памятника поэту Лермонтову, в г. Ефремов и уезде оного не оказалось». Исходя из плохо читаемой надписи карандашом на рапорте, помощник, по всей видимости, за безрезультативную работу по сбору пожертвований понес наказание. Смысл надписи состоит в том, что он должен был назначен исправником. Но последнее предложение надписи следующего содержания: «Нужно иметь в виду, чтобы он был пропущен».

Срыв сбора пожертвований на строительство памятника поэту Михаилу Юрьевичу Лермонтову произошел из-за постыдного отношения жителей г. Ефремов и уезда, а возможно из-за безответственного решения этого вопроса помощником исправника. 9 апреля 1880 года в г. Ефремов уездным исправником, по распоряжению Тульского губернатора, был назначен Надворный советник Сергей Иванович Архангельский, а его помощником отставной капитан Василий Александрович Чулков.

Собранные деньги в Тульской губернии в середине мая 1880 года были направлены в Комитет по сооружению в городе Пятигорске памятника поэту Лермонтову. В сопроводительном письме Управляющий Канцелярией Тульского губернатора указывает, что в Комитет направляются 11 подписных листов и собранные по ним деньги в сумме 158 рублей 98 копеек, за вычетом израсходованных исправниками при пересылке.

Комитет по сооружению в городе Пятигорске памятника поэту Лермонтову поддерживал связь с Тульским губернатором, как с членом комитета, сообщая ему текущую информацию. Приходила ведомость поступивших денег в комитет, в которой было указано, что на 1 июля 1880 года было собрано 10284 рубля 83 копейки. Но еще было 9 долгих лет до постройки памятника.

Судьба Михаила Юрьевича Лермонтова, как известно, во многом драматична. И календарные памятные даты Лермонтова загадочным образом связаны с судьбоносными событиями для России. Некоторые из них: в 1914 году (100 лет со дня рождения поэта) началась Первая мировая война, в 1941 году (100 лет со дня смерти) — Великая Отечественная, в 1991 году (150 лет со дня кончины) развалился СССР. И вот 2014 год (200-летие со дня рождения поэта) — война на Донбассе и конфликт России с Западом.

Несмотря на неблагоприятные события, памятные даты Лермонтова не оставались незамеченными в Тульской губернии. На заседании Тульской губернской ученой архивной комиссии 2 октября 1914 года член комиссии И. Е. Скрябин прочитал доклад, посвященный памяти Лермонтова. Начиная свой доклад И. Е. Скрябин словами: «В настоящее время тяжелой години для Русской земли везде все и вся так поглощены военными событиями, что кажется странным думать о ком либо, или о чем-нибудь, вне сферы войны».

И вот невольно вспоминаются крылатые, острые и сильные слова нашего поэта Лермонтова: Война.....

*«Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамена чести;*

*Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу свободный вновь
Ловить венок небренный славы!»*

В продолжении своего доклада Скрябин обратил внимание на истинный и замечательный талант Лермонтова и закончил его следующими словами: «Как не поклониться родившимся сто лет тому назад, чтобы поддерживать священный огонь, зажженный прохожим на алтарь победы и творчеств, и как спустя эти сто лет теперь перед его жертвенником, усыпанным розами поклонников его таланта, у повешенной над жертвенником арфой поэта не сказать:

*«Не говорите мне: он умер — он живет!
Пусть жертвенник разбит — огонь еще пылает,
Пусть роза сорвана — она еще цветет,
Пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает!»*

Председатель Тульской губернской ученой архивной комиссии В. С. Арсеньев к столетию дня рождения М. Ю. Лермонтова собрал документы к родословной Лермонтовых и родственных им семейств Виолевых и Арсеньевых.

Проводились ли мероприятия к 100-летию рождения Лермонтова на Ефремовской земле? Имеется переписка между Тульской губернской учетной архивной комиссией и Ефремовским исправником. Можно утверждать, что эта переписка была связана с подготовкой к 100-летию рождения Лермонтова, которую проводила комиссия. 3 апреля 1914 года Ефремовский уездный исправник направил письмо в Тульскую губернскую ученую архивную комиссию. Письмо было составлено по всей видимости по запросу комиссии. Исправник писал: «Имею честь сообщить Ученой Архивной Комиссии, что дом, находящийся в городе Ефремов, ныне принадлежащий землевладельцу Арсеньеву, в котором проживал поэт М. Ю. Лермонтов, сохранился с внешней стороны по свидетельству старожилов в том же виде, в котором был при жизни Лермонтова, но от времени приходит в ветхость, и внутри ремонтировался несколько раз; без всякого изменения в расположении остались комнаты дома, но ни каких предметов, напоминающих о Лермонтове, в доме нет. Имение же при с. Кропотове Шиповской волости передано во владение Г. Кочаловой-Алитовской с усадьбой и садом в 12 десятин, которое в настоящее время находится в удовлетворительном состоянии».

Комиссия продолжала собирать документы, связанные с пребыванием Лермонтова в городе Ефремове. 15 апреля 1914 года направляется отношение Ефремовскому исправнику «заказать снять, за счет комиссии, фотографию с дома Лермонтова в Ефремове». На полученный запрос Ефремовский уездный исправник 26 апреля 1914 за № 923 дает ответ: «Препровождая при сем фотографическую карточку с дома Лермонтова в г. Ефремов и счет фотографа А. К. Марквардт на сумму 5 руб., покорнейше прошу Тульскую Губернскую Ученую Архивную Комиссию о присылке мне 5 рублей для выдачи по принадлежности». О сохранности данной фотографии в источниках не говорится.

Другие документы о подготовке и проведении каких-либо мероприятий празднования 100-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова в городе Ефремове в ходе исследования не выявлены. Не обнаружены и сообщения о проведении мероприятий в сельце Кропотово. На эту дату сельцо еще территориально относилось к Ефремовскому уезду. Но это не говорит, что мероприятия не проводились. Ефремовцы чтят память о М. Ю. Лермонтове.

Ефремовский краевед Д. Поволяев в газете «Коммунар» от 20 октября 1974 года рассказывает о существовании непродолжительное время в городе Ефремове музея М. Ю. Лермонтова: «В 1920 году в Ефремове группой учителей-краеведов был открыт музей М. Ю. Лермонтова. Из имения Кропотово все было перевезено в Ефремов в арсеньевский дом, где находилось несколько рисунков Лермонтова. В 1925 году обветшавший дом сломали. Несколько экспонатов были переданы в Тульский художественный музей». Сохранилась только фотография рисунка этого дома. Рисунок был сделан ефремовским школьником в 1920 году.

Рисунок дома Арсеньевых в г. Ефремов

Как сохранена память о Михаиле Юрьевиче Лермонтове, гениальном русском поэте в городе Ефремове? Все обстоятельства говорят о том, что в какой-то степени великий поэт, дворянин Тульской губернии, в городе Ефремове забыт. В городе нет ни одного памятного знака или информационной таблички, посвященных великому русскому поэту. Только в публикациях упоминаются факты о посещениях Михаилом Лермонтовым города и усадьбы в уезде, показывая причастность поэта к истории города.

Деревня Кропотово в настоящее время территориально входит в состав Становлянского района Липецкой области. Лермонтовский дом в Кропотово сожгли немецкие солдаты при отступлении немецких войск в 1941 году вместе с другими строениями. Каменные фундаменты сожженных зданий были разобраны после ухода фашистов местными жителями для восстановления своих домов. В одном из музеев М. Ю. Лермонтова сохранилась фотография этого дома, сделанная до 1937 года. На усадьбе отца поэта установлены памятные знаки и информационные таблички, в Лукьяновской школе д. Лукьяновка организован музей. Проводятся экскурсии по

музею, лермонтовской усадьбе в Кропотово и старинному разрушенному храму в с. Шипово. Памяти Михаила Лермонтова проходят ежегодные чтения, в которых принимают участие лермонтоведы, писатели и поэты, художники, любители творчества поэта. В 2019 году намечается установить памятник Михаилу Юрьевичу, а в последующем на прилегающей территории к памятнику разбить сквер.

Дом в Кропотово до 1937 г.

Многие исследователи занимаются изучением биографии и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова. Но настораживает факт, что в отдельных публикациях приводятся факты, основанные на документальных материалах, которые дополнены фантазией исследователя. Другие публикации строятся на предположениях, не подтвержденных источниками. Но начетничество здесь не нужно. Минувшее надо изучать и показывать настоящим образом.

1. ГУ ГАТО ф. 1 оп. 1 д. 9.
2. ГУ ГАТО ф. 51 оп. 51 д. 202.
3. ГУ ГАТО ф. 90 оп. 1 Т 41 д. 33791.
4. Материалы МБУК «Ефремовский районный художественно-краеведческий музей».
5. Интернет-ресурс: <http://kmvline.ru/otkr/8.php>

Надежда Лисогорская
(г. Москва)

ЛЕРМОНТОВСКИЕ ТАРХАНЫ

Наш постоянный автор.

Притихшей заводью — пруды,
Теннисные аллеи парка,
Ажурные мостки в сады,
Скамья... Беседки тайной арка...

Поэта юные мечты
Здесь до сих пор еще витают,
И как награда за труды,
Хоть робко, розы расцветают.

И только величавый дуб,
Посаженный рукой Поэта,
Как на дуэли, в пору бурь
В Отчизне пал на землю эту.

Но нам на радость дал росток
Во исполнение завещания,
Чтоб благодарственный дубок
Шумел листвою на прощание.

И верится, уснул Поэт!
Ему поют цветы и травы,
Не зарастает столько лет
Дорожка в дом любви и драмы...

И в нем покажутся теплой
Ожившие с портретов лица,
И станут ближе и родней
Семейной памяти страницы.

С гостями полон жизни двор,
И домик ключника, людская...
В луга, где воля и простор,
Коней к прогулке запрягают...

У мельницы пустились в пляс
Девчата в русских сарафанах,
И Яблочный встречают Спас
В «Преображение» Тарханы.

...Здесь будет слово, как магнит,
Притягивать другие дали
Для совершения молитв,
Чтоб милосерднее мы стали...

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Виталий Ковалев
Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

НОЧИ ДИАНЫ*
(из книги «Побережье наших грез»)

Наши постоянные авторы.

История вторая ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ С КАПЕЛЬКОЙ ДОЖДЯ

МЫС

4. Пороги

Утром Яна открыла глаза и сразу же увидела за окном голубое небо и высокую стену неподвижных елей. Дианы в номере не было. Яна прислушалась, но ни из душевой, ни из коридора не доносилось никаких звуков. В номере была такая тишина, что Яна пощелкала пальцами, чтобы убедиться, что со слухом у нее все в порядке. На мгновение она представила себе, что осталась одна, без денег, без вещей, непонятно в каком отеле... «И что же ей делать? Нет, конечно же, непоседливая Дианка просто вышла куда-то, чтобы прогуляться. Ну и мысли лезут мне в голову со сна. Диана меня никогда не бросит. Уж об этом я могу не беспокоиться, подумала она. Ну, раз-два, встала...».

Когда она, умывшись, сидела на кровати и причесывалась, дверь номера открылась, и послышался голос Дианы.

— О, отлично, ты уже встала! Идем завтракать. Ну и заспались мы после вчерашних приключений.

— Да я и сейчас еще сонная. Мне такое приснилось!

— Что? — спросила Диана, прикрывая балконную дверь.

— Мне приснилось, что меня взяли в плен.

— Кто?

— Польские фашисты.

— Боже, что ей снится! И что дальше?

— Нацепили на меня какой-то прибор и сказали, мол, иди куда хочешь, но ты все время должна докладывать о своем местоположении. И вот пришла я к тебе домой,

* Главы из романа.

вхожу во двор, ты стоишь с миской и вишни собираешь. Посмотрела на меня и говоришь — ну что, будешь докладывать? А я отвечаю — а что же мне делать? Меня взяли в плен... А сама понимаю, что местоположение им нужно для того, чтобы нанести точечные удары...

— И в этом месте, я, наверное, взяла твой приборчик и выбросила его на помойку?

— Нет. В этом месте я проснулась.

— Интересный сон. Запомню. Может, пригодится. Эх, Янка! Пошли, там внизу классный шведский стол. Столько вкуснятины! М-м-м!

— Ну и сорим же мы деньгами!

— Вот она — вся людская суть! Сорить деньгами люди боятся, а временем сорят во всю. А ведь сами же говорят, что время — деньги...

— А где ты была? — спросила Яна, откладывая в сторону гребень и поднимаясь с кровати.

— О, пока ты спала, я столько уже видела!.. Осторожно, дверь я сама закрою... Тут такие нанотехнологии! Открывается дверь вот этой карточкой... Так вот, проснулась я, вижу, ты спишь, я и решила разведать тут все! Поиграла с одним мужиком внизу в пинг—понг, побродила по отелю, познакомилась со скандинавами. Очень прикольные оказались. Хотя я их не особенно поняла, но, как я, в конце концов, догадалась, они тут в номере порно снимают. Я им говорю,— по!.. по!.. мол, итс импосибал, а они мне в ответ — посибал, посибал... Их там пять мужиков! Представляешь!.. Я в такой мизансцене!

— Дианка, прекрати,— прикрыв рот, засмеялась Яна.

— Вот, так мы проходим мимо своего счастья... А ведь был шанс стать звездой!.. Ладно... Потом зашла в ресторан и увидела метрдотеля. Представь, он просто вылитый Уильям Фолкнер! Сейчас ты сама его увидишь. Сходство невероятное! Мне даже захотелось с ним сфотографироваться под ручку. Представляешь, снимочек — я и Фолкнер! Это был бы снимок всей моей жизни!.. Вот только беда — Фолкнер умер в 1962 году. Эх, жаль!..

— Почему бы тебе не представить это как перемещение во времени,— улыбнулась Яна.

— Ха!.. Почему бы мне, действительно, не переместиться во времени!

— Жаль, что никто не поверит.

— Со мной чего только не было!.. Ты мне потом напомни, я тебе расскажу... Что же еще... А!.. Звонили Ник с Женькой, я сказала, что ты еще спишь. Клев у них невероятный! Представляешь, Женька поймал с лодки сома!.. Потом он тебе сам расскажет. Хм!.. Я никогда еще не готовила сома. Надо будет посмотреть в рецептах.

— А когда они возвращаются? Нам надо успеть что-то приготовить к их приезду.

— В том-то и дело, Ник сказал, что они хотят остаться еще на одну ночь. Завтра возвращаются. Спрашивали, не очень ли мы расстроимся. Я им сказала — ребята, полный вперед. Мы с Янкой не скучаем. Женька, конечно, о тебе очень беспокоится, но я заверила его, что не отхожу от тебя ни на шаг и держу все время за руку. А спали, так, вообще, в одной кровати.

— Эх, Дианка, ты — человек праздник.

— Который, заметь, всегда с тобой...

Лифт мягко остановился, хромированные двери открылись, и Яна увидела сверкающий зал ресторана с огромными шведскими столами посередине.

— А!..— кивнула на столы головой Дианка.— Не завтрак, а карнавал в Рио-де-Жанейро.

Но Яне эти столы больше напомнили огромные картины в стиле Джексона Поллока. Чего здесь только не было!.. Сырные, колбасные и овощные нарезки, бутербро-

ды канапе, от которых рябило в глазах! Омлет с зеленью, запеканка с изюмом, паровые куриные котлеты и франкфуртские колбаски, источавшие такой аромат, что у Янки закружилась голова. Как же можно из этого что-то выбрать? Если бы ей показали такое в интернате, она бы точно упала в обморок.

Яна повернулась к другому столу со всевозможными выпечками и блинами, джемами и медом, кремами и взбитыми сливками...

— Налетаем,— подошла к ней Дианка с подносами.— Впереди большой день. Надо подкрепиться.

— Ты что-то еще задумала. Вижу это по твоим глазам,— повернулась к ней Яна.— Мне кажется, нам стоило бы уже возвращаться домой. Давай, выкладывай, что у тебя на уме.

— Янка, не буду скрывать, есть одна потрясающая мысль. Но я ее еще обдумываю.

— Может, ты и со мной поделишься?

— Именно это я и собиралась сделать за завтраком. Давай, Янка, набирай все, что тебе нравится. А что будем пить? Кофе, какао, чай с лимоном, соки? О, Боже!.. Я беру эти эклеры...

Они выбрали столик у самого окна. За большим стеклом, в нескольких метрах от них, еловый лес уходил вниз по крутому склону, отчего казалось, что они на высокой горе. А что же там внизу? — думала Яна. Хорошо бы спуститься и посмотреть, но куда уж мне... Тут, до номера бы добраться. А ведь еще какой путь назад!.. Эх, Дианка! Она совсем не понимает мое состояние и, главное, мои возможности. И с нервами это точно как-то связано. Вот, подумала сейчас об обратном пути и тут же почувствовала, как ослабли ноги. Дианка не может понять, потому что не чувствует этого.

— Ну, как тебе тут? — спросила ее через стол Диана.— Ты ешь, набирайся сил. Может, еще что-нибудь взять?

— Да ты что! У нас весь стол заставлен... Но, давай, рассказывай, что ты придумала.

— Вон! — показала Диана в глубину зала.— Вон он!..

— Кто? — не поняла Яна.

— Фолкнер. Посмотри!..

— Вроде, похож.

— Сходство невероятное! Эх, телефон в номере остался. Как же это я так!.. Вот бы наши удивились.

— Да, похож, Прямо как на снимке в твоем собрании сочинений,— сказала Яна, пробуя куриную котлетку.— Ой, как вкусно!

— Удивительное это дело — гениальность. Два человека с одной и той же внешностью, но один нобелевский лауреат, а второй...

— Но, может, этот метрдотель очень даже хороший человек. И для кого-то он дороже всех нобелевских лауреатов.

— Это так... У каждого свой путь. И потом ты знаешь, я заметила, что очень часто гении это люди, у которых вся жизненная энергия, весь их потенциал сосредоточены в какой-то одной точке. Я, конечно, не имею в виду людей эпохи Возрождения. Стоит такому человеку выйти из круга своих интересов, стоит ему столкнуться с другой областью жизни, и он оказывается совершенно беспомощным. Я не говорю о Фолкнере. О нем я мало что знаю. Но все эти гениальные физики с взъерошенными волосами, математики, не видящие ничего, кроме доски и мела, поэты, чувствующие только свой пульс, ритм, дыхание и полностью сосредоточенные на своих чувствах... Ты не представляешь, сколько среди этих людей откровенных идиотов.

— Это все интересно, но ты говоришь не о том, о чем я тебя спросила. Диана, что ты задумала? — вытирая губы салфеткой, спросила Яна.

— Я ничего специально не задумывала. Я собиралась сегодня спокойно погулять, показать тебе реку, она, кстати, там, внизу, за деревьями. И после этого думала возвращаться домой... И тут... Янка, это судьба!..

— У меня что-то уже аппетит пропадать начал. Говори скорее...

— Янка, тебя ждет такое, что ты не забудешь за всю свою жизнь!

— Рассказывай, что меня ждет.

— Короче... Мы не поедem домой...

Дианка эффектно замолчала, явно ожидая вопроса от Яны, но та тоже выдержала не менее эффектную паузу и безразлично заметила:

— А я уж думала, что что-то серьезное.

Диана улыбнулась.

— Мы не поедem домой, а поплывем.

— Я не умею плавать.

— Сейчас все расскажу. Помнишь... бери лимончик... я рассказывала тебе про человека, с которым играла в пинг-понг? Его зовут Михаил. Он здесь с сыном Денисом. Вообще, их тут целая компания и они собирались плыть по реке на катамаранах...

— Но при чем здесь... мы?

— Его друзья, которые с ними должны были плыть, по какой-то причине срочно возвращаются в Ригу. Я рассказала ему, что мы с тобой путешествуем, и он предложил нам плыть с ними. Он обещал сыну это путешествие и не хочет менять планы. Понимаешь, Янка, мы будем плыть на катамаране! И, между прочим, в сторону дома. Фактически, мы будем возвращаться домой.

— На катамаране?

— Да. По красивейшей реке!

Яна задумалась, глядя в окно, взяла стакан сока и чуть отпила.

— Что ты на это скажешь?.. Это же потрясающе! Когда еще нам представится такая возможность! Я все продумала. Плыдем весь день, ночуем у реки, и завтра нас высаживают в местечке, где шоссе подходит к реке. А Женька с Ником приедут за нами на машине. Перед этим заедут сюда и заберут коляску. Ну? Все продумано. Что скажешь?

— Знаешь, Дианка, есть все признаки того, что ты тоже гений.

— Ой, Янка,— захохотала Диана.— Мне нравится, как ты шутишь.

— Но, я не думаю, что мне доставит удовольствие плыть на катамаране. Я даже не совсем представляю, что это такое.

— У них все очень серьезно. У тебя будет спасательный жилет. И даже специальная каска.

— Зачем каска? Там что-то будет падать сверху?

— Там будут пороги.

— Понимаю. Это чтобы я не ударились головой, когда полечу в воду. Ребята, вы такие заботливые!

— Никто никуда не полетит. Я тебе говорю, там все серьезно. Экипировка, как полагается. Янка, если мы не воспользуемся этой возможностью, то у нас никогда в жизни не будет такого приключения. Мы упустим свой шанс, как я сегодня с теми скандинавами...

Яна вздохнула и посмотрела на Диану. Прямо за ней — окно, а за ним, словно в зачарованном полусне, замерли вековые ели с раскинутыми в стороны тяжелыми ветвями. Яна смотрела на стволы, на ветви, похожие на хвосты хищных зверей, и вдруг поняла главное об этом лесе и, как всегда, все самое главное, оказалось очень простым. Главное заключалось в том, что этот лес — настоящий!.. Абсолютно все — деревья, лесные звуки и воздух, насыщенный ароматом смолы и хвои, все это не

фантазии и грезы. Нет, лес стоит перед ней, приближается к ней, притягивает к себе, и нет никаких сил противиться приближению чего-то более реального, чем она сама. Да, она себя ощущала менее реальной, чем этот лес. Диана как-то сказала, что человек — это то, о чем он думает. И все? Неужели это и есть весь человек? Нет, здесь она ошибается. Человек — это то, что он чувствует.

В какой-то момент ей было страшно, уж очень все, что с ней происходит, не похоже на ее прежнюю жизнь. Но теперь, когда она смотрела на поникшие ветви, страх пропал. Она подчинилась неизбежному. Как только это произошло, в ней тут же ожило любопытство — что же будет дальше?

Диана с легкой улыбкой поглядывала на нее, побалтывая на доньшке стакана остатками сока.

— А как мы попадем на реку? Она же далеко внизу.

Диана перестала улыбаться и спокойно сказала.

— Михаил подвезет нас на машине. К реке ведет дорога. Он дал мне номер своего телефона. Так что нам надо решать. Они сейчас на реке собирают катамаран, готовят... Плывет он и его сын. Ну, и мы с тобой. Его жена тоже встретит с машиной, но дальше того места, где он высадит нас. Нам надо ответить, плывем мы или нет.

— Знаешь, Диана, Жене очень не понравится эта затея. Ты же знаешь, у него есть свои воспоминания из прошлого. Думаешь, он забыл Кристину? Ему это очень не понравится.

— Я поговорю с ним. Мы не будем врать. Впрочем, их ничто не удивит. Зная меня, их бы удивило, если бы мы тихо и спокойно вернулись домой.

— Попробуй поговорить,— согласилась Яна.

Дианка вскочила, и ничего не объясняя, выбежала из зала. Вернулась минут через пять с телефоном в руке.

— Я звоню.

Она набрала номер.

— Михаил,— сказала она в трубку,— мы плывем с вами. Может, нужно купить что-нибудь из продуктов?.. Ну, грести, это само собой. Это я вам устрою сколько угодно... Хорошо, тогда через час мы будем внизу.

Диана отбила звонок, губы ее улыбаются, на щеках обозначились забавные ямочки. Она не может сдержать радости. Сейчас она похожа на те снимки, что присылала Яне в интернат. Глядя на нее, Яна сама еле сдерживает улыбку, до того от Дианки веет детским довольством от предвкушения нового приключения.

— А ты умеешь грести? — спросила ее Яна, вставая.

— Умею. Но только листья и снег. Грести веслом я быстро научусь... Давай, будем собираться. Нам много времени для этого не надо.

— А коляска?

— Договорюсь — и они ее до завтра подержат... Ну, Янка,— Диана взяла ее за руку,— ты сама увидишь, как это будет здорово!..

Яна сидит на берегу, покусывая травинку, и раздумывает — неужели на этой металлической конструкции, между двумя бананообразными баллонами, я сейчас поплыву?.. Всюду на берегу суета — люди, сумки, рюкзаки, собранные катамараны лежат на песке у воды. Время от времени отплывают новые группы. Сопровождаемые напутствиями и аплодисментами, они проплывают мимо тех, кто остался на берегу, набирают скорость, так как течение довольно быстрое, и скрываются за поворотом реки.

Скаты обеих берегов поросли высокими елями, и поворот реки, из-за которого бьют лучи солнца, кажется Яне вратами во что-то сказочное. Она не была еще в та-

ких лесах и не плавала по таким рекам. Плеск воды, слепящее глаза солнце, голоса людей вокруг нее, от всего этого кружится голова.

Михаил, крепкий, коренастый мужчина лет тридцати пяти, быстро довел их на машине; часть спуска, к самой реке, пронес Яну на руках. Катамаран собран, все готово к отплытию. Его сын Денис сидит неподалеку от Яны, на покато травянистом берегу. Жена Михаила латышка, и Денис говорит по-русски очень забавно.

— Мищя-я-я! Мищя-я-я! — зовет он отца из катамарана. — Пора-а-а...

— Теперь видно, кто ему сказки на ночь читал, — усмехается Диана. — Похоже, что мама.

— Особо ему сказки и не читал. Все больше жена. Приходится много работать. Бывает, что месяцами меня дома нет. Наконец, вот, выбрались с сыном.

— Вы моряк? — поинтересовалась Диана.

— Грузовые перевозки.

— Если у меня когда-нибудь будет ребенок, — мечтательно сказала Диана, — он без сказки засыпать не будет.

— А мой, — усмехнулся Михаил, — не засыпал без ремня... Шучу...

Он засмеялся, посверкивая карими глазами.

— Ми-и-ища-а-а! — снова донеслось от катамарана.

Денис машет руками. Ему лет четырнадцать, но весь в отца — крепкий парень.

— Ну, девочки, — поднялся Михаил, — условие такое — на реке слушаться меня. На берегу — как хотите, а на реке все должно быть четко. Договорились?

Как только Яна, не без помощи Дианы, устроилась в катамаране, ей снова стало страшно. Вода несется мимо нее, вздувается буграми. Ей кажется, что она вот—вот подхватит лежащий носом в воде катамаран, и их, кружа, понесет вперед без Михаила. Но тот быстро вернулся, проверил крепления спасательного жилета на Яне, и устроил ее место поудобнее. Это оказалось кстати, так как какая-то железка упиралась в бок.

— Можешь держаться за эти поручни, — показал ей Миша. — Ногами вот тут упрись. На поворотах держись. Мобильные телефоны давайте сюда, положим в водонепроницаемый пакет. Потом не забудьте их... Ну, вроде все.

— Янка, как ты там? — обернулась к ней Диана.

В руках у нее весло. Куртку она скинула, сидит в майке, и только сейчас Яна заметила, какие крепкие у нее руки. Денис сидит впереди, они будут грести с левого борта, а Михаил с правого. Яна сидит в самом конце катамарана. Она взялась руками за поручни, уперлась ногами, чувствует слабость в коленях и старается изо всех сил напрячь мышцы. Закрыла глаза, а когда открыла, увидела, что берег стремительно уходит назад. Шум воды стал громче, пенные струи заливают резиновые гондолы по обеим сторонам катамарана.

Яна смотрит на Диану, быстро орудующую веслом, на надвигающийся на них еловый мыс, за которым виден крутой поворот реки. Центробежная сила, при повороте, выносит их к противоположному берегу, но все быстро гребут, разворачивая катамаран, и вот они за поворотом...

Река широко разлилась, берега раздвинулись. Высокие стены елового леса высятся над ними с двух сторон. В этой лесной чаще эхом разносится птичье пение.

Диана оглянулась. На ее лице довольное выражение, которое Яна заметила в ресторане. Диана быстро поняла, что от нее требуется. Вперед их несет река, а задача гребцов — направлять движение катамарана между препятствиями. Михаил, на ходу, быстро объясняет Диане, когда нужно грести, а когда, наоборот, притормаживать, чтобы направить катамаран в нужном направлении.

— Завтра будут пороги, — говорит он Диане. — Не очень большие. Но надо будет проходить между камнями. Сегодня можем потренироваться. Видишь вон те две коряги? — показывает рукой вперед. — Направляем катамаран между ними.

Яна, из-за спины Дианы, пробует разглядеть коряги, но не видит их среди пенистой ряби.

— Гребем сильнее, надо чуть разогнаться,— командует Михаил.— Так, отлично... А теперь, чуть притормаживай... Отлично!..

И катамаран быстро проносится между стволами двух деревьев, застрявших ветвями в подводных камнях.

— Отлично,— оглядывается на Диану Михаил.

Яне приятно, что Дианка так хорошо справляется. Ее крепкие руки работают изо всех сил. Какая она сильная! — думает Яна и следом за этим, непонятно почему, подумала — а ведь, если Дианка обнимет, то не вырвешься!.. И улыбнулась чему-то еще, что подумала после этого.

Поверхность воды стала гладкой и движение неспешным.

— Здесь глубина уже большая,— сказала Михаил Денису.— Если рыбу наловим, можно будет вечером уху сварить.

— А что тут за рыба? — посмотрел на него Денис.

— Посмотрим, что здесь ловится... Как там наша Яна? Все нормально?

— Все хорошо. Мне очень нравится... Диана, ты классно гребешь!

— Не хвали ее, а то зазнается и расслабится,— смеется Михаил.— Мы еще потренируемся.

— Какая здесь красота! — произнесла Диана, перестав грести.

Чувствовалось, что с непривычки она все же устала. Сидящий впереди нее Денис это тоже почувствовал.

— Ты знаешь,— сказал он, чуть полуобернувшись к Диане,— когда я в первый раз поплыл с папой, то через полчаса уже устал. А потом усталость прошла. Ты как заведенный становишься. Мы после этого целых два дня плыли...

— Да-да, так и было. Так что, Диана, усталость скоро пройдет. Ты, кстати, можешь отдохнуть. Тут сейчас ровное течение. Мы с Денисом и вдвоем управимся.

Диана пробралась назад к Яне.

— Фу-ф!.. Как ты тут? — устроилась она, полулежа, под бочком у Яны.

— Мне очень нравится! — сказала Яна, обнимая ее за плечо.— Наверное, жилья тут никакого нет. Как думаешь?

— Выглядит диковато.

Лес по бокам становился все более замшелым, свет едва пробивался сквозь ветви, и сумрак между стволами становился все более густым.

— Такой лес, наверное, и называется — дремучим,— произнесла Яна.

— Здорово было бы побродить там. Жаль, что грибы еще рано собирать... Слушай, Диана, может, стоит еще раз нашим позвонить? А то будут волноваться.

— Не думаю, что здесь есть зона? Давай попробую.

Диана достала телефон из пакета и набрала номер. Отбила и набрала снова.

— Нет зоны,— сказала она.— Представляешь, в какие дебри мы заплыли!

— Что сейчас чувствует Женя...— покачала головой Яна.

— Не переживай. Как только будет связь, позвоним.

— До завтра вряд ли это получится,— заметил Михаил не оборачиваясь. Здесь вышек нет. Вон там,— он показал на берега реки — никто и не живет.

— Папа, а помнишь, мы тут видели лосей и кабанов? — вспомнил Денис, тоже доставая из сумки телефон.

— Денис, мы по этой реке еще не плавали. То было в другом месте. Но звери тут есть... Вполне возможно, и кабаны здесь водятся.

— А знаете, что было со мной на одной реке,— повернулся Денис к Яне с Дианой.— Такая же была река... Очень похожая на эту. Мы заплыли в одну протоку и

выбрались на берег. Папа стал рыбу ловить, а я пошел в лес и увидел в лесу огромную яму, полную воды. Я сбегал за удочкой и забросил ее в яму. И вдруг у меня поплавок ушел под воду!..

Денис оглядел всех в ожидании восторга и удивления.

— Кто же это там был? — спросила Диана.

— Не знаю. Папа пришел и сказал, что надо плыть дальше. Папа, почему ты не дал мне поймать эту штуку в яме?

— Денис, надо было место для ночлега искать.

— Я так и не узнал, что это было.

— Это и хорошо,— сказал Михаил.— Зато ты запомнил это. Тайна, вот самое главное. В жизни должна быть тайна.

— Лучше бы я узнал, чем тайна какая-то.

— Ну, поймал бы ты лягушку или тритона. И что? Разве это было бы интересно?

— Мне было бы интересно.

— А Михаил прав,— шепнула Диана Яне на ухо.— Потом расскажу тебе что-то.

— Расскажи сейчас.

— Нет, когда вдвоем будем... Янка, смотри! — Диана показала в сторону берега.

Яна посмотрела в том направлении, куда показывала Диана. То, что она увидела, поразило.

Берег в этом месте был такой крутой, что оплетенная корнями почва казалась срезанной у самой воды. Между стволами елей, ярко озаренными солнцем, Яна увидела маленькую лавочку, грубо сколоченную из посеревших от времени, потрескавшихся досок.

Катамаран неспешно проплыл мимо нее. Никто не греб, все смотрели на лавочку под ветвями деревьев в полном молчании.

— Вот тебе еще одна тайна,— кивнул головой на лавочку Михаил.

— Лавка ведьмы,— прошептал Денис.— Она сидит на ней по ночам.

— А может, туристы здесь останавливаются,— предположила Диана.

Михаил покачал головой.

— Лодку на берег не затащить, для палатки места нет. И костер разводить в зарослях опасно. Нет, плохое место для стоянки.

Они проводили лавочку глазами, пока она не скрылась за новым поворотом реки. Тогда Яна, словно вернулась к реальности, снова стала слышать плеск воды и откинулась спиной на мягкий рюкзак, видимо, с одеждой.

Диана села на свое место и взяла весло.

— Потренируемся? — оглянулся на нее Михаил.

— Давайте.

— Видишь, камни впереди. Слева и справа... Между ними пройдем. Денис, видишь их?..

Яна смотрит на проплывающие мимо нее с двух сторон вершины елей, устремленные в голубую высь с замершими в ее глубине белыми облаками. Катамаран, набирая скорость, слегка покачивается на воде, с легким плеском скользит по ней. Яна закрыла глаза. Кажется, что вода журчит у самого уха. Несколько капель брызнули на ее щеку и волосы у виска.

Она слышит голос Дианы, смех Дениса, и чувствует легкое покачивание, тепло солнечного света.

— Яна, смотри, сейчас будем проходить между камнями,— кричит ей Диана.

Яна приподнимается, голова чуть кружится от солнечного припека. Катамаран быстро летит среди всплесков воды, перекатывающейся через гладкие камни. Опустив руку в воду, Яна коснулась гладкого, скользкого камня.

Катамаран вдруг дернулся, накренился и, сделав пол-оборота с неприятным скрипом резины, трущейся по камням, остановился на середине реки.

Яна схватилась за мокрые, железные поручни. Вода шумит вокруг них, поток бьет в гондолу, в которой она сидит. Тонкая водяная пыль обдаёт лицо.

— Все нормально, девочки,— спокойно говорит Михаил.— Денис, вылезай слева. Подтолкни. Очень скользко. Держись!..

Сам Михаил, осторожно ступая на камни, вылезает из катамарана с другой стороны.

— Разворачиваем,— командует Михаил.

Они разворачивают катамаран, и его, действительно, сразу же сносит течением с камней. Михаил с Денисом ловко заскакивают на гондолы и, быстро заняв свои места, усиленно гребут веслами, не давая катамарану снова развернуться боком. По слаженности действий чувствовалось, что такое с ними уже бывало. Диана тоже изо всех сил помогает грести. Наконец, движение катамарана выровнялось, и он снова понесся вперед, между еще более сужившимися стенами сумрачного леса. Он стал еще более диким. В темноте, за седыми от потеков смолы стволами, видны завалы поваленных бурями деревьев. По обеим сторонам черные земляные взрывы вздыбившихся вверх корней, поросший мхом берег, заросли высокого папоротника.

— Ну, как вы? — обращается Михаил.

— Страшненько было,— говорит Диана.

— И не такое бывало!.. Но лучше, конечно, не застревать на камнях. Можно и резину порезать.

— Наверное, я где-то зевнула,— сказала Диана.

— Нет, ты все делала правильно. Надо было эти камни обходить. Но, ничего. Может, стоит к берегу пристать? Как, насчет отдохнуть перекусить?

— Я бы не прочь к бережку подрулить,— согласилась Диана.— Уж больно я соком напузырилась.

— Я тоже напузырился,— ухмыльнулся Денис.

— Здесь очень крутые берега. Давайте вон за тем поворотом посмотрим. Диана, сейчас соберись... Течение там быстрое, вон, река как сузилась. Держимся левого берега... Нет!.. Там камни! — кричит Михаил.

Почуввав что-то неладное, Яна вглядывается вперед. Река делает резкий поворот влево, течение очень быстрое и видно, что Михаила что-то беспокоит.

— Слева нельзя, там камни,— кричит он.— Идем по середине. Диана, Денис, нельзя, чтобы нас вынесло к правому берегу... Притормаживайте!..

Течение реки быстро вынесло катамаран к повороту. Камней было уже много и Диана понимает, что должна делать,— в момент поворота надо притормозить со своего края и, как только катамаран развернется, грести изо всех сил, чтобы их не занесло.

Слепящий глаза блеск солнца среди пенных всплесков, шум воды, удары весел, голос Михаила... Яна, крепко держась за поручни, увидела, что их катамаран несет к правому берегу, к той его части, что была скрыта за поворотом. И тут они увидели то, что было скрыто до сей поры,— упавшее на правом берегу дерево. Острые ветви направлены в сторону катамарана, и дерево несло прямо на них.

Яна не успела испугаться, до того быстро все произошло. Хлопок, еще один хлопок, резкий скрежет царапающейся резины. Михаил с Денисом хватаются руками за ветви, отталкивают их от себя. Острая, гибкая ветвь чуть не столкнула Диану, но та успела отбить ее рукой и закричала Яне: «Пригнись!»

Течение подхватило катамаран и он, с креном на один бок, понесся дальше по реке.

— Гребем туда! — показывает рукой Михаил.

— Нас, кажется, проколело! — кричит Диана.

— Яна, с тобой все хорошо? — оборачивается Михаил.— Девчонки, вы целы?

— Да... Да...— только и может выговорить Яна.— Она чувствует, что все тело ее дрожит, и тут только вспоминает ту ветвь, что прошла так близко от лица.

— Все нормально,— чуть спокойнее говорит Михаил.— Давайте вон туда, к песчаному берегу.

Как только проколота и потерявшая упругость гондола зашуршала по песку, Диана соскочила на берег и тут же погрузилась в песок по колена.

— Блин! — закричала она.— Да тут!.. Тут... Зыбучий песок!..

Михаил с Денисом подхватили Диану подмышки и вытянули из песка.

— Фу-у-ф! Кроссовки, кажется, на мне,— тяжело отдуваясь, сказала Диана.

— Высадимся дальше,— показывает вперед Михаил.— Я первый выйду. Берег травянистый, но кто его знает.

— Янка, там реально зыбучий песок,— говорит потрясенная Диана, снова взяв весло и начав грести.— Зыбучий!.. Точно как в «Лунном камне». Бли-и-ин! Вот расскажу Нику с Женькой. Не поверят, ни за что...

— Лучше не рассказывай,— посоветовала Яна.

С резким креном катамаран вошел в тихую заводь. Михаил с Денисом вытащили его на берег. Яне странно было стоять на твердой земле. Ее чуть качало из стороны в сторону. Диана заметила это и взяла под руку. Солнце припекает зеленый травянистый берег, над дном мелководья песчаной заводи носятся юркие мальки. Лес, на противоположном берегу, отражается в воде, как в зеркале, а когда дует теплый ветер, отражение рассекается, словно ложатся на воду небесно-голубые полосы тончайшего шелка и тут же пропадают. Тишина и покой царят в этой заводи.

— Как здесь хорошо! — воскликнула Яна.— Так хорошо, что я могла бы и не уходить отсюда всю свою жизнь. И вообще, я вам скажу,— на земле как-то надежнее.

— Ну, не скажи,— заметила Диана, взглянув на свои залепленные песчаной жижей джинсы.— На земле тоже надо держать ухо востро.

— Мы вечером найдем такое же место. А здесь отдохнем и перекусим. Но сначала, Денис, заклеим проколы. Кажется, их было два. Будем искать... А вы далеко в лес не уходите. Тут может быть топко.

— Э-гей!.. Здесь можно купаться! — воскликнул Денис и, зачерпнув воду ладонями, подбросил искрящиеся брызги вверх. Они распались над ним водяной пылью, а эхо его голоса, отраженное лесом на другом берегу, разнеслось далеко-далеко и затихло вдали.

Через час, выкупавшись в реке, они расположились на траве, на солнышке. На заклеенной гондоле катамарана сушились Дианкины джинсы. Закутанная в плед, она разрешила жареную курицу, которую Михаил достал из сумки, сыр, помидоры и огурцы. Денис притащил бутылку кваса. Он хранил ее в специальном местечке под катамараном, и квас сохранял прохладу реки.

— Прям, неудобно,— сказала Дианка.— Вы тут такой пир затеяли.

— Все нормально, девочки! — улыбнулся Михаил.— Чудесный день, лето, солнце! Зимой будет что вспомнить. Жизнь — она такая короткая, я вам скажу, что не успеваешь осознать, до чего же она хороша. Давайте, чокнемся квасом за нашу встречу! Если бы не ты, Диана, если бы не твои усилия, там, на тех ветвях, все могло бы оказаться гораздо серьезнее. Ты молодец, не растерялась. И Яна не подвела. Мужественно держалась.

— Руками я, точно, держалась. А про «мужественно», не знаю,— засмеялась Яна.

— Молодцы!.. В следующий раз поплывете, будете уже знать, что к чему.

— Надеюсь, не попадем больше в передраги,— заметила Дианка, входя в роль бывалого путешественника.

— Знаешь, Диана, как говорили восточные мудрецы? — спросил Михаил.

— Они много чего говорили. Разве все помнишь.

— Они говорили, что человек, не совершивший ошибку, подобен ученику, прогулявшему урок. Так что все передраги полезны. Это опыт. На поворотах надо быть особо внимательными.

— Те же самые восточные мудрецы говорили, что если человек совершил ошибку дважды, то он обязательно совершит ее и в третий раз.

— Не дай Бог! Диана, с тобой надо пить не квас, а что-нибудь покрепче, — заметил Михаил.

— Знаю, — сказала Диана. — Мне говорили, что я отличный парень.

— Хорошо, что ты с нами, — улыбнулся Михаил. — Ну, а чем вы по жизни занимаетесь, девочки?

— Яна художница. Причем, отличная! Она сейчас в Англии живет. Но это временно, пока у мужа там работа.

— А ты, Диана? — прищурился Михаил. — Не могу представить, чем ты занимаешься.

— Что, непохожа на человека, который чем-то сильно занят? Но это на первый взгляд. Пока присматриваюсь, в каком, лишенном всякого смысла предприятии, мне стоит поучаствовать. Ну, и как бы, между прочим, стараюсь стать писателем.

— И ты что-нибудь уже написала?

— Одну книгу написала. Но это так — начало. Вторая книга будет лучше. Хотелось бы вздыбить мировую литературу. Взболтнуть ее, а то немного она ряской потянулась.

— С какими людьми я здесь сижу! Яна, неужели она не шутит?

— Она прекрасно пишет. И, действительно, написала книгу.

— А как называется твоя книга?

— «Люболь».

— Э... Не понял.

— Ну, это «любовь», только одна буква заменена. Любовь, как боль...

— О любви, значит, книга.

— Не совсем.

— О чем же?

— Ну, если так — коротко... Представьте себе самого дремучего дикаря в каком-нибудь дичайшем уголке мира и, допустим, что он о цивилизации не имеет никакого представления. Мы даем ему в руки книгу. Он открывает ее, что видит?

— Видит что-то непонятное.

— Да. Он не знает, что это за предмет и для чего он нужен. Открывая книгу, он видит черточки, закорючки, точки, подобные следам зверей. Какие-то знаки, например *G*, напоминает ему его бумеранг, а *T*, напоминает топорик, которым он бошки раскалывает. Что напоминает ему *O*, я умолкну, слишком интимно...

— Дианку надо притормаживать, — смеясь вместе с Михаилом, сказала Яна.

— Продолжаю... Дети, закройте уши... Итак, он видит закорючки, что-то ему напоминающие, но он не догадывается, что это текст, и он несет послание. В нем заключена информация. Так вот, мы, подобно тому дикарю, не догадываемся, что нас окружает Великая Книга. Все, что мы видим, слышим, ощущаем, чувствуем — все это знаки. Деревья, облака, звезды, животные, растения и все остальное, включая нас самих, все это знаки Текста Бытия. Для того, чтобы читать книгу, нам надо учиться чтению по букварю. Точно так же и моя первая книга, и последующие, будут такими букварями, по которым, в первую очередь я сама, в процессе писания, пытаюсь, хоть немножко, перестать быть дикарем и начать осознавать Знаки Бытия, постигать их смысл и значение.

— Как интересно! — покачал головой Михаил. — Да... Замах у тебя грандиозный!.. А вот, любопытно, как ты собираешься вздыбить и взболтнуть мировую литературу?

— Здесь работы непочатый край. Все не так... Взять хотя бы... Хм!.. Даже не знаю, с чего начать.

— Все равно с чего.

— Хорошо, возьмем фантастику. Меня с детства интересует вопрос. В художественной литературе есть великие писатели — Шекспир, Бальзак, Толстой, Достоевский и пр. В жанре фантастики тоже есть выдающиеся писатели. Тут и Жюль Верн, и Герберт Уэллс, Саймак, Шекли, Азимов, Кларк и прочие. И теперь вопрос — почему выдающиеся писатели-фантасты уступают в художественной силе мастерам художественной прозы?

— Разве уступают?

— А вы не заметили? Не поверю, если мне кто-нибудь скажет, будто есть писатели-фантасты, которых по художественному уровню можно поставить рядом с Шекспиром, Сервантесом, Гоголем, Маркесом, Флобером или Фолкнером, Толстым и Достоевским. Где что-нибудь подобное — «быть или не быть!», произнесенное на какой-нибудь космической станции или безлюдной планете? Где Хемингуэзовское «прощай оружие» по окончании межгалактической бойни? Или, люди в будущем, попав в космос или на другую планету, перестанут быть людьми? У них не будет ни великих мыслей, ни страстей? Так почему же нет фантастического романа, впрочем, и детективного тоже, который можно было бы поставить в один ряд с «Преступлением и наказанием»? А ведь роман этот, в сущности, детектив и даже триллер. Достоевский показал направление. Но так и остался один на этом пути, потому что нет ему равных в фантастике...

— Я думаю, в фантастике другие задачи ставятся. Писатели пытаются заглянуть в будущее. Хотят увидеть...

— Нет, нет и нет! В будущем как раз самое интересное и есть — человек, а не гиперскачки через вселенную.

— Слушаю тебя, и, вроде, как ты права. Но мне нравится фантастика такая, какая она есть. Я много в свое время перечитал.

— А мне не нравится. Такое чувство, что над писателями-фантастами нависает какой-то потолок. Они доходят до него и упираются головой. Только один человек, я считаю, может считаться исключением — Рэй Бредбери. Его книги — грандиозная проза! Вот, я считаю, правильное направление. Его «Вино из одуванчиков» я читаю с таким же удовольствием, как и «Степь» Чехова. И та, и другая книга — гимн человеческому бытию... Вот какие мысли меня одолевают...

— Да-а-а! — задумался Михаил, покачивая головой. — С тобой трудно не согласиться.

— Нужен переворот в жанре фантастики, — заявила Дианка и, с хрустом откусила огурец. — И я знаю, в каком направлении надо двигаться.

— Давай ты нам это вечером на привале расскажешь. С удовольствием тебя послушаем. А теперь надо собираться в путь... Ох, Диана!.. Ну, ты дала!.. Подумать только, о чем некоторые люди размышляют!..

Катамаран скользит по реке. Предвечернее солнце заливает все вокруг мягким, золотистым светом. Яна положила руку на гондолу и чувствует приятное тепло нагретой солнцем резины и легкую дрожь. Мелкие волны хлопают по гондолам, обдают их клочками быстро тающей на солнце пены. Яна удобно устроилась среди мягких рюкзаков. Она смотрит на спину Дианы, на ее крепкие руки, ловко орудующие веслом, на золотистые искорки солнечного света на воде и, вдруг, словно пробудив-

шись от сна, почувствовала резкое чувство счастья. Ее иногда охватывали такие состояния, когда казалось, что лучше этого мига не может быть ничего. Ей казалось в такие мгновения, что она в ином мире, и в этом мире она дома. Она узнает это чувство покоя и счастья. Она знала его еще до рождения и теперь вновь испытала. Такие мгновения были чудесны... Но, поскольку произойти такое могло где угодно — и в очереди в магазине, на улице, среди прохожих, она, однажды, поняла, что все мгновения жизни достойны того, чтобы, подобно Фаусту, воскликнуть — «остановись мгновение, ты прекрасно!» Только не всегда мы это чувствуем и осознаем, а только в какие-то редкие моменты, когда попадаем в единый резонанс с существованием.

Однажды и Диана ей сказала: «Знаешь, что чувствует каждый человек перед смертью? Сначала он, пораженный, думает,— и это все!? А потом осознает, что каждый миг его жизни был счастьем. И эти мгновения проносятся перед его взором.

Яна глубоко вдохнула чистый лесной воздух и почувствовала, что ощущение счастья пропало так же внезапно, как и появилось. Что это было? — думала она потом. Как вернуть это невероятное чувство?

Дианка подкралась к ней тихо, имитируя кошку, мурлыкнула, потерлась щекой о ее локоть и легла рядом.

— Пришла к тебе отдохнуть. Не скучаешь?.. Меня освободили от вахты,— сообщила она.— А воздух какой! А!.. Он пахнет летом. Жаль, что его нельзя законсервировать в трехлитровой банке и открывать зимой. Он такой густой, так пахнет лесом и рекой, что его можно резать ножом, мазать на хлеб.

— Ты отдохни,— погладила ее Яна по плечу.— Ты устала. Жаль, что не могу помочь тебе.

— Денис был прав. Я усталости не чувствую. Тело, как автомат, руки уже сами гребут. Сейчас полежу с тобой и снова на вахту. Такова наша моряцкая судьбушка. Надо отрабатывать кусок хлеба.

Солнце скрылось за деревьями, перестали петь птицы, и стало прохладнее. Время от времени из леса доносились голоса, виднелись палатки и лежащий на берегу катамаран. Михаил предложил поискать место для лагеря. Но они проплыли еще около часа, пока не увидели место, которое им понравилось.

Огромная ель склонилась над водой так низко, что они проплыли под ней, раздвигая свисающие вниз ветви, и заметили, слева по течению, маленькую полянку на самом берегу. Впереди, у поворота реки, стены леса смыкались, отчего возникало ощущение замкнутого пространства. Покой, неподвижность и настороженная тишина царили здесь. Пахло мхом, грибами и сыроватым духом вывороченной корнями деревьев земли. Что-то хрустнуло на противоположном берегу. Берег близко, метрах в двадцати. Яна вгляделась в глубину леса и среди, едва виднеющихся в сумерках, завалов деревьев, ей почудилось движение какой-то косматой тени.

Плеск весел эхом разнесся над водой, зашуршал песок под днищем катамарана и он остановился, уткнувшись в берег.

— Вот здесь мы и остановимся,— сказал Михаил.— Хорошее место.

— Михаил лаконичен и деловит,— заметила Диана.— А по мне, это место не просто хорошее, а замечательное! Здорово было бы пожить здесь несколько дней! Или месяц... Или всю жизнь. А, Янка?.. Как насчет того, чтобы построить здесь избушку, писать книги и рисовать?..

— А на что бы вы жили? — усмехнулся Михаил.— В первую же зиму бы сбежали отсюда.

— Как на что? Моя тайга ходить. Белка бить. мех дорого продавать.

— Эх, ты... Тайга,— покачал Михаил головой.— Давайте, вытаскиваем вещи, ставим палатку.

— Мне нравится здесь, Диана,— приобняла ее Яна.
— Вот!.. А еще «гением» на меня ругалась. Я же знала, что тебе понравится.

Пылает костер, высвечивая край желтой палатки, поблескивают в темноте металлические крепления катамарана на песчаной кромке берега. Михаил устроил в нем удобное место для ночлега с надувными подушками и спальными мешками.

— Вот, девочки, думаю, здесь вы классно устроитесь. Сейчас я еще тент сверху растяну. Не замерзнете... А мы с Денисом рядом, в палатке.

Над костром кипит в котле вода, Денис сыпет в нее какую-то крупу. Михаил открыл две банки тушенки, нарезал огурцы, сыр...

— Посмотрите,— показывает им Михаил большую охапку трав.— Иван-чай. Там, дальше, вдоль берега растет. Сегодня лесной чаек поьем.

— Мы так и не порыбачили,— огорченно произнес Денис.

— На ночь донки поставим. Будет у нас на утро рыба на углях. Чем не жизнь, девочки!?!..

— И часто вы так путешествуете? — спросила Яна.

— Могли бы и почаще, если бы не моя работа. Но стараемся выбиратья. Сыну тоже нравится на природе.

— Когда у меня будет сын, я его тоже всему научу,— сказал Денис и подбросил валежника в костер.

— Так оно и получается,— кивнул головой Михаил.— Меня ведь, тоже, отец приохотил к путешествиям.

В глубине леса прокричала ночная птица, и снова стало тихо.

Каша с тушенкой показалась Яне необычайно вкусной. Но это, наверное, оттого, что потрескивают сучья в костре, изредка слышны тихие всплески и горят над ними летние звезды.

— Берите, девочки, сыр. Очень вкусный, домашний,— предложил Михаил, подвигая им тарелку со светлеющими в темноте кусками.— Да, кстати, Диана!.. Ты начала рассказывать, какой должна быть фантастика. Расскажи. Самое время...

— Не хочется сейчас о серьезном. Так хорошо у костра просто помолчать.

— А ты несерьезно об этом расскажи. Я знаю, ты умеешь,— засмеялся Михаил.

— Хорошо... Вы, Михаил, любите читать?

— Конечно! Для отдыха. Фуру гнать через всю Европу — это, я вам скажу, не шутка. И так месяцами. Тут тебе не до «Братьев Карамазовых».

— А что читали последнее?

— «Аэропорт» Артура Хейли. Перед этим читал его «Отель».

— Не совсем то, что мне хотелось бы услышать,— заметила Диана,— но ладно. Пусть будет Хейли. Так вот, как вы думаете, что такое — фантастика?

— Ты меня спрашиваешь?

— Да. Прежде чем обсуждать что-либо, надо понять, говорим ли мы об одном и том же.

— Ну, хорошо... это роман, действие которого происходит в будущем или, скажем, при перемещениях во времени, в космосе и прочее.

— И там, наверное, речь идет о каких-то новых технологиях, недоступных нам сейчас...

— Конечно.

— То есть, как я поняла, это роман о будущем. А романы Хейли к этому отношения не имеют. Правильно?

— Ну, нет, у него...

— А теперь, представьте себе, что мы достигли такого уровня, что можем пере-

мещаться во времени. Предположим, додумался до этого какой-нибудь гениальный физик со включенными волосами. Но перемещать сразу человека — опасно. Для начала надо переместить во времени какой-нибудь объект. Например, книги Артура Хейли «Отель» и «Аэропорт». И отправим мы их в начало девятнадцатого века. Итак, американцы или европейцы, уж не знаю, к кому книга попадет, обнаруживают роман, действие которого происходит в будущем. А мы с вами, только что, решили, что книга, действие которой происходит в будущем и в которой описаны новые технологии, относится к жанру фантастики. Но, согласитесь, у них в руках окажется странный фантастический роман. В нем читатель девятнадцатого века столкнется с такими технологическими достижениями, что он ничего не поймет без подробных комментариев, но, в то же время, речь в книге идет совсем не о них. Это книги о человеческих отношениях, страстях и конфликтах. И как раз эти отношения совершенно фантастичны для читателя девятнадцатого века.

— Понимаю тебя. Но как сейчас можно написать книгу, чтобы это было написано как бы в будущем и для людей того времени?

— В этом и заключается задачка для фантастов. Ты понимаешь меня, Янка?

— Я то понимаю тебя, то снова не понимаю... Но больше понимаю...

— Или возьмем роман Михаила Шолохова «Тихий дон». Уж так это далеко от какой-либо фантастики. Но представьте себе, что было бы, если бы эта книга оказалась в России восемнадцатого века и была переведена на тот язык!.. «Тихий Дон» сразу же становится невероятной фантастикой в жанре альтернативной истории! Российская империя разрушена, монархия свержена! Вдумайтесь, что там происходит! В стране гражданская война, трещат пулеметы, рвутся гранаты и снаряды, какие-то газы... Россия преобразуется в новое государство... Разве это не фантастика!? Но, при этом, какая психологическая глубина! Какая художественная мощь! Сколько мудрости и поэзии! Какие страсти и коллизии — жизнь, смерть, любовь, ненависть! Вот о чем я говорю. Настоящим современным фантастическим романом будет новая эпопея «Война и мир», действие которой происходит в будущих веках, в космосе, в других галактиках. Но мне скажут, что такая эпопея есть — «Звездные войны». Ха-ха-ха! — отвечу я вам. Можно ли это сравнивать? Где Наташа Ростова, которую князь Андрей оставляет на Земле, отправляясь на битву с межгалактическим узурпатором? Где его мысли под дубом? Где «совет в Филях», происходящий на какой-нибудь захудалой орбитальной станции?.. Где роскошная Элен в платье, созданном с использованием новейших технологий, которое меняет цвет и покрой в любой момент, когда она этого пожелает? А в особо пикантных случаях оно может и вообще исчезнуть с ее тела, оставив на ней только бриллианты?..

— Диана, прекрати! — хохочет Михаил. — Теперь верю, что ты писатель. И комик, к тому же. Но почему бы тебе не взять и написать такой роман? Ты уже знаешь, что надо делать.

— Знать и уметь, разные вещи.

— Нет-нет, я уже вижу, что ты на многое способна.

— Кто знает. Может и способна. Когда-нибудь и махнусь на нечто подобное.

— Да... Замыслы у тебя грандиозные!

— Что там замыслы, — махнула рукой Диана. — Я еще в самом начале пути. Можно сказать, я еще в детский садик хожу. А ведь еще школу надо закончить, университет, а тогда уже и за работу браться. То, что я задумала, требует большой подготовки.

— Так у тебя и жизни не хватит.

— А кому ее хватает, — заметила Диана. — Душа — она всегда на взлете, а вот тело слабеет. Да жизнь доканывает.

— Да, жизнь — она такая... — заметил Михаил, подбрасывая валежник в огонь. — А что будет дальше, вообще не известно.

— А мне кажется, — сказала Диана, — сейчас самые счастливые моменты нашей жизни. Посмотрите, какая ночь! Какое кругом чудо!.. Янка, тебе не холодно?

— Я плед сейчас достану, — поднялся Михаил.

— Нет-нет, мне у костра тепло, — поеживаясь, сказала Яна.

— Ничего-ничего, накроем твою спинку, а то от реки тянет... Попрохладнело, однако.

Михаил закутал Яну в плед и разлил всем чай в большие кружки.

— Можно руки погреть, — сказал он.

— Интересно, — сказала Диана, — тут кто-нибудь до нас останавливался?

— Да. Мы с Денисом остатки костра заметили.

— Это я заметил, — уточнил Денис.

— Ну, да, правильно, ты у нас самый глазастый.

Все у костра замолчали, прислушались.

— Как тут все... необычно! — произнесла Яна, задумчиво глядя в темноту, обступившую их со всех сторон. — Я обязательно нарисую большую картину, с этой елью над рекой, с отражением леса в воде, костром и звездами в небе. Здесь такая атмосфера, что хочется верить чудесам. Очень много в мире рациональных людей, но они живут в городах. А если ты живешь в лесу или в горах, если плаваешь в море, то будешь совсем другим человеком.

— Это точно, — согласилась Диана. — Английский писатель, Джозеф Конрад, а до писательства он был капитаном корабля, говорил, что не знает ни одного матроса, который, пережив тайфун, остался атеистом.

— А когда он плавал? — спросил Михаил.

— То было в девятнадцатом веке. Он плавал на парусных судах.

— Могу представить...

— А ты, — обратился Денис к Яне, — видела в жизни что-нибудь таинственное?

— Денис, почему на «ты» обращаешься? — сделал ему замечание Михаил.

— Ничего-ничего, мы тут с ним уже запросто общаемся. Мы уже на «ты» перешли, — приобняла Дениса за плечо Яна. — Таинственное, говоришь? У меня все было таинственным и чудесным... Но это не будет тебе интересно.

— А вы видели каких-нибудь духов? — спросил у Дианы Денис.

— Сто раз, — ответила Диана. — Помню, когда-то в детстве, с моим другом, Мишкой, вызывали духов, гадали с блюдцем.

— Вообще-то советуют этим не заниматься, — заметил Михаил.

— Знаю, но был такой период в детстве, когда любопытство пересилило.

— И что, кто-то отвечал?

— Вот, именно — кто-то. А кто, не знаю. Но ответы бывали любопытные. Однажды мы вызвали дух полководца Суворова. Думаем, что бы у него спросить такое. Полководец ведь. Ну, мы и спросили, какая армия самая сильная в мире — российская или американская?

— Интересно, — заинтересовался Михаил. — Что же он ответил?

— А вот угадайте. Тогда и увидим, кто из вас Суворов.

— Российская, — сказал Михаил.

— Нет.

— Американская?

— Нет.

— Но ведь всего два варианта, как я понимаю.

— Только не для Суворова. Вы забываете, что это был выдающийся полководец. Он ответил коротко и гениально — «моя».

— О!.. Сильно! — проговорил Михаил.— Хорошо сказал!

Яна, кутаясь в плед, встала и, осторожно ступая в темноте по траве, подошла к катамарану. Он лежал на берегу, у самой воды. Она не видела ни реки, ни леса напротив, только верхушки деревьев едва угадывались на фоне неба. Яна села на упругую гондолу и прислушалась к тихому журчанию реки, вдохнула прохладный речной воздух.

— Яна, все в порядке? — слышался голос Михаила.

— Да-да. Все хорошо. Просто я хочу здесь посидеть.

Яна хорошо видит Диану у костра, слышит ее голос, смех Михаила и Дениса. Дианка опять рассказывает что-то смешное.

Яна смотрит на Диану и думает — ведь она же все время со мной, поддерживает меня во всех смыслах, не отходит от меня ни на шаг, но как же она, при этом, умудряется оставлять меня одну тогда, когда мне хочется побыть в одиночестве. И сейчас она оставила меня одну... Наверное, это от того, что она хочет, чтобы я чувствовала себя свободной. Да, это так, ведь однажды, еще в своем письме, она так и писала: «Любить свободу — это значит дать другому возможность быть свободным».

Освещая фонарем землю под ногами, к Яне подошел Михаил.

— Заброшу пару донок,— сказал он.— Утром будем с тобой, Яна, вытаскивать. Ловила когда-нибудь, рыбу?

— Нет. Интересно, что поймается.

— Да, это и есть самое интересное. Судя по течению, тут довольно глубоко. Тут и лещ может быть, и хорошая плотва, и вимба, и линь...

Михаил с легким всплеском забросил донки и, войдя в воду, вымыл руки.

— А вода-то теплая! — сказал он.— Да, Диана права. Много было у нас с Денисом стоянок, но это место лучше всех.

Он вышел на берег и подошел к катамарану.

— Посмотри, Яна, вот за это надо потянуть и навес закроется до конца. Пока пусть будет так, а потом вы сами отрегулируете, как вам нравится. Если что, зовите. Мы рядом.

— Спасибо вам, Михаил!

— Да что ты. Это вы нам помогли. Мы с сыном настроились на поездку, а у друзей проблема дома. Благодаря вам, мы здесь. А Диана у тебя сильная. Хорошая у тебя подруга. И, к тому же, веселая.

— Она мне даже больше, чем подруга. Она мне — как сестра.

— Тогда еще лучше. С ней не пропадешь.

— Когда она была маленькая, она мне так и писала. Лет десять ей тогда было, и очень забавно это звучало. А еще она писала, что «усестрит» меня. Теперь-то я вижу, что шутки ее — совсем и не шутки.

— Отдыхайте. Пойду своего парня укладывать, а то они с Дианой всю ночь проговорят. А нам ведь еще завтра плыть. Хорошего вам сна!

— Вам тоже, Михаил, хороших снов!

В спальном мешке оказалось очень тепло и уютно. Они с Дианой прижались друг к другу и даже обнялись, чтобы было теплее.

— Ну и денек! — прошептала Диана.— Сколько всего было!

— Устала?

— Нет, совсем и не устала.

Полог над ними был раскрыт, и они лежали, глядя на звезды.

— Красивая это штука — звезды,— сказала Яна.— Только в жизни нет времени обратить на это внимания.

— В первую нашу ночь с Ником мы тоже лежали под звездами,— блеснув глазами, шепнула Диана.— И, между прочим, мы целовались...

И придвинувшись к Янке, она поцеловала ее в щеку.

— Дианка! — прижалась к ней Яна.— Прекрати хулиганить!.. А что-то прохладненько как-то.

— Сейчас согреемся. Смотри, что у меня есть.

Потянувшись, она достала что-то из сумки.

— Что это?

— Коньяк. Маленькая бутылочка. Я сегодня в баре купила. Знала, что пригодится.

— Дианка, ты что?

— А что? Бутылочка то сувенирная. На два хороших глотка. Зато сейчас согремся. Давай, быстренько, раскрывай ротик. И не спорить! Делай глоточек.

— Из горлышка?

— Конечно.

— До чего я дошла. Коньяк из горлышка!..

— Давай-давай... Молодец! Вот!.. Хорошая девочка! Дианка тебя научит согреться. Давай теперь мне... Хе-х!.. Чувствуешь, как тепло пошло по всем жилкам?

— Чувствую.

— Потом, перед самым сном, еще глотнем.

— Ох, Дианка!

— Что Дианка... У нас теперь есть тайна — вместе под одеялом коньяк из горла хлестали. Фу-ф!.. Хорошо!.. Мне нравится. Здорово, что поплыли. А то сидели бы сейчас там одни, как две клуши. Нет, Янка, жить надо так, чтобы... свист ветра в ушах. Помнишь, как Маяковский говорил? По жизни надо идти так, чтобы штаны трещали.

— Дианка, я так не могу ходить... Ты же знаешь. И вообще, у меня уже голова закружилась...

— А ты положи головку на подушечку. Только ты еще не спи. Я с тобой еще не наговорила. Знаешь, я с тобой никогда не смогу наговориться. Даже если бы мне миллион лет жизни дали, я и тогда с тобой не наговорила бы.

— О чем со мной говорить? Да еще миллион лет. Я ничего не знаю.

— Расскажи мне еще что-нибудь, про маленькую Янку.

— Мне про «маленькую Янку» забыть хочется.

— Тогда просто полежим и посмотрим на звезды. Самое чудесное — засыпая видеть звезды.

— Я думаю, эту ночь мы никогда не забудем.

— Как можно ее забыть! Ты устала, Янка. Засыпай...

— Нет. Я спать не хочу. У меня столько идей появилось. Вот вернемся домой, начну рисовать.

— Ель над рекой?

— Да. Все это место.

— Ты можешь в любой комнате мастерскую устроить. А можешь сразу во всех.

— Мне достаточно уголочка у окна. Так мне уютнее... А у тебя никакие идеи не появились? Столько всего за эти два дня было! Ты бы тоже начала что-то новое.

— Еще пока думаю. Не все, что происходит в жизни, может быть темой книги. Однажды я поняла одну вещь — важны не какие-то события, а намеки. Недосказанное дает мне гораздо больше. Рассказать один случай?

— Да.

— Однажды зимой я вышла из дома очень рано. Было часов шесть утра. Проснулась, решила поработать, но перед этим захотелось пройтись по морозцу. Темно еще,

фонари горят, иду одна по дороге, а снег метет и метет, снежинки вокруг ламп кружатся, как мошки. С каждой лампы сосульки свисают. Иду... И вдруг вижу, у ворот одного из домов, на краю дороги, стоит машина. Возле нее дядечка... Ну, такой — лет семидесяти, седой, но бодрый, одет прилично. Стоит он у машины и набирает номер на мобильном. Я сразу поняла, что звонит он кому-то в этот дом, возле которого остановился. Представь, шесть утра, темно, в том доме ни в одном окне света нет, все спят, а он стоит у ворот и звонит...

— Да, любопытно.

— Вот, и мне показалось, что это может быть началом интересной истории. Что-то очень важное происходит, раз приехал он так рано, и нельзя было подождать, пока наступит утро. Отличнейшее начало книги или фильма! Тут целая драма намечается!.. Надо только догадаться, что же происходит... Я продолжаю идти дальше, и вдруг слышу за спиной голос того дядечки. Видимо, он дозвонился. И говорит он по телефону так громко, что я слышу каждое слово... Но знаешь, лучше бы я не слышала то, что он сказал. Это все испортило. Уничтожило всю атмосферу саспенса и нуара. Пропала вся глубина и таинственность происходящего. А сказал он вот что: «Эй, сосед, ну так как, ты едешь в Ригу со мной? Ну, тогда давай, собирайся. Я как раз мотор разогреваю... Да, я уже тут, у твоего забора».

— Эх, разрушил он твой нуар! — засмеялась Яна.

— Вот, и я об этом. Так что, если что-то пишешь, надо не все слышать, не все видеть и не все знать. Намеки, детали, а остальное — вот тут, — показала Диана на свой лоб. — Можно, конечно, взять ту завязку и преобразить все в другую историю.

— Так и сделай. Ты сама себе хозяйин. Это твой мир... А почему тебе интересны мои истории из прошлой жизни?

— Дело не в «интересны», хотя, это тоже... Просто тогда смыкается круг. Чем больше я о тебе узнаю, тем больше мне кажется, что мы всегда были вместе. Твои рассказы становятся моими воспоминаниями. А что связывает вместе людей, которые провели детство вместе? Воспоминания. Ты всегда, Янка, была со мной.

Яна протянула руку, коснулась лица Дианы и почувствовала его тепло и маленькую слезинку на щеке. Она накрыла ее ладонью...

— Давай расскажу тебе о Рубине.

— Это имя?

— Да.

— Красивое. Никогда не слышала о таком имени. И кого так звали?

— На стене нашего детского дома было мозаичное панно, — начала Яна и замолчала, глядя на летящий в небе самолет.

Он помигивал огоньками на фоне искрящейся дымки Млечного пути. Иногда он пропадал, скрытый легкой пеленой дымки, и снова показывался в черном небе...

Игорь Карлов

(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

**ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ПОВЕСТЬ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ
ЦК КПСС, ПРЕЗИДЕНТА СССР
ГОРБАЧЕВА М. С.***

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

Бесцельно колеся по городу, Чернышев незаметно для себя оказался в центре, рядом с важнейшими муниципальными зданиями, включая УВД. Тут поневоле сбавишь скорость, чтобы не нарваться на неприятности, поэтому Андрюхина «ласточка» пошла плавнее, спокойнее, в лобовом стекле уже не металась в страхе, а торжественно проплывали отблески фонарей. Потихоньку проезжая мимо главной площади, Андрюха разглядел посреди подавляющего безлюдным масштабом пространства одинокую мужскую фигуру, застывшую перед памятником Ленину. Со стороны казалось, что ироничный скульптор водрузил лицом к лицу два изваяния: циклопический черный вождь с простертой дланью и маленький серый человечек, задравший голову. Несмотря на некоторую карикатурность, в этой картине была своя гармония — величие подчеркивалось малостью, а незначительность получала оправдание через приобщение к грандиозности. Однако, что за странный субъект мог бы так благоговейно замереть не под балконом возлюбленной, а у монументального воплощения официальной идеологии?

«Пьяный, поди», — подумал Андрюха и резко затормозил. Он опустил стекло, высунулся в окошко.

— Э, мужик! — крикнул Андрюха. — Скажи: «да» или «нет»?

— Да! — твердо и четко отозвался незнакомец, даже не повернув головы.

VII

Рогов не обернулся ни на скрип тормозов, ни на внезапно и безосновательно брошенный ему в спину вопрос, ни на звук отъехавшего автомобиля. Ответил машинально, передернув плечами, словно отгоняя назойливую муху, и забыл — ничто не должно было отвлекать от главного.

Вообще, Рогов был человеком позитивного склада, поэтому слово «да» нравилось ему гораздо больше, чем «нет». Сам Рогов называл свое мироощущение «оптимистизм», что было ошибкой лишь в грамматике, по сути же верно отражало его жизненное кредо, в котором обиходная jovialность и повседневная мажорность базировались на научно обоснованном историческом оптимизме, отчего приобретали черты безотчетного мистицизма. Рогов иногда путался в мудреных терминах, которыми старался уснастить свою речь (справедливости ради следует отметить, что он не столько любил козырнуть в разговоре заковыристым словом, покрасоваться перед собеседником, сколько добросовестно вникал в значение звучных и придающих су-

* Главы из повести.

ществованию осмысленность вокабул, штудировал словари, часто делал выписки), однако четко усвоил: понятие, обозначающее определенную идейную позицию, обязательно должно завершаться суффиксом «изм». Ну, и корень хотелось бы употребить похожий на нужный. А лингвистические тонкости, оттенки значений, вопросы паронимии для вооруженного всепобеждающей марксистско-ленинской теорией сознательного строителя коммунизма, каковым являлся Рогов, не столь уж существенны. Причем, отдававшее казенщиной словосочетание «строитель коммунизма» он с полным правом применял к себе буквально, поскольку и на стройке работал, и в коммунистической партии состоял.

Впрочем, не в том дело, что состоял... Сколько формально числящихся на партийном учете товарищей по существу ничего общего с коммунизмом не имеют! В этом Рогов неоднократно убеждался, это была его главная в жизни, постоянно изводящая боль. Лекарство же находилось единственное: чтобы избавиться от подступавшего порой к горлу тошнотворного комка изнеможения, чтобы беспощадно давить копошащиеся в душе эмбрионы сомнений, чтобы не сломаться под напором безыдейности повседневной рутины, требовалось хоть на несколько минут зримо, осязаемо приобщиться к мировоззренческой громаде, ощутить нерасторжимую связь поколений революционеров, от зачинателей великого дела до идущих на смену продолжателей. Как, периодически заводя механизм, поддерживают хронометр в рабочем состоянии, так и Рогову причащение к высоким идейным ценностям позволяло сверить тиканье своих капризных наручных часиков с непреложно точным громом кремлевских курантов, покрывавших всю планету переливчатой мелодией «Интернационала». И это не фигуральное выражение. Рогову однажды довелось эту сверку провести в действительности, оказавшись на Красной площади.

Он приехал тогда в Москву, чтобы посетить Мавзолей Ленина, и попал на знаменитую брусчатку на исходе ноябрьской ночи. По первой поземке Рогов споро двигался вдоль Кремлевской стены мимо выведенных усилиями хитроумных селекционеров елей с хвоей, не встречающегося в естественной среде державного оттенка, торопливо приближался к гранитной ступенчатой пирамиде, чей священный покой хранят заступившие на Пост номер один воины, трепетно-неподвижные, как и диковинные ели особого назначения. Рогов, спешивший занять очередь к телу вождя, на ходу поглядывая на циферблат своего «Полета», про себя отметил: «О! Пять часов уже!» Вот тут-то и разразилась музыка высших сфер. Рогов непроизвольно вздрогнул и приостановился. Плеск густого потока небесной металлической реки вмиг затопил простор майдана, а затем медленным пульсом грянули пять ударов. То было биение сердца Вселенной. Каждая затихающая с оттяжкой пульсация молотом вбивала Рогова в землю. Внезапно оказавшийся махоньким, словно шляпка гвоздя, Рогов по-новому, с неожиданного ракурса, увидел мир. Циклопическая Спасская башня ожила и тяжело задышала гигантскими механическими легкими, площадь вдруг раздалась безбрежным морем, а Рогов погрузился на дно его и оттуда, заметаемый легким снежком, разглядел уже где-то в стратосфере наверхья кремлевских бастионов, а над ними — космический корабль с надписью на борту: «СССР». Мгновенно и убедительно сделавшаяся очевидной собственная ни с чем не соразмерная микроскопичность не удивила Рогова. Удивления достойно было другое, то, что такому ничтожеству, как он, вообще дозволено перемещаться по святому месту и глядеть своими зенками на пятиконечные рубиновые звезды. В этот миг Рогов ощутил, сколь радостно было бы навсегда забиться холодной порошинкой в стык между камнями великой мостовой, внедриться малой капелькой в сакральную почву и вечно пребывать здесь, созерцая лишь подбитые подковками рифленые подошвы сапог печатающих шаг часовых, траки гусениц бронетехники парадных расчетов и стертые подметки сандаликов принимаемых в пионеры малышей.

Рогова преобразила нежданно открывшаяся грандиозная картина потаенной сторо-

ны мироздания. На секунду показалось, что перед его глазами промелькнули несколько страниц документа с грифом «Совершенно секретно! Гостайна!» Рогов готов был предположить, что пережитое им благое потрясение может испытать либо идущий во Дворец съездов делегат, либо триумфатором, поднимающийся по лестнице Большого дворца герой советского спорта, либо выходящий из Кремлевских ворот орденосец, смущенно поправляющий пиджак, украшенный ослепительно сияющей, словно елочная игрушка, наградой... Но чтобы ему, может быть, самому непримечательному из миллионов граждан державы, так явственно дано было почувствовать себя Гражданином, ради которого заступают на боевое дежурство расчеты баллистических ракет, взламывают неприступные торосы атомные ледоколы, пробивают тоннели строители Байкало-Амурской магистрали,— этого предположить Рогов раньше никак не мог. Оказалось, что, ступив на Красную площадь простецким работягой из заштатного городка, уходишь с нее сознательным пролетарием, гегемоном. Невероятно! Впечатление было столь сильным, что, пожалуй, затмило даже само посещение Мавзолея.

Рогов впоследствии силился восстановить мельчайшие детали дальнейших событий, но многое странным образом стерлось из памяти, словно бы кто-то нарочно мешал ему. Рогов помнил что, сперва пришлось невероятно долго ждать начала допуска к телу вождя в длинной веренице разношерстной публики. Отыскивая свое место в этой колонне, Рогов все дальше и дальше уходил от Мавзолея, казалось, что он почти обогнул Кремль, а конца «хвоста» так и не видел. Охватывала оторопь: хватит ли на всех Ленина? Смогут ли собравшиеся здесь люди сегодня попасть в Мавзолей? А завтра? А через неделю? Впрочем, Рогов готов был стоять сколь угодно долго — приехал-то он в столицу в праздничные дни; да у него еще и отгулы были, на работу не скоро... В конце концов, это же главная очередь в стране. Она и должна была поражать воображение своими пространственно-временными масштабами. Словно со всех краев государства советского слетелись сюда призраки других очередей, частных или ритуально-торжественных, хитровато-блатных или жизненно необходимых, склочных или отрешенно скорбных. Проверая, не стерся ли номерок на руке, спешила сюда солдатка, чтобы отоварить карточки военного времени, и неожиданно сталкивалась с пузатым джигитом, перекупающим очередь на новую «Волгу»; москвичи, задвленные на похоронах Сталина, молча вставали в затылок за говорливыми одесситами, волнующимися перед дверями ОВИРа; хмурые мужики из очереди к пивному ларьку стояли вперемешку с очкариками, пришедшими сдавать макулатуру в обмен на подписное издание; какой-то нытик из очереди к зубному врачу одним своим видом портил настроение разбитной компашке из очереди у входа в ресторан; школьник, отправленный мамой в очередь за молоком, нетерпеливо размахивал бидоном, в котором погромывала «мелочь», невероятно раздражая тем страдающую мигренью старушку, которую дочь ежедневно гнала к мебельному магазину, чтобы отмечаться в очереди на «Селену»... Сколько же их тут было, этих фантомных очередников!..

Однако Рогова неприятно поразили очередники реальные. Они показали себя... излишне легкомысленными, что ли... Словно и впрямь собрались, ожидая открытия универмага: переминались с ноги на ногу, похлопывали руками по плечам, чтобы согреться, некоторые и вовсе устраивали небольшие пробежки. У кого-то в сумке оказался термос с горячим кофе, кто-то ел бутерброды... Рогову подобное в голову не могло прийти. Он замер смиренно, чуть понуро, изредка делая полшага вперед, если сдвигались стоявшие перед ним люди. Да, было холодно, неудобно, но это приносило даже какое-то облегчение, ибо соответствовало серьезности момента. Разве считались с лютотой январской стужей рабочие, пришедшие в двадцать четвертом году на похороны Ленина? Да только лишь из уважения к их великому горю Рогов готов был отморозить пальцы!

Из-за плеча то и дело показывалась голова какого-то общительного гражданина, который все допытывался у Рогова, откуда тот приехал, предлагал познакомиться...

Рогов поначалу ему отвечал, но потом замолчал, перестал оборачиваться, надеясь непритворной суровостью напряженного затылка вразумить болтуна, дать понять, что они тут не на соседской завалинке, а на пороге одной из мировых святынь, и вести себя следует подобающе. И как только неослабевающим ознобом схватило шею, спину, ноги, снова выплыли из прошлого траурные марши и паровозные гудки двадцать четвертого года, унесли Рогова прочь от погрязших в обывательщине современников... Очень важно было отключиться от сбивавших с возвышенного настроения впечатлений, сосредоточиться на главном, а то душа изболелась бы в этой несерьезной очереди.

Наконец, над погружавшейся в сонливое оцепенение продрогшей колонной пролетел облегченный выдох: «Открыли!». Раздались радостные возгласы, кое-кто захлопал в ладоши. Нездоровое оживление вывело Рогова из задумчивости и заставило скроить недовольную мину: опять все как-то неприлично, словно открыли не алтарь, а лабаз. Однако начало движения, оказавшегося гораздо более ходким, чем можно было предположить, воодушевляло, внушало восторг нарастающего нетерпения. И пусть очередь продвигалась с внезапными остановками (то официальные делегации пропускали, то просто сдерживали больно резво пошедших людей), это уже представлялось досадным, но пустяком: теперь каждая минута зримо приближала к встрече с легендой.

Показалось, что в единый миг очередь пронесла Рогова по краснокирпичной дорожке через весь державный палисадник — мимо клумб, грота, лавочек, мимо Могилы Неизвестного Солдата, — затем людской поток через кованые ворота дивной красоты втянулся в теснину между решеткой сада и скалообразным зданием Исторического музея, и вот уже видна трибуна Мавзолея. Рогова вдруг продернула конвульсивная дрожь. Не то, в самом деле, до костей продрог на холоде, не то охватывал лихорадочный экстаз: вот уже скоро, вот сейчас... А вместе с тем, в недрах души фиолетовым цветком распускалась грустинка, ибо, судя по тому, с какой скоростью движется очередь, можно было понять, что у заветного саркофага Рогову ни на секунду не разрешат задержаться. Он просто пройдет рядом со святыней, а этого мало, потому что надо же насмотреться вволю, запечатлеть в памяти нетленный образ Ленина, постоять в скорбном молчании, склонить голову. Рогов видел по телевизору, как патетично это происходит, когда в дни всенародных торжеств руководители КПСС и советского государства, представители братских партий, иностранных держав возлагают венки к Кремлевской стене, склоняют головы... Ладно, пусть более достойные товарищи склоняют головы, Рогову хотя бы одним глазком посмотреть на гроб с телом вождя...

На подступах к Мавзолею наблюдавшие за порядком милиционеры дробили людей на группки, которые порционно втягивались в огороженный металлическими барьерами коридор. Вот и Рогова вежливо, но требовательно придержали за рукав, потюпали малое время, формируя очередной экипаж, а затем вместе с остальными отправили в свободное плавание по каменной зыби мостовой.

Ступив на Красную площадь, Рогов вновь убедился, что здесь метафизически трансформируются обыденные представления о времени и пространстве. Пока он стоял на месте, чудилось: до Мавзолея рукой подать, а стоило начать движение — оказалось, что надо преодолеть еще довольно приличное расстояние. Секунду назад он мысленно поторапливал очередь, нервничая при малейшей задержке, а теперь сам замешкался, непостижимым образом отстал от своей команды. Рогов растерялся («А одному-то можно?») и в нерешительности крутил головой, глядя то на удаляющиеся спины бойцов не заметившего потери отряда, то в исполнившиеся вдруг ироничным благодушием лица тех, кто уже необратимо исторг его из своих рядов. Наконец, стоявший ближе других коротко стриженный светловолосый милиционер (он напускной суровостью изо всех сил старался соответствовать значительности своей мисси, но

блестевшая в глубине васильковых глаз улыбка выдавала бесшабашную рязанскую натуру) всплеснул руками, словно отгоняя невидимую птицу, и Рогов полетел догонять ушедших.

Как заблудшая, метущаяся меж двумя мирами душа, получив отпущение, обреченно устремляется в предопределенный ей предел, так и Рогов резво рванулся вперед. Однако нелепая суетливость его действий вызвала неудовольствие и, пожалуй, даже гнев окружавшей монументальности: нахмурилось небо над Красной площадью, насупились Кремлевские башни, а здание ГУМа брезгливо поморщилось. Рогов немедленно сам себе дал укорот: «Помни, где находишься! Может, еще вприпрыжку поскачешь?» Но двигаться степенно, соблюдая в самой поступи приличествующий моменту траур, не представлялось возможным: группа, к которой Рогов был приписан, неумолимо отдалялась, ему же почему-то становилось с каждым шагом все труднее идти, словно ноябрьский ветер, резко толкая в грудь, отбрасывал его назад. Рогов на преодолении все-таки ускорился, несмотря на опаску услышать одергивающий милицейский свисток и, не почуяв за собой никакой погони, перешел на бег.

Бежать по Красной площади! Что за ошеломительное ощущение! Рогов будто попал в какой-то величественный аттракцион, в какой-то эпический кинофильм, в котором исполнял центральную роль, пока прописанную сценаристом лишь начерно, но, безусловно, героическую — не то браво перепоясанного пулеметными лентами революционного матроса, не то красногвардейца, бегущего с винтовкой в руке, чтобы выбить из Кремля засевших там юнкеров. И, похоже, сценарий предполагал, что главного героя смертельно ранили в том бою, и, вроде бы, похоронили у Кремлевской стены; даже траурный митинг мелькнул перед Роговым, но общим планом, несколькими кадрами, так что нельзя было определить, кто перед недвижным строем сподвижников произносил пламенное надгробное слово: товарищ Подвойский или товарищ Подбельский... Словом, Рогов выпал из реальности, полностью погрузился в мужественно-романтические мечтания и долго еще пребывал бы в мире грез, если бы с разбегу не наткнулся на чью-то спину.

Очнувшись, Рогов обнаружил себя у самых ступеней Мавзолея. До цели его паломничества оставалось всего несколько шагов. Через минуту должно было свершиться то, чего он так страстно жаждал, к чему так долго готовился. Но, против ожидания, нового всплеска эмоций не последовало. Рогов не возликовал, а, наоборот, впал в оцепенение. Испытавший столько треволнений за короткий срок, измученный всем пережитым, наш политический пилигрим больше не в состоянии был реагировать на происходящее: мозг отказывался воспринимать, а душа — сопереживать. Рогов почувствовал, как по щекам его катятся медленные соленые капли. На большее сил уже не хватило.

Словно повинувшись чьей-то чужой воле, Рогов вслед за другими поднялся по ступеням, прошел мимо недвижимого почетного караула — золотые пуговицы на шинелях тускло блеснули сквозь проступившие слезы... Показалось, что и внутри Мавзолея повсюду окаменели солдаты. Или это лишь привиделось?.. В траурном тумане, заполнившем главный зал, Рогов ничего не смог разглядеть как следует: мешали влажные осколки черных бриллиантов, подрагивавшие в зрачках. Хрусталь и золото отделки саркофага на мгновение ярко вспыхнули перед глазами и тут же, преломившись в радужных шариках, повисших на ресницах, расплылись, прежде чем Рогов успел подробно рассмотреть открытый гроб, поразивший компактностью. Затяжные взмахи слипавшихся век не давали запечатлеть в памяти целостный облик лежавшего в гробу вождя, око выхватило из темноты лишь две детали: галстук в горошек да медные волосы покойника... А потом неостановимая очередь вынесла Рогова на белый свет...

Покидающие траурный зал люди напоминали зрителей, выходящих наружу из кинотеатра после дневного сеанса. Они близоруко щурились, часто моргали, неволь-

но закрывались ладонями от неярких, но всепроникающих солнечных лучей. Не у одного только Рогова слезились глаза, но, пожалуй, он единственный во всей этой случайно возникшей и недолго просуществовавшей общности, секунду назад монолитной, а теперь стремительно распадающейся на чужеродные друг другу человеческие атомы, плакал открыто, не стесняясь, не скрывая этого.

Рогов почти рыдал, пока они все вместе шли вдоль Кремлевской стены. И оказавшись один в шумливой, разноязыкой толпе на Красной площади, он по-прежнему не мог сдержаться, хотя и ловил на себе недоуменные взгляды беспечных туристов. И даже дойдя до метро, даже спустившись в него, Рогов не утирал глаза, из которых все еще сбегали временами крупные капли. Горделивая апатия овладела им: «Пусть все видят. Пусть... Может, кто и догадается, поймет... Да-да, это правильно. Пусть видят!»

Возвратившись из поездки в столицу, Рогов долго тосковал: ему не хватало мощных московских впечатлений — и восторга, пережитого им на Красной площади, и экзотических слез у Мавзолея. Но вот однажды, бесцельно слоняясь по вечерним улицам родного города, Рогов оказался на главной площади рядом с памятником Ленину и вдруг поймал на себе живой взгляд статуи... То ли освещение в этот поздний час было особым, то ли в чем-то другое дело, только Рогова вновь пронзило уже забывавшееся ощущение кровной, нерасторжимой связи с величием коммунистической идеи и советского государства.

С тех пор зародился у Рогова особый, можно сказать, секретный ритуал. Когда на сердце делалось тоскливо и пусто, он приходил на площадь (попозже, чтобы не сновали вокруг праздные зеваки) и занимал на ней одному ему известную позицию. Если застыть здесь в самочинном почетном карауле на достаточно продолжительное время (до тех пор, пока не начнешь растворяться в навевающей ощущение абсолютной покинутости пустоте пространства, как кусок рафинаду растворяется в стакане крепкого чая), то уловишь, что вождь своим каменным оком различает тебя. Гранитный зрак Ленина внезапно вздрагивал и медленно фокусировался на оцепеневшем у его ног человеке, а Рогов стоял ни жив ни мертв, боясь, как бы статуя не испепелила его молнией, трепетавшей на циклопических веках, вытесанных из благородной горной породы. Исходившая от памятника угроза воспринималась настолько реальной, что Рогов явственно слышал потрескивание высоковольтных разрядов, а иногда даже видел искры, мелькавшие над полутемной площадью. Да, страх был велик, но и без периодического предстояния пред монументальным ликом вождя Рогову уже не удавалось успокоить нервы и ощутить себя полноценным членом общества. Раз в неделю-другую необходимо было явиться к постаменту, исполнить тихонечко, только себе под нос, песню революционного содержания, вспомнить хорошее стихотворение: «Товарищ Ленин! Я вам докладываю не по совести, а по душе...» Или как там?..

Но дороже всего Рогову было личное общение с кумиром. Дома имелась заветная пластинка с записью голоса Ильича, которая в иные минуты бережно возлагалась на диск старенького проигрывателя, чтобы воспроизвести живое слово вождя. И вот Рогов придумал такую... игру что ли... Нечто вроде гадания по книге: включив пластинку, максимально убавлял громкость и задавал самый насущный для себя вопрос, после чего, резко крутанув рукоятку регулятора, моментально врубал звук, чтобы внимать ответу. Так теплилось чудо непосредственной беседы с Лениным. Пусть из-за плохого качества фонограммы не все сказанное им можно было разобрать, пусть не всегда удавалось правильно интерпретировать пророчество. Не это было главным. Важнее, что сам строй ленинской речи, заключенные в ней обаяние и энергия вливались прямо в сердце, заряжая революционным задором.

Вообще, Рогов прилежно изучал бесценное наследие Владимира Ильича, которое стараниями советских ученых было систематизировано, откомментировано, опубликовано и вот даже переведено в формат фонохрестоматии. Серьезным под-

спорьем в овладении политграмотой стало бы для Рогова полное собрание сочинений вождя, состоявшее из 55 томов в синих кожаных переплетах с красивым золотым тиснением и выпуклым профилем автора на обложке. Но о таком роскошном издании рядовому коммунисту оставалось только мечтать, ибо предназначалось оно не для частных лиц, а для ленинских комнат, библиотек и кабинетов ответственных работников, в которых, правда, великолепный многотомник стоял невостребованным, превращаясь со временем в пыльный и абсолютно бесполезный декор. Рогову же приходилось довольствоваться разрозненными и разноформатными книжечками под тоненькими бумажными обложками. Впрочем, его это обстоятельство ничуть не коробило. Демократичные по цене и оформлению брошюры располагали к активной работе над произведениями классика, что невозможно без многочисленных закладок, подчеркиваний и значков на полях, а испещрять ими плотную, шероховатую (на ней бы деньги печатать!) бумагу знаменитого «ПСС» рука не поднялась бы.

Однако даже при помощи системы продуманных помет постижение основ ленинизма давалось Рогову нелегко. Тексты, которые следовало бы считать образцами гармоничного единства формы и содержания, при чтении почему-то рассыпались на разрозненные фрагменты, абзацы, предложения, абсолютно не соответствовавшие понятию «первоисточник», ибо воспринимались они как нечто вторичное, отзывались эхом давно знакомых цитат. Рогов не мог не согласиться с тем, что цитаты важны, что одна ленинская фраза легко обнажает корень любой проблемы, и в то же время постоянное автотранслирование идейного наследия вождя удовлетворения никак не вызывало.

Само собой разумеется, на шестьдесят шестом году революции давно уже было выработано эталонное понимание сути учения. Сотрудники Института марксизма-ленинизма, составляя комментарии для многочисленных изданий, пропагандисты идеологического отдела ЦК КПСС, готовя тезисы отчетного доклада на ближайшем съезде, действующие политики, размышляя о своих державных трудах,— все они опирались на выверенную и безошибочную трактовку гениальной теории. Даже если возникала необходимость (а в советской истории она возникала часто) существенно скорректировать интерпретацию заветов Ильича, в тесном кругу обитателей коммунистического Олимпа это не вызывало ни затруднений, ни замешательства. Под руками опытных жрецов ленинское наследие кардинально преображалось, чудесным образом оставаясь целостным и ясным, более того, сверкало новыми гранями, в очередной раз доказывая всему прогрессивному человечеству свою неисчерпаемость.

Такая удивительная метаморфоза одновременно и восхищала, и обескураживала Рогова. Ему страстно хотелось разгадать секрет виртуозного идеологического фокуса, однако все попытки оказывались тщетными. Несмотря на въедливое, придирчивое, доводившее до исступления перебирание испестренных пометками брошюр, Рогову никак не удавалось текстами «первоисточников» подтвердить закономерность очередных колебаний линии партии, отыскать в трудах Ленина прямое и недвусмысленное обоснование изощренным извивам новейшей государственной политики.

А вот агитпроп, аргументируя необходимость нововведений, постоянно и громко гласно ссылаясь на классика, укореняя в обществе образ вождя-провидца, не знавшего сомнений и промахов. Рогов старался, можно сказать, заставлял себя полюбить Ленина таким, каким предписано было его любить правоверным коммунистам. Безуспешно! Рогову, который как никто другой (до мистических видений) прочувствовал монументальную громадность основателя первого в мире государства рабочих и крестьян, всегда казалось, что восхищения в большей степени достоин не памятник, а реальный исторический деятель, пусть даже иногда допускавший просчеты, но теплокровный. Великий, но именно живой человек был ближе, дороже, роднее.

В одномерном, плоском, как картонка, официально «залитованном» идеале Рогову не хватало, например, ленинского юмора. То, что Ленин не чуждался комического,

стало для Рогова открытием сколь неожиданным, столь и ошеломляющим. Некогда, впервые распознав в каком-то абзаце веселую подоплеку, Рогов отказывался поверить в справедливость своей догадки: «Не может быть! Бред! Памятники не умеют шутить!» Но чем больше читал, тем вернее убеждался: при всей глубине и глобальности рассуждений в сочинениях Ленина неизменно сквозил хороший человеческий юмор. И не только как средство сатиры на политических противников, но и как несколько парадоксальный способ мышления выдающегося философа. Новый штрих к портрету кумира наполнил содержательной глубиной знаменитую улыбку Ильича, сделал его образ еще милей. С какой радостью обнаруживал теперь Рогов рассыпанные по страницам глубокомысленных работ искры высокого смеха, с каким удовольствием примечал в серьезных трудах то умную язвительность, то острое словцо. Наткнувшись на такое место в тексте, Рогов на несколько секунд отрывался от книжки, с радостным восхищением восклицал про себя: «Гений! Гений!» И потом с новым приливом энтузиазма вновь принимался за чтение.

Но в целом Рогов был собой недоволен: восприятие статей Владимира Ильича оставалось фрагментарным, внутренне непротиворечивая картина учения в голове так и не сложилась. Рогов сердился на себя, за то, что никак не ухватит сердцевину, зерно ленинизма. Он опасался, что скоро сломается, пошлет всю политику к такой-то матери, сорвется в запой. Но усилием воли брал себя в руки, снова и снова вгрызался в книги, конспектировал кое-что — опять безрезультатно. Приходилось все-таки довольствоваться цитатами: «Учиться, учиться и еще раз учиться», «Если я знаю мало, то добьюсь того, чтобы знать больше». Простые, лаконичные формулировки. Обнадеживающие.

«Кругозор узок!» — к такому выводу приходил Рогов и брался за Маркса с Энгельсом, но там вообще мало что понимал. «Подготовочка слабовата!» — резюмировал Рогов и обращался к чтению работ великого продолжателя дела Ленина Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Снова неудача: каждое отдельное предложение ясно — общий смысл не воспринимается. Целостно усвоить удалось только «Малую Землю», «Возрождение» да «Целину».

Стремясь во что бы то ни стало получить надежный идейный маяк, сверить направление своих умственных блужданий с курсом, пролагаемым партией, Рогов обращался за помощью к парторгу стройки, на которой работал. Но руководитель первичной парторганизации, задержанный текучкой до такой степени, что и побриться-то не всегда имел возможность, крайне неохотно общался с Роговым на общеполитические темы, чаще отмахивался, смотрел мутным неприязненным взглядом.

— Слушай, а ты как понял «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме»? — спрашивал Рогов парторга.

— Как написано, так и понял, — отвечал парторг, резко мрачней лицом при одном только приближении пытливого однопартийца. — Там же все ясно написано. Мне сейчас некогда, на третий участок сходить надо.

Но Рогов был настойчив:

— Слушай, а вот «политическое завещание»... Там «Как нам реорганизовать Рабкрин»...

— А ты взносы уплатил? — без надежды перебивал парторг. Он знал, что Рогов уплатил.

Когда же во время одной из таких мучительных для обоих собеседников встреч Рогов спросил, каково мнение парторга о «Материализме и эмпириокритицизме», то был нецензурно обруган и через неделю оказался записанным в слушатели Народного университета марксизма-ленинизма.

Приходя по выходным дням на занятия, переступая порог старинного особняка, в котором расположился областной Дом политического просвещения, закрывая за собой тяжеленную дубовую дверь, казалось, воплощавшую своим медлительным хо-

дом солидность и респектабельность, Рогов с наслаждением окунался в атмосферу, прямо противоположную угрюмой грубости, царившей в родной «первичке». Лощеные инструкторы обкома партии, вальяжные сотрудники Дома политпросвета, выступавшие перед разномастной аудиторией с обстоятельными лекциями, неизменно начинали словами «Уважаемые товарищи!», вели себя подчеркнуто корректно, пожалуй, даже с чуть наигранной вежливостью.

Сидя на обтянутом дерматином стуле, украшенном старомодными медными обойными гвоздиками, и растворяясь в присущей профессиональным пропагандистам выпренности, которая, несомненно, была признаком безошибочного, непреложного знания, Рогов просто млеет от удовольствия. Но блаженствовал он лишь на нескольких вступительных занятиях. Когда же схлынули прозелитские восторги, стало очевидно, что лекторы больше напирали на современное международное положение. Текущий момент Рогов понимал правильно: и империализм надо скорее победить в мирном соревновании двух систем, и развивающиеся страны поддержать, и социалистический лагерь укрепить... Никаких сомнений в этом быть не могло. Вопросы у Рогова вызывали отдельные нюансы истории партии, а вот на такие вопросы ответственные товарищи отвечали расплывчато, к «первоисточникам» обращались неохотно.

Рогов, вечно навязывавший лекторам дискуссии, даже получил резкий отпор со стороны куратора группы, в которой обучался. Когда в этом качестве слушателям Народного университета впервые представили статную сорокалетнюю женщину с красивым начесом на шиньоне и хорошо поставленным голосом, Рогов ощутил тот же восторг, который вызывали в нем и массивная дверь, и надежные стулья, и парадная чугунная лестница Дома политпросвета. Однако по отношению к наставнице новоявленный студизус испытывал не только уважительное преклонение, но и некоторую робость. Через неделю-другую эта мучительная смесь чувств выродилась в какое-то пылкое подбострастие. Потом в снах стали являться строгие глаза, прическа матроны с партбилетом, большая грудь, крутые бедра... Женщина словно бы вся состояла из шаров и шариков, мягких, но упругих. Хотелось в них закопаться, почувствовать себя ребенком, играющим с мячиками... Словом, приходилось признать, что Рогов влюбился в свою метрессу. Чувство обострялось заведомой безответностью и безнадежностью, ведь преподавательница разговаривала с ним исключительно деловито, а смотрела всегда сверху вниз (не только потому, что Рогов был невелик ростом, но и в фигуральном смысле). Ни о каких отношениях и речи быть не могло. Рогов это отчетливо понимал, но все-таки старался понравиться даме сердца.

И поначалу это удавалось, она даже ставила Рогова в пример остальным слушателям, которые с явной неохотой отбывали школьную повинность, чаще сидели за пивом в роскошном политпросветовском буфете, чем в аудиториях. Таких нерадивых подопечных гранд-дама наставляла: «Смотрите, как товарищ Рогов активно участвует в работе. Всегда поднимает руку, высказывается!» Однако на третьем месяце занятий после очередного Роговского наивно-заковыристого вопроса она взорвалась: «Вы что, товарищ Рогов, издеваетесь надо мной? Я же вам все, буквально, объяснила! Вы что, хотите извратить учение великого Ленина?!» Приводившим в трепет глубоким грудным голосом, которым в мечтаниях Рогова звали в постель, наяву его поносили, прилюдно и чудовищно несправедливо обвиняли в предательстве! Рогов был просто оглоушен незаслуженной инвективой, словно огромная бронзовая люстра в лектории вырвала покрытую лепниной потолочную розетку и шмякнула его по темени. В полубморке Рогов пролепетал, что хочет не извратить, а разобраться... В ответ раздалось: «Это с вами надо разобраться, почему вы планомерно срываете процесс коммунистического воспитания рабочего класса!» Больше Рогов кураторше вопросов не задавал, а почтительная влюбленность с того дня обратилась в свою противоположность — безразличие с оттенком цинизма.

Другой, не менее драматичный, инцидент привел к безжалостному изгнанию Рогова из политпросветовских кушей. Один из лекторов, пожилой уже человек с густыми волнистыми сединами, за которыми отчетливо угадывалась прежние смоляные вихры энтузиаста тридцатых годов, был Рогову особенно симпатичен. Привлекали в нем благожелательность, улыбчивость, искренний интерес к собеседнику, светившийся во взгляде. Его похожие на блестящие маслины глаза излучали веселый задор, который в дни комсомольской юности вспыхнул в неискушенном сердце романтика, но с годами не погас, а перерос в осознанную мировоззренческую позицию, основанную на историческом опыте и житейской мудрости. Верилось, что вот этот-то человек, ставший свидетелем великих свершений и великих битв, многое переживший и передумавший, досконально разъяснит все недомолвки, разрешит все терзающие сомнения, чтобы можно было, наконец, без оглядки приникнуть к живительному источнику ленинской мысли, напитаться ею и преисполниться сил для продолжения дела революции.

Жаль только, в расписании занятий лекция этого чудесного старика никак не появлялась. Впрочем, даже случайно встретить его в коридоре было радостью. Едва завидев любимого преподавателя, Рогов издали кричал «Здравствуйте!», а тот в ответ ласково улыбался, отчего удивительные его глаза почти растворялись среди моря благодушных морщинок, и, подойдя поближе, степенно кивал головой. Рогов воспринимал такие взаимные приветствия как установившийся с молчаливого обоюдного согласия ритуал: заранее расплываясь в дружелюбно-глуповатой ухмылке, он каждый раз зычно оглашал стены Дома политпросвета своим «Здравствуйте!», непременно получая вознаграждение в виде благожелательного полупоклона. Это приносило давно забытое детское удовольствие. Когда-то первоклашками вот так же здоровались с учительницей, предчувствуя, что сейчас ответят, и одновременно боясь, чтобы не забыли, как тебя зовут, ответили именно тебе, а если произносилось твое имя, от переполнявших чувств хотелось пройтись колесом или зашвырнуть портфель прямо на небо... Рогову казалось, что и старик, чувствуя восторженную преданность своего слушателя, относится к нему особенно приветливо, почти по-родственному.

Наконец, настал день, когда они раскланялись не в коридоре, а при входе в учебный кабинет. Растянувший рот до ушей Рогов, пропуская преподавателя, застыл в дверях, как сознательный балтийский матрос на часах у штаба революции. Выразительное и подвижное лицо старика излучало всегдашнюю благосклонность: «Ах, вот где учится этот добропорядочный молодой человек! Очень, очень приятно!» Лектор чинно подошел к кафедре, весело оглядел аудиторию, словно солнышком всех согревая, и приступил к священнодействию, воззвав торжественно: «Товарищи!» В устах его это казенное обращение обрело вдруг задушевность; понималось, что здесь собрались и впрямь товарищи: единомышленники, проникнутые взаимным расположением, люди, делающие общее дело...

Кончив, старик предложил: «Задавайте вопросы, товарищи!» Рогов и задал. Потом еще и еще. Он строчил вопросами, как пулеметчик на тачанке, торопился, перескакивал с одного на другое. Рогов понимал, что высказывается сумбурно, но готов был показаться смешным, лишь бы знакомый преподаватель оценил его эрудицию, подкованность в историческом плане и (главное!) равнодушие к сути разговора. Роговские вопросы начинались так: «Почему Сталин?..», «Где был Троцкий?..», «Как мог Бухарин?..» После каждого такого зачина лектор все больше мрачнел, а вскоре и вовсе затосковал. Сначала он отвечал Рогову пасмурно как-то, натужно, но отвечал. Когда же речь зашла о Зиновьеве и Каменеве, лицо старика исказилось судорогой, он затряс головой, отчего прядь седых его волос косо легла на лоб и глаза, рассекла лицо серым сабельным клинком. Лектор напряженно ощерился, обнажив стальные зубы. Сразу стало понятно, что в глазах его не благодушие и не мудрость — давний, насто-

явшийся страх. Старик вытянул руку, указывая на Рогова, и чуть согнутый указательный палец его слегка подрагивал. В аудитории зависла предрасстрельная тишина, а через мгновение тонкий дребезжащий старческий голос выстрелил: «Провокатор!»

Рогов навсегда запечатлел в памяти этот момент. Перекошенное лицо ветерана компартии с упавшими на глаза волосами, вытянутая рука, «Провокатор!», десятки недоуменных глаз будущих просвещенных марксистов-ленинцев... Вскоре Рогова отчислили из Народного университета. Более того, были, видимо, приняты еще какие-то негласные решения, поскольку парторг на стройке при встрече с Роговым свежесколько багровел и настолько злобно вращал глазами, что подвергнутый остракизму несчастливец уже не решался, как бывало, подойти к нему за разъяснениями.

Рогов оказался полностью отлучен от идеологической работы. Ему, как он ни уговаривал прораба, не доверяли даже проведение политинформаций в родной бригаде. Только самоотверженный труд и искусство дали возможность справиться с эмоциями, пережить незаслуженную обиду. С самого утра и до конца рабочего дня (иногда без обеденного перерыва) Рогов ударно гнал кладку, повторяя в уме тексты любимых песен. Орудя мастерком, он задавал себе ритм лирическими строчками:

*Юношу стального поколенья
Похоронят посреди дорог,
Чтоб в Москве еще живущий Ленин
На него рассчитывать не мог...*

Рогову казалось, что он и есть тот юноша в буденовке, тот стальной боец революции, которого похоронили «посреди дорог» («На перекрестке что ли его схоронили? Чего, прямо на дороге закопали? Не совсем понятно... Наверное, все ж таки на обочине. У развилки, где богатыри в сказках на камне читали...»). Да. Так вот, похоронили орла-красноармейца, и пусть теперь без него обходится стоящий у руля страны Ленин («В Москве еще живущий... Это, то есть, после переезда советского правительства из Петрограда в Москву, но до отъезда Ленина из Москвы в Горки на лечение... Или: пока еще живущий Ленин, находясь в Москве, пусть на него не рассчитывают?... Короче, в Москве пусть на него не рассчитывают...»). Вот и на Рогова руководители партии и правительства больше уже рассчитывать не могли. А жаль! Ведь Рогов много пользы принес бы... Тяжело было на душе. Ладно бы, если б его замучил какой-нибудь озверевший «беляк» из контрразведки. Нет. Свои же товарищи уделали. Те, кого Рогов считал соратниками...

Рогов находился на грани нервного срыва, и только талант и работоспособность деятелей советского искусства помогали оставаться убежденным коммунистом. Чудесные часы проводил Рогов, когда по радио или по телику передавали постановки о революции и гражданской войне. Поэтизация классовой борьбы, героика боев за лучшую долю народа неизменно волновала и убеждала в необходимости «плыть в революцию дальше». Рогов жалел лишь о том, что поздно родился, не стал красным кавалеристом, о котором поведали бы миру былинные речистые. Сейчас-то, в эпоху развитого социализма, уже не с кем сражаться (в том смысле, что врагов всех истребили; но и в том смысле, что краснозвездной братвы не осталось, не найти во всей многомиллионной стране даже сотни бойцов, которая поскакала бы на разведку в поля)...

После катастрофы в университете марксизма-ленинизма Рогову стали сниться мутные черно-белые сны, срежиссированные, похоже, Эйзенштейном в сотворчестве с братьями Васильевыми. Виделось Рогову, будто бы он в траншее перед решающей битвой, а вокруг неразличимые, как это бывает во сне, персонажи, которые, тем не менее, близки и дороги Рогову. Он не разбирал ни лиц, ни фигур товарищей, но твердо знал, что они рядом, что это НАШИ. А с фронта на их позиции катятся бесчисленные волны психических атак каппелевцев, мечтающих попрыгать великую справедливость, сделать народ вновь угнетенным. Но навстречу ошестившимся штыками цепям бе-

лобандитов поднимается из траншеи Рогов с красным знаменем в руках. Одними только революционными песнями, насупленными бровями и несгибаемой волей партия отбивает он атаку за атакой. Пред грозным ликом Рогова мешаются ряды наступающих, рассеиваются и бегут враги. Торжествуя оглядывает Рогов поле сражения и вдруг понимает, что победа призрачна, ибо далась ценой одиночества: нет вокруг никого из НАШИХ. Рогов остался один, а значит — иссякла былинная сила. Почувяв его замешательство, супостаты с ликующими криками вновь набросились на богатыря, стеснили его блестящими острями штыков. Внезапно Рогов оказывается вознесенным на каменистый утес, возвышающийся над темными водами; Рогов чувствует путы на связанных за спиной руках, ощущает тяжесть неизвестно откуда взявшегося на шее камня, прихваченного грубыми веревками. Угрожающе поблескивающие кончики штыков тычут в лицо, Рогов невольно отступает к обрыву и, нависнув над ним, срывается в пропасть, но не погружается в пучину, а оборачивается почему-то младенцем в ходуном ходящей коляске, несущейся вниз по нескончаемым ступенькам; все вниз и вниз, в самый ад...

От этой inferнальной тряски Рогов и просыпался, просыпался с единственной мыслью: «Что за чушь!» В предраассветной серости он, разбитый, больной, долго не вставал с кровати, не имея сил освободиться от парализующей волю апатии. «Кому? Для чего *все это* нужно?» — в голову лезли вопросы, отвечать на которые предельно откровенно, с большевистской честностью и прямоотой не то чтобы не хотелось, а было попросту страшно, поскольку, под «*всем этим*» в данном случае подразумевались не только бред отлетавшего сновидения или передраги в личной судьбе, но и важнейшее — основы советского строя. Мучимый тяжким экзистенциальным похмельем, Рогов с трудом подавлял желание выбросить в мусорное ведро политпросветские брошюры; в душе поселялось искушение послать к черту никем не разделяемые, но хранимые с упорством монаха-отшельника убеждения; хотелось запросто выйти во двор, посудачить со старушками у подъезда, перекинуться веселыми приветствиями с соседями, спешащими на работу, напутствовать шагающих в школу детей... Чтобы преодолеть приступ этой обывательской слабости, требовалось завести пластинку с голосом Владимира Ильича; возвращали присутствие духа также и жизнеутверждающие выпуски новостей, звучавшие по радио, пока Рогов завтракал. Только после такой идеологической инъекции он настраивался на приближающийся победу коммунизма ударный труд и отправлялся на стройку.

Шли месяцы, а Рогов по-прежнему болезненно переживал свою полную отставку от политики. Он упорно старался докопаться до истинных причин обструкции, устроенной ему в Народном университете, скрупулезно анализировал детали произошедшего, и со временем окончательно убедился в том, что единственная его вина состояла в стремлении на равных беседовать со жрецами идеологии, в желании самочинно ворваться в круг посвященных. Рогов в глубине души даже соглашался с тем, что не имел на это полного права. Возможно, разрешение на допуск в святая святых ему только еще надо было бы заслужить каким-нибудь подвигом либо послушанием. Но следовало ли наказывать за романтический энтузиазм с такой жестокостью, как это произошло в данном случае? Следовало ли превращать восторженного, готового на жертвенность союзника в стороннего наблюдателя, если не во врага? Следовало ли отлучать от животворной идеологии представителя класса-гегемона, именем коего, между прочим, и свершалось грандиозное дело социально-исторического преобразования человечества?

Постепенно горькие сетования на нечувствительность политпросветчиков уступили место изумлению на грани негодования: насколько же надо быть ограниченным, чтобы рубить сук, на котором сидишь?! Как можно объявить себя наследниками несметного богатства, кладези мудрости и столь бездарно распорядиться доставшимся сокрови-

шем? Это все равно, как если бы апостолы спрятали от христиан Библию и, вместо того чтобы обращать людей в свою веру, основывать Церковь, предались бы бесконечным беседам, убеждая друг друга в верности учения.

На следующем этапе нездоровой рефлексии по поводу изгнания из храма марксизма-ленинизма Рогова вдруг осенило: а что если дело не в узколобости, не в душевной черствости, а в злом умысле? Ну, конечно! В доме партийной пропаганды засели враги революции! Да-да! Самые что ни на есть настоящие предатели, неведомо каким образом сохранившиеся в ВКП(б)-КПСС после всех чисток, оппортунисты, стремящиеся оторвать пролетариат от теории классовой борьбы. Стало абсолютно понятно, что Рогов остался единственным и последним верным ленинцем. Теперь только на него была надежда, только ему дано открыть всю мощь мысли Ильича и в новых исторических условиях по-новому, творчески применить на практике великие прозрения классика.

Но как действовать в сложившейся обстановке? Как найти и организовать единомышленников, без которых никогда не раскрыть сокровенную тайну ленинизма? Даже в родную первичку хода нету, не говоря уже о доступе к партийной печати...

Многое передумав, Рогов открыл для себя принцип... Как бы это сказать?.. Принцип прямого воздействия. Необходимо отказаться от такого громоздкого передаточного механизма, каковым является погрязший в комчванстве партийный аппарат, и перейти к непосредственному обсуждению с товарищами ключевых вопросов политической жизни. Именно через неформальную работу легче всего будет выполнить миссию, к которой Рогов призван самой судьбой: зажечь народ энтузиазмом, сплотить и возглавить массы и продолжить революцию «снизу».

Чая скорых кардинальных преобразований, Рогов как истый большевик решил начать с самого себя, со своего трудового коллектива. Вот здесь-то, на стройке, поймут, поддержат, доверятся. А проблем сколько! О них только и говорят рабочие! Возьмем хотя бы недобросовестность в труде, ставшую притчей во языцех. Чтобы с собственным разгильдяйством бороться, никто посторонний не нужен — ни парторг, ни прораб. Сами же и исправим!

Руководствуясь классовым чутьем, но нарушая, конечно, при этом принцип демократического централизма, Рогов без согласований с кем-либо возложил на себя обязанности председателя и единственного пока члена негласной комиссии рабочего контроля. Зная о том, что на его строительном участке со дня на день будет введен в эксплуатацию жилой дом, Рогов явился туда, опередив госприемку, и приступил к инспектированию. В первой же квартире обнаружились явные недоделки: двери совершенно не были подогнаны — кое-где не закрывались, а в других местах кособочились, оставляя гигантские щели. Рогов разыскал в соседней квартире отделочников и обратился к ним прямо: «Товарищи! На этой жилплощади будет жить наш, советский человек. Возможно — рабочий, как вы и я. Но и в любом случае, даже если сюда вселится интеллигент, согласно моральному кодексу строителей коммунизма, человек человеку друг, товарищ и брат. А своему брату вы такие двери не навесили бы. Короче: вы допустили брак в работе. За свой счет переделайте двери и устраните недостатки в порядке пролетарской сознательности». Рогов говорил твердо, даже жестко. В этот момент он представлял себя комиссаром в кожанке; через плечо — маузер в деревянной кобуре, за спиной развевается алое полотнище с золотыми буквами: «Свобода. Равенство. Братство».

Жаль, что маузера в действительности не случилось под рукой — может, не так сильно отлупили бы Рогова работяги, вмиг вскипевшие от неслыханной наглости самозванного проверяльщика. И хорошо, что прибежали на крики женщины-штукатуры, рабобавшие этажом выше, вынули Рогова из драки, поуспокоили озверевших мужиков.

...Пока не закрыли больничный, Рогов, ужасно страдая от вынужденного бездей-

ствия, не выходил из дома. Он бесцельно слонялся по квартире, часто забредал в ванную, чтобы похлебать холодненькой водички из-под крана, и каждый раз собственное отражение в осколке зеркала, закрепленном над раковиной на случай бритья, невольно заставляло его содрогнуться. «Да, здорово тебя отделали отделочники, — невесело каламбурил Рогов. — За плохо навешенные двери таких... навешали... Ну и рожа: смотреть страшно...»

Голова побаливала, и думать ни о чем не хотелось, а обмозговать надо было очень многое, дабы уяснить, наконец, что же пошло не так... Это на Рогове лежит какое-то проклятие, постоянно мешающее добиваться намеченных результатов, или целеполагание им изначально производится ошибочно? Считать себя непутевым и никчемным человеком, конечно, крайне неприятно. Ну а предположить, что мировоззренческая платформа, на которой он неколебимо утвердился, содержит неустранимый изъян — попросту жутко. Это равнялось бы утрате смысла жизни.

Впрочем, к тому все и шло, ибо реальная жизнь раз за разом грубо, но неопровержимо доказывала, что принципы, ставшие для Рогова всеобщим мерилom, на самом деле абсолютом не являются. А вспоминая слова Маркса о том, что практика — лучший критерий истины, Рогов понимал, что оказался в какой-то логической ловушке, выбраться из которой никак не удавалось из-за частых головокружений.

Черепная коробка гудела, словно уставшая трансформаторная будка у высоковольтной ЛЭП, и, чтобы не допустить замыкания, Рогов вырубил на хрен причинно-следственную схему, доведившую его до иступления постоянными сбоями, и доверился интуиции. Тогда во внезапно наступившей расслабляющей интеллектуальной тишине вдруг с наглядностью букваря открылось, что все столь болезненные для правоверного коммуниста искажения учения связаны с трагическим несовершенством мира и, прежде всего, человеческой натуры.

Классики рассчитывали на сознательность пролетариата, а у большинства этой сознательности хватает лишь на час-два, пока сидят на партсобрании. Для окончательной победы от марксиста требуются самоотверженность и самодисциплина, но мало кто из наших изнеженных современников может похвастаться вышеозначенными качествами. Чтобы добиться великих свершений, нужно дать небывалый простор историческому творчеству масс, но, похоже, творчество массовым не бывает, оставаясь уделом одиночек, подобных Рогову.

Это в первые годы революции рабочий класс фонтанировал социальной импровизацией, изобретательностью, раскрепощенностью; да вот только, как ни грустно, иссякает такой фонтан в историческом масштабе просто моментально, и чем дальше от нас Великий Октябрь, тем гуще заливается источник энтузиазма.

Да и руководство партией, если уж честно говорить, несколько десятков лет назад перешло к ренегатам, не способным ни увлечь за собой, ни повести к героическим свершениям, ни вдохновить на подвиги. По-барски вальяжный, но теряющий остатки здравого смысла и членораздельность речи Брежнев, засушенный со сталинских времен, словно вобла, хранимая на случай войны, Суслов, Романов, про которого поговаривали, что привык он есть и пить из царской посуды, «и другие члены Политбюро ЦК КПСС» — разве можно всех их считать пламенными революционерами, ставящими дерзкие задачи глобального характера?!

Аппаратчики среднего звена... Те и вовсе почитают идеологическую работу едва ли не помехой, отвлекающей от бесконечной, заедающей, но насущной текучки, которая, по сути, и является их первостепенной обязанностью; в лучшем случае от теоретической базы не отмахиваются, но игнорируют, как никчемный музейный экспонат, вроде побитой молью старой буденовки на манекене, выставленном за пыльным стеклом... Аппаратчикам среднего звена доступны лишь подкованная возня да тихие номенклатурные радости.

А рыба-то гниет с головы... Вот откуда в нашем обществе все эти отвратительные приметы мельчания и перерождения большевиков: засилье бездумных начетчиков в директивных органах; безнаказанность разгильдяев и взяточников с партбилетами, засевавших повсюду, в том числе в СМУ, где работал Рогов; кумовство, вкусовщина, некомпетентность, волонтаризм... Но страшнейшая угроза социалистическому строю даже не в этом, а в том, что широкие народные массы оказались дезориентированы, настроены безразлично или даже скептически по отношению к государственной идеологии.

«Не на что, не на кого опереться,— констатировал Рогов с бесстрастностью человека, дошедшего до крайнего предела отчаяния.— Ни одного общественного или государственного института не осталось, не затронутого гниением. Все пора менять! Как в гимне партийном поется: все сломать до основания, а затем...» Парадокс: во имя спасения советской власти следовало ее разрушить.

От этих мыслей противно становилось до тошноты, причем периодически накачывавшие приступы вызваны были не столько недавними побоями, сколько тягучим ощущением безысходности. Рогов чувствовал себя беспомощным маленьким засранцем, не способным ни в теоретической подготовке, ни в конкретной работе добиться успеха. В глубине души он даже радовался тому, что из-за расплывшихся по физиономии безобразных фиолетовых кровоподтеков не мог выходить на улицу, и поэтому на какое-то время прервались вечерние свидания с каменным Лениным: с таким самоощущением предстать пред монументальным ликом вождя было решительно невозможно.

Когда же иссиня-черные гематомы сменили цвет на мертвенно-желтый, когда Рогов перестал пугаться своего отражения в зеркале, новый план спасения социалистического отечества был готов. Рогов учел все прежние ошибки. Нельзя уходить в излишнее теоретизирование, нельзя апеллировать к неподготовленной массе, нельзя действовать наскоком: слишком глубоко пустили корни в народном сознании оппортунизм и безыдейность, филистерство и цинизм. Надо проводить агитацию исподволь, по одному привлекать на свою сторону рабочих, постепенно создавать полуподпольную организацию и, опираясь на проверенных идейных соратников, противостоят ползучей контрреволюции.

Рогов начал реализовывать намеченную программу незамедлительно, сразу же после выхода на работу. Знаменитый ленинский вопрос «С чего начать?» в данном случае звучал как «С кого начать?», и первый кандидат на посвящение в орден спасителей революции был уже определен: водитель самосвала Колобанов. Тот не только трудился в одном СМУ с Роговым, но и был соседом по подъезду, то есть мог находиться под наблюдением практически постоянно. Колобанов работал неплохо, почти не пил... Рогов посчитал, что самосвальщик по всем параметрам подходит для того, чтобы распространить его в духе своих убеждений. Однако, наученный горьким опытом, Рогов решил не оглушивать простого шофера высокопарными фразами или умозрительными рассуждениями, а сперва сблизиться с ним, затронуть лучшие струны его души и только после этого сделать поборником чистоты и величия советской власти.

И вот кропотливая работа по обольщению и обращению Колобанова началась. Словно влюбленный юноша, поджидающий свою избранницу, каждое утро караулил Рогов шофера за углом соседнего дома. Боясь опоздать к выходу коллеги, Рогов всегда торопился занять свой пост, поэтому выскакивал из подъезда, продолжая дожидать завтрак. Минуты ожидания так и запомнились Рогову — по долго державшемуся во рту привкусу острой и сытной яичницы, этого дежурного холостяцкого блюда, обязательного, как услышанные за едой последние известия о введении в строй еще одной домны и о визите в Москву еще одного руководителя еще одной братской страны.

Очень скоро Рогов досконально изучил все привычки будущего сознательного пролетария, пока даже не подозревающего, каким неимоверным доверием его вскоре ошастливят. Колобанов сначала выпускает из парадного клуб табачного дыма и лишь затем выходит сам. На секунду задержавшись на крыльце, чтобы посмотреть на небо и прикинуть, какая погода его ждет сегодня, он делает очередную глубокую затяжку, отшвыривает в пространство горелую спичку, широкими шагами обходит палисадник, поворачивается лицом к фасаду дома (с этой точки видно окно его кухни) и машет рукой жене и детям, выглядывающим в неубранном утреннем виде из-за кокетливых шторок. Рогов, стыдливо прячущийся от Колобановских домашних, словно тайная любовница, коварно посягнувшая на их кормильца, дожидается, пока шофер скроется за дальним углом дома, и только тогда, торопливо пробежав чужим двором, нагоняет приятеля.

Водитель самосвала приветствует Рогова неизменной фразой: «Здорово, сосед!» Они пожимают друг другу руки, и начинается их совместный путь на работу. Рогову приятно идти рядом с жизнерадостным балагуром. Колобанов всегда излучает спокойную уверенность хозяина, твердо стоящего на ногах, его суждения обычно пожитейски мудры, замечания стоически остроумны. Рогов уже после нескольких бесед чутко уловил некий неоформленный пока в законченное суждение критицизм Колобанова по отношению к окружающей действительности, лишней раз убедился, что материал для пропаганды подобран благодатный. Огорчало только то, что Колобанов очень уж врос корнями в быт, не было в нем никаких философских устремлений, а, напротив, развито апатичное равнодушие к теоретизированию. Колобанов даже не задумывался о том, чтобы соотнести свою жизнь с какой бы то ни было схемой. Теории и теоретики существовали в другой плоскости бытия, про которую Колобанов знать не хотел, которая была до зевоты скучна.

Зато как вдохновенно говорил он о своем садовом участке! Дача являлась для Колобанова главнейшим делом жизни, глотком свободы, местом, где он волен решать все самостоятельно. Там находилось строение («дом») и насаждения, которым Колобанов был владельцем; там на три стороны обитали соседи, с которыми приятно общаться на темы о шести сотках, а иногда — выпивать. Там стояла беседка, увитая лозами какого-то северного винограда, вокруг беседки — несколько кустов шиповника, растения не только чрезвычайно полезного, но и похожего на розовые кусты. Это был райский уголок, исчерпывающий эстетические запросы хозяина. Кроме того, дача имела большое значение в рационе питания семьи Колобановых. Жена шофера знала великое множество рецептов домашнего консервирования и добилась весомого авторитета в вопросах засолки и маринования среди женщин дачного кооператива. Сам Колобанов с удовольствием помогал супруге «закатывать банки», а во время, скажем, новогоднего застолья с гордостью почти сатанинской предлагал гостям разноцветные блестящие закуски «со своего огорода». Летом же Колобанов любил сорвать с плети огурец или яблоко с ветки да так смачно хрустнуть плодом, что казалось: трещат устои социалистической экономики.

Садовод-любитель с такими сочными подробностями рассказывал о своем увлечении, с таким напором, с такой непоколебимой уверенностью в безусловной важности для всех окружающих каждой мелочи, касающейся его дачки, что Рогов, первоначально брезгливо вникавший в садово-огородную тематику (частнособственническая отрыжка!), в какой-то момент стал замечать, что происходящее на Колобановском участке ему небезразлично. Рогов с неожиданным для самого себя интересом воспринял массу абсолютно не нужных ему сведений о саженцах, опылении, окулировке, подкормке и черт знает о чем еще, с изумлением узнал, что навозные кучи имеют исключительную ценность, и вместе с новым приятелем ломал голову над тем, как бы поскорее заменить несколько секций забора, обозначающего священные

границы Колобановской вотчины. И что странно: ни на одной из этих ежедневных бесед во время совместных походов на работу Рогов в течение нескольких месяцев ни разу не завел речь о самом важном, о том, ради чего, собственно, решил сблизиться с Колобановым.

На первых свиданиях казалось, что еще рано, надо попривыкнуть к малознакомому человеку, да и его приручить к себе; а потом почему-то стало стыдно прерывать смачные, обильно удобренные матерком, ветвящиеся многочисленными деталями монологи Колобанова своими анемичными репликами. Слушая опытного огородника, Рогов будто бы зарывался в жирную, злачную почву, изобиловавшую диковинными корешками и палочками, невиданными червячками и жучками, причудливыми россыпями песочка и глинки. Все это представляло собой странный мир, неведомый прежде Рогову и притягивавший таинственной прихотливостью. Против ожидания, Рогов не испытал при своем идеологическом погребении ни страха, ни отвращения, наоборот, ощущал противоестественный уют того места, где ему давно следовало обрести себя.

Весьма вероятно, что со временем энергичный Колобанов и впрямь завалил бы Роговские замыслы словесным черноземом, по запасам коего он вполне мог считаться крупным землевладельцем. Возможно, азартному дачнику удалось бы безвозвратно увлечь коллегу и соседа новым путем, путем практического действия, столь привлекательного для каждого мужчины. Однако советское искусство вновь помогло своему рекруту удержаться на верных идеологических позициях. Однажды вечером, перечитывая для души Маяковского, Рогов наткнулся на строчку: «Опутали революцию обывательщины сети...» «Да ведь это же прямо про меня поэт написал! — с раскаянием осознал Рогов. — Я же какое великое дело задумал, а сам-то, сам-то! Поддался напору мещанства, в угоду неверно понятому товариществу фактически отказался от убеждений!» Тут что-то изнутри торкнуло не успевшую затвердеть скорлупу, наросшую вокруг большевицкой душеньки за время общения с Колобановым, проклюнулась из-под треснувшей оболочки пролетарская сознательность и расправила крылья. А из осколков разбитого филистерства вытекла едкая идейная щелочь и прочистила все темные закоулки души, вытравила чужеродные новообразования беспринципности и соглашательства.

Показалось еще необходимее, еще важнее, чем это представлялось ранее, помочь Колобанову обрести верное и единственно правильное мировоззрение, ведь в личных беседах он раскрылся как отличный товарищ, прекрасный человек, которого, без всякого сомнения, стоило взять с собой «на разведку в поля». За время общения с Колобановым Рогов привык думать о нем, скорее, не как о соратнике по борьбе, а как о задушевном друге. Нельзя таить от друга ценнейшее, что есть в твоей жизни — великое и непобедимое учение Ленина.

И вот, придя к такому выводу и устыдившись былой слабохарактерности, Рогов на следующее же утро решительно приступил к пропагандистской работе:

— Знаешь, хороший ты человек, но немного заразился вещизмом.

— Чего? — скорчил Колобанов уморительную гримасу.

— Вещищем. Статью в «Правде» читал?

— Чего? — гримаса Колобанова стала настороженно-защитной.

Рогов объяснил, как опасны для пролетария собственнические инстинкты, как легко они приводят к правому уклону, как вреден уклонизм для развития и продолжения революции, как губительны для страны те идеологические уступки, на которые отваживается ныне руководство партии ради сохранения лояльности несознательного меньшинства.

После того как позиция собеседника оказалась обозначена столь недвусмысленно, Колобанов резко оборвал разговор. За внешней неказистой простотой свойского парня обнаружилось вдруг истинное лицо Рогова, что стало крайне неприятной не-

ожиданностью, раздражало скрытой (отчего смятение лишь усиливалось) угрозой. Высказывания молчуна-притворщика вполне можно было расценить как провокацию, как попытку выведать тайные мысли соседа, а потому недавний приятель теперь представлялся коварным шпионом и доносчиком. Внезапно умолкший, обескураженный произошедшим, Колобанов всю дальнейшую дорогу ругал себя за неосмотрительность и болтливость. Не успел ли наговорить лишнего? Можно ли сказанное использовать против него, против его семьи? Эти вопросы надоедливыми мухами жужжали в голове. Потом шофер несколько успокоился: слишком откровенно выразился сам Рогов. Тут еще неизвестно, кто больше обнаружил крамольных мыслей, и кто кого потянет к ответу в случае чего.

Как бы то ни было, после того памятного разговора отношения соседей и сослуживцев стали меняться. Раньше Колобанову казалось, что он нашел в Рогове благодарного слушателя, который мало говорит, но сосредоточенно внимает, не перебивая, кивает головой, выражая тем самым искреннее сочувствие всем его дачным делам. Теперь вместо немногословного заединщика предстал снедаемый внутренним жаром спорщик, умевший о своем заветном рассказывать не менее увлеченно, чем Колобанов о грядках и парниках. Поневоле приходилось готовиться к ежедневным идеологическим диспутам, обдумывать доводы в защиту своей позиции. Делать это было неинтересно и утомительно, тем более что опыт дискуссий у Рогова был гораздо богаче, поэтому он раз за разом загонял Колобанова в интеллектуальный тупик. Однако пасовать перед тщедушным пропагандистом не годилось! Убежденный в своей правоте Колобанов, хотя не находил убедительных возражений на резоны Рогова, как умел отстаивал свое право на счастье, пропахшее удобрениями и заляпанное гумусом.

Обиднее всего казались Колобанову упрёки в бескрылости и заскорузлости шестисоточных устремлений. Такие несправедливые обвинения мог высказать только человек, абсолютно не понимавший романтики садоводства и огородничества, ни разу не испытывавший счастья сопричастности к таинству цветения и плодоношения, никогда не чувствовавший, как наворачиваются на глаза слезы умиления при взгляде на пробивающиеся из земли скромные росточки редиски. Нет, вдохновенный дачник умеет чувствовать глубоко, умеет, как никто другой, сопереживать жизни природы, умеет предаваться мечтаниям, не возносясь при этом в бесплодные эмпирии абстрактного мышления. И однажды на саркастическое замечание Рогова о том, что у Колобанова, мол, даже мечты никакой не имеется, тот с гордостью ответил:

— Есть. Есть у меня мечта!

— Ну, и какая? — заинтересовался Рогов.

— Чтобы мне вместо самосвала дали бортовую машину!

— Да какая разница?! — Рогов не мог не подивиться такому несерьезному ответу, но при этом все же не терял надежды на то, что собеседник, наконец, раскроется с неожиданной и благородной стороны. А вдруг за очевидной глупостью кроется какая-то обнадеживающая тайна? Может быть, Колобанов мечтает оказаться победителем социалистического соревнования среди водителей бортовых машин? Или в голове его созрело рационализаторское предложение, которое резко повысит производительность труда, и советские шоферы утрут нос Америке?

— На самосвал что грузят? — объяснял между тем Колобанов. — Песок, бетон. А на бортовых ребята то кирпич возят, то арматуру. Это же на даче гораздо нужнее. Потом: иногда чего по дороге завезешь на дачу — с самосвала сгружать неудобно, а с бортовой быстро поскидал за забор, да и поехал дальше. Внимания меньше, никто не заложит.

«Колобанов — вор, расхититель социалистической собственности», — взорвалось в мозгу у Рогова и засело навсегда саднящей занозой. Словно пелена спала с глаз: как же это он за все время общения не разглядел отщепенца, чуждого всем нашим идеа-

лам? Не хотелось верить, что свел дружбу с преступником, что связывал с этим человеком свои чистейшие чаяния, свои высокие помыслы.

Начиная со следующего утра, никто не дежурил за углом дома, где жил Колобанов, никто не поглядывал ревниво на его домочадцев, весело махавших хозяину из кухонного окна. Опустел секретный наблюдательный пункт... Рогов перестал догонять сослуживца по дороге на стройку, но, соблюдая строжайшую конспирацию, старался выследить шофера в рабочее время. Скоро стало ясно: Колобанов действительно прихватывает часть того, что перевозит на своем грузовике.

Уныние поселилось в сердце Рогова. Он не мог простить себе политической близорукости, не мог простить Колобанову его низости. Еще сильнее терзался Рогов от того, что возникла неразрешимая этическая дилемма: как сознательный член партии он обязан был сообщить в компетентные органы о злодеяниях водителя Колобанова, а как революционер-романтик испытывал отвращение к доносу... И все-таки верх взяла совесть коммуниста, требовавшая оставаться принципиальным в любой ситуации, для пользы общего дела не жалеть ни себя, ни своих бывших товарищей. Придя к такому заключению, Рогов все-таки для проверки в последний раз задался вопросом: «Нужно ли доложить куда следует о хищениях Колобанова?» И ничто в душе его не дрогнуло при однозначном ответе: «Да!» Так для всех лучше будет, в том числе для Колобанова. Пусть остановит его твердая, но заботливая рука нашей милиции, пока алчность не толкнула несчастного в ряды врагов советской власти; пусть даже отбудет наказание, но не погибнет для общества окончательно. Рогов не стал бы поднимать шум, если бы украли что-то лично у него, однако дело касается общенародного богатства. За народ, за рабочий класс Рогов пойдет на все, никого не пощадит.

Осталось неизвестным, куда и к кому обращался Рогов; никто не мог бы сказать, когда и как накрыли Колобанова. Возможно, что за его самосвалом было установлено скрытое наблюдение и прихватили голубчика тепленьким, с поличным... Возможно, была лихая погоня и силовой захват при попытке выбросить арматуру, украденную с целью укрепления забора на дачном участке. Возможно, но вряд ли. Есть ли человек, не воруемый со стройки, на которой работает? Есть ли человек, не знающий, что строители тащат со стройки все, что под руку попадет?

Верней всего, что кто-нибудь из прорабов намекнул Колобанову: «Стучат на тебя». Может быть, показал ненароком Роговское заявление, если оно существовало, конечно... На какое-то время, от греха, перевели Колобанова из водителей в разнорабочие. Ничего особенного. Обычное дело. Однако Колобанов кипел возмущением, ведь его предали самым подлым образом. Даже если доподлинно не знал разжалованный шофер, кто сообщил начальству о его таком привычном, можно сказать, невинном воровстве, рассчитать, догадаться, что это был Рогов, разумеется, оказалось несложно. Колобанов люто возненавидел Рогова и каждому встречному-поперечному рассказывал о своем праведном гневе.

Рогов видел, как вокруг него постепенно возводится непреодолимая стена отчуждения. Рогов чувствовал, что для всех, от продубленных на десятках объектов бетонщиков до зеленого помощника крановщика, он стал врагом, что на многолюдной стройке оказался трагически одинок. Рогов ощущал, что превратился в человека-невидимку, которого то будто бы не замечают, то сознательно игнорируют, то с угрозами гонят.

Все это Рогов переживал крайне болезненно, но причин для столь решительного и единодушного общественного неприятия своего поступка, по совести сказать, не находил. Прав был он, а не разложившийся под влиянием круговой поруки и всепроникающей контрреволюции коллектив. По самому большому счету Рогов был прав. С горечью осознавая степень творившейся несправедливости, на крепчающем морозе абсолютного одиночества он сознательно растравлял в душе ответную ненависть к

отступникам. Не мог простить им слепой филистерской уверенности в собственной правоте и Роговской подлости. Не мог смириться со всеми их дачками и халтурками, не мог забыть им кровного интереса к шубам и гарнитурам, не мог извинить за неизбывную тоску по дефицитной колбасе и за полное равнодушие к пока еще открытой, но час за часом упускаемой возможности стать честнее, бескорыстнее, справедливее.

Два встречных потока враждебных энергий сшиблись, закрутившись в мощнейшие ментальные вихри, которые грозили полным разрушением личности. Очевидно, во имя сохранения психического здоровья Рогову следовало немедленно уходить с работы, ибо изменить сформировавшееся мнение о себе он был не в силах. И так удачно сложилось, что как раз в этот момент Рогову предложили должность мастера производственного обучения в строительном профтехучилище. И Рогов согласился. В окладе он проигрывал, но условия труда были лучше: не надо ежедневно лазить на верхотуру равнодушных отвесов кирпичных стен, не надо горбатиться целыми днями на ветру, да на холоде, да в непогоду. Но больше всего привлекла Рогова возможность общения с юношеством. На бывшего каменщика словно озарение снизошло: «Точно! С молодежью надо работать! Взрослые заросли жирком быта, накопительский инстинкт застит им глаза, они не видят важного в жизни. А люди молодые, трепетные романтические души станут нерушимым оплотом истинного ленинизма!»

Какой удар ждал новоявленного наставника молодежи! Какое чудовищное разочарование! Учащиеся ПТУ оказались гораздо тупее и равнодушнее своих отцов со стройки. «Пэтэушники» навсегда остались для Рогова воплощением циничной жестокости и глухого безразличия ко всему, что выходило за рамки их мелочных, низменных интересов, а интересы их были: импортная одежда, зарубежные музыкальные ансамбли, пьянство и курение. На первом же занятии начинающий педагог словно под дых получил. Пришел он к подросткам с открытой душой, с улыбкой на устах. Прежде чем рассказать о секретах прекрасной профессии каменщика, решил прочесть лекцию о значении стройиндустрии в системе народного хозяйства. Готовился. Делал выписки из трудов Ленина. Сам проникся, какая, оказывается, замечательная у него специальность. И ни до одного ребятенка не достучался. Их прыщавые глуповатые лица мгновенно подернулись сонным равнодушием, лишь только прозвучали слова «КПСС» и «социалистическая экономика». С задней парты кто-то ломким баском полусетал: «Во! Пошло говно по трубам!»

Вот тут-то все и кончилось. В душе Рогова что-то непоправимо оборвалось. При чем поразило его не столько незаслуженное, абсолютно беспричинное оскорбление, сколько чудовищное несоответствие между мечтаниями и реальностью. От одного слова возвышенные упования разбились вдребезги, и этого предательства, этой подлости он никогда не смог простить молодежи. Так с первого же дня повелось, что на занятиях у Рогова он был сам по себе, а учащиеся — сами по себе.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

СКОМКАННОЕ ПИСЬМО*

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, член Союза писателей России.

— Не сожалей о них, Сонечка,— вновь повторила Екатерина Михайловна, когда та догнала ее.— Они нас не жалели, когда грабили и сжигали наш дом. Это они виновны в смерти твоего отца, не жалеи их. Однако что же нам дальше-то делать? Неужели до самого Ефремова пешком придется идти? — задалась вопросами Екатерина Михайловна.

Софья промолчала. Основная масса людей ушла по дороге уже далеко вперед. Екатерина Михайловна, Софья, доктор и еще небольшая группа из нескольких человек от них отстали. Вскоре и эта группа, обогнав Рязановых и доктора, ушла вперед, распрощавшись, ушел и доктор, Екатерина Михайловна и Софья на дороге остались одни. Шли медленно, то и дело останавливались и отдыхали, обеим очень хотелось пить, но колодца на пути не было. Наконец, Екатерина Михайловна не выдержала и, переведа дух, опустилась прямо на придорожную пожухлую траву.

— Все, Сонечка, я больше идти не могу,— вздохнула она.

Софья и сама уже с трудом переступала ногами, а увидев, как мать присела на траву, тоже с облегчением опустилась рядом с нею. Сидели долго, обеим начало казаться, что время для них остановилось, до того момента, пока на дороге со стороны станции Бабарькино не показалась запряженная в телегу лошадь. Рязановы поднялись и с воодушевлением стали смотреть на повозку, надеясь доехать на ней хотя бы до ближайшей деревни. Возница — маленький и щупленький старичок — поравнявшись с ними, натянул поводья.

— Тпру-у-у! — прикрикнул он на лошадку и, улыбаясь, взглянул на Рязановых.— А что, барыни, видать затомились в пути-то? — спросил он звонким, похожим на детский, голосом.

— Затомились. Мил человек, довези нас до какой-нибудь деревни, сил больше нету идти, во рту пересохло, пить хочется, прошу тебя Христа ради, помоги,— обратилась к нему Екатерина Михайловна.

— А вы часом не с пассажирного поезда будете?

— С поезда.

— Стало быть, вы мне-то и нужны. А где же остальной люд? — спросил возница.

— Вперед ушли,— махнула рукой Екатерина Михайловна.

— А вы, стало быть, отстали?

* Главы из повести.

— Отстали,— Екатерина Михайловна кивнула головой.
— Я-то вас не только до ближайшей деревни, но и до самого Ехремова смогу до-
везть, но не бесплатно, конечно,— старичок хитро улыбнулся.
— Сколько же возьмешь с нас?
— С каждой по одной зелененькой бумажке.
— По три рубля с каждой, что ли? А сколько же отсюда верст будет до Ефремова?
— Дык в аккурат околи двадцати пяти верст будет.
— Дороговато,— вздохнула Екатерина Михайловна.
— Ну, так и быть, с вас возьму по коричневенькой, но с каждой.
— По два рубля? Может, еще немножко уступишь, мил человек?
— Дык, куды же еще уступать-то? — изумился старичок.— А ента барышня кто
ж вам будет доводиться? — спросил он, указывая на Софью.
— Дочка моя.
— Дочка, стало быть? Ну, тогда, один рубль, но с каждой,— уступил старик.—
Залазьте на телегу.

Екатерина Михайловна и Софья влезли в телегу, и старик стеганул лошадь.
Вскоре догнали основную группу людей.

— Эге-е-гей! — прикрикнул старик, размахивая вожжами.

Шедшие люди расступились, сошли с дороги, пропуская гнавшую во весь опор
лошадь, но старик натянул вожжи.

— Тпру-у-у! А ну-кась, кому до Ехремова — милости просим,— крикнул он, и
измученные от пережитого люди, начали влезать в телегу.— Все, все, хватить, а то
лошади дюже тяжело будет, хватить! — прокричал старик, увидев, как люди растал-
кивая друг друга, лезли в телегу.— Куды ты?! Куды ты лезешь-то?! Куды, я сказы-
ваю? — старик начал отталкивать влезавших в телегу людей.— Некуды, некуды бо-
ле! Но-о-о! Пошла, родехонька! — крикнул он и хлестанул лошадь.

Люди сходили с дороги, пропуская мимо себя несущуюся лошадь, кто-то махал
руками, прося остановиться и взять их с собой в дорогу, на что старик-возница, стоя
на телеге во весь рост и подстегивая лошадь, кричал: «Некуды, некуды боле!»

— А сколько возьмешь за дорогу, старик? — спросил один из мужчин, сидевших
в телеге.

— По зелененькой с каждого седока.

— Не многовато ли тебе будет?

— Нет. Я извозу обучен сызмальства, служил извозчиком в Ехремове и в ентом
деле кумекаю, что и к чему.

— А Николаевками возьмешь? — спросил кто-то.

— Эхх-хе-хе-х, Николаевками-то? — старик призадумался.— Ну, давай и Нико-
лаевками, можа, еще и вернется старая власть-то? Ежели Николаевками, то по две
копейки за версту,— сказал он.

В основном все ехали молча. От пережитого, усталости и жары разговаривать
никому не хотелось. Софья сидела сбоку телеги, свесив ноги и придерживая мать за
руку, чтобы та не свалилась. Среди седоков она увидела старика-доктора, тот сидел с
другого бока телеги и, как и в поезде, прижимал к груди свой саквояж.

— Вон он Ехремов,— возница указал кнутовищем в поле, где вдаль показались
городские постройки.— Я вас всех до станции довезу, а там ступайте, кому куда на-
доть,— улыбнулся он.

Вскоре въехали в город. Сойдя с повозки, Екатерина Михайловна с Софьей сразу
же хотели нанять извозчика до Птани, но извозчиков на привокзальной площади не
было, и они остановилась в нерешительности.

— Нет ни одного извозчика, как же мы будем добираться до Птани? Куда же нам
теперь? — начала спрашивать Софья.

— В церковь. Надо идти в церковь, судя по времени скоро должна начаться вечерняя служба, давай на нее сходим, а там будет видно, что нам делать и как поступить дальше, — вместо ответа, предложила Екатерина Михайловна Софье, и та согласилась. — Если, конечно, новая власть еще не запретила ходить людям в церковь, — добавила Екатерина Михайловна.

Еще подъезжая к Ефремову, заметила Екатерина Михайловна у реки большую каменную церковь и теперь решила идти именно туда. Нашли ее быстро и без труда, спустились по улице вниз и немного прошли вдоль реки. Церковь имела название «В честь Покрова Пресвятыя Богородицы». В церкви было тихо, сумрачно и прохладно, пахло свечным воском и лампадным маслом, прихожан еще не было. Напротив алтаря худощавая маленького роста и сутуловатая старушка протирала тряпкой подсвечник. На ее согбенной спине из-под синей кофты выпирали две острые лопатки.

— Скажите, будет ли нынче вечерняя? — спросила у нее Екатерина Михайловна.

Старушка отложила на подсвечник тряпицу и повернулась на голос Екатерины Михайловны. Взглянула на нее снизу вверх из-за своей сутулости, поправила на голове сползший на лоб светло-серый платок, завязала на нем потуже узлы и спрятала под платок седые пряди волос.

— А кто ее зная, будя она али не будя? — ответила старушка тихим старчески-скрипучим голосом. — Ныне, милая, все одним днем живем. Ден прошел, живы, и слава тебе, Господи! Вот вчерась служба была и утрешняя, и вечеришняя, а вот надья не было. Коли батюшка придет, то служба будя, а коли не придет, то и не будя.

— А можно нам здесь в церкви побыть? А то мы с дочерью с дороги очень устали.

— А почаму же нельзя-то? Вона скамейка околи свечной лавки стоять, ступайте туда, сядьте, передохните малость, коли вам тяжко, — старушка указала рукой на стоявшую у стены длинную скамейку.

Екатерина Михайловна, опираясь на руку Софьи, прошла к скамейке и, тяжело опустившись на нее, перевела дух.

— Присядь рядом, — предложила она дочери, но та продолжала стоять. — Что стоишь-то, присядь, отдохни, — вновь проговорила Екатерина Михайловна, предположив, что Софья ее не расслышала.

— Мама, мне надо ненадолго уйти.

— Как уйти? Куда? К кому тебе нужно уйти? — удивилась Екатерина Михайловна.

— Мне нужно найти одного человека.

— Какого человека? — Екатерина Михайловна непонимающе смотрела на дочь.

— Мне надо найти Скворцова Николая, брата Акимки, — отвела она взгляд в сторону.

— Зачем он тебе?

— Мне надо рассказать ему, как погиб его брат Аким.

— Нет! Нет! Я запрещаю тебе! Слышишь? Запрещаю! — приказным тоном проговорила Екатерина Михайловна.

— Ну, почему, мама?

— Ты никуда не пойдешь! — повторила Екатерина Михайловна вместо ответа. — Ты не ослушаешься меня, если ты мне дочь!

— Почему? Почему ты не разрешаешь мне? Ответь, почему?

— Я боюсь, что с тобой случится какая-нибудь беда.

— Почему, ну почему ты решила, что со мной должна случиться какая-то беда? Я что, маленький ребенок? Я — взрослый человек, — всплеснула руками Софья.

— В том-то и дело, Сонечка, что ты не маленький ребенок, а уже взрослая девушка, в том-то и дело. На улице беспокойно, идет война, ты сама видела, что про-

изошло на станции. А потом, Сонечка, пойми, тот человек, которого ты ищешь, он же — красноармеец!.. Он такой же, как и те, кто сжег наш дом и убил твоего отца! Они... они очень опасные люди! Нет, нет, я тебя никуда не пущу! Я прямо здесь в церкви лягу на твоём пути, а ты, если сможешь, то перешагивай через мать!

— Мне кажется, не сказать человеку о смерти его близкого, скрыть от него — это не по-божески! Ты же сама меня воспитывала так, чтобы я всегда и во всем помогала людям, а теперь сама запрещаешь мне это делать,— проговорила Софья.

— Сейчас наступили другие времена, страшные времена — идет война, люди ожесточились друг на друга, и лишний раз ходить по улицам города стало просто опасно,— попыталась возразить дочери Екатерина Михайловна, но Софья стояла на своем.

— А ты учила меня, что людям нужно помогать всегда, невзирая ни на какие трудности, ни на какие обстоятельства и времена. Разве ты сейчас, находясь здесь в церкви, поступаешь по-божески? Поступаешь по-человечески? — спросила Софья. Она тоже разволновалась, ее лицо пылало жаром.

Екатерина Михайловна молчала. Она понимала, что дочь права, но она боялась отпустить ее от себя в такое беспокойное время, а потому не знала, как ей нужно поступить и что нужно ответить дочери в сложившейся ситуации. Она молчала и смотрела дочери в глаза. А Софья ждала от матери понимания и ответа, а потому тоже смотрела ей в глаза, смотрела и не отводила взгляда.

— Мне Скворцову нужно передать это,— наконец-то нарушила молчание Софья и достала из-под манжеты платья скомканное письмо, развернула его и показала матери.

— Что это? — спросила Екатерина Михайловна, искоса поглядывая на бумажный лист.

— Это письмо.

— Какое письмо? — не поняла Екатерина Михайловна.

— Которое нам в поезде читал Акимка, от его брата-красноармейца, и за которое его убили.

— Господи ты боже мой! Где ты взяла это письмо? — осипшим от волнения голосом спросила Екатерина Михайловна.

— В вагоне с пола подняла, когда его скомкал и бросил на пол военный,— Софья вновь отвела взгляд в сторону.— Отпусти меня, мама, прошу тебя. Я найду Скворцова, отдам ему это письмо и тотчас же вернусь обратно.

— Так ты что, еще там, в поезде, решила встретиться с братом Акима? Встретиться с незнакомым тебе человеком?

— Я решила встретиться с ним только для того, чтобы сообщить ему о смерти брата и вернуть написанное им письмо. Мне кажется, я поступаю правильно.

— Где же ты его найдешь этого... как его... брата...— от волнения Екатерина Михайловна забыла фамилию Акима.

— Скворцова Николая,— подсказала ей Софья.

— Вот именно, Скворцова. Где ты его будешь искать в чужом городе?

— Спрошу у красноармейцев. Он же — командир. Наверное, они должны знать его.

— Хорошо, иди. Только прошу тебя, будь осторожна. Я тебя очень прошу об этом. Если не найдешь этого Скворцова, отдай письмо первому встречному красноармейцу, пусть он передаст ему это письмо, а сама тут же возвращайся, долго нигде не задерживайся. И постарайся не опоздать к вечерней службе,— смирилась Екатерина Михайловна с решением дочери.— погоди, дай перекрещу тебя,— произнесла она, накладывая на Софью крестное знамение, прежде чем та вышла из церкви.

* * *

На улице Софья остановилась в нерешительности, совершенно не зная, куда ей нужно было идти, где искать этого Скворцова Николая. Вечерело, солнце сошло с зенита, и было уже не так жарко, как днем. Сразу от церкви вверх шла застроенная двухэтажными каменными домами купеческая улица. От крайних утопающих в зелени домов шел ароматный запах спелых яблок. Почувствовав его, Софья только сейчас поняла, что очень голодна, но это не останавливало ее. Постояв какое-то время и размышляя, куда ей нужно идти, в какую сторону, и не найдя для себя никакого правильного решения, она наугад двинулась вверх по улице. Было немногочисленно. По мостовой, сидя верхом на лошадях, мимо нее проскакали красноармейцы. Софья проводила их взглядом. «А может быть, среди них был Николай Скворцов? Нет, вряд ли. Так быстро люди не отыскиваются. Не было его там. Господи! Где же мне искать-то его? А может быть, мама права, что не отпускала меня? Может быть, пока не поздно, вернуться назад, в церковь? Отстоять службу, а потом делать так, как мама скажет,— стала рассуждать и задаваться вопросами Софья.— Нет, не надо сворачивать с полдороги и возвращаться. Надо сделать так, как я решила — найти Скворцова. Аким читал в письме, что он командир, а раз он командир, то его, наверное, должны знать и другие красноармейцы. Надо о Скворцове спросить у них»,— решила она.

Первый красноармеец повстречался ей на пути, когда она прошла уже половину улицы. Он был пожилого возраста, с небритым лицом и красными воспаленными глазами. На его ремне болтался смятый в нескольких местах солдатский котелок, за спиной висела огромная, как показалось Софье, винтовка. Красноармеец, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, шел навстречу Софье.

— Простите, пожалуйста, не знаете ли вы командира красноармейцев по фамилии Скворцов? — спросила она у него.

— Нет, командира по фамилии Скворцов, я не знаю,— тяжело дыша, ответил тот, остановившись. И уже хотел было идти дальше, но, увидев, как Софья обиженно надула губки, улыбнулся и произнес: — А ты, дочка, в военный комиссариат сходи, там тебе точно подскажут, где найти твоего Скворцова.

— А где этот комиссариат? — спросила Софья.

— Он находится на Подъяческой улице. Ты знаешь, где Подъяческая улица?

— Нет, я не знаю города.

— В общем, дочка, ступай прямо по этой улице, дойдешь до второго перекрестка и повернешь направо, а там спросишь у кого-нибудь дом бывших купцов братьев Долговых, в нем и находится военный комиссариат.

Поблагодарив красноармейца, Софья пошла по указанному ей пути. Дом, в котором располагался военный комиссариат, нашла быстро. На крыше дома стоял пулемет, возле пулемета сидел и чадил сигаркой красноармеец. В дверях стоял часовой. Он разговаривал с сидевшим на крыше красноармейцем и не обратил на Софью особого внимания, лишь смерил ее взглядом. Софья вошла в здание и в нерешительности остановилась в длинном и полутемном коридоре. По обе его стороны были расположены комнатные двери, некоторые из них были растворены и из комнат то и дело выходили или входили люди, как в военной форме, так и в гражданской одежде, было шумно. Софья медленно пошла по коридору наугад, заглядывая во все комнаты с открытыми дверями. В одной из комнат военных было больше, чем в других комнатах, они стояли вокруг стола и разговаривали, на столе была разложена карта, в комнате было накурено. Софья вошла в эту комнату и остановилась, собираясь уточнить у находившихся там, знают ли они Скворцова Николая, но решила прежде дожидаться прекращения их разговоров, чтобы не обрывать на полуслове говорившего военного.

— Скажите, товарищ Лампадьевский, почему же вы так уверены, что белые наступать на Ефремов не будут? — спросил один из них, невысокого роста, в военной гимнастерке с перетянутыми крест-накрест ремнями и с кобурой на боку, на вид ему было не больше сорока лет.

Лампадьевский — высокого роста и стройного телосложения, на вид около тридцати лет, с аккуратными щегольскими усиками и с чистым выбритым лицом оправил гимнастерку и принял строевую стойку.

— Во-первых, товарищ военный комиссар, прежде чем напасть на город, должна быть проведена разведка, а по сведениям жителей близлежащих к городу деревень казачьи разъезды у их сел не появлялись. Во-вторых, город хорошо защищен, и белые наверняка осведомлены об этом. В-третьих, фронт находится за несколько сотен верст от нас, за Воронежем, и таким образом противник вторгся в наши глубокие тылы, не имея должной тыловой поддержки, завязывать бой с большим воинским гарнизоном, к тому же имеющим тыловое подкрепление и немалые человеческие ресурсы, — смерти подобно. Тем более, разоряя на своем пути села, громя железнодорожные станции и узлы, белые потеряли преимущество внезапного нападения. По всем законам военного искусства противник, оказавшись в таких условиях, должен уклоняться от боестолкновений. Я полагаю, что казаки повернут на Юг и будут пробиваться к себе на Дон.

— Фронт за несколько сотен верст... — пробубнил военный комиссар. Он прислушивался к мнению Лампадьевского как к специалисту в военном деле, бывшему офицеру, поручику царской армии, имевшему боевой опыт ведения войны на германском фронте, верил, что он всем сердцем, всем своим сознанием принял Советскую власть и служит ей верой и правдой. — Вот он — фронт, в нескольких верстах от нас. Ну, а ты, товарищ Громов, как думаешь? — взглянул комиссар на другого военного.

Громов, среднего роста, на вид около двадцати лет, с небольшой бородкой, в отличие от Лампадьевского не стал принимать строевую стойку, а наоборот, оперся руками о стол.

— Думаю, товарищ военный комиссар, что белые все-таки предпримут попытку захватить город. Тем более, как нам рассказал прибежавший со станции Бабарыкино кондуктор поездной бригады Федор Ложкин, один из казачьих офицеров обмолвился, что они возьмут Ефремов, а затем пойдут дальше на Тулу с целью захвата оружейного завода.

— Согласен с тобой, Алексей, — военный комиссар, не дав договорить Громову, перебил его на полуслове. — Захватив оружейный завод, они смогут обеспечить оружием и без того хорошо вооруженные подразделения наступающих на Москву деникинцев. В связи с чем всем ставлю задачу, — военный комиссар и все остальные военные вновь склонились над картой. — Десятому стрелковому полку и четвертому запасному батальону занять позиции вдоль Солдатской и Черкесской улиц, далее вдоль берега Красивой Мечи до Иноземского моста, соединяющем Ефремов с большим Елецким трактом. И затем от Елецкого шоссе по прибрежному косоугору до деревни Богово. Далее от деревни Богово до парка Каменевской дачи оборону занимает часть особого назначения, — военный комиссар на карте вывел жирную линию, над которой написал «ЧОН», а по краям линии цифры десять и четыре. Затем оторвал взгляд от карты, поднял голову и взглянул на военных. — Товарищи Кудрявцев и Сигунов, вам задача ясна? — спросил он.

— Так точно, товарищ Медведев, ясна, — почти в один голос ответили Кудрявцев и Сигунов.

Военный комиссар Медведев вновь склонился над картой.

— Далее, товарищи. На другом берегу реки, от бугра, что у Стрелецкого моста и до дома красильщика Синельникова, занять позиции латышской интернациональной роты под командованием товарища Шнора,— Медведев вновь поднял голову и взглянул на Шнора, высокого роста и широкоплечего с небольшой бородкой и усами латыша.— Август Михайлович, вам ясна поставленная задача? — спросил он.

— Так точно, тофарыштч фоенный комыссар,— по-военному, с заметным акцентом ответил Шнор.

— Август Михайлович, вы знаете, где находится дом красильщика Синельникова?

— Разберемся, Мыхаыл Фасыльефгыч.

Медведев покивал головой и вновь стал обводить присутствующих взглядом.

— Товарищ Голубев, где сейчас находится ваша железнодорожная рота? — остановил он взгляд на молодом двадцатипятилетнем парне.

— На железнодорожном вокзале, ждем дальнейших распоряжений,— ответил тот.

— Вам занять позиции с двух сторон железнодорожного моста по берегу реки, на самом мосту установить пулемет,— Медведев в очередной раз начертил линии на карте.

— Есть,— коротко ответил Голубев.

— Товарищи, по прибытии на указанные вам оборонительные позиции установить проволочные заграждения, вырыть окопы и оборудовать пулеметные гнезда. Это, товарищи, касается всех без исключения.— Медведев отложил карандаш, выпрямился, обвел присутствующих взглядом.— Таким образом, товарищи, мы оборонительным рубежом охватим все юго-восточное направление от Ефремова. Теперь что касается самого города. Где у нас командир караульного батальона?

— Я здесь, товарищ Медведев,— отозвался средних лет военный небольшого роста, но коренастого телосложения.

— Где вы расквартированы?

— На Дворянской улице, в подворье Знаменских.

— Давайте, товарищ Нечаев, вместе подумаем, где и как нам оборудовать оборонительные позиции так, чтобы в случае прорыва белых в город, мы смогли бы их остановить и нанести им максимальный урон,— проговорил Медведев и вновь склонился над картой.

— Предлагаю установить пулеметы на крышах городских строений, с которых хорошо просматриваются все дороги на юго-восточных подступах к городу. Также установить пулеметы на балконе второго этажа гостиницы Шульгина на Большой Мостовой улице. На площадях и улицах, ведущих от реки к центру города, вот здесь, здесь и здесь,— Нечаев стал показывать на карте, где именно необходимо установить пулеметные точки.— А также на колокольне церкви Покрова, она как раз находится в низменной части левого берега реки.

— Согласен с вами, товарищ Нечаев,— кивнул головой Медведев.— А вы, товарищ Марцевич, как руководитель военкомата, какие предпринимаете шаги по мобилизации населения?

— Шаги следующие, товарищ Медведев,— Марцевич выпрямил спину, поправил ремень, одернул гимнастерку.— С помощью ефремовской комсомольской ячейки мы подготовили списки жителей из числа мужского населения в возрасте от семнадцати лет и объявили мобилизацию. Очень много добровольцев, в основном из числа коммунистов и комсомольцев.

— Как проводится их обучение?

— Обучение проводится в Боговском лесу людьми, имеющими опыт ведения войны, как из числа красноармейцев, так же и из самих мобилизованных. В первую очередь обучаем ведению ближнего боя с примкнутым к винтовке штыком.

— Сколько, на ваш взгляд, потребуется времени для обучения новобранцев?

— Думаю, товарищ военный комиссар, дня через два их можно будет направлять в воинские подразделения.

— Хорошо. И последний пункт, товарищи, нашего совещания. Сегодня нами была выслана разведка к железнодорожному разъезду Лобаново, разведка вернулась, хотя сведений, представляющих военный интерес, не получено. Но это была разведка предварительная. Полагаю, что необходимо выслать разведку в елецком направлении более углубленную и мобильную. Предлагаю создать разведывательный конный отряд под командованием товарища Лампадьевского.

— Слушаюсь, товарищ военный комиссар,— Лампадьевский встал по стойке смирно.

— Возьмите с собой несколько чоновцев, человек пять-шесть не более, они ребята надежные — все коммунисты и комсомольцы, и сегодняшней ночью выдвигайтесь в сторону Бабарькино. В бой не ввязываться, а только исключительно собирать сведения. Нам нужны сведения, и было бы неплохо, если вы смогли бы взять «языка».

— Слушаюсь,— вновь вытянулся в струнку Лампадьевский.

— У кого, товарищи, имеются дополнения, предложения или замечания? — спросил Медведев и оглядел стоявших перед ним командиров воинских частей, но все молчали.— Ну, раз ни у кого нет никаких возражений, будем считать, что план обороны города со всеми командирами воинских частей согласован и утвержден. На этом совещание Совета обороны города Ефремова закончено. Приказываю выдвинуться в места рассредоточения и приступить к обустройству оборонных позиций. Все свободны, товарищи,— закончил совещание военный комиссар Медведев.

В это время Софья, терпеливо ожидавшая, как она считала, окончания разговоров, и никем незамеченная, обращаясь сразу ко всем, громко спросила:

— Простите меня, пожалуйста, я ищу Скворцова Николая, он служит командиром, нет ли его среди вас?

На ее слова повернулись все без исключения, стоявшие вокруг стола военные.

— Вы, милая барышня, кто такая и как вообще сюда попали? — строго глядя на Софью, спросил Медведев.

— Я — Софья Рязанова, но только Скворцов меня не знает...— начала было объяснять Софья, но ее перебил Медведев.

— И вы, Софья Рязанова, хотите с ним познакомиться? — спросил он.

— Нет, то есть, да... в общем мне ему нужно кое-что отдать и рассказать,— под множеством мужских взглядов Софья растерялась и сбилась с мысли.— А вошла я сюда в дверь,— покраснев от смущения и часто моргая глазами, сказала она.

— Ну, а что же засмутила-то? — улыбнулся Медведев и вслед за ним все тоже заулыбались, заговорили друг с другом.— Ну что, товарищи, кто из вас знает командира Скворцова?

— Скворцов служит у меня в роте,— ответил Медведеву командир железнодорожной роты Голубев.— Командиром взвода,— добавил он.

— Ну, тогда объясни, Дмитрий, барышне, где ей найти твоего Скворцова?

— Ступайте на железнодорожную станцию, там он, этот ваш Скворцов.

Софья поблагодарила военных и вышла на улицу. Щеки ее и уши от волнения пылали огнем, но она волновалась не от того, что попала под перекрестные взгляды мужчин, а от того, что ей предстояло сообщить Скворцову Николаю страшное известие о гибели его брата.

* * *

На вокзале было многолюдно и шумно. Кто-то с кем-то ругался, что-то кому-то доказывала громкоголосая женщина, плакали дети. В углу с перекинутыми через плечо винтовками стояли красноармейцы. Софья подошла к ним.

— Простите меня, пожалуйста, не знаете ли вы Скворцова Николая? Я его ищу.

— Что, красавица, жениха потеряла? А может быть, я для тебя сгожусь вместо Скворцова? — спросил белобрысый красноармеец, на вид которому было не больше двадцати лет, и после его слов красноармейцы дружно засмеялись.

— Простите, — извинилась Софья и отошла от красноармейцев в сторону.

— Будет вам гоготать-то, жеребцы! — одернул их один из красноармейцев, явно выделяющийся от остальных по возрасту и до этого стоявший чуть в стороне от них. Те замолчали, стали переглядываться друг с другом, улыбаясь и изредка посматривая на Софью.

— А что, Михалыч, гляди какая барышня красивая, я бы на ней женился, — вновь заговорил все тот же белобрысый, и после его слов о женитьбе Софья почувствовала, как ее лицо и уши запылали еще сильнее.

— Ну, ну, балагур, ввел девку в краску. Вона, гляди, ажни вся покраснела, — сделал Михалыч замечание белобрысому красноармейцу. Затем повернулся к Софье. — Иди на улицу, там, на перроне он, твой Скворцов.

Поблагодарив пожилого красноармейца, Софья вышла на улицу. Перрон, как и вокзал, был заполнен людьми. Весть о том, что станция Бабарыкино захвачена белоказаками и что они движутся на Ефремов, быстро разнесли по подворьям, и вскоре она обросла различными, один страшнее другого, слухами. На всех городских улицах и площадях шли разговоры о том, что казаки не щадят ни женщин, ни детей, ни стариков, а рубят шашками всех направо. Поверив слухам, люди в панике стали бежать из города. Прошел слух и о том, что на станцию должны подать эшелон для эвакуации жителей, и большая часть населения города Ефремова, полагая, что от быстрых казачьих коней бегом не спасешься, хлынула на станцию в надежде занять место в этом эвакуационном эшелоне. Дежурный по станции Ефремов Анатолий Капитанов, в прошлом израненный в боях красный кавалерист, отбивался от наседавших на него, кричащих и хватающих его за одежду людей.

— Нету никакого поезда, нету и не будет! — пытался он перекричать орущую толпу. — Я не знаю, кто вам обещал этот поезд, я вам не обещал! Расходитесь, товарищи, расходитесь, не создавайте сутолоки, здесь и без вас хлопот хватает, — громко говорил дежурный, отбиваясь от хватающей его за одежду полной старухи.

— У меня племянник тут на станции железнодорожником служит, он давеча сказывал, что эшелон должен придти из Волова за людьми, — кричала старуха, привлекая к себе внимание толпы.

Дежурный выругался в полголоса, снял картуз и вытер ладонью пот со лба.

— Да, идет поезд из Волова, но поезд тот военный. Это идет дополнительная помощь для обороны города от прорвавшихся белых. И никого, кроме раненых красноармейцев, тот поезд отсюда вывозить не будет. Ясно вам? Успокойтесь и расходитесь по домам. Ничего не бойтесь, белые город не возьмут, он надежно укреплен, — начал было объяснять дежурный, но все его объяснения оказались тщетными. Как только люди услышали из его уст о вышедшем со станции Волово поезде, начали раздаваться выкрики: «Идет! Поезд идет!», «Нас обманывают. Разгоняют по домам для того, чтобы им самим места в поезде хватило!», «Мест в поезде мало, всем не хватит!», «Эшелон уже на подходе, готовьтесь занимать места. Мест всем не хватит!», «Казачи уже на подступах к городу, через час-другой будут здесь». Разношерстная толпа мужчин и женщин разных возрастов с мешками, лукошками, сумками и плачущими детьми, чуть не сбив с ног дежурного, с криками кинулась к краю платформы. Подождя, пока схлынет людской поток, Софья подошла к нему.

— Простите меня, пожалуйста, я ищу командира красноармейцев Скворцова Николая. Мне сказали, что он где-то здесь, на перроне, должен быть. Не видели ли вы его? — спросила она.

— Сковрцова? — переспросил дежурный.— Нет, я не знаю такого. Тут в этой суматохе трудно кого-то найти, сами видите, что творится! — дежурный, от безнадёжности что-либо изменить, махнул рукой.— Сходите, барышня, вон к тем красноармейцам, что стоят у края платформы, может быть, там Сковрцов.

Софья направилась к ним, и, подойдя, спросила:

— Простите, пожалуйста, мне нужен Сковрцов Николай.

— Так вон он, Сковрцов Николай,— указал один из красноармейцев рукой на стоявшего поодаль высокого красноармейца.

Софья подошла к нему. Перед ней стоял почти ее ровесник, года на два-три постарше. Софья сразу обратила внимание, что Николай и погибший Аким внешне очень похожи друг с другом. У Николая были точно такие же, как и у Акима, пшеничного цвета волосы, голубые глаза, немного вздернутый нос, под носом небольшой пушок от зарождающихся усов.

— Простите, вы Николай Сковрцов? — спросила Софья.

— Да, Николай Сковрцов — это я.

— Мне нужен тот Николай Сковрцов, который командир красноармейцев,— уточнила Софья.

— Я и есть — командир.

— А я думала, что командиры все старые, а такими молодыми командиры не бывают.

Услышав ее слова, Сковрцов напустил на себя важный вид. Выпрямил спину, расправил плечи, заправил за ремень вздувшуюся пузырем гимнастерку и нахмурил брови.

— Вы, барышня, ежели по делу какому, то так и говорите, а просто так мне с вами разговоры вести некогда. У нас там белые фронт прорвали,— кивнул Николай головой в сторону станции Бабарыкино.

— Я знаю... я там была... я видела... там...— начала говорить Софья, но замолчала. Она никак не могла начать разговор о смерти Акима, никак не могла сосредоточиться; все те слова, которые она хотела сказать Николаю, несколько раз мысленно повторяла, вылетели из ее головы.— Вот, возьмите, это вам,— наконец-то произнесла она и протянула Николаю написанное им Акимом, письмо.

— Что это? — спросил тот, забирая из рук Софьи бумажный листок.— Это... это же... письмо... мое письмо... откуда оно у вас?! — удивленно глядя на свое письмо, спросил Николай.

— Я ехала тем поездом, который на станции Бабарыкино захватили военные,— начала рассказывать Софья, но мысли вновь стали путаться у нее в голове, она никак не могла сосредоточиться и правильно сформулировать свою речь.— Я ехала с мамой, и с нами вместе ехал ваш брат Аким...— Софья замолчала, вспомнив об убийстве Акима, к ее горлу подкатился ком, на глаза навернулись слезы.

— Где он? Он должен был приехать тем поездом... Что с ним?!.. И это письмо,— Николай еще раз взглянул на письмо.— Что случилось? Его что... больше нет?! — Николай разволновался, тяжело задышал.— Говорите же, не молчите! — почти закричал он.

— Его схватили военные, он начал от них убегать, и они... они выстрелили в него из ружья,— глубоко вздохнув, наконец-то выдавила из себя Софья.

— Его что... убили? — тихим и вмиг севшим голосом спросил Николай.

— Я не знаю... я видела издали... Аким упал, а к нему на лошади подскочил военный, посмотрел на него и... махнул рукой. Я не знаю, может, его только ранили, и он сейчас лежит в больнице? — Софья заплакала. Она словно вновь пережила те страшные минуты, когда увидела, как от выстрела Аким упал на землю.

— А письмо... почему оно у вас? — спросил Николай, с недоверием и подозрительностью глядя на Софью, его губы на побледневшем лице нервно подрагивали.

— Акима обыскали военные и нашли у него это письмо. Его схватили и посадили в поезд, а письмо это один из военных, наверное, их командир, прочитал, скомкал и бросил на пол, а я потом подняла и спрятала.

— Зачем же вы его подняли и спрятали? — тихо спросил Николай.

— Я не знаю, зачем я это сделала.

— Странно. А откуда же белые узнали про это письмо?

— Я тоже не знаю этого, но, мне кажется, им о письме рассказал толстый дядька. Он тоже ехал с нами в поезде и видел у Акима это письмо. Аким нам всем читал его вслух. А потом, в Бабарыкино, тот толстый дядька вышел из поезда и о чем-то говорил с военными, и те потом зашли в поезд и нашли у Акима письмо.

Николай потупил взгляд в землю, отвернулся от Софьи и пошел в сторону разросшейся акации. Сел на землю, снял с себя шапку-шлем с остроконечным верхом и пришитой над козырьком тряпчатой красной звездой, прикрыл ею лицо и заплакал. Плакал он молча по-мужски, лишь изредка вздрагивая плечами. Софья подошла к нему и остановилась за его спиной. «Акимушка... братишка мой дорогой... прости меня... это я во всем виноват... зачем же я писал это письмо... будь оно проклято... прости меня Акимушка», — всхлипывая по-детски тихим голосом, почти шепотом причитывал Николай, но Софья все же слышала произносимые им слова. Глядя на вздрагивающие плечи и голову Николая, ей вдруг стало очень жалко его. Жалко до такой степени, что к горлу вновь подкатился ком, сковал дыхание, на ее глаза навернулись слезы, и она тоже тихо заплакала. Сама не ожидая от себя, она протянула руку и, задержав ее на секунду-другую в воздухе, провела вдруг ладонью по волосам Николая. Тот вздрогнул, повернул голову и взглянул на Софью снизу вверх мучительным взглядом заплаканных глаз. Затем быстро вытер шлемом лицо, по-ребячьи всхлипнул, сглотнул слюну и вновь отвернулся от Софьи.

— Вы, барышня, еще здесь? Зачем вы так? Не надо... уходите, прошу вас, уходите, — тихим голосом попросил он. Затем, скорее почувствовав, чем увидев, что Софья продолжает стоять на месте, громко крикнул: — Уходите отсюда!

Софья, словно обожглась, резко отдернула руку. Какое-то время постояла в нерешительности и, развернувшись, пошла в сторону вокзала. На перроне по-прежнему была суматоха. Дежурный продолжал отбиваться от наседавших на него людей. Софью задевали плечами, толкали, но она не замечала этого. Перед тем как уйти с перрона, она оглянулась и посмотрела в ту сторону, где оставался Николай, но из-за снующей взад и вперед людской толпы уже его не увидела.

Всю обратную дорогу от вокзала до церкви Софья испытывала чувство обиды на Николая. Она не могла понять, за что он рассердился на нее и грубо изгнал от себя. «Я же поступила по-божески, по-человечески, сообщив ему о смерти его брата, а он...», — думала она и слезы обиды душили ее, комом сдавливало горло.

День уже клонился к закату, солнце, отражаясь красно-золотистыми бликами, уходило за горизонт. Так и не сумев подавить в себе боль обиды, Софья вошла в церковь. Вечерняя служба уже шла, но прихожан было мало. Екатерина Михайловна стояла у Христова распятия и молилась, едва заметно шевеля губами. В церкви было сумрачно, и в сумраке теплились зажженные лампадки, потрескивали свечи. Небольшого роста полноватый дьякон громким голосом читал молитвы. Вскоре замолчал и вошел в алтарь, где в это время старый и худощавый, с небольшой и редкой бородкой священник воскуривал в кадильнице ладан. Воскурив, вышел из алтаря через Царские врата и, произнося молитву, пошел по кругу, окуривая лики святых и лица прихожан благовонным дымом.

— Почему опоздала к вечерней? — тихо, почти шепотом, спросила у Софьи Екатерина Михайловна.

— Так получилось,— так же тихо, ответила ей Софья.

Церковная прохлада, приятное мерцание лампадных и свечных огней, потрескивание плавленого воска, ароматный запах ладана благоприятно действовали на Софью, она начала успокаиваться. «В конце концов, почему Николай должен ко мне относиться с любезностью? Кто я ему? Никто. Чужой человек. Я просто поступила по-божески — сообщила ему о постигшем его горе, а как он отнесся ко мне, на то ему бог судья»,— решила Софья и попыталась забыть Николая, но это ей никак не удавалось. Николай то и дело всплывал в ее сознании в разных образах. То он — совсем мальчишка — напускал на себя строгость, то стоял в растерянности после получения страшного известия, а то был зол. Но больше всего Николай представлялся Софье сидящим на земле с поникшей головой и вздрагивающими от плача плечами. И этот образ Николая выдавливал из ее сознания образ того злого Николая, гнал его прочь, и ей, как и тогда на перроне, захотелось успокоить его, плачущего, пожалеть, обнять, прижать к себе и приласкать. За этими раздумьями и переживаниями Софья не заметила, как закончилась служба, но Екатерина Михайловна не спешила уходить из церкви, да и идти-то им было некуда. Она с трудом дошла до стоявшей у свечной лавки скамьи и тяжело опустила на нее.

— Сонечка, пойдй, принеси мне, пожалуйста, воды,— тяжело дыша, попросила она.

Софья подошла к стоявшей здесь же в церкви металлической бочке с надписью «Святая вода», перекрестилась, зачерпнула небольшим ковшиком воду и принесла матери. Воду Екатерина Михайловна пила с трудом, маленькими глотками с остановкой и тяжелой одышкой.

— Мама, как ты себя чувствуешь? Мне кажется, тебе нехорошо,— с тревогой в голосе обратилась к Екатерине Михайловне Софья.

— Ничего, Сонечка, ничего доченька, все хорошо. Не переживай обо мне.

— Я же говорила тебе, что не нужно нам было никуда ехать. Давай возвратимся в Елец, кому мы здесь нужны? Никому. Нам с тобою даже переночевать негде,— предложила Софья.

— Нет, нет. Никуда мы возвращаться не будем. А по поводу ночевки, я сейчас с батюшкой поговорю, может быть, он нам что-то посоветует. Сейчас он из алтаря выйдет, и я с ним поговорю. Авось он придумает, где нас разместить.

Софья больше не стала настаивать на возвращении в Елец, хотя состояние матери тревожило ее. Вскоре из алтаря вышел священник, он был без священнического облачения.

— Сонечка, помоги мне подняться,— обратилась Екатерина Михайловна к Софье, протягивая ей руку. Та помогла матери встать со скамейки, а затем, придерживая под локоть, подвела к священнику.

— Батюшка, мы с дочерью,— Екатерина Михайловна кивком головы указала на Софью,— сюда приехали из Ельца. Завтра после утренней службы собираемся ехать дальше — на Птань, но нам негде переночевать. Не смогли бы вы помочь нам в этом? За ночевку я заплачу, деньги у меня есть, немного правда, но есть.

Священник долго и внимательно глядел на Екатерину Михайловну и Софью уставшим и грустным взглядом.

— Я гляжу, вы не крестьянки? — неожиданно спросил он.

— Да, батюшка, вы правы. Мы — дворянки. У нас на Птани было имение, но в революцию его разграбили, а дом сожгли. Мы с дочерью уехали в Елец и живем в доме моего брата. На Птани, в Никольском, похоронен мой муж. Я сейчас очень больна, видимо, жить мне осталось недолго, хочу побывать на его могиле.

Священник молчал какое-то время, лишь кивая головой. Затем заговорил:

— Вы, барыня, простите меня великодушно, в доме своем не могу вас приютить — сын у меня, хоть из бывших офицеров, но теперь в Красной армии служит здесь, у нас в Ефремове. Сами понимаете, появление в нашем доме бывших дворянок может плохо отразиться на его нынешней службе, такие уж нынче времена настали,— вздохнул священник.— А вот в крестильной комнате могу вас оставить на ночь. Там есть длинные лавки, если не побрезгуете, можете на них переночевать.

— Спаси вас Бог, батюшка.

— Зовите меня отцом Александром. А как же вы будете добираться до Птани? Путь-то не близкий.

— Как Бог даст. Завтра все решится, утро вечера — мудренее,— вздохнула Екатерина Михайловна.

— Если не найдете извозчика, я вам выделю своего. Он отвезет вас на Птань,— после недолгого молчания произнес священник.

— Спаси вас Бог, отец Александр,— вновь повторила Екатерина Михайловна и склонила перед священником голову.

— Агафья, подойди ко мне,— подозвал священник согбенную старушку.— Сегодня у нас в крестильной переночуют вот эти две барыни,— отец Александр указал на Екатерину Михайловну и Софью.— Там у нас лавки целы?

— Целые они, куды ж они денутся?

— Ты составь их вместе и застели чем-нибудь, чтобы на них лежать не жестко было, и кипяточку им принеси туда.

— Хорошо, отец Александр,— ответила старушка. Затем вновь снизу вверх из-за сутулости взглянула на Екатерину Михайловну и Софью.— Пойдемте, я провожу вас до крестильной.

Несмотря на то, что Агафья застелила лавки старым лоскутным одеялом, спать на них все-таки было жестко и неудобно. Екатерина Михайловна долго ворочалась с боку на бок, кряхтела и охала, вставала и долго сидела, тяжело дыша от нехватки воздуха, затем вновь ложилась. И только под утро, когда за окном стала бледнеть ночная темнота, она впала в неглубокий и тревожный полусон. Софья же наоборот, поев круглой в мундирах картошки, которую им принесла Агафья, попив кипятку, уснула крепким сном. Утром ее разбудила Екатерина Михайловна.

— Сонечка, вставай, нам пора в церковь,— тормоша дочь за плечо, тихим голосом говорила она. Софья с трудом разлепила ресницы, взглянула на мать полусонным взглядом, покивала головой и вновь начала засыпать, но Екатерина Михайловна не дала ей этого сделать. Она еще раз более настойчиво начала трясти дочь за плечо,— вставай, вставай, некогда спать, пора на утреннюю службу собираться.

Потягиваясь спросонья и позевывая, Софья с трудом поднялась с лавки. Посидела какое-то время и, встав на ноги, направилась к висевшему у входа рукомоюнику, умылась и вытерла лицо висевшим здесь же рушником. Екатерина Михайловна ждала Софью на улице.

— Сонечка, возьми меня, пожалуйста, под руку, а то у меня что-то кружится голова,— попросила она дочь, и та взяла мать под руку.

Несколько метров от крестильной до церкви Екатерина Михайловна шла с трудом. Часто останавливалась, глубоко и тяжело дышала. Так и вошла она в церковь, поддерживаемая Софьей, с трудом поднимаясь по небольшим каменным ступеням при входе. Во время утренней службы она исповедовалась и причастилась, а по окончании службы отец Александр, как и обещал, выделил Екатерине Михайловне и Софье для поездки на Птань свою пролетку. Возницей был служивший у священника много лет кучером местный житель, шестидесятилетний крестьянин Авдей.

— А-а-а-у-а-а,— произнес Авдей, когда Екатерина Михайловна спросила у него, как к нему обращаться.

— Нямой он, барыня, нямой... во,— Агафья высунув свой язык, несколько раз слегка прикусила его губами, а затем показала руками на свои уши,— и глухой он к тому же. Но вы не подумайте чего, куды вас надоть отвезть он знает,— при этих словах Агафья сунула в руку Софье небольшой узелок.— Это я вам нямножко поесть собрала в дорожку, тута картохи и хлеб.

— Спасибо большое,— принимая подарок, Софья склонила голову.

Подошел священник.

— Не переживайте, барыня, Авдей дорогу на Птань знает, не раз там бывал,— сказал он, обращаясь к Екатерине Михайловне. Затем взглянул на Авдея.— Как отвезешь барынь на Птань, сразу же возвращайся обратно. Понял меня, Авдей? — спросил у него отец Александр.

— А-а-а-у-а-а,— произнес тот, кивая головой.

— Вот видите? Он все понимает.

Екатерина Михайловна и Софья поблагодарили отца Александра и Агафью, удобно усаживаясь на мягкие сиденья двуколки.

— С Богом! — священник поднял вверх руку и едва заметным движением двумя перстами наложил крестное знамение на путников.— С Богом! — вновь повторил он.

Авдей подстегнул лошадь, и та резво взяла с места. Екатерина Михайловна и Софья оглянулись и помахали руками ставшим в одночасье близкими для них людьми — священнику отцу Александру и церковной послушнице Агафье. Поцокав копытами по булыжным городским улицам, лошадка вынесла седоков в загородные просторы и, поднимая пыль, пошла рысью по уходящей далеко за горизонт дороге. По обе стороны от нее раскинулись скошенные хлебные поля. Жатву завершили ко дню Успения Пресвятой Богородицы, но ометы соломы еще стояли. Полуденное белое солнце было в зените и беспощадно выжигало и без того уже пожухлые луговые травы, горячим маревом парила земля. Путники разомлели, ехали молча, и лишь Авдей изредка понукал лошадь своими нечленораздельными звуками, отгоняя ими от Екатерины Михайловны и Софьи то и дело наваливавшуюся на них дремоту. Изредка им на пути встречались повозки, и их хозяева по сложившейся с дореволюционной поры привычке, снимали с головы картузы и кланялись двум сидящим в дорогой пролетке барыням. Примерно часа через два пути выехали на дорогу, ведущую в Сергиевское, долго ехали берегом Птани, миновали несколько деревень, в том числе и Ордынку, и вскоре свернули на птанскую дорогу. Солнце уже начало остывать и медленно клониться к закату, когда путники въехали в сельцо. Проехав мимо нескольких подворий, остановились у дома своего бывшего управляющего именем Гордея Фролова. Увидев бывшую барыню и ее дочь, Гордей больше испугался, чем удивился.

— Барыня?! Неужто это вы?! — выйдя из дома, воскликнул он.

— Я, Гордей Никифорович, я,— тихим и измученным голосом ответила Екатерина Михайловна.

— Господи — Боже ты наш, вот не ожидал... вот не ожидал,— начал причитать Гордей, опасливо озираясь по сторонам.

— Примешь ли ты нас к себе на постой, Гордей Никифорович? — спросила Екатерина Михайловна.— Всего на одну ночь, завтра утром мы уедем,— пояснила она, заметив, что Гордей стоял в нерешительности и молчал.

— Ну, коли на одну ночь, то можно. Время-то нынче, сами знаете, не простое. Мне и так от новой власти досталось за то, что был управляющим в вашем имении, хорошо хоть комитет бедноты за меня вступился, а так...— Гордей махнул рукой.—

Вы, барыня Катерина Михална, уж не обессудьте меня,— Гордей начал торопливо открывать воротину,— заводите лошадку во двор,— распорядился он, продолжая озираться по сторонам.

— Спаси тебя Христос, Гордей Никифорович,— поклонилась ему Екатерина Михайловна, входя во двор.

— Карета-то у вас какая красивая, прямо царская карета-то. Должно быть, больших денег стоит,— Гордей начал внимательно рассматривать пролетку.— И седелка мягкая. Должно быть, дорогая карета-то, а? Чего молчишь-то? — обратился Гордей к Авдею, видя, что тот продолжает молчать.

— Немой он,— сказала Екатерина Михайловна, взглянув на Гордея.

— Немой? Вот те раз! — удивился тот.

— А-а-а-ы-ы-у-у-у,— в подтверждение слов Екатерины Михайловны нечленораздельно произнес Авдей.

— Вот те раз, надо же,— немой! — вновь удивился Гордей.— Ну, проходите в дом, а я лошадку в хлев заведу, да карету вашу спрячу от любопытных глаз,— проговорил он и вновь начал озираться по сторонам.

Дом Фроловых был хотя и небольшой, но прочный, построенный из белого камня, с деревянными полами, сенцами и хлевом для скотины. В доме было две комнаты, одна большая — горница, а другая поменьше. В маленькой комнате с одним окном стояла железная с пружинами и коваными резными спинками кровать, подле кровати стул и небольшая деревянная тумба, на которой возле подсвечника со свечой лежали книги духовного содержания, поверх них — Евангелие. В центре большой с двумя окнами комнаты стоял покрытый светлой скатертью круглый стол со стульями, у стены — комод и закрытый на всякий замок добротный, с полукруглой крышечкой и окованный по периметру металлическими полосками, сундук. В сундуке Фроловы хранили постельное белье, праздничные — на показ — наряды, кокошники, даже сохранившиеся свадебные одежды, в которых они венчались в церкви. В горнице высилась печь-лежанка, у печи длинная скамья. С другой стороны печи располагалась кухня. На кухне у окна был стол с тремя табуретами, небольшая скамейка, на столе прикрытая рушником горкой стояла деревянная посуда.

Марфа Антоновна хлопотала у печи, когда в дом вошли гости. Увидев Екатерину Михайловну и Софью, она оторопела.

— Батюшки мои родные, пресвятые отцы небесные... барыня, нулишь, енто вы? Откель же вас к нам господь послал?

— Здравствуй, Марфа,— вместо ответа поздоровалась с ней Екатерина Михайловна. Софья тоже поздоровалась с Марфой Антоновной, при этом немного склонив голову.— Вы, наверно, уже позабыли нас? — спросила Екатерина Михайловна, внимательно глядя Марфе в глаза и пытаясь угадать, желанен ли для нее их приезд или обременителен.

— Господи, а я-то думала, что уже не увижу вас боле,— Марфа всплеснула руками, затем замешкалась, взялась за концы платка, поднесла их к лицу и зажала губами, на глаза навернулись слезы.— Барыня... Катерина Михайловна... матушка вы наша... да коли можно забыть-то вас? Коли можно забыть все доброе, что вы с барином нашим, Серафимом Аркадичем, для нас сделали? — запричитала Марфа и, забыв, что перед нею ее бывшая барыня, кинулась к ней, обняла и начала целовать в исхудавшие морщинистые щеки. Екатерина Михайловна ответно прижала к себе Марфу, начала целовать ее как родную, и тоже дала волю чувствам. Стоявшие в дверях Гордей Никифорович, Софья и вошедший следом за ними Авдей молчали и терпеливо ждали, когда две почти одинаковые по возрасту женщины — одна бывшая барыня, а другая ее прислужница — вместе со слезами выплеснут из себя нахлынув-

шие на них чувства и эмоции. Наплакавшись, словно обессиленные, обе уселись у печи на скамейку. Гордей прошел мимо них к окну и внимательно посмотрел на улицу, чтобы убедиться: видел ли кто приезд к нему барыни или не видел? И, убедившись, что все в порядке, задернул штору.

— Люди разговоры ведут, что вы за границу уехали, в Хранцию,— Гордей взглянул на Екатерину Михайловну.

— Нет, Гордей Никифорович, мы в Ельце живем, в доме моего брата. Я больна, и мне уже немного осталось жить на этом свете...— Екатерина Михайловна оборвала себя на полуслове и замолчала.

Гордей Никифорович уже и сам увидел, как постарела за эти годы когда-то красивая, всегда жизнерадостная и добрая к простым людям барыня.

— А дочка-то ваша, Сонечка, как выросла, совсем уже невеста,— вступила в разговор Марфа Антоновна.

— Да, чужие дети растут быстро,— согласилась Екатерина Михайловна.

— Замужем, ай нет? — Марфа Антоновна переводила взгляд с Екатерины Михайловны на Софью и обратно.

— Пока еще нет,— ответила Екатерина Михайловна.

— Ну, ничего, ничего. Она у вас — красавица, на отца похожа. Глаза-то у нее, как и у барина нашего были — черные. Вы-то с Володей голубоглазые, а Серафим Аркадич и Сонечка — черноглазые. Помню, как барин сказывал, что дочери должны быть похожи на отцов, а сыновья на матерей, тогда они счастливыми будут. Так-то он сказывал.

— Да, он так говорил,— кивнув головой, согласилась Екатерина Михайловна.— Только где оно, счастье-то это? За какими лесами и за какими долами схоронено? Кто бы показал. Было когда-то счастье, да растеклось все, растворилось, словно утренний туман,— вздохнула она и потупила взгляд в пол.

— Марфа, будя тебе пустые разговоры заводить. Люди с дороги усталые и голодные, давай лучше повечеряем,— проговорил Гордей Никифорович, обращаясь к жене.

— Ой, и правда, чтой-то енто я,— встрепенулась Марфа. Быстро поднялась со скамейки, пошмыгала носом, завязала потуже платок и направилась к печи.— Щас я соберу повечерить.

Перед едой все вместе помолились и приступили к трапезе.

— И что же вас, барыня, привело сюда? — прожевывая картофелину, спросил Гордей.

— Захотелось родные места навестить, на могилке Серафима Аркадьевича побывать, а то когда еще удастся... и годы не те, и здоровье не то.

— А это, стало быть, кучер ваш? — Гордей кивком головы указал на Авдея.

— Да, он кучер.

— Стало быть, так и продолжаете барствовать? И при новой власти, стало быть, тоже барствуете?

— Нет, Гордей Никифорович, мы при новой власти не барствуем. Кучера и лошадей нам в дорогу дал ефремовский священник. Мы в церкви были на службе, там и переночевали нынешней ночью. Отец Александр смилостивился над нами. Ты, Гордей Никифорович, не переживай, мы завтра рано поутру уедем от тебя, нам только заночевать. Завтра посетим то место, где было наше имение, в Никольское съездим на могилку Серафима Аркадьевича, да и назад поедем, в Ефремов, а оттуда уже в Елец,— ответила Екатерина Михайловна.

Гордей взглянул на Авдея. Тот под его взглядом отложил в сторону кусок хлеба, посидел немного и вдруг выставил в сторону висевших икон указательный палец.

— А-а-а-у-у-а-а,— произнес он и начал накладывать на себя крестное знамение, таким образом, подтверждая сказанное Екатериной Михайловной.

Гордей насутился, потупил взгляд в пол, замолчал, заиграл на скульях желваками и задумался. Наступила неловкая тишина.

— Я так скажу, — наконец-то после довольно долгого молчания нарушил он тишину.— Пусть Авдей рано утром уезжает, а вас с Соней я повезу.

— Нет, нет, не надо, мы не хотим вас обременять. Тем более, нам нужно будет ехать в Ефремов, а это далеко,— запротестовала Екатерина Михайловна, но Гордей Никифорович настоял на своем решении.

— Все, уважаемая барыня Катерина Михална, как я решил, так и будет. Я тут хозяин, а значит, как быть, решаю тоже я.

— Гордей, а как же... нежели суседи-то увидят тебя, что ты вместе с барынями...— несмело и с испугом в голосе заговорила Марфа, но оборвала себя на полуслове и виновато взглянула на Екатерину Михайловну, та молчала.

— Плевать мне на них. И ты тоже поедешь вместе с нами. Мы же с тобой давно собирались съездить в Никольское на могилу сына, вот и съездим, заодно и на могилу барина нашего сходим. А теперча давайте помолимся и пора ложиться спать, время позднее, вон на улице уже темнеет. Завтра рано вставать,— сказал Гордей.

Екатерине Михайловне хозяева уступили свою постель, Марфа Антоновна постелила себе на сундуке, а Софье на печи. Гордей и Авдей ушли спать на сеновал.

— Погоди, Марфа Антоновна, не ложись, давай с тобою вечерние молитвы прочитаем,— попросила Екатерина Михайловна.

— Давайте, барыня.

Софья тоже молилась вместе с ними, но слова молитвы постоянно сбивались и путались у нее в голове приходившими воспоминаниями о Николае. Он вновь представлялся перед ее мысленным взором важным и напыщенным, со сведенными для солидности к переносице бровями. Именно таким, каким она его увидела при их первой встрече. Еще представлялся сидящим на земле, беспомощным и плачущим, с согнувшейся спиной и вздрагивающими плечами. И именно такого — беспомощного и плачущего, Софье было очень жалко, так жалко, что она вновь, как и в прошлый раз, почувствовала желание обнять его и прижать к себе. Прижать, чтобы успокоить и утешить его, своею любовью облегчить его душевные страдания. Любовью?! Услышав в себе это слово — любовь, Софья испугалась. «Нет, нет, только не это. Посочувствовать Николаю, найти добрые для него слова и все, этого будет достаточно», — так считала она, но полюбить его? Полюбить его она не сможет. «Это — не любовь, это что-то иное,— решила Софья.— Тогда что это? Что это за чувство, которое тревожит меня? Не дает мне покоя? Что это?» — стала задаваться она вопросами и не находила ответа.

После вечерней молитвы Софья влезла на печь. Днем печь была истоплена, но к вечеру начала остывать, и было не слишком жарко. Екатерина Михайловна и Марфа Антоновна не разошлись по своим постелям, а присели на длинную скамью и завели неспешный, тихий и душевный разговор. На улице уже окончательно стемнело, и в комнате горела свеча. Софье не спалось, в голову приходили различные мысли, и о посещении на следующий день их бывшего имения, и об их возвращении в Елец, и о болезни Екатерины Михайловны, но чаще других ей приходили мысли и воспоминания о Николае. «Где он сейчас? Что делает? Как пережил известие о смерти брата? А может быть, его отправили воевать с теми военными, которые убили Акимку? А может быть, он тоже сейчас думает обо мне?» — стала мысленно задаваться Софья вопросами, глядя на мерцающий огонек свечи.

—... Дюже нехорошо с вами поступили мужики-то, дюже нехорошо. Не по совес-

ти. Ни вы, барыня, ни упокойный барин никогда зазря не забижали ни мужиков, ни баб. А они вона что сотворили — взяли и ваш дом сожгли,— донесся до слуха Софьи голос Марфы.

— Мне было очень страшно в тот раз, когда мужики в наше имение приехали с бадьями керосина,— тихо отвечала ей Екатерина Михайловна.— Думала, страшнее ничего уже не будет в жизни, а когда увидела, как солдаты застрелили убегающего мальчика, испугалась еще больше. Поверишь, Марфа, так сильно испугалась, что чуть было в обморок не впала, насилу выдержала это испытание. Как же можно было убить ни в чем не повинного мальчика? — Екатерина Михайловна заплакала.— Ведь они же все взрослые люди, неужели не видели, что он еще почти ребенок? А Сонечка не выдержала, впала в обморок и свалилась кулем. Я как увидела это, чуть жизни не лишилась, спасибо, лекарь рядом оказался, привел ее в чувство. Очень много у меня сил отобрал этот случай, очень много,— вытирая слезы, тихо говорила Екатерина Михайловна, надеясь, что Софья уже уснула и ее слов не слышит, но Софья еще не спала и все слышала.

— Все испытания нам дадены Богом. Значит так нужно Господу. Помните, барыня...— начала говорить Марфа, но Екатерина Михайловна перебила ее.

— Марфа, не называй меня барыней, прошу тебя. Я теперь уже никакая не барыня. Называй меня по имени, мы с тобою, поди, погодки,— попросила она.

— Хорошо, буду звать тебя по отчеству. Так вот, Катерина Михайловна, когда сын мой Ванька с германской войны вернулся весь газом протравленный, ходил и задыхался, да ты помнишь, наверно, вы-то еще здесь в имении жили...

— Помню, конечно,— подтвердила Екатерина Михайловна.

— Я тогда думала, что не переживу ентого. Как увижу, бывало, как он задыхаться начинает, руками схватится за горло, глаза закатит, так и у меня самой горло перехватывает, и мне тоже дышать нечем, будто и я вместе с ним тем газом затравилась. А потом, енто уже, когда вас тут не было, он и помер от ентого газу. Так я думала, что не воскресну боле. Но ничего, отпустило. Видать, так Богу угодно,— вздохнула Марфа Антоновна.— А твой-то сыночек как? Жив ли?

— Ой, Марфа! Ой, и не спрашивай! Не знаю о нем ничего! Как ушел на германскую войну, так один раз только дома и появился, в аккурат после того, как новая власть настала. Прибежал ночью грязный, исхудавший весь, обовшивленный, в чужой одежде... да ты, Марфа, и сама, небось, помнишь об этом.

— Помню, как же не помнить-то! Серафим Аркадич упокойный ночью Гордея мово разбудил, говорит: кипяти, Гордей, воду, сыночка свово, говорит, мыть буду. Но я-то сама его и не видала, это мне Гордей мой опосля о нем сказывал. А что же было-то опосля?

— Что было? Ушел он от нас. Той же ночью ушел. Взял хлеба и ушел затемно. Боюсь, говорит, что утром увидят меня и как офицера арестуют. Собирался на Дон пробираться. Говорил, там, на Дону, сейчас все наши силы собираются для сопротивления новой власти. И с тех пор ничего я о нем не знаю. Жив ли, нет ли? Ничего не знаю. Если живой, если возвратится обратно, а и дома-то уже нашего нету, сожгли дом, и отца уже тоже нету,— Екатерина Михайловна тихо заплакала.

Софья тоже помнила ту ночь, когда с войны вернулся Владимир. Она проснулась от шума и, увидев брата, кинулась к нему, начала целовать. А он потом строго-настрого запретил ей говорить, кому бы то ни было, что он домой приходил. И ушел той же ночью.

— Страшное время наступило, страшное! Идет война, брат на брата пошел, сын на отца, и никуда от этой войны не схоронишься,— вздохнула Екатерина Михайловна, вытирая слезы.

— Видать, к концу света идем. В Писании сказано, как брат на брата войной пойдет, так свету конец будет,— произнесла Марфа Антоновна.— Бога молить надоть! Он один наш заступник и милосерд! А боле надеяться не на кого, кроме как на Бога...

Вдруг Софья отчетливо увидела, как со стороны маленькой комнаты, из темноты, вышел Акимка. Он подошел к Екатерине Михайловне и Марфе Антоновне.

— Зря вы так, тетенька, говорите, что брат на брата войной пошел. Я-то вот не пошел войной на своего брата Кольку,— проговорил он, обращаясь к Марфе Антоновне. Затем повернулся к Екатерине Михайловне.— И вы, барыня, зазря по мне плакали. Я же теперь в небесном отряде живу, и мне там дюже хорошо.

Вдруг Акимка куда-то исчез, а вместо него оказался Серафим Аркадьевич. Он подошел к печи, внимательно вглядываясь в лицо дочери.

— Ты, дочка, спрашиваешь, что это за чувство такое, которое тревожит тебя? Которое не дает тебе покоя? Это — любовь! Это она пришла к тебе, дочка! — сказал Серафим Аркадьевич и улыбнулся.— Ты береги ее, дочка, эту свою любовь! — сказал он. Затем развернулся и направился к Екатерине Михайловне и Марфе Антоновне.

— Папа! Папа! Ты, оказывается, живой?! Я так рада, что ты вернулся к нам! Пойди же, не уходи! — Софья хотела слезть с печи и подбежать к отцу, чтобы обнять его и остаться с ним, но вставшая со скамьи Марфа Антоновна подошла к печи и преградила ей дорогу.

— Ты не мешай им. Пусть они поговорят друг с другом, ведь они так долго не виделись! — сказала она.

Софья послушалась Марфу Антоновну и осталась лежать на печи, изредка лишь наблюдая за счастливыми, улыбающимися родителями.

— Мама, ты так давно не улыбалась! Я очень рада за вас с папой! Рада, что вы опять вместе! — воскликнула она.

— Да, Сонечка, мне сегодня как никогда радостно! Ты знаешь, Сонечка... Сонечка... Сонечка...

Софья проснулась от того, что Екатерина Михайловна трясла ее за руку. Софья очнулась, приоткрыла глаза.

— Сонечка... просыпайся, уже утро.

— Я так хорошо спала, и мне приснился удивительный сон, как будто...

— Сонечка, потом расскажешь о своем сне. Вставай, нам пора собираться в дорогу. Гордей Никифорович уже запряг лошадь.

Перекусив наскоро вареной картошкой и квасом, выехали со двора.

Вячеслав Лямкин
(г. Бийск)

ОТПУСТИ ЕГО НА НЕБО, ДУША, ОТПУСТИ...

Лямкин Вячеслав Михайлович, молодой прозаик, кандидат в члены Союза писателей России, лауреат православной литературной премии им. Святителя Макария, митрополита Алтайского, технический редактор журнала «Бийский Вестник».

Поселок приютился меж двух полосок соснового бора на краю райцентра. Построенный в начале восьмидесятых для работников рыбхоза, тянется он последними домами к свалке, скрытой между пригорком и поймой реки.

В былые времена рыбное хозяйство «гремело» в округе. Но от прежнего здорового пульса жизни не осталось и следа: некогда прибыльное дело во время неразберихи девяностых развалили, растащили «на куски». Людей оставили без дела, землю сдали в аренду фермерам, пруды спустили, технику распродали.

Тихая рутина затянула поселок. Будоражили однообразную жизнь поселян редкие ныне свадьбы, да похороны...

Первой почувяла недоброе, по старости лет не ходившая дальше своей лавочки, бабка Илясиха.

Приснился ей сон: березка склонила ветки к речке Фунтовке, а с листьев, словно слезы, потекли капельки воды.

Начали соседки гадать — хороший сон или плохой, но Илясиха шепнула:

— Ждите вдову.

Эхом разлетелось бабкино пророчество по поселку, а через неделю увезли на погост Михаила «Дороги»...

1

Прозвище Михаилу дали мужики: во время гулянок он брал в руки гармошку и, прищурив один глаз, склонив голову к мехам, начинал наигрывать и тихо петь:

— Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги,
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей:
Может, крылья сложишь
Посреди степей...

Песня грустью заполняла сердца людей.

Мария приходила на звук гармошки. Пыталась увести мужа домой. Пальцы Михаила быстрее начинали бегать по кнопочкам, и он проникновенно затягивал:

— Ох ты, Маша, ох, Петровна —
Васильковые глаза,
Далека к тебе дорога,
Жаль пешком прийти нельзя...

Мария, уперев руки в бока, на это отвечала:

— Что, коня тебе привезь? Щас, разбежалась. Подымайся!.. Пошли!

Михаил нехотя вставал, долго прощался. А после, следуя за женой, снова начал насвистывать любимую мелодию, иногда выкрикивая: «Эх, дороги!..»

После сокращения с рыбхоза, Михаил, отказавшись от предложения устроиться в райпо на ЗИЛ-130, купил гнедую кобылу и весной пошел пасти коров.

Осенью или в зимние месяцы на Михаила накатывало уверенное внутреннее побуждение устроить на душе праздник. Выпьет и с улыбочкой, грудь нараспашку, пойдет по поселку. Без приглашения забредет в чужой двор, присядет на крыльцо, закурит сигарету, заведет беседу...

Кто-то относился к его визитам снисходительно, иногда угощая Михаила стопкой самогонки, а соседка — Татьяна Дымова, боясь загула мужа, прогоняла гостя веником, приговаривая:

— Мишка, паразит! Чего приперся!? Иди лучше делом займись!

Но если Татьяна для проформы читала нотации, то с новыми соседями Михаил вздорил основательно. Прежние соседи уехали на север. Их половина дома долго пустовала, пока ее не купили пенсионеры из города: глухая бабка Валя и важный дед Анатолий. Будешь тут важным — сын «крутой», на большом джипе к родителям приезжает.

Городские сразу начали наводить свои порядки. Заправлял дед Анатолий. Сделал Михаилу замечание:

— Кто тут строил? Руки ему оторвать!

Михаилу обидно стало, он тоже принимал участие в строительстве. На кране брус подавал.

Вдобавок дед Анатолий помой начал лить на бревенчатую стену стайки, в которой Михаил держал лошадь.

В отместку Михаил посадил у забора хмель. Хмель в лето разросся и перемахнул через двухметровую жердь на сторону соседей.

Дед разозлился. Ругаясь, отправил супругу обстричь вьющееся растение. Михаил, заметив соседку, выдрал за баней куст крапивы, подкрался к забору и хлестанул бабку по рукам.

Жил Михаил бескорыстно. Не стремясь к накопительству, с детства познав нужду, отдавал последнее первому встречному.

Часы командирские — память об отце-фронтовике — подарил парню, что остановился помочь ему в морозный зимний вечер поменять проколотое заднее колесо на грузе ГАЗ-52. Отблагодарил за помощь, сказав:

— Держи, держи, я знаю, они достались хорошему человеку!

В обновке Михаил чувствовал себя неловко, и с нетерпением ждал момента облачиться в привычную робу. А новой одеждой мог распорядиться по воле сердца.

Многие Михаила осуждали, говоря, что в нынешнее время надо «бежать за рублем», а кто-то завидовал широте его души, умению легко отдавать, не оглядываясь назад, не задумываясь о завтрашнем дне.

Так бы и жил Михаил некрещеный, со «своей философией», в неугомонной жизни, пока вдруг не начал по ночам задыхаться.

По настоянию жены пришлось ездить по больницам. Реже стала звучать «Эх, до-

роги!», а «Татарская» в его исполнении слышалась с грустинкой, да и по-другому мелодия не могла звучать, если всю живность свел со двора. Сил управляться уже не хватало. Продал и лошадь с жеребенком. Когда приехали покупатели, долго гладил гнедую по белой звездочке на лбу, стараясь не смотреть в ее полные слез глаза. Она выручала — в пьяном бреду сколько раз заснет Михаил в саях, а лошадь, понутив морду, привозила его домой, не дав замерзнуть на морозе. Один год, когда сломалась машина, пришлось на кобыле возить солому с полей, тем самым прокормив коров в зиму. Сведя гнедую со двора, с неделю заливал печаль зеленым змием. Видно, тяжело приходилось, раз решил продать друга.

Долго его не видели. Бабка Илясиха, знающая последние новости на поселке, говорила, вроде, в больнице лежит.

Появился Михаил на Успение.

Веселый, бравый, полдня бегал по поселку, со многими поговорил, а когда сосед Иван Дымов пришел с работы, собрался к нему, но, не дойдя до калитки, упал на землю...

Проводить Михаила в последний путь пришло немало народа — и кто с ним работал, и кто жил рядом, и кто любил, и те, кто судил. Пришла и новая соседка бабка Валя, обрывавшая хмель, принесла тысячу, вложила в руки Марии, оправдываясь: «Я же и не знала, что он у тебя так болел...»

Илясиха, приведенная под руки, долго побряхтывала, наконец, потрогала покойного за ноги, чтобы не снился, и сказала: «Мишка добрый был».

По обычаю гроб пронесли по улице, загрузили в пассажирскую «Газель» и увезли на кладбище.

Поминальный обед отвели в столовой. Сейчас многие этим пользуются — удобно, меньше хлопот, только давай по триста рублей за человека. В городах зачастую и домой покойного уже не везут, а прощаются в специальных залах — от новых веяний незаметно угасает искорка того таинства, значимости и основательности, веками копившихся в традициях погребения и поминания.

В сохранении душевности село, деревня — держат последний рубеж, но и здесь засматриваются на город. А пока, и может к лучшему, найдется, кто шепнет на ушко: «Родственникам гроб нельзя нести», или «Стойте, вынесут из дома, после пойдете». И найдется не боящаяся суеверий женщина, которая помоем пол после выноса.

С кладбища родные и близкие приехали к Марии домой. Долго сидели за столом в дальнем углу ограды, поминая Михаила. Забежал помянуть сосед Толик Куприянов, не ездивший в столовую, заглянул перехватить стопочку Ростик, пасший в одно время с Михаилом коров.

Поселок прощался с человеком.

На следующий день дети разъехались. На прощанье дочка обещала приехать на полгода отцу. Мария понимала — с Севера далеко добираться.

На сороковинах к Марии подошла соседка Татьяна.

Накануне видела она во сне покойного Мишу и Андрюху Валенка, сгоревшего полгода назад от спирта.

— Вижу я, Маша, Мишка твой на гармошке играет, а Андрюха Валенок рядом вытанцовывает. Валенок машет мне рукой и говорит: «Танюха, иди с нами потанцуй!» А я, не поверишь, оцепенела — ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. Потом отпустило, я им говорю: «Ладно, ребятки, вы тут посидите, а я пойду, а то корова не доена!», и проснулась.

— А я его, Тань, вообще не вижу. Приснился бы, улыбнулся или пошутил... Изнывает душа! Покоя не могу найти.

Разбередив душу, Татьяна ушла домой, а Марии на полночи слез не утереть. Поутру, решив развеяться, пришла Мария к бабкам на лавку. Принесла блинов.

— Садись, сердешная! — встретила ее Илясиха.— Ну, рассказывай про твоё житье-бытьё, гостей проводила?

— Вчера уехали! Одна, баб Ань, осталась — реву белугой. Глаз сомкнуть не могу. Тяжко.

— Маяться прекрати! — дала совет Илясиха.— Хорош его слезами заливать. Держишь ты его, Машка, не отпускаешь. Отвлечься надо. Поезжай к сыну в город, поживи!

— Думаешь? — засомневалась Мария.— Что я им там мешаться буду!

— Не к дядьке чужому поедешь, к сыну родному. Чай не выгонит!

Поразмыслив над словами Илясихи — решила. Позвонила сыну и напросилась. Не предупреждала о приезде, а именно просила разрешения:

— Коленька, в гости к вам приеду? Погощу немножко?

— Мам, мы целыми днями на работе, Ритка в школе, а вечером у нее плавание, будешь сидеть в трех комнатах в телек пялиться! Если горишь желанием, приезжай! А то скажешь — отговариваю!..

После телефонного разговора Мария приступила к приготовлениям. Первым делом пристроила к соседям собаку Тяпку, единственную оставшуюся уличную живность, Татьяне Дымовой наказала поглядывать за домом и кормить иногда кошку.

Слила воду из труб, чтобы не разморозить систему — зиму обещали раннюю. Обвела взглядом покосившийся забор, обнесенный хмелем, баньку в конце огорода с прохудившейся крышей — так и не дошли руки у Михаила до нее. Сыну сколько раз говорила, покрыть профлистом, а то совсем сгниет, но и ему некогда — на работе аврал. Сарайки старые разобрать бы. Попробовала сама, да с дуру только ногу гвоздем пропорола. Как ни крути, а мужская рука необходима. Первое время звала помогать Сергея, мужа сестры Нины. Раз кран потек — приехал менял, потом розетку на кухне заменил, а затем и самой неудобно стало надоедать по пустякам. Знала — не откажут, но Сергею и в своем доме дел хватает. Наняла двух мужичков доски старые перепилить, да они в первый же день бензопилу запортачили,— заводиться перестала.

В ночь перед отъездом не смогла сомкнуть глаз. Одиночество, как лакмусовая бумага, четко проявило желание ощутить себя нужной, востребованной, хотелось посвятить себя детям и внукам.

Ветер то стихал, унося в поля неумную силу, то заново, неистовыми порывами гонял опавшие листья по улице, гулко ударял по старым воротам, терялся в вершинах деревьев, переходя в тихий шепот.

Постукивал по крыше дождь, приберегая свою мощь пашням и пастбищам, раскинувшимся за околлицей.

А Мария думала, правильно ли поступает... Надо ли ехать...

Иконка Божьей Матери из переднего угла святым безмолвием подсказывала: смирение — сильное лекарство.

Мария зажгла перед образами свечку, прочитала молитву, и тропарь за усопшего мужа. Но успокоение не пришло...

Кошка, заслышав шорох, оставила нагретое место за печкой.

— Ты чего соскочила! — бросила ей вслед Мария, накинув на плечи пуховую шаль.

Спугнув мелкого мышонка, любимица Симка юркнула в подполье, и оттуда пару раз мякнула.

Свеча горела, и Марии казалось, сейчас загремит на кухне посудой Михаил, заваривая крепкий чай...

Вздрыгнула — действительно брякнуло на кухне. Не сразу дошло — кошка залезла на стол...

Она достала из шкафа кофту, в которой последнее время ходил муж и, уловив родной запах, уткнулась лицом в шерстяную ткань и разрыдалась.

— Сложно мне жить без тебя, Миша! — в отчаянии шептала Мария. — Что ты наделал? Бросил!.. Оставил одну на старости лет!..

2

На сей раз калитка ударила по-другому. Точно не ветер.

Звякнула защелка.

Соседка Татьяна, подоив коров, пришла проводить Марию на первый автобус. Присели на дорожку.

— Колька как поживает? Не успела спросить...

— Потихоньку! Сейчас на заводе при хорошей должности. Сноха Маринка там же трудится, только в бухгалтерии. Она его туда и пристроила!

— Дружно живут?

— Я шибко к ним не лезу! Самостоятельные. Нужды не знают — трехкомнатную квартиру в центре купили. Машину за полмиллиона позволили. Маринка в шубе ходит. И отдыхать раз в год за границу мотаются. Хорошо у сына, хорошо!..

— Ну и слава Богу! А мой Андрюха — голь перекатная, опять на Север собрался! Я ему говорю, устройся в лесхоз и при деле будешь!

В робких сумерках вышли из дому.

— Ты, Петровна, звони! За дом не беспокойся, приглядим. А то и вправду приживешься на новом месте! В городе-то чего не жить!

— Спасибо, Танюша! Приеду, обязательно позвоню! Не переживай, справлюсь! Ты про кошку, главное, не забудь!..

— Бог с тобой! Иди уж... — перекрестилась Татьяна и помахала рукой.

Еще раз взглянув в сторону дома, Мария горько вздохнула, смахнула непрошенную слезу и быстрым шагом направилась в сторону автобусной остановки.

Очертания промоченных и потемневших от влаги домов, бань, неуклюжих сараюшек, огородов, окаймленных зарослями ивы, казались расплывчатыми и, растворяясь в пугающей осенней мгле, превращались в безмолвных чудовищ.

У дамбы, соединяющей две улицы, ветер цеплялся за заброшенную контору; старенькую водонапорную башню, с переборами снабжающую поселок водой; детский садик, акционерами проданный под квартиры; полуразрушенные гаражи и кочегарку; клуб с разобранной крышей — признаки некогда процветающего предприятия.

Ржавую остановку осветило фарами. Автобус скрипнул тормозами. Остановился. Дверь открылась.

Мария вошла и устроилась недалеко от входа. Поставив в ноги дорожную сумку, поправила на голове легкую беретку.

— Теть Маш, далеко собрались? — окликнул ее шофер.

— К сыну, Леша, еду, в город!..

— Надолго?

— Не знаю еще! — ответила Мария.

На следующей остановке вошли люди. Кто-то помянул ночную стихию:

— Ну и погода! Всю ночь задувал, чертяка! Рубероид со стайки сорвало!

От поселка до районного автовокзала минут двадцать езды, проехали через лесхоз, забрав ночную смену. По пути пришлось сделать крюк — на просеке ветром повалило дерево.

По дороге мужики начали обсуждать перемены на предприятии.

— В ООО теперь работать будем! Дожились!

— Не говори! Лес в частные руки отдали! Под коммерсантскую пилу! Частнику воля — направо-налево его фуговать! У нас дорога одна — в Казахстан да Китай кругляк прут. Нет, чтобы самим перерабатывать.

— А слышали, лесников-то упразднили. Перевели в рабочие по отводу лесосек и тушению лесных пожаров.

— Узнал бы мой дед, какой беспредел творится, уже бы давно с ружьем у конторы стоял! Бывало, зеленую форму с нашивками на воротнике наденет и почет ему, и уважение, а теперь чем гордиться? Купленной за свой счет камуфляжной спецовкой...

На вокзале народу мало.

Поодаль стояли две иномарки — «бомбилы» набирали людей.

— Место есть до города! Поехали! — предложил водила в серенькой куртке.

Мария покачала головой.

Бомбила, построив недовольную мину, отошел, не стал настаивать. И на том спасибо!

Ждать автобус до города оставалось недолго.

Села на проходящий рейс из Романово. Кондуктор резким движением надорвала билет и указала в конец автобуса:

— К окошку садитесь!

Умостив сумку в проходе, она с трудом добралась до места. Полная бабенка в зеленом драповом пальто, явно ей маловатом, с ярким макияжем и со стертым на ногтях лаком, пропуская ее к окну, буркнула:

— По ногам аккуратней!

Автобус тронулся. Бабенка, широко расставив ноги, не оставив Марии пространства, разговаривала с женщиной, сидящей впереди.

Мария смотрела в окно. Проехали гостиницу, двухэтажки, заправку, замелькали деревья, и в унисон им далеким прошлым пронеслись перед глазами, как эти сосны, дни ее молодости...

Когда не стало мамы, Марии исполнилось четыре годика. Мама умерла после кесарева — врачи оставили в утробе кусок марли, и начался абсцесс. Новорожденную назвали в честь родительницы — Нина.

Отец Петр Петрович — мужчина видный, начал обустривать личную жизнь. Женщинам он нравился. Семь мачех побывали у них дома, но подолгу не задерживались.

Первая мачеха очень старалась упечь детей в детдом.

Петр Петрович вышвырнул ее вместе с вещами на улицу, не прожив с ней и года, на прощанье обозначив свою позицию: «Детей никогда не брошу!»

После в его дом переехала теща — баба Лена, и посвятила всю оставшуюся жизнь трем внукам — Маше, Рае и Нине.

Последнюю мачеху Мария невлюбила пуще остальных — поругавшись с отцом, вздорная Анисья бежала и снимала с девчонок ею сшитые платья.

Отец запомнился строгий и справедливый. Учил Марию отвечать за свои поступки:

— Ты старшая! С тебя спрос вдвойне! — поучал он ее.— Но главное — сестер береги!

Раз досталось ремня. По учебе нахватала двоек. Не хотела отцу показывать дневник с плохими оценками, завела новый, только с пятерками. Хороший дневник получился: по математике пятерки, по русскому пятерки, по остальным предметам пятерки. Отец смотрел и нарадоваться не мог, говорил:

— Учись, дочка! В институт неучей не берут! Неучи коровам хвосты крутят.

Может, ее проделка и осталась бы в тайне, пока она не перепутала дневники. Классному руководителю сдала на подпись поддельный экземпляр.

Отца вызвали в школу. Придя домой, он молча вытащил ремень из штанов и выпорол, отбив охоту обманывать.

Петр Петрович работал главным инженером на ремзаводе. Заканчивался год, и он, сломав ногу, лег в больницу. Дело близилось к выздоровлению, когда позвонил директор и слезно попросил выйти на несколько дней, доделать отчетность. Петр Петрович согласился — потихоньку мог ходить на костылях.

В обед, решив развеяться от бумажных дел и заодно проверить отгрузку угля детскому дому, происходящую на площадке, прогуливался по территории.

Декабрь выдался студень, и туман от долго стоявших морозов, казалось, сгустился еще сильнее. Тракторист Иванчук, замерзший в накалившейся от холода кабине и потянувшийся за «сугревом», стоявшим у него за сиденьем, не заметил Петра Петровича. Спихнулся поздно. Не смог остановить технику.

Говорят, судьбу обмануть невозможно...

Казалось, протяни руку и почерневшая от времени береза у окна снова станет молоденькой и стройной, а в жизнь вернуться школа, замужество, рождение детей, но прошло время...

Вместо девчушки с осиной талией, звонким голоском и озорным взглядом в дребезжащем стекле пропахнувшего солярой старенького автобуса смотрит на нее женщина лет шестидесяти, угловатая, неказистая, с потухшим взглядом.

Сколько Мария себя помнит, никогда не сидела в праздности. Возвращалась в поздний час с работы из магазина, и находила занятия: готовила ужин, спешила подоить коров, напоить телят, полола грядки, стирала. Отдавая последние силы семье, не замечала усталости, ускользающей молодости.

За внешним видом, конечно, следила — даже Жданку встречать пойдет, на скорую руку карандашом глаза намалюет, ресницы подкрасит, в галоши прыгнет и к дамбе, встречать стадо. В центр редко выбиралась, хоть на поселке ходить не зачухонкой...

Отодвинув занавеску, Мария рассматривала мелькавшие мимо многоэтажные дома, торговые центры, автомобильные салоны, горожан, спешащих по делам. Давно не ездила в город, а он изменился...

— Эй, женщина, вы меня слышите? — бабенка в зеленом пальто толкала ее в плечо.— Конечная. С вами ничего не случилось? А то бледная вы какая-то! Вам помочь?

— Задремала, видно...Спасибо! Не беспокойтесь.

Бабенка, подхватив два тяжелых баула, «выпала» из автобуса. В сумках звякнули банки.

Мария вышла следом. Несколько мгновений они стояли молча, определяя дальнейший путь.

— Вам куда? — машинально спросила Мария.

— На улицу Крупской. К общагам.

— Нам немного по пути. Давайте вашу сумку. С одной стороны возьмусь. А вы с другой!

Вышли с автовокзала.

Город встретил шумом, непривычной суетой, ревом автомобилей. Накрапывал дождь.

Правнялись с киоском, где продавали беляши и чебуреки.

— Меня Люда зовут! — новая знакомая поставила сумки на тротуар.

Мария тоже представилась.

— Слушай, постой минутку! Покарауль, я мигом! — попросила Люда и направилась к киоску.

Марию сзади окликнули.

Она обернулась — перед ней стоял мальчишка цыганенок. Он протянул вперед руки лодочкой.

— Тетенька, дайте сколько не жалко, на хлебушек не хватает!

Жалостливый голосок тронул душу. Она покопалась в карманах плаща, сыпанула мелочи в ладони, и мальчишка исчез в толпе.

— Шныряют тут всякие! — бурчала Люда, держа в руках горячий чебурек и пластиковый стаканчик с кофе «три в одном». — Пускай идут работать! Лоботрясы.

— На хлеб не жалко! — попыталась оправдаться Мария, но уже жалела о поступке — на убывающую луну не подают.

— Нечего их поваживать. Ты думаешь, он хлебушек купит? Фигу с маслом! Вон побежал, сигареты в киоске поштучно возьмет или «чупа-чупс» — сосалку эту нехристианскую! — Люда умостила на сумки и приступила к поеданию чебурека.

Заметив не одобряющий взгляд спутницы, пояснила:

— Сахарный у меня. Иной раз ни че... А иногда затрясет, в глазах потемнеет, хоть стой, хоть падай! Обязательно надо чего-нибудь перекусить. У меня тетка с аппаратом ходит, которым сахар в крови меряют. Упал уровень — сразу за стол, а иначе не выжить!

— На улицу Крупской-то к кому? — поинтересовалась Мария.

Жирный сок капнул Люде на штаны, тесно облегающие полные ляжки.

— Дочка старшая в педу учится, — она попробовала затереть следы от капель салфеткой. — На учителя начальных классов. Провиант ей везу. Да деньжат маленько подкинуть. А то, аж в середине августа уехала, домой больше не приезжала. Только по телефону говорим... Их у меня, вообще, четверо. Две девчонки еще и пацан...

Люда, швыряя, обжигалась горячим напитком.

— А ты че тут?

— Родных приехала навестить...

— Хорошее дело! С родными нужно связь держать. А то вдруг денег придется занять... ха-ха. Че смотришь? Смех смехом, а шуба кверху мехом. Вон, у Васьки моего брат в Новосибирске живет, бизнес у него свой! Два раза — на день рожденья и на Новый год созвонятся и то ладно! А я ему говорила, звони, в гости зови, общайся, вдруг пригодится! И что ты думаешь? Верке поступать, у нее бал по ЕГЭ средний, ну я и говорю своему, звони брату, у него, мол, связи в комитете образования. Ну и завертелось, нам потом с районной администрации позвонили, говорят, приходите, вам целевое направление предоставим...

— Трудно с четырьмя-то? Время нелегкое... — спросила Мария.

— Ничего, справляемся потихоньку. Скотиной обзавелись. Хорошо, мой на тракторе работает. Сена привезет, соломы. В лето кормим, в зиму колом. Кого на еду, кого на продажу...

— Слушай, подожди минутку, я в кустики отойду, а то чувствую — не дойду... — засутилась Люда и, вручив Марии недопитый напиток, нырнула в проулок.

Мария разглядывала мемориал, когда к ней, выйдя с привокзального рынка, подошла цыганка.

— Ай, дорогуша, вижу горе у тебя! За пятьсот рублей всю правду скажу!

Молоденькая цыганка сверлила ее острым взглядом.

Розовая бумажка машинально оказалась в руках Марии и тут же скрылась в черной куртке гадалки.

После цыганка приблизила руку Марии к себе.

— Вижу, дальняя дорога тебя ждет! Неприятностей много! Дом ты продала. Денег заняла мужчине... Высокий такой! Возвращать не хочет! Пятьсот рублей надо! Сделаю так — завтра же принесет обратно!

Еще одна розовая купюра с изображением Архангельска скрылась в кармане кожаной куртки.

«Надо же, какая сердобольная женщина, — думала Мария, — сразу увидела, что у меня на душе!»

Марии казалось, что она рассказывает ей про ее Мишу.

Цыганка же водила своей шершавой рукой по ладони Марии и не отпускала взгляд.

— Будет тебе туз козырный! — вещала цыганка. — Удача тебя ждет! Самое главное — не спугнуть ее! Ждет тебя прибыль в конце недели. Приманить надо. Для этого тысячу не пожалей! Троекратно вернется тебе твоя щедрость!

Купюра с изображением Ярослава исчезла в руках цыганки.

Но вдруг лицо гадалки исказило неприятной гримасой.

До Марии донесся словно издалека голос Люды, она ругалась на какую-то чуму.

— Ах ты, чума страшная! — Люда, еще со стороны увидев картину выуживания денег, на ходу скинув с себя пальто, начала хлестать им цыганку. — Подзаработать решила! Как-нибудь проживем без твоих гаданий! Изыди, нечистая!

Ворожея отскочила в сторону ошарашенная появлением Люды.

— Прокляну! Порчу наведу!

— Я те наведу! Я тебе сейчас такую наведу...

Она вцепилась обеими руками в волосы цыганки.

Мария, стоявшая до этого словно в оцепенении, кинулась разнимать рычаще-кричащий клубок из двух женщин, забыв о правиле: двое дерутся — третий лишний... В суматохе Марии досталось по макушке, слетела беретка...

Кое-как удалось оттащить Люду в сторону. Цыганка, плюясь, посылая проклятия, скрылась на территории рынка.

— Чего ты с ней сцепилась? А то, верно, еще наведет порчу какую!

— Думаешь, боюсь я ее порчи! У нас в соседях цыгане живут. Первое время натерпелись от них. Два раза коней со двора сводили. Пока я вилами к стенке Яшку не приперла. Егошняя мне каждый день сулит гадости всякой. Ничего, жива, как видишь! Защита на мне — поэтому я их и не боюсь! А ты чего уши развесила? Много она с тебя вытащила?

— Пустяки! Пойдем, нечего с ними связываться...

— Говорят улица Крупской отсюда не далеко? — спросила Люда. — Верка, вроде, объясняла. Говорит, от вокзала прямо, дорогу перейдешь, в сторону танка повернуть и на проспект Красногвардейский, кажется...

— Красноармейский, — поправила ее Мария, — потом направо за Молодежной.

— Верка у меня самостоятельная! — не унималась Люда. — С детства к труду приучена. Поступать собралась, я ей сразу сказала: «Доча, езжай! Мы с отцом вытянем твою учебу! Хоть кто-то у нас с образованием в семье будет!» И младшенькие детки сейчас на нее смотрят и тоже начали к учебе интерес проявлять.

В кармане у Марии зазвонил «сотик». Голос сына звучал гулко, взволновано:

— Мам, ты доехала?! Встретить не могу. На работе занят... Возьми такси!

— Коленка, не беспокойся! Адрес знаю, доберусь. Не переживай! Делай свои дела.

— Кто звонил? Сын? Учится? — поинтересовалась Люда.

— Сынок! Он у меня взрослый! У него семья, работа. Отучился уже. Тоже баулы ему собирала!

За разговорами и дорога показалась короче. Тяжесть сумок не чувствовалась. У общежития Люда спохватилась.

— Слушай, я тебя задерживаю? А то иди, я уж тут справлюсь!

Мария ее успокоила.

— Да брось ты! Тут осталось-то.

С новой знакомой немного отвлеклась. Если честно, не хотелось ей, приехав к сыну, находиться в четырех стенах одной. Николай с Мариной на работе, внучка, наверное, уже ушла на учебу, поэтому Мария до последнего оттягивала момент, выжидая время. Да и с Людой было легко общаться, хотя на первый взгляд она ей не понравилась.

— Надо позвонить, спросить. Кажется, первый корпус,— сказала Люда.

Она достала телефон.

— Не отвечает! На парах, наверное. Пойдем, спросим на вахте. Может, без нее пустят?

На улице стоять зябко. Хоть дождик и перестал капать, но от сырости мурашки бежали по коже.

А вахтерша пила чай.

— Извините! Скажите, дорогуша, Заботину Веру нам надо увидеть! — шумно выдохнула Люда, опустив сумки на кафедру.

— А вы кто? — в голосе женщины, на вид немного помладше Марии, проскользнуло недовольство. Отвлекли от приятного момента.

— Мать я родная! Может, поднимусь, подожду ее, супчик сварю, а то прибежит с учебы голодная!

— Сейчас гляну! Заботина. Вера Заботина,— вахтерша водила ручкой по журналу и вдруг, подняв глаза, сказала: — А она еще в начале месяца съехала.

— Да не может того быть! Я же с ней на днях разговаривала.

Вахтерша пожала плечами:

— Без понятия!

— Адрес не оставила? А причину хоть сказала? Почему не выяснили?! У вас ребенок пропал, а вы без понятия! — возмутилась Люда.

— Женщина, не шумите! Для вас она ребенок, а к нам взрослые люди приезжают! — вахтерша приняла серьезный вид, готовясь принять бой.— Подождите, видите, девушка идет, вроде с ней в комнате жила,— она обратила внимание на худенькую девчонку, проходящую мимо.

— Настя, постой минутку! Где сейчас Вера Заботина?

У девчонки открытое доброе лицо в конопушках. Видно, врать еще не научилась, сразу отвела глаза в сторону, заколебалась на мгновения:

— Они с подружкой на квартиру съехали,— залепетала девчонка,— живут в районе ВРЗ, а на работу устроилась в отдел — сотовыми телефонами торговать на Старом базаре.

— В смысле, она учебу бросила?! — Люда обомлела.— Ох, я ей задам! Мне бы только до нее добраться! А мне чесала, мама дела идут хорошо, педагогика уж сильно нравится...

Люда не совладала с эмоциями. Выругалась смачно, иной мужик постесняется подобное сказать. Но сразу извинилась.

— Можно мы сумки у вас здесь на время оставим? Сегодня или завтра заберем.

Вахтерша согласилась, предупредив:

— В двадцать ноль-ноль смена происходит. Если не успеете, то спросите у парницы. Я ее предупрежу.

На улице Люда не унималась:

— Ну, и где ее искать?! Поехали на базар. Ума не приложу. Может, случилось чего?! А? Скажи твое мнение?

Мария неоднозначно пожала плечами.

Вышли на проспект, сели в автобус, спросили у кондуктора — на какой остановке лучше выйти.

На Старом базаре многое изменилось. Мария ностальгировала — в девяностых приезжали сюда с детьми покупать одежду и обувь к школе. Прохаживались между торговых палаток. Мария приценивалась, всегда торговалась:

— Если будем брать, двести скинете?..

До сих пор живы ощущения от этих путешествий в город — сродни ожидания праздника. Особенно радовались ребяташки: не каждый день ездили за обновкой, а если хорошо поторговаться, еще и на мороженое детям оставалось.

Сейчас Мария оглядывалась по сторонам и удивлялась. Повсюду модные бутики с яркими вывесками.

Люда, с трудом поспевая за своей спутницей, то и дело останавливалась, прикладывая руку к боку. Тяжело дышала, будто загнанная лошадь, но продолжала путь.

В дальнем закутке наткнулись на рекламный плакат «Сотовые телефоны и аксессуары. Ремонт. Обмен».

Зашли в помещение. В одном ряду несколько отделов: в первом продавалась канцелярия, во втором посуда, в третьем по счету — телефоны. Дальше тоже отделы, но Мария не обратила на них внимания, а обернулась к Люде, заметившей дочь еще от входа. Мария успела только негромко сказать:

— Люда, не горячись!

Но тут же была отодвинута в сторону.

Вера — полная противоположность матери: высокая, статная — точно не ожидала увидеть ее перед собой:

— Мамуль! Ты?

— А то кто ж! — подбоченясь, Люда встала напротив прилавка.— Красотуля, ничего не хочешь объяснить? Значит, я с полными сумарями за столько верст полкаю к дочери родненькой, а она даже на телефон ответить не соизволит. Чего молчишь?!

Вера растерялась, оценив ситуацию, сказала:

— Идите на улицу. Я сейчас.

Закрыв отдел и повесив табличку «Перерыв. Тридцать минут», она вышла за ними.

— Ты сумки в общаге оставила или на вокзале? — спросила у матери.

— В общаге. Хорошо, Мария помогла! Одна бы я сроду не нашла! Город не знаю!

— Поехали, заберем. У меня переночуешь, завтра уедешь.

— Ты мне скажешь, чего случилось? Правду вахтерша сказала — учебу бросила?

— Мам... — Вера посмотрела на Марию.

— Да говори уже! Не таись! — Люда остановилась в ожидании ответа.— Ну!..

— Я беременна!

Марии было неловко оттого, что стала свидетельницей такого откровенного разговора. Поэтому и шла поодаль попутчиц, преднамеренно замедляя шаг. Но Люда то и дело останавливалась, и расстояние снова сокращалось. И если бы не сумка, за которой нужно было вернуться в общежитие, Мария давно бы оставила новых знакомых наедине.

— Калганом своим надо было думать, а не энным местом, когда в койку ложилась. Презервативы-то знаешь, для чего придумали...

Мария смотрела на Веру и переживала вместе с ней. Девчонка, одетая в легкую курточку, то и дело оголявшую поясницу, шла молча.

«Так почки недолго простудить», — думала Мария, невольно слушая не унимающуюся Люду, остановившуюся на трамвайной остановке:

— Кто отец, спрашиваю? Чего молчишь?!

— Матвей... Мы с ним в клубе познакомились... У него иномарка, он делом занимается...

— Тоже мне, нашла перед кем ноги... А Толик как же? Что соседи скажут...

— Мама хватит!..

— Что мама?! Мама, значит, из последних сил бьется, дочку в городе учит, а она...

— Я работать буду! Матвей обещал помочь...

— А жениться он не обещал?!

— Если ты переживаешь, что я сяду вам на шею, то не беспокойся. Мне от вас ничего не надо, сама справлюсь! Как-нибудь подниму ребеночка на ноги.

— Сейчас без образования даже полы не берут мыть!

— Я на заочное перевелась...

— Мать честная, и в кого ты у меня уродилась!..

Забрав сумку и распрощавшись с Людой и Верой, Мария дошла до остановки, долго сидела на потертой изрисованной скамейке, ожидая автобус, и размышляла, как много таких наивных девчонок, как Вера, приезжают из деревни в город, у них начинает кружиться голова от свободы. Она искренне сопереживала Вере и надеялась, что Люда со своим взрывным характером уступит дочери и будет ей помогать. И что все у них будет хорошо.

После Мария переключилась на себя и думала, чего же ей надо — одиночества или общения, или чего-то другого... Невольно заметила — проходим никакого дела до нее, их не волнует ее облик и, более того, состояние души... Безразличие горожан было в диковинку. Снова позвонил сын. Сказала, подъезжает.

К автобусной остановке подошла женщина с двумя ребятишками. Мальчиком и девочкой. Они держались за руки. Девочке лет одиннадцать, мальчишке годика четыре, он, не переставая, капризничал, вырывал руку у сестры. Девочка его одергивала, морщила носик, крепко держала брата и не отпускала.

«Возраст, когда дети наиболее нуждаются в маме!» — пронеслось у Марии в голове, и она представила взрослых сына и дочь, уехавшую жить на Север. Оставила доченька ее одну, свила гнездышко где-то в чужих краях, видятся они редко, в лучшем случае раз в год. А может, Марии вернулись теперешним одиночеством слова, неоднократно повторявшиеся ей при детях: «Вот выучим вас и для себя с отцом проживем, а то все на вас тратимся!» Так и получилось, дети выросли, обзавелись своими семьями, и они с Михаилом большую часть времени проводили вдвоем. Живя для себя, стали больше ценить путь, пройденный вместе, но нет-нет да замечала Мария, что с нетерпением ждала звонка дочери или когда приедет сын и привезет внуку. И вспоминались эти, сейчас кажущиеся глупыми, слова, и думалось, как такое могло прийти в голову. Если, не дай Бог, случись какое несчастье, то последние портки отдаст, чтобы помочь детям.

Алексей Яшин
(г. Тула)

КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ ИЗ ВОДОПРОВОДА
Историческое сказание от Гостомысла до
наших дней* (окончание)

*Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?*

В. А. Жуковский

◆ Но еще за пару лет до паскудного конфуза тулуповские писари, озаренные одушевленным даром самодостаточного чувствования — это которые стараются не в ногу со всеми маршировать, — как-то Альбатрос и ненашего Тулуповского леса происхождения Степной Волк, а также мокшанский уроженец Сказочник, в междусобойных частных рассуждениях остерегали по части Лошака. Дескать, начал тот свои писчебумажные упражнения с верноподданнических сочинений, в каких, совсем крошечко либеральничая по части соленых арбузов, утверждал правильную линию светозарного продолжения старинных легенд Сибирского леса с перенесением оных на нашу обобщественную действенность. И дальше выдерживал: за десяток с лишком лет такую линию не искривлял. Но в самое последнее время общение с тулуповским бомондом, главное — ежедневные шти с парной убоиной с рынка, повернуло его раньше резонные мысли и никого особенно не задевающие чувства в подозрительную вседозволенность. В прошлом годе и вовсе напечатал роман о некоем *мимансовом актере*? Само поименование его звучит как-то неблагонадежно, позападнолесски... Как бы чего не вытворил, душа копытная! Может аккуратно рекомендовать Лошаку наведаться по его столичным знакомствам в Кашенку? Или пусть попользуют местные эскулапы по душещипательным хворям...

А вот когда прямо накануне конфуза в воспоследующих друг другу номерах архичитаемых всем Нашим лесом комсомолистских курантов, где Лошак состоит в правлении, тиснули его огненное повествование, в коем действие происходит в Тулуповске, не то что местные писари, но и сочинительский молодец, вообще все знающие грамоте и почитывающие в один голос ахнули: быть беде! А писари еще много

* Упаси бог подумать, что эта повесть — сатира в конкретный адрес! Только сугубая констатация того явления, что в наступившую эпоху глобализации писатели никому не нужны... даже самим себе. Вообще-то к 85-летию Союза писателей.

чего из матерного лексикона <см. А. Н. Афанасьев. «Народные русские сказки» в 5-ти тт. Т. 4 — Эротические и нецензурные сказки; при всех режимах этот том и т. 5 (о попах) печатались под грифом «Для служебного пользования»> добавили. Простой лесной читатель озадачился слишком вольнолюбивым, превышающим ограничивающие препоны, либерализмом в части рассуждений автора о новозаветном Апокалипсисе, что не включено в обобществительные табели. Но сложно, почти невозможно переоценить праведный гнев тулуповских писарей — всего Тулуписа, исключая, конечно, самого Лошака! В повествовании этом Лошак, выражаясь по-флотски, обрубал все концы, то бишь канаты, хоть как-то ранее связывавшие его с Тулуписом. И первая мысль членов онога такова была: все, шабаш! видать не по чину Лошаку стало прозябать в нашей трущобе и выпросил себе у столичных покровителей из Лесписа хороший чин навроде главного правленца толстых курантов, а то и вовсе в каком лесписовском президиуме. Вот и решил на росстанях по славному нашему общенародному обычаю — от Гостомысла и братьев Рюриков — плюнуть в глаза своим добрым тулуповским заединщикам в писарском прокорме!

Действительно, выложил Лошак на всевидную поверхность всю потайную низину тулуповской писарской жизни, заодно ошарашив наивного читателя сообщением: заместо усерднейшей деятельности по развитию обобществительных мыслей в обществе тулуповские писари всего лишь тускленько резонируют в своих сочинениях глухие отголоски со стороны магистральных путей героического продвижения *Нашего леса* к сверкающим идеалам добра, допустимой свободы, пристойной обеспеченности и практической полезной самодеятельности. Собственно Тулупис являет собою сборище случайных, слабограмотных графоманов, волнуют которых только рябчики, отпускаемые из кассы издательского учреждения. В самоличной же сущности эти писари зело пьянствуют, завистничают всему и вся, беспрестанно сволачиваются с податливыми мамашками. Отменно Лошак живописал тайные от недоброго глазу, угодные для предания всем порокам лежбища в зарецкой стороне Тулуповска — в деревянных берлогах наподобие воровских укрытий, куда они всей своей коллектой съезжаются на ночь глядя. Словом, предаются телесному и умственному разврату; в последнем статусе «упражняются в безверье и расколе».

За напечатанием онога пасквиля не замедлился и сам великий конфуз. Близилась сакральная дата — столетие со дня рождения Великого Тигра. Зная Лошака как «датского» писаря, никто в тех самых столичных комсомолистских курантах не выказал удивления и сомнения, когда тот напросился командировать его в Аглицкое безлесье. Хочу, мол, сочинить очерковое повествование о причастности Великого Тигра аглицкому съезду тогда еще запрещенной в *Нашем лесу* обобществительной партии, предводителем коей являлся. Для сего ж мне надлежит — для писарской вдохновительности — побывать в тех местах, подышать теми воздухами, что впитывал в свой организм Великий наш Тигр, гуляя по Аглицкому безлесью, так-сяк умом раскидывая диспозицию установления обобществления в нашей лесной чащобе...

Правление курантов прочувственно отнеслось к доброжелательным намерениям Лошака; особенно всех умилило желание его подышать одним воздухом с исторической тенью Великого Тигра. Без ропота и междоусобных выкрутасов выдали Лошаку в кассе прогонные, подъемные, харчевые и представительские в аглицких рябчиках. В самом же Тулуповске без проволоочки и с благодушным попечительством оформили принятые по регламенту отношения от Тулуписа, заверенные письменно в местном корпусе жандармов и у полицмейстера. Главное, благословил на столь полезное и значимое для празднования юбилея Великого Тигра, вставшего у основания обобществленности *Нашего леса*, предприятие сам предводитель. Отметим, что во времена цветения обобществленности главную роль в управлении губерниями исполняли

не воеводы, как бы то казалось по наименованию должности, но предводители, от коих зависело все и вся во вверенных им лесах или урочищах (на окраинах — пустынях и горах).

На прощальном, увы, оказавшемся не фигурой речи, но сбывшемся по значению этого слова, банкетировании, естественно, во все том же кругу и без писарей, Лошак говорил несколько загадочно, что-де время нынче мудреное, а он едет за семь верст не киселя хлебать... Само собой разумеется, Лошак отбыл, оставив в своей конюшне очередную жеребую кобылку. Никто даже впоследствии не изумился такому постоянству.

...Не прошло и суток после посадки Лошака в аэроплан до Аглицкого безлесья, как кисель тот пришлось расхлебывать очень даже многим чиновным тулуповцам. Да и в столице, в Лесписе и редакции курантов, необдуманно командировавшей его, несладкое время наступило. Многих там подвинули.

Словом, сойдя с аэроплана в Аглицком безлесье, Лошак отыскал местное чиновное лицо и заявил: невмоготу ему, великому писарю, эти высокие идеалы обобществления! Просит он великодушно принять его в подданство вольнолюбивого безлесья, где так славно дышится воздухами свободы для сочинительства и благоденственного проживания. Верный своей неистовой умоиступляющей натуре, подметив в Хитрованском депо аэропланов множество спящих нежеребых кобылок, Лошак потребовал от приветившего его чиновного лица перво-наперво доставить для изучения свободности здешних нравов и порядков в дом терпимости.— Для укрепления устоев переведения идеалов из области эмпирических мечтаний в предметы практического воплощения.

...Спознав о злоумышленной подлости Лошака, Альбатрос, Степной Волк и Сказочник отбили друг дружке по междуберложьему телеграфу свои самодостаточные суждения о случившемся: надо, ребята, готовиться к худшему!

♦ Обобщественная власть ласкова и благодушна ко всем, кто не страдает неумной жадной бесформенных чаяний, но беспощадна к тем, кто недальновидно поспособствовал злодеяниям потрясателей основ и подрывателей устоев. Началась показательная порка без уважения к чинам. Даже пресловутого «стрелочника» не искали. Лесной народ поговаривал в трактирах и своих берложьих кухнях, что сам Второй Тигр, главный предводитель *Нашего леса*, хотя имел натуру благодушную, но страшно разгневался, приказал тотчас разобраться и всех же наказать. Как истинный и нелюбезный сторонник обобщественной демократии, розыск начал с себя (сам себя выпорол), показательно отсрочив на полгода получение очередной геройской звезды с бриллиантами и на ленте. Ну-у, чухломному зверью только дай байки порассказывать!

Дабы не растекаться мыслью по древу, перечислим роспись итогов тулуповского розыска. Бессменный со дня основания Тулуписа его руководитель Лавроносный Журавль лишился должности Льва с отчислением по разряду рядовых писарей. Птице Казарке, возглавлявшей обобщественную ячейку в Тулуписе, объявили вердиктом предводителя строжайший разнос и также, отринув от должности Осла, отчислили все по тому же разряду. Пострадали — и бери куда выше! — намного более существенные чины. Самый серьезный удар среди оных пришелся по тулуповскому шефу жандармов: из «голубых генеральских погонов» переместился на предпенсионное прозябание партикулярным заведующим пробирной палатой.

Еще, окромя указанных, свой разрешительный вердикт на поездку Лошака давал предводитель того округа Тулуповска, к коему приписан Тулупис. И его, ничтоже сумняшеся, с чином похерили.

...Только по той счастливой для тулуповского предводителя случайности, что, воперво, вывел он своим хозяйственным талантом губернию в передовые по *Нашему*

лесу, а ввторо, в молодости служил под началом и в дружеской компанейности с будущим Вторым Тигром, остался он при прежней должности. С обильным же числом всяких мало- и среднечинных из кругов воеводы, предводителя и исправника, что имели первостатейную глупость оставить автографы на закопченном потолке Лошаковой конюшни, правож вели просто: бывал? значит соучастник гнусного замысла. А еще чин на тебя большой наложен! — Отчислить по инфантерии и курьерской (тридцать тысяч курьеров скачут) кавалерии! Здесь пришлось, поснимав от трудовой жаркости кителя с аксельбантами, попотеть розыскным дознавателям: устанавливать по потолочным росписям Лошаковой конюшни имярек каждого посетителя ночных увеселений и оргий с (нежеребыми пока) кобылками... Даже наказанные понимали: вина их и есть вина. *Mea culpa* — моя вина, как сокрушенно говорил по латыни гимназический учитель, чисто случайно и не по чину попавший в Лошаковскую конюшню. И добавлял: *dura lex, soud lex* — жесток закон, но это закон. «Вот сволочь отъявленная, — шипел иной наказанный по причине оставленной подписи на потолке, — это надо же догадаться такой коллективный донос после себя оставить!»»

Мифологический и эсхатологический символ быстротекущего времени — ангел с косой, сидящий на шаре. Образность такого представления самоочевидна. Подошел к Символу профессор философии Артемидов, сложил по наполеоновски руки на груди, запахнулся в академическую мантию, сделал умный вид... все же профессор! Не выдержал Символ:

— *Почто уставился, муж высокоученый из города Тамбова?*

— *Да вот я о тебе, то есть о сущности времени, недавно книгу издал. Толстую, под тысячу страниц, почти как Библия... или Коран, или Тора — кому как нравится.*

— *Никому, док, ни сравнение арифметическое, ни сама книга не понравятся. Даже жене твоей, поскольку гонорара тебе не заплатили; сейчас ведь и за науку, и за псевдонауку не платят. Иначе все бросятся в сочинители.*

— *Но почему? Я ведь все по диалектике Гегеля Георга Вильгельмовича выверял. Про Платона и Канта не забывал...*

— *А как можно время описать, даже на тысяче страниц? Оно ведь пришло из бесконечности, промелькнуло и устремилось вновь в бесконечность, но только в будущую. И ухватить его, как тебя за твою новомодную косичку — молодиться что ли? — невозможно. Тем более описать. Так что, док, не пиши более трактатов обо мне, а используй отведенный тебе отрезок времени с большей пользой, например, сделай ремонт в квартире; сколько моего времени жена просит?*

Донельзя убитый лютой расправой, отринутый от должности Лавроносный Журавль совсем сник, расхворался и от тягостных раздумий скоро, увы, присоединился к той стае своих соплеменных птиц, что улетают без возврата... Умело он и пристойно вел по правильному пути Тулупис. И сейчас его имя добром вспоминают в Тулуповском лесу, хотя бы при всеобщей грамотности число читающих устремилось — по «Арифметике» Магницкого — к абсолютному нулю. Но это в нашем повествовании еще не скоро случится.

Был явлен природными силами мистической символ случившегося: в день погребения Лавроносного Журавля в столице Аглицкого безлесья смертельно попал под колеса (неустановленной полицейскими чинами?!) самодвижущейся повозки Лошак. Лесной народ, вроде как он ни причем, по этому поводу безотносительно приговаривал странное: на всякого Троцкого есть свой Меркадер... Но на то он и глупый народ, чтобы напраслину на кого ни попадая возводить. Попал и попал куда следовало!

Совсем недолго Лошак чувственно наслаждался аглицкими воздухами свободы и вседозволенного либерализма, но и из тамошнего безлесья все доставал тулуповских писарей, обличая в оных полное отсутствие грамотности и врожденного тяготения к занятиям сочинительством. Одни, мол, рябчики у них в голове, из которых остатки мозга выветрились, да дармовые поросята, куры, тамбовский окорок и очищенная сивуха на всяких обобществительных банкетах токмо на уме. Настолько, мол, жаднючи тулуповские так называемые писари, что даже отказываются сделать крохотную коллекту на пожертвование малоимущим сочинительницам, давно уже достойными обилечения, а именно Утке-мандаринке и Овсянке Янковского...

Тулуповских писарей, которых если что и обижало, так только не слишком большая — по их мнению — толщина пачек рябчиков, получаемых в гонорарной кассе, особенно заинтересовали названные Лошаком, никому в их среде неизвестные, редкостные и в иных лесах птицы. Ведь он, как всем ведомо, предпочитал жеребить кобылок; неужто в тайне от общественности еще и содомскому зоологическому греху в Тулуповске предавался? Но здравомыслящие, хотя и очень себе на уме, Альбатрос, Степной Волк и Сказочник из мокшанских лугов просветили на таковой предмет недоумения: у Лошака от тамошних вольнолюбий, либерализмов и обилия домов терпимости с нежеребыми кобылками (там наука фармация очень развита) все в мыслях воспоминательных перемешалось, а расчетливые чины Аглицкого безлесья, что взяли Лошака на службу по части пропаганду на *Наш лес* пущать, потрясать основы и подрывать устои обобществления, требуют многословно отрабатывать тамошние рябчики (в натуральном их на фунты весе). Дескать, изворачивайся! Словом говоря, требуют от Лошака зазря пустые речи в наш лесной народ пущать... Вот в воспаленном соображении его и всплывают диковинные представители орнитологических сфер; все ради прибытка, а не просто ради потехи над оплеванными со всех сторон тулуповскими писарями.

А мудрый от простонародного воспитания Сказочник резюмировал по фольклорной части, узнав о гибели Лошака, что от живого человека добра не жди, а от мертвого подавно... И посейчас, почти через полвека от вышеописанного злодейского конфуза в Тулуписе, старожилы оного и новые генерации писарей почему-то... даже жалеют Лошака. Что это? — По всей очевидности наша исторически сложившаяся и закрепившаяся жалость ко всем несчастливцам: от нищей старухи на паперти до каторжного душегуба. Особливо же печалются по убогим умом, к коим всенесомненно отнесен в тулуповской писарской чрезпоколенной памяти Лошак: был, мол, дурак, да вышел весь так!

В лихоимные же «девяностые годы», когда все паскудное, супротив прежнего, обобществленного *Нашего леса* направленное было в чести, то и вовсе во всяких под-

метных курантах, особенно в столице тиснутых, оспаривалась честь различных Лесов полагать Лошака *своим*, как свободолюбца, борца с тоталитарным режимом, воплощением совести и морали и пр. О — времена и нравы! О — история, смейся и плачь...

♦ Положено разделять историю тулуповских писарей пограничной, как зубилом выдолбленной в гранитной плите, черте: до лошаковского конфуза и опосля. ...И до другой черты: окончание эпохи обобществления и начала лихоимных «девяностых». Первая из поименованных черт отказалась для Тулуписа судьбоносной, но печально сослагательной в грамматическом наклонении. В «долошаковье», о чем уже рапортовалось выше, молодой по дате учреждения Тулупис с веселым остервенением нерастраченных еще писарских сил и чаяний на проявление и просияние на Скрижалях уверенно крепил свое реноме и добровольческие устремления по распространению обобществительских мыслей среди лесных обитателей. Уже верховные Лев с Ослом и ближним зоологическим кругом правленцев Лесписа с ласковой снисходительностью и благодушным расположением привечали юную тулуповскую поросль писчебумажных тружеников гусиного пера. Скупое, но все же отмечали наиболее проявляющих себя скромными знаками отличия. Конечно, до звезд и крестов на атласных лентах еще было как от земли до луны... даже до солнца, но ведь примечали!

Все рухнуло в гадаринскую библейскую пропасть со срамным злодейством Лошака, хотя бы еще Великий Тигр написал, как припечатал, в своем собрании сочинений о роли личности в Истории: дескать, она преходяща и почти что случайна, в нужном месте в нужное время проявляющая себя в отведенной ей ипостаси. По философской справедливости и регламентам логики сие вам любой старшеклассный гимназический учитель, как дважды две четыре, разъяснит. Но на то они и лесные обитатели, тем паче играющие в горелки девушки-чечеточки, чтобы отделять уроки от практической жизни. Получается вроде как в одно ухо влетает, а в другое вылетает. Особенно если личность эта предстает в сиянии значительного злодейства; неважно, героического или паскудного.

Вот и огорченным тулуповским писарям обличающие их неосмотрительность по части Лошака чины от воеводы, предводителя и исправника прямо заявляли: а не от нерадивости ли и благодушия вашего такая беда на Тулупис опрокинулась? И добавляли еще много разных правильных и воспитующих слов с цитированием собраний сочинений Великого Тигра и Карлы Маркса.

Беда же великая и огорчительна на «послелошаковский» Тулупис свалилась словно гром господень. Если бы дело ограничилось разжалованием с должностей Льва и Осла, соответственно, Лавроносного Журавля и птицы Казарки, то все страсти скоро и утихли. Незаменимых у нас нет, говорил во время оно Стальной Барс. Тем более в Тулуписе, где задор неопитов от писарской власти еще не сменился либеральным скепсисом и возрастным догматизмом. Беда оказалась тяжелее, беспросветнее и обло круче мрачных ноябрьских снеговых туч, нависших по всему окоему над головами оплеванных тулуповских писарей. Нет вины без виноватых — приговорили в Лесписе и похерили все прежние, хотя бы только начавшие проявляться заслуги «молодой и успешно растущей губернской писарской организации».

Словом, негласным рескриптом Тулупис навечно (то есть до случившегося через двадцать без малого лет) был определен в качестве неблагонадежного предмета просветительства. Все светлые и радужные перспективы перед ним закрылись. Хорошо хоть не упразднили вовсе и образцово-персонально не разжаловали из писарей в рядовые сочинители некоторых! Здесь, как поговаривали лесные обитатели, дальнейшие розыск и расправу на правах обобществленного хозяина Тулуповского леса пресек добродушнейший предводитель. Ведь дальнейшее пресечение в писчебумажной статье *его хозяйства* привлекло бы излишнее внимание его столичных недоброжела-

телей, коих всегда предостаточно у любого, на которого немалый чин наложен. Потом он достаточно знал из неведомого рядовой лесной челяди, а именно, что сам его высокий благодетель, лавролюбивый (хотя и благодушный) Второй Тигр мысленно примеряет на своем сюртуке знак лауреата высшей в *Нашем лесу* писарской премии имени своего тезки Великого Тигра. Что означало аккордом и причисление его к Леспису. А ведь нельзя по административному обыкновению *явно* одной рукой строить, другой ломать?! Дело тонкое и политичное, но наш предводитель недаром происходил из малороссийских степей: полезную хитрость завсегда соединял с недюжинным своим разумением. Словом — настоящий хозяин своих лесов и дел!

Ничтожество, в каковое ввергли Тулупис, явственно проявилось тотчас после увольнения с должности Льва Лавроносного Журавля. Казалось бы, с позиций административного восторга, на такую вакансию все писари, отталкивая друг друга локтями, центростремительно ринутся? Но... козыряй! как игроки в бостон изъясняются; желающих занять опальное, еще не остывшее кресло днем со свечой пришлось разыскивать. И все неопределенно отбояриваются: у одного берлога с краю, другой вовсе не о двух головах, третий же не забыл злопамятно, как его блестящий роман «Колхозник Ермила», впоследствии получивший поощрительную премию на конкурсе ЖЭУ-14 Тулуповска, в планах местного издательства нагло перенесли на воследующий год... чтобы побыстрее тиснуть очередную повесть Лошака. Положительно, тень злодея продолжала черным крылом накрывать все светлые начинания огорченных тулуповских писарей.

Чудны дела твои, господи! В Лесу с веками наработанным строгим регламентом и почтением к табельным чинам («Государство наше есть по преимуществу военное», — таковым утверждением открывались гимназические учебники географии при Царе Горохе), в Тулуписе не находилось желающих в добровольческом устремлении занять вакансию Льва! Долго перекотыривались меж собой публично и междуособно писари, пока не вмешалась Птица-Секретарь, охолодившая разгоряченные головы: «А кто будет за Льва ставить роспись на всяких денежных документах, опять же на отношениях в издательское учреждение на печатание ваших же писчебумажных сочинений? Я же печать на пустое место прикладывать не стану! Хватит кобениться — избирайте Льва! Или хотите без рябчиков остаться?»

...Нехотя, с оговорками и взаимными обидами, поочередно, не дотягивая до окончания уставного срока, на должности Льва побывали Альбатрос, Олениха, Пушистый Котик и почти все остальные тулуповские писари. Словно каторгу отбывали <<<С обязательным УДО», — расхохотался профессор Скородумов, читая принесенное аспирантом Володькой (вместе с бутылкой 0,7 л «клюквенной») «осалтыковленную» историческую повесть писателя Бурцева>>.

♦ Стерпится — слюбится. В каком бы чащобном забвении не находился два десятка лет — до отмены обобществления — Тулупис, но жизнь в нем не то чтобы теплилась, но по-своему струилась, порой и по-весеннему разливалась, расширялась в своих берегах. Да и в самом Лесписе со временем чиновные места освобождались по естественной убыли или скандалам, приходили новые местоблюстители, порой начинавшие недоумевать: а по какой-такой разрядке Тулупис по реестру неблагонадежности зачислен? Старожилы из проявивших и просиявших, уже с покусением на Скрижали, охотно поясняли молодежи. Те как-то задумчиво, соглашаючись, кивали, а которые выпущенные из университетов по филологическому разряду, так и вовсе в дозволенном вольнолюбии латинизировали (чтобы просиявшие, от сохи которые, не поняли): *tempora tenturum*, то бишь времена меняются...

«Жив курилка!» — как бы сказал о Тулуписе Ромен Роллан, доживи он до соответствующих лет. И если в Лесписе и в столичных толстых курантах начинали смотреть на конфуз с Лошаком с таким гвардейским либерализмом и сквозь (всегда ис-

кривляющую) призму Истории, то и сами тулуповские писари постепенно начали выходить из пелен робости и «как бы чего не вышло». Уже не довольствовались *своими* издательским учреждением, не то что подвалами, а и целиковыми полосами «писарской страницы» обеих местных газет: «За родную трущобу» и «За молодую трущобу». То один, то другой устремлялись в столицу, в тамошние издательские учреждения, а более всего в толстые и «комсомолистские» куранты. Наиболее успешным в таком общественноугодном деле оказался Степной Волк — персонаж сквалыжный и задиристый, но наиболее талантом одарен был: как в прозаических сочинениях, так и в рифмовании своих мыслей; как правило, мрачных.— Но без очевидных подлостей и покушений на устои... основ тож. Тиснув два резонно сочиненных романа — оба в первостатейного табельного списка столичных курантах, Степной Волк в таковой кондиции даже Лошака в пору его писарского цветения превзошел! На тулуповских ассамблеях озорно дурачился, задирали докладчиков, нарочито злил их и радовался достигнутому успеху. Когда же писари собирались за столом по случаю тезоименитства сочлена Тулуписа — с круглой цифирью даты,— либо на законных правах и в целях поддержания нравственности общественных идеалов отмечали осязательным содержанием официальный административный праздник, то душой такового сборища всенепременно становился Степной Волк. Нарочито, то есть поддразнивая осторожных в мыслях и словоизъяснениях тулуповцев, уклонялся от принятой линии: рассказывал анекдоты про руководителей лесной партии и правительства, после чего хорошо поставленным баритоном (Осел по отмашке Льва прикрывал оконные фрамуги) громогласно пел давно ставшие в *Нашем лесу* фигурой умолчания героические песни про обобществительные подвиги и блестящие воинские и партикулярные свершения Стального Барса.

Когда хозяйка общественного стола Птица-Секретарь вносила на жостовском расписном подносе поросенка, фаршированного гречневой кашей, с аппетитно запекшейся бронзовой кожицей, щедро умащенной хренком со свеколкой, Степной Волк, подмигнув робкому поэту, только-только обилеченному (с третьей попытки), которого он совсем недавно в пух и прах разнес на ассамблее за мелкотемье и уклады в натуралистические осязательные несовершенства, поддразнивал того: «Прощай, молочный поросенок, отныне нам не хрюкать на луну, хрю-хрю-хрю!» Сивуху, даже неочищенную, Степной Волк потреблял неограниченно, но в пьяный раж несколько не впадал, сохраняя веселое благодушие, либеральную раскрепощенность и ясность мыслительной сущности. Про такие матерые натуры в прошлом веке Даль и Афанасьев собрали в народе знаковые присказки: «Пей да дело разумей» и «Пьян да умен — два угодия в ем».

Остро на поэтическую и прозаическую нелицеприятность Степного Волка вся писарская общественность прилюдно и сам-двое опасалась. Окромья увлечения писчебумажным промыслом и сивухи уважал рябчики («Был отменный эконом...»). Не довольствуясь приличествующими гонорариями, нахрапом влезал во все выездные предприятия Тулуписа — это когда малой коллектой писари за отдельную плату от культуртрегерских учреждений по линии воеводы или предводителя отправлялись в различные урочища и чащобы Тулуповского леса, даже в соседние Леса, где увлекали тамошних обитателей, фабрично-заводских и обобщественно-крестьянских, исполнением соло собственноручного приуготовления стихов и назидательных параграфов из повествований — все той же фабрикации, тем самым создавая прочные устои для вольного труда лесных обитателей, каковая всегда лежит — по Карле Марксу и Великому Тигру — в сущности обобществления.

...Уже после ликвидации оногo Степной Волк со смехом рассказывал новой генерации тулуповских писарей, как, будучи, взамен отчисленной по Лошакову делу птицы Казарки, руководителем писарской ячейки партии обобществления, он утай-

вал в ведомостях окладных листов на партийные налоги свои рябчиковые доходы от поездок-выступлений по урочищам и чащобам... Здесь даже междусобойный конфуз между Степным Волком и недавно обилеченным на исходе эпохи обобществления писарем Полярной Росомахой, обучавшимся ранее в Высшем писарском училище. Случайно встретившись, зашли они поприятельствовать в трактир с подачей пива, побеседовать о самозначительности писарского сословия в наступившие «лихоимные девяностые» годы в части ненужности еже какой-либо деятельности по распространению (отмененных рескриптом) здравых мыслей в обществе. Здесь-то Степной Волк и рассказал, смеючись, о своем утаивании от бывшей *нашей* партии налогов за просветительские поездки по чащобам и урочищам. Моложе годами и писарскими заслугами, Полярной Росомахе промолчать бы, не зная еще характера визави — вселенский шутник, Степной Волк приходил в самополнейшую ярость, слыша иную инвективу в адрес своей персоны, — но ляпнул-таки, изобразив серьезность лица: «Да за такое кощунство над светлыми тогдашними идеалами вашему степенству при Стальном Барсе десять лет без права переписки должно было дать!» — Сказал и вмиг испугался: Степной Волк побагровел, проклял весь росомаший род до седьмого колена, гневной дланью опрокинул на пол кружку с недопитым пивом, сплюнул и выбежал вон. Понятно, забыв уплатить по рябчиковому счету за себя. Пришлось огорченному Полярной Росомахе за двоих банковать с присовокуплением стоимости разбитой кружки, и еще по рябчиковой мелочи — за беспокойство — согбенной старушке-грачихе, трактирной подметальщице.

...Со Степным Волком мы еще встретимся в той части повествования, где живописуются тулуповские писари в ту историческую эпоху, когда обобществление заменили противоположным действием, а лесных обитателей вновь, как при Царе Горохе, изустно и печатно велено стало именовать обывателями и прочей лесной сволочью.

♦ Природа в своей натуральной ипостаси регламентом поделена временами года, на смене которых людей и зверей радуют недолгие, но в памяти запечатлевающиеся, периоды умиротворения. Это суть ласковое окончание волнующей душу весны — месяц май в завершающих его двух декадах. Изобильный по дарам возделанной трудами лесных обитателей нивы сентябрь: природа уже грустит в преддверии непогод, но как веселы гимназисты, вроде заново после летних вакаций привыкающие к своим менторам, учащим их идеалам добра и обобщественности. Так и тулуповские писари, когда хотя бы немного забылось их недогляденное в части Лошакова злодейства, уподобились природному умиротворению, недалекому от потери бдительности, причем именно в сентябрьской аналогии. Что-то судьба готовит им? И вообще *urbi et orbi* — городу и миру, как в папских энцикликах. А раз проглянула заставляющая пожить душу неопределенность будущности, так следует радоваться дню текущему... хотя бы уже и сентябрьскому. Словом, оправившийся от моральной (и материальной по части рябчиков!) пощечины Тулупис выживал и надеялся.

Не то что не отставала в писарском усердии от Степного Волка многотрудолобивая Олениха, единственная столичная (поощрительная) писарская лауреатка, но даже чаще его спешила в означенный табельный день к гонорарной кассе за вновь изданную книгу. В бухгалтерии издательского заведения ее чуток остерегались. Олениха прибыла в Тулуповский лес из дальней Сибирской тайги, где всяк силою природного воспитания и первозданной дикостью мест обитания не то что подозрителен, но зело осторожен в общении со всем окружающим. Тем более в тонких для профессионального писаря гонорарных делах. Ведь ему продовольствоваться на них до тисканья следующей книги! А очередь возжелающих водвориться в окладные списки — планы издательства, обслуживающего четверок губерний, все растет и растет в пропорциональном отношении по числу вновь нарождающихся обилеченных писарей в Тулуповском и соседних лесах.

Опытный журналист наставляет стажера: «Ну, что ты, мой милый, написал: «Вчерашний Первомай в областном центре собрал не более двух тысяч митингующих, преимущественно пожилого возраста. В целом, все прошло спокойно за исключением небольшого инцидента: учащийся техникума бросил в сторону губернатора надорванный пакет с кефиром. Хулиган был задержан». Надо усилить акценты, примерно вот так: «Традиционный праздник весны и труда граждане города провели на своих виллах и дачах. Несколько сотен страдающих амнезией беспомощных стариков случайно зашли на площадь и остановились, заинтересовавшись появлением губернатора, известного прокоммунистическими взглядами, со свитой. Молодой демократ, студент колледжа Борис К., выразил возмущение политикой губернатора по задержке реформ и метким броском надорванного пакета с йогуртом «Эрмигут» сбил с него спесь. Милиция зверски скрутила руки молодого борца, отличника учебы и именного стипендиата фонда Гусиновича и бросила его в «черный воронок». Народ на площади роптал и возмущался».

...Потому-то рачительная Олениха, ведавшая заведенный обычай бухгалтерии издательского заведения в подсчете полагающегося писарю гонорария арифметическим действием умножения числа оттиснутых литер на узаконенную ставку рябчиков с последующим округлением в меньшую сторону, самолично подсчитывала упомянутое число литер и умножала без всяких намерений к округлению. Арифметику же она знала отменно, будучи выпущена из высшего училища по корпусу горных инженеров, но отошла скоро от упражнения в оном, прочувствовав в своей натуре природой данное устремление в обители муз близ освежающих струй Кастальского ключа.

Писарем Олениха была отменным — для благоденственного обобществительного времени и губернского статуса. И в наступившую вослед вовсе неудобную для писчебумажных тружеников эпоху служила раз и навсегда избранному занятию совестью. Даже самые завистники, понятно, по рябчиковой части, не смели упрекнуть ее в следовании паскудному правилу: дескать, спусть рукава, хоть что-нибудь, далее — по возможности, а затем и вовсе применительно к подлости... Но и с пресловутыми «правдурбами» никто бы Олениху не взялся соотносить, ибо, живя и продо-

вольствуясь токмо сочинительством, писарю завсегда следует держаться аккуратной пристойности, то бишь гусиным пером описывать предмет с позиции правильной в воспитании и нравственности правды, но нисколько не влезать в сомнительные — не только в обобществленном, но и в ином лесоустройстве — дебри той правды («Нет правды на земле, но правды нет и выше!»), что навевает у читателя смутные и неясные мечтания о потрясении основ, обличении злоупотребителей в чинах первых классов и подрывании устоев.

Словом говоря, не напряженным всякими философскими смыслами предстояла перед читающей (а тогда в *Нашем лесу* все читали!) публикой, главное пред невинными девушками-чечеточками и (еще или пока?) не огорченными малым числом рябчиков в кармапах юными гимназистами и учащимися реальных училищ, Олениха, а добродетельным учителем благонравной жизни; неспешно поучала добротным стилем и слогом, воспринятыми от писарей-классиков предшествующих времен и поколений. Она же полагала свое сочинительство жизненным обязательством, трудной, но полезной работой во имя идеалов обобществления, к тому же приносящей душевный покой и удовлетворение. Каждый год местное, а то и столичные издательские заведения тискали литерами очередную ее поучительную книгу. Порядок этот Олениха исполняла почти что с календарной регулярностью. Даже лично-семейную жизнь свою не обустроила, полагая это препятствующим писарскому усердному труду.

Сюжеты своих сочинений она не из пальца высасывала, чем грешили некоторые тулуповские писари, тем паче многие еще необилеченные, но брала из жизненных реалий. Поэтому и привыкли лицедреть Олениху в различного пошиба училищах, на лесных стройках-гигантах обобществительства, фабриках и заводах, где традиционно, из поколения в поколение, гнули котёлки. Она искала героев своих повествований не среди чиновников из окружения воеводы, предводителя и исправника, но от сохи, отбойного молотка, учащихся и наставников училищ. Оговоримся: если директивная обобществительная линия требовала от писарей оттенить или просветлить роль лесных руководителей, в том числе и в чинах до партикулярных генералов — действительных статских советников, то Олениха и здесь с присущим ей писарским мастерством выставляла ум, честь и совесть обобществительной эпохи. В губернском масштабе, понятно дело. Отсюда и книги, вовсе не лизоблюдские, но правильные, про прогремевший на весь *Наш лес* трудовой эксперимент в ближнем к Тулуповску урочищу, а особенно читаемый и сейчас на одном дыхании роман об избранном единокласно районном предводителе...

Не только молодая поросль лесных обитателей и умудренная жизнью женская половина зачитывались в то время книгами Оленихи. Даже необилеченные сочинители, одолеваемые всеполагающей завистью, зело сдобренной позднеюношеским скепсисом и либерализмом (мол, «мы — умы, а вы — увы!»), раскрывали ее книги — что возьмешь у сугубо женской писарши? — вроде как из общепринятой вежливости, прочитывали пару-тройку страниц... а затем увлекались и, стыдясь перед такими же (с либерализмом) необилеченными сотоварищи, уже наедине, в своей берлоге от корки до корки прочитывали. И здравая мысль их посещала после прочтения последних литер: да-а, брат Гусь Лапчатый, пожалуй и рановато тебе о билете Лесписа задумываться; надо у той же Оленихи учиться, учиться и еще раз учиться, как завещал Великий Тигр, как учит нас обобществительная партия и лично <имярек>!

...Земля наша двухполярная: полюс на северной макушке, а другой в ледяной Антарктиде. Так к описываемому периоду истории писарей Тулуповского леса и в оном на сочинительском небосклоне всяк узревал двоепротивоположение: ушедший в злодейское небытие Лошак и спокойно, ровно светящаяся доброжелательностью сочинительская муза Оленихи. И долгое время ей еще предстояло освещать благонравно горизонты читающих лесных обитателей.

♦ Альбатроса и Сказочника из мокшанских лугов, невзирая на существенное различие их зоологического происхождения, сближала по роду занятий начальная молодость и вступление в зрелые писарские годы. Оба они, вельми несхожие по внешности натур и причислению к разрядам сочинительства, по рекрутскому набору исправляли воинскую повинность по флотских экипажах. Оба и курсы в Высшем писарском училище прослушали, откуда были выпущены по разряду писчебумажных работников гусяного пера. Но вот дальше выступает токмо различие. Альбатрос — коренной посконно-домотканый тулуповец, до писарского призвания в заводе изукрашавший зернью и узором особливые парадные котёлки. Сказочник же пришелец с далеких мокшанских лугов, а в Тулуповск его приманили на полное довольствие и для увеличения численности только что организованного Тулуписа сразу по окончании Высшего писарского училища, до которого он в цирке гимнастическими упражнениями публику волновал.

Сказочник постарше, этакий увалень, сочинял для гимназистов и учеников-реалистов, соответственно своему прозвищу, заменявшему в заглазном общении писарей его звериный разряд (был он добродушным медведем), сказочные повествования, многожды тискаемые и перетискаемые в Тулуповске и в столице. Отдал он дань и историческому промыслу гнутья котёлок в Тулуповском лесу, сочинял отменные сказки о легендарном мастере этого дела по прозвищу Затычка. Над ним посмеивались, мол, Затычка! Ха-ха-ха! Понятно дело, коллеги-писари завистливо загибали в сюртучных карманах пальцы, пересчитывая гонорарные рябчики Сказочника от местных и столичных неоднократных тисканий «Затычки». А вот в канцелярии предводителя, в кою пару раз пришлось Сказочнику явиться по своим писарским докукам, каковые Тулупису разбирать не по рангу оказалось, чиновники XIV—X классов, лишь недавно прибывшие выдвинутыми из малограмотных чащоб Тулуповского леса, также посмеивались, но уже от непонимания самой роли писарей в укреплении оснований, лежащих в исполнении практических воплощений идеалов обобщественности... От природы мудрый Сказочник, получив от нижних чинов от ворот поворот, нимало на них не обижался. Зайдя в попутную простонародную распивочную при трактире купца Филимонова, выпивал потребное его медведевому организму, а по адресу нижнеклассных чиновников добродушествовал со случайным собутыльником: известно, мол, дело молодое, необтесанное. Вот наложат со временем на такого чин повыше, навроне надворного советника, так мигом поумнеет. У меня же на подарочное тисканье «Затычки» автограф просить будет вежливым порядком, дескать, соизвольте для малых моих детушек на добрую память... Словом, мы от сохи, но когда-нибудь достигнем «окружающего момента обстановки», как устами своего героя сказал *наш* флотский писарь. Известно ведь со старины нашей Гостомысловой, что уши выше лба никак не вырастут, если только не на должности Осла находишься — чтобы издали все шепотки неудовольствия в адрес Льва слышать и патрону доклады в установленном регламентом порядке, — и чем выше чин наложен, тем более все содержимое головы улетучивается, а значит умнеет чиновник и думать начинает нужным местом, каковое по чину блюсти должен и сохранять для своего благоустройства.

Прост в общении Сказочник был, так прост, что до сих пор в писарской тулуповской среде о его простоте анекдоты ходят. Памятная доска сейчас на берложьем доме его висит.

...Альбатрос же, помлаже Сказочника, супротив его внешности имел фигуру приземистую, озорную. Сочиняет и посейчас по части рифмованного писарства, отменно играет на гармонии, а еще лучше поет поставленным от природы голосом: по нотной грамоте где-то между тенором и верхним баритоном. Но и по фальцету пройтись может частушечьему. Стихи сочиняет не «датские», но и повода к оному не избегает. В Тулуповском лесу, по признанию и утверждению самих предводителя и воеводы,

за ним пальма первенства в патриотическом воспевании традиционного котёлочного промысла и собственно славной тулуповской отчины и дедчины. Честь и хвала ему от восторженных лесных обитателей имела место быть в описываемое наивысшее осязательное цветения эпохи обобществления.

...Когда Полярная Росомаха вступал в сочлены Лесписа <<<«Что за *qui pro quo**?» — Игорь Васильевич запнулся на увлекшем его чтении,— зачем здесь, нарушая стройную временную последовательность повествования, возникла явно позднейшая фигура Росомахи?» И тут же рассмеялся, хлопнув себя ладонью по лбу: «Совсем было забыл, что автор «подстрочника» Андрей Матвеевич Бурцев родом с Севера; какой же писатель не захочет и себя в Историю, даже провинциально отведенную, вставить?»>>, то из положенных по статусу трех рекомендателей самым «весомым», конечно же, являлся Сказочник.

Другим же согласился перед комиссией Лесписа за Росомаху предстательствовать вальяжный Пушистый Котик, вышедший в писари из курантовых редакторов. Но и это, в основном прокормляющее его, занятие, войдя в Тулупис, не оставил. Определительное прилагательное (см. «Пространную русскую грамматику» Николая Греча, 1830, с посвящением на титуле: *Его Императорскому Величеству Государю Императору НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ Самодержцу Всероссийскому с благоговением посвящает верноподданный Николай Греч*) «пушистый» и ласково-уменьшительную существительную основу (опять же см. Греча верноподданническую грамматику) таковой писарь за глаза удостоился за прекраснодушный нрав, вообще свойственный оному зоологическому отряду, но главное — за пылкий и всеобъемлющий интерес к противоположному полу, хотя бы имел замечательной красоты и осязательной к нему благорасположенности супругу. К тому же — редкий случай — в гармоничном сочетании великолепной натурной внешности и приличествующей оному полу толики умственности. На благожелательные доносительства завистников Котика похотывала: «Отчего *мой* сволочится с мамашками страхолюдными? — А по той амурной контрастности, чтобы постоянно в себе подпитывать приязнь ко мне, ха-ха-ха!» И для своих сочинений Котик пользу (число строк — количество рябчиков для дома, для семьи!) извлекал из таковой любвеобильности, пристойным слогом допуская отступления в дозволенных обобществленной нравственностью рамках, что увеличивало интерес лесных читателей и, соответственно, тираж оттиснутых книг. Тем самым, в соотнесении с диалектикой Карлы Маркса, замкнутый круг «писарь — книготорговец — читатель» все более расширялся на восходящих ветвях той спирали, которой в обобществительные времена в гимназиях и училищах, университетах тож, наставники в мундирных сюртуках с петлицами по принадлежности к министерству просвещения допекали своих воспитанников.

Росомаха самолично слышал беседу двух почтенных летами писарей — не то что пакостливо подслушивал, но сидел на соседнем диванчике в канцелярии Тулуписа по своей докуке,— обсуждавших новую книгу Котика: «...Чушь пишет наш Пушистый, дескать, три раза совокупился его персонаж с мамашкой в берлоге холостого приятеля, имея в наличии только два кондома галльской фабрикации. В третий раз, мол, она, искусница, сумела и без одного предмета обойтись. Не понимаю и все!» — «Ничего ты, старый хрен, хотя и помышляешь тайно о Скрижалях, в новых делах не смыслишь...» Но здесь Росомаху потребовали ко Льву, а *новые дела* писари уже без его присутствия обсуждали.

Котику же Росомаха из всех рекомендателей наиболее признателен. В те времена в Лесписе билечивали тулуповских сочинителей, хотя бы о семи пядях и подающих весомые надежды, со многими препятствиями: новый писарь как лишний рот в

* Одно вместо другого — в смысле путаница, недоразумение (лат.) — (прим. ред.).

большом семействе, ведь планы-то тулуповского издательского заведения не увеличивают с возрастанием числа сочленов Тулуписа! Потому с первого захода вовсе никого не обилечивали. Хорошо хоть со второго сопричаститься? Так отменный поэтический сочинитель Буревестник и счет потерял предпринятым попыткам войти в сонм избранников тулуповских муз... Опять же характер независимый и голос твердый и уверенный настораживали тулуписовцев.

...Так и Росомаху, уже две полновесные книги оттиснувшего, выпущенного с приятными референциями из Высшего писарского училища, в первый раз старожилы забаллотировали: молод еще, а в романе своем странную кривизну по части обобществления этакой игривой загогулиной начертал. Обиды Росомаха не затаил, понимая, что сутолока около кассы издательского заведения никогда в порядок не придет, а Тулупис осаждать следует сочетанием терпения и умения сочинительского. В другой раз рапорт Льву подал с объяснительным убеждением в своей пригодности. Но и тут ему общим настроением хотели препон поставить (в издательстве как раз планку в очередной раз снизили). Выручил Котик: такую убедительную в пользу Росомахи тирадную аттестацию высказал, что привел возражения к единому знаменателю в части ожидаемой пользы от зачисления «молодого, творчески необиженного, устремленного к идеалам» и так далее, что с крохотным перевесом, но все же Росомаху причислили к лику... Как то водится исстари в писарской среде (еще в чиновной и сугубо женской) первыми, искренне и с изъяснением восторга, новообретенного сочлена, даже смахивая с ресниц редкие слезинки умиления, тепло и дружески поздравляли (тайно) голосовавшие супротив. Росомаха сдержанно благодарил, обещая верно и бесподлостно служить писчебумажному искусству, но сделал вид непонимания в части намеков, что-де его одушевление имеет несколько отвлеченный от практического проявления дружелюбности характер. Поскольку в *Нашем лесу* в это время (мы несколько забежали вперед в последовательности повествования...) проводилась кампания по отрезвлению общества — в преддверии наступления процесса поголовного высвобождения от излишних чувствований, мыслей и совести,— то Росомаха, изобразив на морде несусветную верноподданность, громко заявил: «Начинать, *коллеги*, как когда-то учил наш Великий Лев, следует с себя; только так возможно пресечь зло в самом его корне!» И ушел восвояси, не проставившись копченой поросятиной, жареными курами и очищенной сивухой.

...Уже давно на берложем доме в самом пристойном месте (в *наипристойнейшем* квартировал только Лавроносный Журавль — обочь дворца предводителя) Тулуповска значится на стене мраморная табличка в память Котика. Мир праху его!

♦ Как должно быть тебе, благодарный читатель, памятно из классов — гимназических, реального или церковно-приходского училищ, писари завидуют и интригуют в сугубую одиночку, реже с сочувствующей супругой на кухне под шкалик «очищенной», но отдыхают душой и телом в своем сообществе, исключая выборные ассамблеи, где прежде до размахивания, впрочем нарочитого, венскими стульями и вольтеровскими креслами радикально доходило. Это как, в пример будет замечено, в нынешние официально либеральные времена: вроде, по здравому разумению, и выбирать не из кого по депутатской части, но лесного жителя вроде как серьезно словесно задирают, из теплых берлог выманывают, мол, горячись, выбирай достойного! Но — к продлению сего повествования, не разводя излишней риторики.

А по сути благодуществование в писарском тулуповском сообществе в полной мере возродилось опосля прекращения чехарды с частыми сменами местоблюстителей должности Льва, о чем выше было писано.

Самим тулуповским писарям «первого обилечивания» осточертело без конца перепихивать друг на дружку должность Льва в Тулуписе (изба с краю, одна голова на плечах, обидели с берлогой...). Еще не выветрился в памяти, цепкой в сочинитель-

ском сословии, конфуз со злодейством Лошака и впоследствии внесением Тулуписа в проскрипции в различных канцеляриях: от правления Лесписа до присутственных мест тулуповских предводителя и шефа жандармов. Как под таким недремлющим Оком исполнять со всей решимостью должность Льва? В оной же полагается два противоположные и основные воспитательные правила: блеск показательных кровопролитий и отеческое (мы отцы ваши, вы дети слаборазумные наши) наставление с неперменным обещанием порадеть где надо и предстательствовать перед кем нужно... к примеру, о включении в издательские планы «ну-у, не на следующий, так на впоследствии годик». А тут, как всегда кстати, недремлющее Око осадит Льва, дескать, ваш Тулупис и так под сомнением, не по чину тебе кровопролитье претенциозное — до полного исправления! Кровь же побереги; оной надлежит смывать позор Лошаковский, а не лицемерную верноподданность нарочито выставлять. Еще более сомнительным в твоём положении пресловутая отеческая наставительность. Одного уже так наставили, что врагом *Нашего леса* сделался и в Аглицкое безделье дезертировал от наших светлых идеалов обобществления и трудничества во благо развития оного! Нишкни, мол, тихо, не высовываясь сиди в своей чащобе и смывай с вверенного тебе Тулуписа вечное пятно позора...

Всепонятно, что даже ни на что не претендующие, не поминая Скрижали, ежи и зайцы не помышляли (да и кто бы их пустил!) о должности Льва.

Все же решено было положить окончание перепихиванию и перекотыриванию злосчастного чиновного кресла друг на друга. В избранной (вино, женщины и искусства принадлежат Избранным) междусобойной ассамблее — без поросенка под хреном и злодейки с зеленой наклейкой — порешили и в мыслительном протоколе запечатлели: *аз*) на должность Льва определить всенепременно пиита, ибо у них книги намного тоньше супротив прозаических сочинителей, а значит больше времени останется для исполнения должности; *буки*) нового Льва изыскать из отдаленных урочищ, дабы еще не скоро оброс кумовьями в Тулуписе и начал радеть оным; *веди*) по характеру должен быть миролюбивым, а по годам — на долгий срок исполнения должности.

...Изыскали такого Медведя Миролюбца из удаленной чащобы, из мест, в которых два ста лет тому назад достославный Болотный Бобер строил дворцовую берлогу для незаконноурожденного сына Царицы.

И наступила золотая, даже в какой-то мере и по рябчикам (в приличествующей законоуложениям и морали обобществления), пора Тулуписа. Известно, что одному писарю похвалить другого все одно, что статскому советнику прилюдно коллежского асессора равным себе если не по чину, то по резонности мыслей! Поэтому новый Лев с чащобной крестьянской себе-на-уме хитроумностью избегал с самого начала исполнения должности, каковая продлилась почти три десятка лет, почти что до нынешнего времени, выделять одного писаря перед другим. Даже для своих сородичей из зоологического отряда исключения не допускал и вообще, став по чину Львом, отсекся от косолапого происхождения, ибо место красит, как то принято в администрировании. В междусобойных ассамблеях прояснял свою директиву: «...Гениальный, высоко- и просто талантливый — это попахивает претензиями на Скрижали, до которых всем *нам* еще расти и расти. Так что, писчебумажные мои собратья по гусиному перу, полезной скромности ради ограничимся пока титлами «способный» и «писучий», сделав приятное исключение для наших старейших: Оленихи, Казарки, покойного Лавроносного Журавля, Альбатроса, Степного Волка и Пушистого Котика. Присвоим им наименование «известных тулуповских писарей». В особую графу определим уважаемого Сказочника, нареча «самобытным», благо он в столицах и университетских центрах достаточно ведом. Всех же необилеченных под едину гребенку: «подающие надежды».

*Всем известно ленинское определение русского интеллигента, хотя, между нами, девочками, говоря, и сам Владимир Ильич начинал трудовую жизнь малоудачным либералом-адвокатом. Впрочем, скоро опомнился. В наше же волчье время интеллигент и вовсе гнойный нарост на умирающем теле национальной культуры и науки. Понятно, если он не другого пошиба, демократического... Самое существенное, что никакое время, никакие катаклизмы жизни народа и государства не изменили душевные и умственные устремления пресловутого *i n t e l l e g e n c e*: вкусно покушать три раза в день и с полдником, следовать линии партии (коммунистической, либеральной, националистической... — какая шишку во власти держит), немного диссидентствовать, с девками молодыми шалить. А что касается нравственного выбора, то его всегда вырывает гадание на пальцах или на кофейной гуще.*

Новый Лев по-умному и на канцелярию опекающего Тулупис предводителя обиды не затаил, когда тамошний квартирмейстер выделил ему берлогу не в «сталинском» доме. Здесь все было по регламенту устроено: как только число писарей достигло десятка, вновь обилечиваемых передвинули в нижележащую графу и стали оделять берлогами если не на окраинах, то в новостройных местах. Причем размеры берлог свели к принятым обобществительным нормам: столько-то в квадратных сажнях на члена семейства. Лев и остальные (новые) сочлены Тулуписа хорошо помнили из классов азы Марксовой науки о накоплении и распределении богатств соразмерно (растущему) числу созидających оные: где-то прибыло, а что-то и убыло...

Поныне ветераны тех золотых годов в беседах с молодой писарской порослью кратко определяют обобществительную эпоху всего-то за пять-десять лет до ее заката: как кум королю жили! Общественное уважение, приязненный почет от чиновников круга предводителя и воеводы, рябчики опять же... Ближе к скончанию эпохи и вовсе, подзабыв о злодейском Лошаке, стали избранно тискать тулуповских писарей в столице, а попечением предводителя и воеводы в родном лесу начали припечатывать таковых избранных, оделяя наименованиями почетных ситуайенов и заслуженных.

женных писарей, что всенесомненно отягощало их кошельки рябчиками... Лев сам хорошо рифмовал и того же спрашивал со своей паствы. Тогда-то предводитель на высокой обобществительной ассамблее в столице и произнес свои слова, что-де до Великого бунта в Тулуповском лесу имелся один писарь — Великий Лев, а ныне нутка сосчитай!

Писарская душа потемки, но напрочь лишена ненужной жажды беспредметных чаяний. Зато за внешней благодушностью задолго до свершения потрясения основ и подрывания устоев чувствует надвигающееся неустройство в жизни. На то они, по давнему высказыванию Горькоусого Моржа, и есть инженеры душ лесных обитателей. Писари вне своего круга на этот счет помалкивали, понимая, что рядовой обитатель чащоб и урочищ их нисколько не поймет, тем паче не выскажет изустно ни малейшего сочувствования к их тревоблениям. Натура рядового лесовика посконна и домотканна в части осязания высоких материй и далеких перемен. Живет он одним днем, тем более в идеалах и практическом разрешенном достатке обобществления.

...И было *de profundis*, то есть из бездны (будущего) на латыни, мрачное видение с предостережением тулуповским писарям в один из зимних вечеров в избранном кругу собравшихся скоротать за беседой о писчебумажном искусстве рано наступящую по времени года уличную темень в присутственном месте Льва.

♦ Лев поросятине предпочитал селедочку пряного посола из тулуповского магазина столичного купца Елисеева. Не потому что склонялся к магометанству, но накрепко вбил в память слова деда в смысле уважения к селедке в чине закуски к сивухе. Уважая старшинство Льва в должности, а значит и в истинности утверждений, вечерние собеседники по обычной раскладке сделали коллекту в рябчиках и отправили самого молодого — из недавно обилеченных — за оной сельдью, очищенной, салом с мясной прослойкой в палец толличной, холостяцкой колбасой и хлебушком. На новоприобретенных крыльях Пегаса тот оборотился скоро, не успел Лев по разудругому обставить (уважал он и эту индийскую забаву) в шахматилки пару своих подопечных. Не считаясь по приватности обстановки чинами, не в подхалимские поддавки играли, но всерьез.

Не успели освежиться по первой, разгонной, как вошел, отряхивая густо поваливший под вечер снег с шинели, особливо с поддельного бобрового воротника, запоздавший писарь. Разоблачившись и приняв с морозца стопку (ранее выставил на стол принесенный полуштоф), разъяснил причину невежливого опоздания: «Извиняюсь, господа писари, не рассчитал времени, делал крюк до участка». На него в наступившей тишине внимательно посмотрели: кто с сочувствием, иной злорадно. Но когда запоздавший с прирожденным слогом рассказчика — прозаиком был недурственным — поведал занимательную историю, приключившуюся с ним, присутствовавшие расхохотались и даже предложили тост за кастальские музы, оберегающие и в личной жизни своих подзащитных писарей. История же заслуживает внимания, кое мы и обратим на случившееся.

Три дня тому назад на Крещение писарь *N.* — из лосиногословия — крепко загостился у кумы — под отменного поросенка и запивку к нему. После третьей стопки все опасения писаря относительно позднего возвращения домой, как то водится, улетучились. И кума, разохотившись на сливовую наливку, забыла про остерегательную присказку: что знает кум, знает и кумова супружница, а по ней и весь околоток.

Словом, поздно вышел в направлении родного очага. Как ни потчевала его заботливая кума румяной поросятиной и разносолами, но забористая очищенная своим градусом взяла уверенный верх над закуской. Да и крещеный мороз на славу щипал. От спутанной ходьбы Лося то в жар бросало, то в стылый озноб; песню сам-один заводил или похитоску от фабрики купца Стамболи пробовал раскурить — все не по-

лучалось, словно не лосем он был, но разлаженным часовым механизмом, где пружинки и стрелки каждая сама по себе стремится вертеться. Видать под конец неверного по избранному курсу пути, почти обочь родного очага, вышние силы порешили наказать писаря за приязнь к красотке-куме: дорогу к дому загородила казенной окраски кибитка, прозываемая лесным народом «черным вороном», а с облучка спрыгнули двое городских со словами: «А вот извольте, полупочтенный, с нами в холодную прокатиться!»

...Надо сказать, что во времена обобществления не водилось большей кары для любого партикулярного и даже чиновного XIV—X классов лесного обитателя, нежели препровождение в холодную — в целях провозглашенного с высоких ассамблейных трибун повсеместного и радикального отрезвления. К тому же в описываемое время происходило замещение зоологических видов в среде городских, квартальных и околоточных надзирателей, урядников и прочих нижних чинов по ведомству министерства внутренних дел. На смену пожилым, многоопытным в житейской толкотне, оттого рассудительным и в рамках узаконений даже благодушным оным чинам из отставных армейских ефрейторов и унтеров массово устремился на непыльное занятие молодняк из стайных зверей, каждые полгода скороспело выпускаемых из приготовительных училищ по ведомству губернских полицмейстеров. Тонкостей сложной лесной жизни они не понимали, данную им власть злоупотребительно и мстительно использовали со всем молодым размахом, имели склонность к дармовым рябчикам и очищенной. «Молодым везде у нас дорога», — распевала вся *Наша страна*, а таковые из полицейских нижних чинов в части усердия соревновательно считались друг перед другом, околоток перед околотком, участок перед соседним таковым. Жертвами такого азарта и становились лесные обитатели, на время забывшие про радикальное отрезвление. Даже ежели чуть запашок от них исходил или на давно нечищенном тротуаре лишний шаг влево-вправо неловко совершил, выскивая путь поровнее. Тотчас из подкатившей кибитки: «А вот извольте, полупочтенный, с нами...».

Продрожал Лось ночь в стойле холодной под тонкой казенной попоной, а наутро — к выписке в канцелярию участка. Как положено, на руки ему для оплаты окладной штрафной лист. И местом службы для воспитательной цели посылки в оное рескрипта «разобраться и наказать» интересуются. Отрезвевший, хотя и не очень радикально, Лось рапортует: «Писарь есмь обилеченный; в Тулупис шлите рескрипт. Видите — перед вами билет!» Про себя же — здесь уж радикально — усмехается, мол, свой-то Лев не выдаст и не съест, ограничится междуособными воспитательными беседами за очищенной и селедочкой от купца Елисеева...

Хорошо сказывается, да инда прескверно оборачивается! «А эт-та что? — усмехаясь нехорошо в белесые еще молодняковые усики, канцелярский подпрапорщик тычет в удостоверительную книжечку, изъятую накануне отправки в стойло холодной из кармана сюртука Лося. Похолодел тот: и зачем только вместе со спасительным писарским билетом накануне, явно машинально, упрятал в сюртучный карман удостоверение сотрудника губернских курантов «За родную трущобу», в коих он редактором по сочинительскому подвалу четвертой полосы зарабатывал рябчики на домашнее семейное харчевое довольствие.

А подпрапорщик, обозленный своим табельным по чину ничтожеством, да еще лицезрея перед собой аж целикового писаря, мстительно записывает в амбарную книгу для рассылки уведомлений «разобраться и наказать», изустно комментируя для побледневшего писаря: «Раз из губернских курантов, то это натурально должно препроводиться по ведомству его превосходительства предводителя. Так что готовьтесь, любезнейший нарушитель благочиния, представить перед кем следует. Это вам не пасквили в свои книжки заносить гусиным пером!»

Вышел ошарашенный случившимся Лось из канцелярии на свежий воздух, а там благодать: небушко лазоревое и солнышко, аж в глазах рябит, лучами своими отскакивает от белого-пребелого чистого снежка, что за ночь выпал. Во дворе, что промеж флигелей участка, давешние молодые городовые тот же снег обметают с кибитки. По молодости и солнышку веселы с утра, да еще вчера после подвигов злодейских завернули заночевать к знакомым курсисткам из тех, что недавно, встретив выходящими в веселии из ресторации, не стали забирать с собою, а договорились завести дружелюбие. Оттого не только веселы молодцы, но даже давно забытое благодушие на них отражается, приветствуют Лося: «А-а, полупочтеннейший! Как спалось-нежилось на наших пуховиках? Ха-ха-ха!»

Как истинный инженер лесных душ, Лось и использовал подмеченные намеки на благодушие. Угостил городовых пахитосками от Стамболи, поинтересовался: к кому, дескать, из вышестоящих чинов можно обратиться по части раскаяния и уверения в устремлении к радикальному и повсеместному? «Надоть, полупочтеннейший, иди прямо к его высокоблагородию майору. Он надьсь принял в управление участок. Сам подполковник по разнарядке сверху на ревизию благонравия в дальнюю чащобу убыл».

Зашел Лось в участок через парадные двери, поднялся на второй этаж, вошел с докладом, мол, писарь такой-то по лично-общественному делу отношение к его высокоблагородию имеет,— через дежурную регистраторшу кобылку — в майорский кабинет. Памятуя (ведь инженер же душ!), что старшего чина на мякине не проведешь и всякий бюрократ служебный уважает, когда проситель паче всего налегает на округлении периодов, Лось кратко и толково исповедался во всех грехах, только опустив кумовство и разделив общий объем выпитой в гостях очищенной на знаменатель «три». Нельзя ли ограничиться его, майора, устным порицанием...

Майор, пребывавший доселе в некотором рассеянии задумчивого свойства, с какого-то боку заинтересовался (инженер душ это тотчас пронизательно отметил) упоминанием Лося о писарской принадлежности, но для регламентного порядка заученно, отстраненным голосом что-то скороговоркой сказал «о появлении в общественном месте в виде, порочащем честь и достоинство лесного обитателя». И почти сочувствующим голосом добавил: «Что-то вы, представители искусства и научных упражнений, опосля Рождества расслабились. Понятно, от трудов праведных, но блюсти законоуложение даже в праздник следует! Вчера профессор приходил с похожей на вашу просьбой. Позавчера аж сразу два доцента и целиковый оперный бас на гастроях! Э-эх, понимаю вас, творческих личностей... Да-а, вот вы писарь... а реферации, наверное, также умеете сочинять отменно?» — «Конечно, ваше высокоблагородие! Только тему реферации, объем в авторских или обычных писчих листах и срок исполнения». — «М-м-м, я, видите ли, заочно прохожу курс в столичной академии по нашей службе. Запоздал из-за всесветской занятости, а реферацию уже через три дня следует препроводить нарочным попутным. Думаю, листов тридцать писчебумажных, а тема: «Благонравный и моральный облик городского во исполнении идеалов обобществления». Возьметесь?» — «Так точно, вашбродь! — в полнейшем душевном восторге отрапортовал, вскочив со стула Лось,— исполним в срок в высшей степени резонности». — «Ну и ладненько. Жду вас ввечеру на третий от сего дня. Я же сейчас регистраторшу спосылаю в канцелярию за вашим *делом*. Ограничимся замечанием».

♦ «...И вот, други мои писчебумажные, тотчас после такого занимательного разговора с майором помчался иноходью в общенародную публичную библиотеку, вытребовал с десяток брошюр по названной предметной принадлежности и — домой в родную конюшню, к деткам малым, к скандалу с супружницей за неявку к семейно-

му очагу в прошедшую ночь. Помирился, дозволенно опохмелился и за работу! И настолько за эти дни, потрясенный великодушием майора, проникся добрыми чувствами к облику городского, верноподданностью и благонамеренностью в отношении обобществительной власти, что создал, не постесняюсь прилюдно похвастаться, шедевр, достойный пера Макиавелли и Гвиччардини*! А майору от души желаю по выпуску из академии дослужиться до полковничьего чина. «Все хорошо, что хорошо кончается,— резюмировал Лев,— однако ты, брат Лось, идучи вновь к куме, оставляй дома удостворенье курантовское, а то бед потом не оберешься. Да и нам почти забытого в верхах Лошака припомним!» — «Гп-пру, Лев! — встрепенулся Степной Волк,— не буди лихо, пока оно тихо! А ты, достопочтеннейший обожатель кумовства, не хуже чем в реферациях для твоего нового приятеля майора блюди мораль и нравственность». После чего своим замечательным голосом исполнил про кума, что к куме судака тащит. И добавил по окончании сольного номера: «Чтой-то у нас под занимательную повесть Лося все бутылки доньшко слишком скоро казать стали. Давайте еще раз коллекту спроворим и пошлем кого-нибудь за добавкой на сладкое. Поддержим, значит, еще Горькоусого Моржа почин о содружестве писарей с правоохранительными чинами.— Это я о поездке его на Беломор-канал говорю. А у нас — Лося с майором-академистом! Так сказать, городской на посту бодрствует, натуральным предметом обобществленную нравственность блюдет, а вдохновенный — кумой, полуштофом очищенной или удачным визитом за рябчиками в издательскую кассу — писарь строчит гусиным пером день и ночь (если жена или кума не воспо-требуют к себе) про деятельность по распространению в обществе здравых мыслей о всеобщем отрешении с исключением из обихода лесных обитателей излишних чувств и мыслей, заодно и совести, в части намеков на потрясение основ и подрывание устоев...» — «Ты, брат Степной Волк, зарпортовался совсем. При чем здесь совесть? Вот у кого она есть, тот и побежит за добавкой!»

Отправили Барсука Песенника, хотя и заметно расслабившегося, но по шахтерского рода занятию прошлого крепко чувствующего под ногами твердь земную.

Пока твердолапый Барсук Песенник в темень и густой снегопад исполнял общественный заказ, несколько сморенные выпитым горячительным и надышанной духотой крохотного кабинета-берлоги Льва писари перешли к сочинительской части неуставной ассамблеи. Сам хозяин задал для поддержания у подчиненных бодрственной действительности тему: является ли трехчастное строение более всего сообразным осязательному содержанию классического романа?

...Надо заметить, что к описываемому золотому времени для писарской, не исключая и тулуповскую, самодеятельности под опекой Лесписа и его губернских отпочкований если не каждый второй, то третий-четвертый безо всякого сомнения обилеченный являлся сугубо грамотным по части словесности, понеже прошел курс Высшего писарского училища. Потому в Тулуписе на вечерних междусобойных ассамблеях не токмо штофную очищенную под пряного рассола селедку (лучше атлантического улова — она икристее) употребляли, но и теоретизировали о содержании писчебумажного искусства, касаясь высоких материй. Зачастую высказывались здравые мысли о перенесении идеалов на почву практической полезности, что положена в основание всякой лесной обобщественности. Иногда в восторженном полете фантазий, обычно после пятой-седьмой стопок, до таких эмпиреев договаривались, что Лев — наравне со всеми угощающийся, но по причине наложенного на него подполковничьего чина не расслабляющийся — опасно прикрывал отворенную для вентиляционной свежести присутственного места форточку и призывал к вящей благо-

* Выдающиеся итальянские политические мыслители, писатели и моральные эссеисты конца XV — начала XVI вв. (прим. ред.).

намеренности: «Что-то, братцы писари, лошаковским задором у нас запахло. Или рябчики карманы жгут? Наскучило получать присвоенное содержание, а? Так-то, лучше нишкни. Время хоть на дворе стоит благодушное по общему климату, но ведь всегда по нашей лесной докуче невинный как раз за виноватого сойдет!»

На такое отеческое остережение грубый Степной Волк, изрядно ободренный очищенной, с шутейной сурьезностью обыкновенно именовал Льва душителем общественного цветения и уполномоченным Третьего отделения известной канцелярии. И нарочито восторженным голосом исполнял соло и а капелло героическую песнь о Стальном Барсе.

Главный редактор провинциального литературного журнала «Речные зори» Яцышен Андреян Макарьевич совсем отчаялся заинтересовать губернские власти полезностью своего издания для поднятия культуры и образования вверенной этим властям губернии. Вроде как все власти — и законодательная, и исполнительная — не отрицают этой полезности, но участвовать финансово в издании журнала все как-то не получается: администрация кивает на думу, а думцы, ссылаясь на укрепление вертикали власти, все на администрацию валят. Словом, круг замкнулся, никто не хочет помочь инициативнику Андреяну Макарьевичу. Ладно, власти, у них забот полным полно: как, не отвлекаясь на капитальное строительство и ремонт коммуникаций, что хлопотно, долго и не броско для высоких проверяющих комиссий, поскорее истратить спущенные сверху от нефтедолларовых щедрот. Но даже собратья-литераторы в лучшем случае не замечают журнала, чтобы, не дай бог, Яцышен не привлек их к редакционным работам, а другие и вовсе вредительством занимаются. Политико-эротический романист Сухариков пасквили на журнал и на Яцышена в заводских многотиражках тискают, а историко-порнографический сочинитель Омшаников все обижается: дескать, не упрощивают его опубликовать в журнале трехтомную «Песню о коршуне». И вообще какие-то явно клинические личности, члены писательского союза, надоедают.

Тяжелое это дело, современную литературную ниву возделывать!

...На сей же раз, уловив в предложенной Львом дискуссии сакраментальное числительное «три», начал отвлекаться на противоречие повсеместного и радикального отрезвления лесного народа с идущей еще от князя Владимира традиционностью питья «на троих». Лев все же попытался вернуть русло общей настроенности к преимущественности трехчастного дробления романтических сочинений, но растворилась дверь, в которую вошли обсыпанные крупнохлопчатым снегом Барсук Песенник и за ним с овчарной собакой на постромке здоровенный усатый цыган в длиннополой драповой шинели с каракулевым воротником, что в лесном народе шутейно называют «гроб с каракулем». Цыган изумленно таращился, сверкая белками выпученных глаз и явственно шевеля иссиня-черными усищами. Овчарка же, заметив на столе порезанную на газете колбасу, уважительно взмахнула хвостом. Известно дело, цыган лошадей через два дня на третий кормит, не говоря уж о собаке...

Барсук тем временем выставлял из своей дорожной сумы полуштофные бутылки и рассказывал о встрече с родственной по песенной приязни цыганской душой, рекомендуя обилетить оную душу, а собаку поставить на довольствие Тулуписа, проведя в окладных листах, что ежемесячно отпечатывает на ундервуде Птица-Секретарь, по графе сторожа тулуписовского присутствия.

...Даже давешний герой дня Лось, лишь недавно приобщенный к лику писарей, сообразил: сдружившиеся на почве приязни к стихотворно-песенному искусству Барсук с цыганом (обнеся собаку) на уличном снежном просторе распили-таки полуштоф. Вот его и понесло на человеколюбство и всеобщее доброжелательство после превышения регламентной для природы нормы. Хотя бы и высокой, как у бывшего шахтерского углекопателя.

...Долго потом цыган, сначала детишкам, потом и подрастающим внукам долгими зимними вечерами рассказывал у каминного огня (был он оседлым, в лихоимные «девятьности» соорудившим для семейства двухэтажный шатер с мезонином и флигелем — рябчики за торговлю опиумным маком) о далеком времени обобществления. Наиярчайшим воспоминанием у него выходило случайное знакомство с обитателями то ли богоугодного заведения для душевно больных, а может и какого присутствия по непонятой им, слабограмотным (только надписи на рябчиках разбирал по складам) ромалэ, чиновной принадлежности. Веселые и нетрезвые обитатели этого заведения все зазывали его и собаку Рекса куда-то записаться согласно табели о рангах, угощали очищенной, а Рекса краковской колбасой. Старшой же их лев, хотя по обличью медведь, все предлагал ему сыграть в древнеиндийскую игру в маленькие фигурные цапки, настаивая, что-де Индийское плоскогорье суть родина их, ромалэй. «Хорошо, внучата мои, ноги мы с Рексом сумели унести, а то бы привели в полную нетрезвость и сожрали на закуску!»

♦ «Какую натуру из самой гущи лесной жизни я вам нашел! — зашелся в восторге Барсук Песенник, когда затворилась дверь за ошарашенным цыганом и изумленным псом, — прямо тебе, к примеру, Степной Волк: садись за стол, запасшись стопкой дестей бумаги и пуком гусиных перьев, и сочиняй романище аж в двух томах! Сам понимаешь, в *Нашем лесу*, особливо в столицах и университетских центрах, на ура привечаются сочинения о малых классификационных — по Линнею — семействах лесных обитателей. Потому и гонорарные оклады за них начисляются по верхней табельной ставке». — «Спасибо тебе, брат Барсук, на добром слове. Отрезвишься, сам поймешь, что глупость сморозил. Свято место пусто не бывает, а по части цыган даже в нашем Тулуписе оно давно занято по рифмовальной части! Зачем же я стану трудовой приварок у Дрозда отымать?» Присутствующие с Волком согласились. Разлили по очередной.

Действительно, не обиженный музами Каллиопой, Эрато и Эвтерпой в рифмовании и чувственной предметности Дрозд, известный и в соседних лесных губерниях,

еще до писарского обилечивания тискал в обоих тулуповских курантах недурственные лирические вирши, указывая в скобках после своего прозвища: *перевод с цыганского*. Сочинительский и просто читающий народ посмеивались, но обилеченные писари, хорошо знающие гонорарные таблицы, мигом сообразили в чем тут дело, начали приставать к Дрозду: укажи-ка нам на такового способного к сочинительству цыгана? И откель ты сам-то цыганское наречие ведаешь дабы переводить?

Дрозд неопределенно отвечал, что цыган тот кочевой, таборный, дескать, «цыганы вольною толпою по Бессарабии кочуют», встречи наши случайны, когда он, Дрозд, одержимый муками творения, «обходя леса и веси...» и прочие благодушные байки рассказывал. Переводы же он рифмует по подстрочнику, который с оригинальной записи для Дрозда за умеренную плату делает знакомый ему тулуповский цыган — оседлый и грамотный. Собратья по перу, выслушав оные благоглупости, с серьезным видом соглашались кивали головами.

Обычно после допроса Дрозда писари из очень грамотных, окончивших курс Высшего писарского училища, пускались в исторические реминисценции. Сейчас, мол, некоторые ловкачи — не указывая конкретно на Дрозда, но соблюдая аглицкое правило: беседующие джентльмены не имеют в виду присутствующих — свои вирши подписывают аки перевод с какого-либо диковинного для лесного обитателя наречия, за что им ставку построчную в рябчиках повышенную уплачивают в курантах. Но и они не первые шельмовству такому ход в писарском обиходе дали. Здесь пальму первенства держат классики из Галльского леса, обитатели которого признанно самые охочие до рябчиков изо всей Европы. Здесь почин дал Дюма-пер, указав своим писарям-«неграм» как можно более вводить в повествования строк прямой речи из одного-двух слов. В те времена в Галльском лесу издательские учреждения и за прозу начисляли ихние рябчики построчно.

Но и наши, особенно из рифмовального сочинительства которые, в начале этого века все пробовали побольше рябчиков из издателей-книгопродавцов вытянуть. В этом соревновательном действе издатели шли на полшага вперед, но поэтические сочинители не зевали, не благодумствовали в своих лавровых венках, но тотчас, как народ молодой и подвижный, настигали рябчикодателей. Как только те и другие не ловчили! Введут издатели таксу оплаты построчно — тут же Маяковский с сотоварищи из футуристов, а за ними дадаисты и ничевоки, начинают сочинять «лесенкой» — по одному-два слова в строке. Дескать, по строкам как по лестнице они взбираются к идеалам свободы и общественности. Огорчатся донельзя издатели из того же «Мусагета» и «Шиповника», перекинутся на зайчиковый тариф по числу букв в строке, но не тут-то было! В сей же миг даже серьезный Михаил Кузмин, аки человек-колюбец, вспыхивает к архаичному александрийскому стиху, в котором строки столь длинны, что еле умещаются по ширине страницы.

...Много тому примеров в мировом и нашем сочинительстве. Нет, конечно, не рябчиковая ставка первенствует и лежит в основании всякого писчебумажного творчества. Упаси бог так полагать! Было бы такое, так ко всем словесным творцам можно отнести пютчевские слова:

*Теперь тебе не до стихов,
О, слово русское, родное!*

Нет, семижды семи нет! Серьезный сочинитель, а не случайный попутчик муз источников Иппокрена и Кастальского ключа (дескать, придет иногда идея в голову что-либо сочинить этакое *a la* Хлестаков), беззаветно отдается своим творческим ощущениям, порой даже отгоняя навязчивые мечтания о Скрижалях. Но для покой-

ного, рассудительного творения высоких истин в приближении к идеалам добра и справедливости голова, руки и ноги (они лишь волка кормят...) сочинителя не должны отвлекаться на предмет добывания продовольствования, обмундирования партикулярного, прогонных и представительских — для публичности потребной. По такой раскладке рябчики для творца писчебумажного искусства суть не роскошь и баловство, но приравниваются к гусиному перу («Я хочу чтоб к штыку приравнили перо!»), то бишь есть оружие производства. Здесь даже Карла Маркс не возразит, будучи создателем науки о накоплении и распределении богатств. В таком свете погоня за числом рябчиков за строку или букву представляется вовсе не хитроумием, но лишь дитяческой попыткой стать менее зависимым от обстоятельств обыденной жизни в части продовольствования и иже с ним связанного. И только. Наитие по ребяческой наивности. Да и дураком, каковых даже в церкви бьют, в обыденной жизни вовсе не следует быть.

...После удаления из присутствия Тулуписа озадаченного цыгана с верным Рексом Лев все же сумел призвать развеселившихся писарей к серьезной пристойности и вновь повернул их мысли к теории сочинительства в части соображений о предпочтительной трехчастности действия романа. Свои утверждения Лев основал на том, что троица есть основание всякого дела: от церковного до обобществленного писарского: «...Первая, заглавная часть романа открывает читателю перспективу самого сюжетного действия, каковое и свершается в основе своей во второй части. Завершающая же предуготовляет слабограмотного к «опусканию занавеса», а вдумчивого к восприятию морального, нравственного урока, преподанного чтением и...». Здесь грубый Степной Волк возник поперек рассуждений умничающего Льва в том наклонении, что «вот Достоевский тебя не слушал, наверное, просяживая в Баден-Баден гонорарий за «Игрока», потому самый свой гениальный роман «Братья Карамазовы» сочинил не в трех, а в четырех частях. Да еще с эпилогом! И морализующий стержень, то есть легенду о Великом инквизиторе не в окончание вставил, явно не следуя твоему совету, а во вторую главу. Так у кого учиться будем: у Федора Михайловича или у тебя, Лев?»

Только Степной Волк упомянул о Великом инквизиторе, как во внезапно захватившей тулуписовское присутствие пронзительной тишине, при наглухо закрытых входной двери и оконной форточке, на оробевших от непонятого еще предчувствия повеяло зябким холодом, а в ушах глухо зарокотал незнакомый им голос, как из преисподни:

*В великопных автодафе
Сжигали злых еретиков.*

Не успели потерявшие дар словоохотливой речи писари сообразиться настоящим моментом, как заскрипела (кстати, обычно бесшумная; петли ее Лев самолично раз в полгода по-хозяйски смазывал) тягучи дверь и... в комнату присутствия вошел Великий инквизитор.

...Вплоть до отмены обобществления, когда воочию начали сбываться вещи предсказания Великого инквизитора, присутствовавшие в тот достопамятный вечер у Льва тулуповские писари и в полной отрезвленности, и в различной хмельной наглядности без конца обсуждали: что же тогда с ними такое приключилось? Кто-то склонялся к общему гипнотизму, произведенному предбывшим перед видением Великого инквизитора цыганом, обиженным неприятием в писари. Известно дело, цыгане могут кого угодно околдовать; цыганки-гадальщицы тому понятный всем манер. Опять же издавна лесной народ подозрение на ромэлов держит в части их кумовства с тайными силами. Сам Лев склонялся осторожно к переусердствованию своих подо-

печных в сочинительстве романов и поэм с вольнолюбивым, изуточно властью дозволенным уклоном в сторону всяких небылиц, что и побуждает к проявлению лишних чувств, мыслей и гражданской совестливости. Понятно дело, Лев рассуждал туманно, но по пристойности; наложенный на него чин обязывал...

И другие мнения глубокомысленно излагались. Только на очищенную в полуштофовых никто не грешил: в эпоху обобществления с монополюшкой строго регламент держали. И в лавках, а тем паче у целовальников в трактирах. Это все потом появилось, когда с лихоимных «девяностых» начали отравлять пьющий лесной народ.

Point sur les "i" поставил Степной Волк, оживив грамотных писарей, что прослушали курс Высшего писарского училища, потому не только «Преступление и наказание» по гимназическому расписанию прочитавшие, но и другие романы Федора Михайловича. «А вспомните «Братьев Карамазовых», после упоминания которого в тот вечер и случилось видение Великого инквизитора? Алеша Карамазов возражает брату Ивану, что-де встреча Христа с Великим инквизитом в шестнадцатом веке в Севилье не могла иметь места быть, коль скоро не отражена она в святоотеческих и цивилизных писаниях. Иван же, равнодушный к церковным догматам и историческим сочинениям, где всяк автор протаскивает, сообразно своим встревоженным бессознательностью мыслям, нужную ему идею, чаще *idea fix*, успокоил брата. Почему бы это не считать просто фантазированием досужего сочинителя легенды? Или дряхлому умом и плотью в свои девяносто лет Великому инквизитору его же собственные тайные мысли о подпадении еще восемь веков тому назад христианства во власть Князя мира сего, то есть Антихриста, приобрели предметность в воображаемом монологе его перед Христом, не проронившим ни единого слова? Ведь суть-то легенды не собственно в фантазмагории невероятного посещения Христом Севильи вдрюгодень — после сожжения на костре сразу ста еретиков и его встречи с Великим инквизитом, но совсем в ином, о чем только что было говорено.

Сомнения не покинули Алешу Карамазова, но предуготовили его к рассказу брата Ивана.

Так и мы, якобы лицезревшие в достопамятный зимний вечер явление Великого инквизитора, не будем ломать головы догадками, благо оные, в смысле головы, на другое дело нам даны, но воспримем все как есть: голос *de profundis* о наступлении скорой для нас, писарей, поры полного ничтожества... увы».

Все и согласились с разумными доводами многомудрого Степного Волка.

♦ Вошедший Великий инквизитор по немислимой дряхлости своих лет имел наружность иссохшей просмоленной египетской мумии. Комната вмиг наполнилась ароматической затхлостью слежалых восточных специй, что наблюдается в лавке колониальных пряностей жарким летом. Хорошо зная не меняющийся столетиями писарский обиход, Великий инквизитор достал из полураспахнутой полы плаща квадратную четвертную бутылку, покрытую патиной древности, в которой тяжело переливалась густая малага; поставил с приличествующим пристуком на пиршественный стол со словами: «Это вам привет от собрата по сочинительству Мигеля Сервантеса де Сааведра». Востроглазый и сметливый по части компанейства Пушистый Котик мигом подставил обтянутое дерматином полукреслице, смахнув с него невидимую пыль. Великий инквизитор поблагодарил опусканием сморщенных временем век и начал свой монолог.

«Люди вы грамоте знающие изрядно. Потому не буду передавать вам сказанного мною четыреста лет назад в Севилье Христу, посетившему наш грешный мир. Ваш великий Достоевский все верно передал в «Братьях Карамазовых». А кто не успел прочесть роман, увлеченный зарабатыванием рябчиков, тому сообщу основную мысль, вывод из моего монолога, донесенного до Спасителя. Даже не своими словами, но Бер-

дьява, вашего же леса религиозно-философского мыслителя: *«Бог открывает себя миру, но Он не управляет этим миром. Этим миром управляет князь мира сего»*.

Такое управление, отсчитывая от сего дня, вступило в полномочную силу тысяча двести лет тому назад. Но только сейчас слуги Князя мира сего, в числе которых я далеко не из последнего десятка, можем сказать притчей: не тот пахарь, кто много пашет, но тот, кто любит на поднятую им пашню. Под водительством Князя Антихриста мы уже сам-пятьдесят урожай наш собираем, не выказывая ни малейшего сочувствия к тревогам и тоске уходящего в полное небытие мира забываемой христианской морали, что некогда после Нагорной проповеди Христа, она же Заповеди блаженств Нового Завета, так вдохновила человечество. Увы, все доброе в подлунном мире преходяще. Потому четыреста лет назад и продлил Князь мира сего мою земную жизнь, обратив ее в вековечную, что надобность во мне возрастает век от века. И именование мое сейчас иное: *Великий глобализатор*. Но поскольку такое тавро лишь к окончанию сего тысячелетия, до которого ничтожное по историческому измерению число лет осталось, войдет в обиход, то для вас остаюсь пока Великим инквизитором.

За спиной каждого несправедливо живущего стоит черт, житель преисподней. Примерно так святое Евангелие выражает свое отношение к институту частной собственности. То есть каноническое христианство, православие особенно, совершенно однозначно относит ее к проявлению в человеке темных сил от Антихриста. Идеал нравственного человека по Христу — это указание совершенствования людей и общества в целом на многие века и тысячелетия вперед. Преодолев инстинкт частнособственничества, человек перестает быть биологическим видом, животным и начинает выполнять ту миссию, для которой он и был создан всей предшествующей эволюцией. Это почти удалось в краткой истории СССР, но Антихрист (временно) одержал победу руками своих верных клеветов на Земле — «атлантистов» Запада, исповедующих извращенное Кальвиным христианство; основной завет протестантизма: Господь любит только избранных, а таковых отличает исключительно большое личное богатство.

Дай бог нашему теленку волка съесть, как говорят в вашем лесу, испытывая сомнения в провидческих словах, но явился я к вам не с предостережением, каковое всегда глупо звучит для живущих и одним днем, и незыблемой верой в некие светлые идеалы, что положены в основание всякой общности... у вас даже обобществленности. Нет, по регламенту канцелярии Князя обхожу шар земной, вхожу в гущу его обитателей, в разные присутствия навроде вашего, в счастливые и нестройные семьи, в парадные подъезды правителей и чинов первых классов, в трущобы и чащобы живущих первобытно, к последнему нищему и самому богатому на земле. Вхожу и рассказываю, как вам сейчас, о скором явном, ибо неявен он давно, пришествии Князя Антихриста с умерщвлением даже робких воспоминаний о Христовой морали.

Опять же это вовсе не антихристово «просветительство», но поручено мне ответственным за то столоначальником департаментской канцелярии Князя таковыми пробами определять готовность мира к окончательному отходу от христианских правил жизнеустройства в преддверии перехода под полную и явную державность Антихриста. Учитывая разношерстность моих слушателей, я и ориентир держу на их интересы. Для вас, всенесомненно, на эмпирии и практическую предметность сочинительства в наступающую эпоху.

...Как в нашем с Христом свидании в Севилье шестнадцатого века, убеждаю вас речь мою не прерывать разного рода вопросами, эмоциями и всякими иными междометиями, коль скоро они по существу зазвучали бы благоглупостями. Ибо я знаю все наперед в ходе Истории, вы же суть сущие неразумные дети, ибо всякому живущему законами ее, Истории, не дано даже в нулевом приближении, как выражаются натуральные философы, то есть упражняющиеся в математике, догадываться о бытии внуков... не говоря о правнуках. Итак, слушайте. Степному же Волку не должно злоупотреблять подаркам великого и наивного Мигеля Сервантеса де Сааведра. Успеется еще на наших с вами росстанях.

♦ Хотя вы и не столь великие, лишь в потаенных мечтаниях обозревающие окрестности Скрижалей, но столь же наивны, как и мой севильский земляк Сервантес. Творите себе по отпущенной матерью-природой мере брызг-таланта Кастальского ключа и источников Ипокрена; удовольствие, что не ведомо большинству лесного народа, от сочинительства имеете вдосталь, да и на продовольствование с прогонными и подъемными умеренно, как то принято в вашем обобществленном мире, рябчиков от курантов и издательских заведений получаете... и не задумываетесь: почему вам *единственным* на земле такая благодать положена и сколь еще по быстротекущему времени сие продлится?

Знаю, возражение припасено: Горькоусый Морж убедил Стального Барса в благоденственной пользе всяческой поддержки писарства как блага, необходимого для развития и цветения обобществленности. Что ж, соглашусь сообразно такому извороту течения Истории. Отчего я говорю об этом с видимым огорчением голоса? — Да по той причине, что появление *Вашего леса* с первенством Марксова обобществления и объявлением всякой собственности сверх положенного регламента умеренного содержания есть прямое потрясение основ и подрывания устоев царства Князя мира сего, которому я подчинен, что сложились во всех умах и общности тысячелетие с лихвой назад, о чем я и сказал Христу во время той достопамятной встречи, воспроизведенной великим вашим Достоевским. И Великий бунт *Вашего леса*, случивший еще до появления на свет большинства из вас, хотя бы на время и далеко не во всем земном мире повернул нравственный, моральный эдикт Истории вспять? Это стало сродни второму пришествию Христовой веры в уже давно отвоєванный у него Князем мира сего ареал духовного властвования. Вдругорядь после давних проповедей Христа «не хлебом единым жив» в *Вашем лесу*, спустя две тысячи лет, зазвучали

призывы к исполнению заповедей Нагорной проповеди, хотя бы они и были наречены по-другому: о следовании морали (читай — Христовой) обобщественности. И здесь не пресловутое «читаешь книгу, а видишь фигу», но точнее следование в иных словах примату свободы духа над телесностью, то есть над хлебом и дающим оный в искушении отказа от такой свободы. Как Христос в своей земной жизни богочеловека отверг в пустыне три искушения Князя мира сего, так и ваш обобществленный лесной житель не преступает нормы христианской морали. Если бы и хотел поменять свободу своего духа на дармовой хлеб и рябчики (а слаб по натуре земной обитатель!), то прочные устои общественности не позволят. Крепко заложено в обобществленных головах: «рад бы в рай, да грехи не пускают» и «скорее верблюд пройдет через игольное ушко, нежели богатый попадет в рай».

Да чего это я вас, многомудрых, на худой конец многохитроумных, на обобщественную жизнь склоняю! Сами все, почитай от младенчества, ведаете. Здесь важен вопрос иной: зачем Истории, для которой и Христос с его Св. Троицей и Князь мира сего на одних фемидиных весах взвешиваются, то есть полностью беспристрастна она ко всем чувствованиям, идеалам и грехам... для чего потребовалось Истории в уже обустроенное под властвование Князя Антихриста течение жизни революционным манером вновь вводить исповедание на 1/6 части земной суши морального жизнеучения своего антипода Христа? Хотя бы, как уже сказал и вам прекрасно ведомо, в другом лексиконе. Но это лишь Князю этот возвратный кульбит нужен, как после ужина горчица. История же повелевает незримо надо всем и всея: Христом и Князем, душами и телами, великой свободой духа и неимоверным рабством воли, честностью и предательством, ибо она ведет все зоологические разновидности живых тварей — от мельчайшей тли до совершенства природного деяния, то есть человека — путем эволюции в только ей ведомом устремлении. Также же и в части свободы духа, не меняемой на дармовой хлеб, что лежит в основании всякой общественности.

Только не говорите, что История полностью и без оговорок признала правоту Марксова учения об обобщественном накоплении и распределении богатств! Этот изрядно ученый муж все верно и без обиняков поведал об обобщественности, к которой мир в некоторое, пока еще далекое, время оно неизбежно придет. Но только не в общественном цветении Марксовом с его золотыми нужниками, но в ином качестве: всеобщее и полное равенство, обеспеченность продовольствованием и допустимыми единым мировым регламентом телесными радостями, но — без личностной свободы, как ее проповедовал Христос. Словом, винтики-гаечки всемирной машины — как таковые на бумагопрядильных фабриках Иваново-Вознесенска, или как там он у вас сейчас именуется? Я не неграмотный в географии, просто предыдущий раз побывал в *Вашем лесу* век тому назад, когда, незримый, через плечо Федора Михайловича подглядывал, словно гимназист-приготовишка, в каком-то одушевлении и натурной действительности перо великого писателя и мыслителя вырисовывает мою парсуну. Мысли, конечно, тож.

Не по Марксу будет представлено будущее всемирное обобществление. Здесь в пору сказать: свят дух на землю, да диавол сквозь землю — но только не в том понимании предмета сей вашего леса присказки, что Христос в душах всегда побеждает Антихриста, но напротив: в грядущем всеземном обобществлении от заповедей христианства, упомянутого свят духа, остается только оболочка, лежащая в основании любой общественности, этакое механистическое соединение, каковое наблюдаем в животном, бездуховном мире, навроде муравейника, пчельника, а в местах иных климатов — термитника, в растительной природе — мшанник, кораллы в индийских морях. И для бывшей, увы, уже во многом и сейчас предбывшей, вершины творения природы — человека вашего же леса — глубинный философский писарь Зиновьев,

что сейчас в высылке в Немецтинскую дубраву, придумал его будущее поименование: *человекник*. Словом, охота смертная, да участь горькая...

Антихрист же, он же Князь мира сего, по департаменту коего и я, многогрешный, специальным чином удостоен, статут которого уже сообщил вам, по таковой при- сказке «сквозь землю» полагается зиждателем душ и тел, дающим хлеб взамен свободы духа, от которого все уже отказались, как я и говорил Христу четыреста лет назад в Севилье. Все и вся произрастают из земли, а Антихрист скрозь землю управляет всем и вся.

♦ Горька для всех нас, слуг Князя мира сего, была работа, да хлеб оказался сладок. Это я возвращаюсь к уже заданному себе самому вопросу: для чего Антихристу потребным стал опыт с обобществлением на некий срок *Вашего леса*? Это вовсе не была *error legis*... извините меня за проскакивающие в речи латинизмы — с юных лет привык говорить на языке церкви Св. Петра — словом, это вовсе не было ошибкой, обусловленной и связанной с законом Истории, движение которой суть поиск магистрального пути с постоянными отклонениями на ложные и тупиковые тропинки. Нет, конечно. У закона Истории ошибок по определению выискать невозможно!

Как и История, не ошибался Маркс, провозгласив: только всем обитаемым миром можно перейти в обобществленную действительность! Поневоле — а куда деваться! — «поправили» его Великий Тигр и Стальной Барс, раз уж История поставила в *Вашем лесу*, отдельно взятом, свой опыт обобществления. Опять же это ее, Истории, была пробная тропинка наперед еще не налаженного широкого тракта: без выверенного направления, по которому когда-то будут мчаться на перекладных фельдкурьеры, на своих парных и тройках баре, рекрутов повезут одиночными на доходягах, оброчники в пешем порядке потянутся на городской заработок, уланы и гусары в лихих усах погарцуют поэскадронно, нищий с сумой обочиной потащится туда, где хлебно подают Христа ради милостливцы... Еще не поставлены ямские подставы, не срублены придорожные трактиры и сугревные в морозные зимы кабаки, перед которыми безо всякой выучки, явно жалея своего замерзшего ямщика, останавливаются, как стреноженные, лошадки.

Вот эта-то пробная тропинка обобществления волею движательницы мира Истории и пролегла через *Ваш лес*, каковой показался ей самым удачным для задуманного предприятия. Оно же идеей и наглядным предметом имело показать саму возможность и достоверность обобщественного проживания — для будущего всемирного творения. В то же время наглядность эта должна свидетельствовать, что грядущая всепланетная обобщественность не может осуществиться под звездой Христовой морали, как сугубо первенствующей. И даже не под знаком соревновательности в двуумирате Христос — Антихрист, как то следовало бы из диалектической науки неметчинского философского сочинителя Гегеля, на которую опирался Карла Маркс, создавая учение об обобщественном накоплении и распределении богатств.

Увы, для вас, уверовавших в Гегеля и Маркса, соревновательность эта, как я сказал Христу в Севилье, завершилась уже много-много веков назад. С тех пор и по сей- час, и далее вперед мир идет к обобщественности механической, о чем я только что говорил, не Христовой, и не Марксовой, но под знаменем Князя мира сего! В том и сущность опыта Истории над Вашим лесом, дабы в иезуитской манере — не забывайте, я емь Великий инквизитор и мне поручен был оный перевести от Марксовых эмпирей на почву 1/6 части земной суши! — что есть высшая логика, показать: обобществление есть не бесформенное чаяние, но предусмотренная Историей будущность земного бытия. Но таковое возможно только лишь для всех и вся — здесь и Марксова правота! — при этом душевная свобода изничтожается в обмен на регламентированный хлеб, равно как Христова мораль, заменяемая на более низшую, вет-

хозаветную мораль запретов. Все станут равны в грядущем человеинике, но то единообразия тли. «Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной!»*.

Ваш же лес уже скоро исполнит predeterminedенную ему Историей горькую судьбину, и разрушена будет его Марксова и Христова благонравная обобщественность. И пойдете вы в едином строю в диспозиции общественного человеиника. Разрушат же внешние и внутренние супостаты. Даже поначалу обезумевшие обыватели, не соображая, что имеем не жалеем, потерявши слезы льем, восторженно будут повторять вослед за кукловодами из моего департамента: суконце-то не издалось, или издалось не порно.** И вы же, писари, даже без рябчиковой приманки, станете в азарте поносить вскормившую вас настоящим манерам эпоху общественного цветения! Даже я, Великий инквизитор, в лучшие свои времена отправлявший в один день на костер автодафе до сотни грешников, стану в не столь уж отдаленные времена почти что негодовать на безумство отрекающихся от идеалов и предметной содержательности ушедшей эпохи обобщественности в канонах Христовых заповедей и порой про себя повторять: бойся Вышнего, не говорит лишнего... не клевети на прошлое без основания на то. Истинно сказано древними мудрецами: *fragilitas humana* — непочина человеческая природа! Вы же суть человека в зверином звании и чинах... Как дитя малое для его будущей благовоспитанности сечь потребно умеренно, так и вас, забывчивых, палками надо было не забывать порой отхаживать. Палка-то нема, зато дает ума!

Вас, писарей, мне особенно жалко: в человеинике надобность наличия вашего исчезнет. И Леспис с приданными ему губернскими «писами» выполнит в скорое время установленный им Стальным Барсом и Горькоусым Моржом нравоучительный урок. Извиняюсь за преждевременные ваши похорóны. *Dixi****».

В наступившей зловещей тишине Великий инквизитор приблизился к пиршественному писарскому столу, налил из принесенной бутылки полный, «с мениском», граненый стакан малаги многовековой выдержки, молча, как то принято на поминках, выпил до донца, отрешенным взглядом старческих немигающих глаз осмотрел присутствующих и вышел в дверь — в занимающуюся к ночи белесую пургу.

Оцепенение не покидало вмиг отрезвевших писарей. Со стороны окна, в стекла которого, то усиливаясь, то ослабевая, ударили заряды расходившейся пурги — а может едино в мятущихся головах? — раздался громкий, речитативный голос из Неведомого:

*К концу идет повествованье наше
О днях утех, о днях трудов.
Пускай порой наш слог суров,
Но Смерть косою над миром машет.*

*Уделу жизни есть граница,
Пусть не смущает мистика и рок,
Я жизнь отображаю, не пророк,
Рискуя в обобщеньях повториться.*

*Еще звенит последняя струна
И не написана прощальная глава,
Но явствен признак увяданья.*

* Откровение Св. Иоанна Богослова (Апокалипсис), гл. 7, ст. 16 (прим. ред.).

** То есть оказалось плохим; здесь «порно» — не из нынешнего лексикона... (прим. ред.).

*** Я сказал (лат.). Этим словом Великий инквизитор завершает в «Братьях Карамазовых» свой монолог перед Христом, определяя его назавтра на костер (прим. ред.).

*Перелистни страницу, мой читатель,
А там — горчее валерьяны капель
И боль и оптимизм нелегкого прощанья.*

...Даже громогласный скандалист Степной Волк непривычным для него и окружающих срывающимся на фальцет тенорком пробормотал: «Вроде как и выпили-то с гулькин нос, а вот нас разобрало и к единому знаменателю привело...». Лев сдержанно рекомендовал не увлекаться раздумьями о слишком далеком будущем, в котором, всенесомненно, по-прежнему останется место творческой — в рамках регламента — свободе, обеспеченности и полезной самодеятельности... но запутался в назиданиях и махнул на все лапой. Сами, дескать, по возможности умственной обеспеченности своих голов разбирайтесь.

Но здесь взоры всех присутствующих пересеклись, как батарейный пушечный огонь в баталии по единой супротивной цели, на принесенной Великим инквизитором бутылки. Степной Волк подошел к ней, наклонился над горлышком, осторожно вдохнул хищно и вождельно расширившимися ноздрями. Чуток подумал и налил четверть стакана, пригубил, почмокал гурмански губами и допил малый остаток. Затем наполнил уже целиковый граненый, ввел в три глотка в утробу организма, закурил маринованным пупырчатым огурчиком. «Налегай, ребята!» — и разлил уже по всем питьевым посудинам.

...Ко времени, когда немалой емкости, где-то между четвертью и полуведром, бутылка сервантесовской малаги показала свое донце, зашумевшие и порозовевшие лицами писари и вовсе забыли о мрачном визитере к ночи. Лев таки успел закончить свои соображения о преимуществе трехчастного построения романтических сочинений. С оными все дружелюбно выразили согласие и начали собираться: в гостях, мол, хорошо, да время позднее, дома жены и детушки заждались. Облачились в шубы и зимние полукафтаны, перепоясались, нахлобучили на головы поярковые шапки, натянули на лапы меховые рукавицы и вышли на метель, в коей и рассеялись: кому куда брести по наметенным сугробам.

♦ Скучно и грустно черкать гусиным пером, переводя дести бумаги на унылые годы, растянувшиеся на два десятилетия с лишком, повествуя о все более впадающем в ничтожество житье писарей, предвещенном тем далеким вьюжным вечером Великим инквизитором. Обобщественность в *Нашем лесу* единым напором внешних и внутренних супостатов заменилась лихоимным частнособственничеством, апологеты которого радикально отрезвили лесного обывателя, попутно поголовно ослобонив оных от ненужных теперь излишних чувствований, мыслей и совести. Радовались пришествию новых времен только торговцы... в числе прочего и названной совестью. *Гостинодворцы китайский товар раскладывали и ожидали оживления промышленности.**

Поначалу все радовались в ожидании реформ, дескать, наконец-то насытимся «шекснинской стерлядью золотой!» Насупротив, в лихоимные «девяностые» еды прежней, привольной, и вовсе не стало. Рябчики тискали уже на миллионных бумажках. Наконец и вождельные реформы пришли, началось окончательное разоренье. А ведь предупреждали, у которых мозги в головах еще не выветрились: вот уж, придут реформы, узнаете, как кузькину мать (она же теща) зовут! Потом окладные листы на налоги все длиннее и длиннее начали становиться. «Нельзя по нынешнему времени не воровать!» — твердил ополоумевший обыватель, — другие, мол, миллиарды

* Да устыдится тот, кто плохо об этом подумает.— Что-то вроде этого взято девизом одной из высших наград Британии ордена Подвязки... И автора не упрекайте в нигилизме: это аутентичный текст из «Сказок» Салтыкова-Щедрина (прим. ред.).

крадут, и все им как с гуся вода, так неужто и нам рябчик-другой не стащить...». Потребовалось лесному обывателю новое, диковинное, ранее неизведанное — так все из чужестранных лесов и прерий навалом за светильных газ и горюч-камень с керосином начали привозить. Ну-у, это у всех на слуху, нечего гусиные перья и дорогие нынче железисто-галлусовые чернила переводить...

Но как же писари вообще и наши тудуповцы в особливости? — Да так, что все сбылось, как Великий инквизитор предвещал. Нет теперь в них потребности: лесной обыватель книги читать разучился напрочь, а слово «гонорарий» самими писарями давно и напрочь забыто.

У Лесписа все его имущество лихие людишки пограбили, да и объявилось этих «писов» неимоверное число. Тулупис же совсем в ничтожество впал — почти что одно наименование в памяти редких числом обывателей еще пока держится. По привычке и свойству пожилых людей: хорошо помнить все далекое от текущего дня. Отобрали у Тулуписа уютный, еще при Царе Горохе сооруженный, особнячок с каминным залом, переселили в комнатенку списанного на снос барака.

Философический доцент Енукидзе в начале 90-х годов, когда в университете грошовую зарплату выплачивали неаккуратно, по наущению супруги приторговывал пирожками вразнос, отрастив для неузнаваемости знакомыми бороду и стараясь стоять в местах подальше от alta mater. Вкусные пирожки с квашеной капустой и картошкой со шкварками пекла искусница Нина-ханум, а сам доцент имел мужественный вид горца и зычный голос. Торговля шла хорошо. Поначалу все свое внимание он сосредоточивал на работе: боялся передать сдачу, внимательно выслушивал покупателей... Но скоро эту профессию освоил, все делал машинально. Появилось время для высоких мыслей. Думал он: все философии досужие немцы изобрели, но все ли? Вот встретил он как-то на научном симпозиуме профессора Ореховского из Новосибирска — так тот создает философию ответственности. А вот он, Енукидзе, займется философией личной жизни человека. Полгода торговли разрабатывал ее, а уложился она в три тезиса: во-первых, следует довольствоваться малым, но стараться сделать жизнь комфортнее, однако не ставить это целью самой жизни; во-вторых, нужно «выбиваться в люди», но не расталкивая никого плечами; наконец, желательно всегда любить женщин — конкретно и полигамно, но никогда не слушать их якобы мудрых советов.

...Стоит коломенской верстой Енукидзе на площади между проходными двух заводов, славой бывшего советского военно-промышленного комплекса и зычно рокошет: «Граждане-товарищи! Кушайте пирожки с капустой и картошкой! Ведь на этих овощах тысячу лет Россия стояла и крепла. И вы выстоите в свалившейся на вас напасти!»

...Стоит коломенской верстой Енукидзе на площади между проходными двух заводов, славой бывшего советского военно-промышленного комплекса и зычно рокошет: «Граждане-товарищи! Кушайте пирожки с капустой и картошкой! Ведь на этих овощах тысячу лет Россия стояла и крепла. И вы выстоите в свалившейся на вас напасти!»

О Скрижалях даже в горячечных снах не помышляют тулуписовцы. Давно никто не слушал курса Высшего писарского училища. Постепенно уходили из этого наилучшего из миров прежние писари. На их место приходили новые, слабо знающие грамоте и полагающие какое-либо совершенствование в сочинительстве излишним... раз за оное рябчики теперь не дают. Словом, к нынешним временам в Тулуписе возобладал уровень прежних фабрично-заводских стенгазетчиков. Писарское же обилечение потребно стало ныне только для титулования на вошедших в модный обиход визиточных карточках. Мало-помалу табельный лист Тулуписа заполнился прозвищами, вовсе неизвестными теми редкими обывателями, что еще по старинке читали книги. Все более появлялось обилеченных дородных зайчих в возрасте. Детушек своих они уже воспитали, а внучат им не всегда доверяли — по некоторой рассеянности характеров и склонности к посещению всевозможных общественных ассамблей. Научившись в наступившем свободном времяпрепровождении неловко рифмовать навроде «розы — морозы», оные осанистые пожилые дамы объявили свои парсуны поэтами и оформили эти утверждения писарскими билетами. Благо обилечиться стало до стыдливой неловкости просто. Бессменный на должности главы Тулуписа Лев благодушествовал и всю канцелярию поручил своему заместителю, по чину Ослу. Был тот по возрасту отчислен майором по интендантству, научился, опять же неловко, складывать рифмы, объявил себя эпическим пиитом. Но даже в либеральные и разболтанные лихоимные «девяностые» и в последующие годы, когда поименование писаря сделалось ругательным среди лесных обывателей, он только с третьего раза сумел пробаллотироваться в члены. Узрев недожинные интендантские дарования новообилеченного, дряхлеющий Лев и сосватал одного майора на должность Осла, как ответственного за все тулуписовские докуки, в числе которых и обилечение неопитов. В основном рифмователей, ибо для писания прозаических сочинений потребно много времени, пуков гусиных перьев и дестей писчей бумаги. В новом, частнособственническом *Нашем лесу* все это стоило немалых рябчиков.

Новоиспеченный же Осел и учредил при благодушном попустительстве Льва указанную простоту, обложив желающих обилечиться окладным листом в рябчиковом тарифе за вступление в чин писаря: Льву и себе на оклад содержания. «Визиточники» и воспитавшие деток «поэтессы» нестройными рядами потянулись в Тулупис. Всех брали по тарифу, за всех Осел перед Львом предстательствовал. Даже целыми коллектами вошедший в раж Осел начал обилечивать. Допустим, вспомнил как-то на досуге ставший в одночасье обладателем фабрик, заводов, курантов и прочего из бывшего обобществленного богатства Беркут по орнитологическому роду, что в III классе гимназии учитель изящной словесности раз похвалил его почерк в сочинении на заданную тему «Великий Тигр — рулевой обобществления», и возмечтал украсить свою визиточную карточку титулом писаря — как память о пионерском безмятежном отрочестве. Вспомнил и прибыл из своей районной чащобы в Тулупис. А для компанейства и деловых руководств по пути захватил собинного своего заместителя и длинноногую Лисичку-секретаршу. Выложил Беркут на стол Осла обандероленную пачку рябчиков — явно сверх тарифа. Осел же, слюнявя копыта, пересчитал рябчики — как раз на троих по окладу приходится — и всех прибывших из чащобы тотчас обилечили! Много еще каких живописных сцен в Тулуписе в эпоху Осла наблюдалось... Все таковые описывать — дестей бумаги не хватит.

Старого закала писари, еще помнившие внутренние и внешние сущности писчебумажного искусства, продолжали и без рябчиков, как раз навсегда втянувшиеся в оное дело, сочинительство. Один усердный Дятел все пробовал «Всеобщую историю Тулуповского леса» довести до наших дней. Но вот неудача! Только он *point sur les "i"* в своем сочинении свершит, описав подвиги нынешнего губернатора, как того на

съезжую и далее в узилище за взятки, либо по сомнительному рескрипту «по собственному желанию» отчислят по партикулярному реестру. Не везло Тулуповскому лесу с воеводами-губернаторами в наступившую частнособственническую эру. Кто-то с головой ушел в мемуары о былых сражениях.

В лихоимные «девяностые» некоторые ударились в сочинительство историко-порнографических опусов... Много чем еще от безделья, давней привычки и отсутствия рябчиков прежних лет фабрикация тулуповские писари отвлекались от наступивших суровых частнособственнических будней. Но пришел новый век, власть застрожала год от году. Хотя бы на низведенных в полное ничтожество писарей даже местные чиновники внимания никакого не обращали, но которые старой закалки по памяти, а новобранцы-стенгазетчики, особенно воспитавшие детушек поэтессы, нутряным опасливым чувствованием сообразили, что о современном состоянии общественных предметов лучше промолчать. Сочинять же о столь давних делах Истории, никаких писчебумажных свидетельств о коих не осталось. Поэтизировать же о «розах — морозах». Опять всплыло старинное правило: выше коллежского асессора чинов не трогать! Даже говоря о более ближней Истории, к примеру о Тулуповске XVI века, на которую тогда орда татарская посягала, наименование этой дружественной национальности заменять монголами! Все это легкие на подъем писари стенгазетного «призыва» воспринимали чуткими ушами — причем не только те, у кого уши выше лба растут.

...В конце концов деяния Осла от интендантства и попустительство одряхлевшего Льва вызвали возмущение еще имевшихся в наличии писарей старого закала. Совсем недавно обоих отрешили от чинов. Они ушли скандально. Может по сей причине в чиновных кругах по линии культуртрегерства смутно вспомнили о наличии в губернии писарей и назначили Львом Тулуписа доверенное и проверенное лицо.

Новый Лев природным своим многозначительным размышлением прикинул: писарство в Тулуповске, равно как и во всем частнособственническом *Нашем лесу*, сведено к полному ничтожеству, выродилось в артефакт Истории. Впрочем, как и во всем мире, где читать разучились и не видели проку в каком-либо поощрении вольнолюбивого — и даже *датского!* — сочинительства. К тому же имел Лев другие многообразные обязанности в чиновных кругах. Потому поступил архимудро, начав с самой процедуры приема его в писари: после единогласного голосования выставил щедро сивухи и жареных поросят, а сам, непьющий, три часа плясал впрыска с выходом и коленцами, играя на гармонии и распевая частушки.

Первым делом, хорошо усвоив административную грацию, он всех писарей поразил несказанно бурной деятельностью личного почина. Казенным коштом, используя разнообразие приятельств в административных кругах, заказал для нужд Тулуписа на Полотняном заводе бояр Гончаровых, что в соседней губернии, тысячу аршин тонкого выбеленного холста. Порезав оный на столбцы в сажень высотой, энергетический по натуре Лев, обладавший природным даром рифмования (бабка его известной знахаркой была), начертал на них железисто-галлусовыми чернилами вершковской величины буквицами свои стихосложения, одновременно душеполезные и благонамеренные. Объявив себя родоначальником нового писчебумажного искусства с поименованием «выставки стихов», Лев развесил столбцы с нравоучительным содержанием по всем урочищам и чащобам Тулуповского леса, а в губернском городе — на парадных входах присутственных мест, включая съезжую и узилище, а также в актовых залах городских университетов. Здесь следует заметить, что с заменой обобщественности на частнособственность в *Нашем лесу* все училища, присовокупно и двухклассные церковно-приходские, возвели себя в ранг университетов.

Поскольку же чистые холстяные столбцы еще оставались в наличии, то Лев сыскал толмачей, что переложили его творения на неведомые лесным обитателям (те-

перь заново *обывателям...*) диалекты, в коих буквицы пишутся как в зеркале: справа налево. На одном таком языке буквы напоминали следы птичьих лап на свежеспавшем снегу, на другом же литеры горбились как кошки перед собаками. Эти столбцы Лев попутным аэропланом отослал в назидание умиротворения в левантийскую пустыню, что обочь Святой Земли, где проистекали междуособные баталии, злодейски поощряемые правителями Заокеанских прерий. Со столбцами летал сам Лев, за что был отмечен воинской медалью.

Еще он поразил оробевших от столь бурной деятельности скромных тулуповских писарей написанием рифмованных поздравлений всем вновь заступающим или повторно утверждаемым чужеземным правителям, в том числе Заокеанских прерий и Блистательной Порты.

Поразив же воображение писарей, Лев возвратился к своим многообразным занятиям в губернской администрации, поручив сеять разумное, доброе, вечное в воображениях членов Тулуписа, окончательно поделившихся на «визиточников» и зайчих, воспитавших уже детушек, новоначинному Ослу, многоопытному и душепроницательному, и правлению. Однако же им недосуг было что-либо сеять на ниве «визиточников» и зайчих. Правленцев увлекло более полезное занятие: вытребывать — через благожелательное посредничество Льва — с культуртрегерского департамента губернской канцелярии различные грамоты и медали местного штампования, далее распределяя оные промеж себя. Особо ценилась та из них, что давала прибавку к пенсии в полтора рябчика (в живом весе — по орнитологии), но главное — похороны почившего обладателя медали в четвертом почетном ряду от главной тропинки местного погоста.

...Шло вроде как застывшее в серых буднях время. О писарях в Тулуповском лесу и вовсе забыли. И барак с бывшей резиденцией Тулуписа снесли — освобождали место для построения радением и капиталами первогильдейного купца Тофика самой большой в городе, сорокадвухэтажной лавки галантерейного и пищеварительного товару.

Быстро История стирает память о делах и событиях, не попавших на ее Скрижали. Тож и память о некогда бодрой действительности тулуповских писарей. И не вина их, предбывших, бывших и нынешних немногих, в таком забвении. Разбаловавшись всеобщим пиететам в эпоху обобществления, не смогли они встроиться в частнособственничество. Да и во всем мире сейчас деяниями Великого инквизитора, переназванного Великим глобализатором, надобность в писарях отпала: место слова заняла цифирь.

...Еже писах, писах. И вослед Великому инквизитору из романа Достоевского в окончании настоящей летописи скажем: *dixi*».

♦ Спустя полгода после передачи профессором Скородумовым писателю Бурцеву стилизованной под манеру письма Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина летописной истории тулуповской писательской музы они опять-таки случайно (случай по диалектике Гегеля есть объективация субъективного) встретились у входа в гостеприимную рюмочную «Наливай-ка!». Понятно дело, зашли и дружески засиделись на пару часиков.

— Ну как, Андрей Матвеевич, опубликовал свое творение?

— Да-а, напечатал в своей «Срединной России» в двух номерах, так сказать, с продолжением. И даже отдельной книжкой издал к грядущему юбилею нашей областной писательской организации...

— А чего ж изволите, достопочтенный, с этакой кислинкой в голосе о своем писательском успехе сообщать?

— Нет никакого успеха. Не в коня корм, как оказалось. Как в добром *нашем* чапавском анекдоте.

— Во-во, порадуй душу ностальгией!

— Кому ностальгия, а большинству — реальная жизнь. Значит, Петька интересуется у Чапаева: «Дескать, вчера Фурманов все горячился перед бойцами на политзанятиях насчет светлого будущего. А ты, Василь Иванович, как его себе видишь?» — «Хорошо, Петька, вижу. Вот разобьем беляков, консерваториев всюду понастроим. Будем самогон консервами закусьвать!»

— Понятно... хотя нет, ничего не понятно! Ведь в повествовании у тебя получилась, вопреки первоначальной задумке, вовсе не едкая щедринская сатира, но несколько грустное философствование, скорее сочувствие к современным избранникам муз, что выпало им жить в эпоху жестокой глобализации, разрушения СССР, перехода от социально ориентированного сообщества к самой дикой форме, *homo homine lupus est*, частнособственничества, накопительства и потребления. Я разве не прав?

— Прав, дражайший Игорь Васильевич, семижды семи прав. Поверишь ли? — На довольно общие и лично безотносительные аллегории навроде «стенгазетчиков», «визиточников» и «зайчих» никто и не думал дуться. Даже посмеялись дружелюбно. Обиделись, совсем для меня неожиданно, на другое: не нашли, каждый себя отдельно, в аллегориях этих. Хотя бы и обидных для самолюбия.

— Что ж ты хочешь, друг мой письменник, сознание людей нынешних «перезагружено», как принято в высоких политкругах выражаться, на рекламное мышление. А лучшая реклама — негатив! Допустим, не нашел он себя в твоих звериных и орнитологических аллегориях, но разве просто повесть о собратях по перу не интересно почитать? Всего-то под сотню страниц, как помнится, не «Война и мир» ведь?

— Ну ты, друг мой профессор, меня удивляешь! Кто же сейчас книжки, даже в сотню страниц, читает? В лучшем случае их *перелистывают* или *листают*. Опять же в дуду рекламе: красотка, в полупорно приодетая, лежит бочком на диванчике. В руке глянецкий журнал, в другой смартфон или какой-другой «фон». И вслух размышляет: «Чем бы заняться? Дэну позвонить или журнальчик *полистать*?»

Писатели же, уж позволь мне их прежним титулом именовать, и вовсе чужие, в смысле не свои, книги не раскрывают. Не потому что, как тот «чукча не читатель, чукча — писатель» из старого анекдота, круглые сутки заняты собственным сочинительством; нет, в них сейчас от писательства только членский билет. Чем-то они заняты... каждый своим. Писать, тем более читать, им недосуг. Я расскажу про предпринятый мною эксперимент, опыт по-русски, по проверке: читают — не читают, но прежде о реакции на «щедринскую» повесть и обиды за неупоминание.

Наш журнал курирует сразу три литературных альманаха, что издаются под эгидой «Срединной России» — как всероссийского. Редакторы их отмечают выход новых выпусков собранием литобщественности. И меня туда приглашают в качестве «патронирующего шефа». Обычно в такие места приходят дородные «поэтессы» — зайчихи, воспитавшие детушек, как у *меня* в повествовании — пообщаться друг с другом от домашней скукоты и назойливых приставаний неразумных еще внучат... На одни такие посиделки я принес стопку свежеизданного «Кастальского ключа» — еще без сегодняшнего нашего разговора, который *во втором издании* вставлю в качестве концовки. Положил в центре читального зала библиотеки, в которой обычно проводятся подобные «встречи авторов с читателями», в угол стола председательствующего: мол, налетай, подешевело! В смысле, окажите честь, задарма возьмите, детишкам и внукам вместо сказок-страшилок на ночь почитаете...

Поскольку у меня репутация изгоя, это как Северная Корея, Иран и временами Россия для империалистов Запада, но только для правленцев тулуповской ячейки Лесписа, поэтому эти самые дородные как-то с опаской, с оглядкой друг на дружку (не выдай в случае чего, милая!), привставая со стульев, начали книжки разбирать. Тем более — каюсь, емь книжный эстет! — добротнo и со вкусом изданные: удоб-

ного формата, сами в руки, а потом в дамские сумочки и пиджачные карманы мужской половины просятся.

Увы... сам себя выпорол, как достопамятная унтер-офицерская вдова: в самом начале собрания, похвалив альманах, именинник сегодняшнего дня, несколько слов (вот она, неумолчная гордынь сочинительская!) сказал и о своей книжке: дескать, получилось нечто философски-трагическое, хотя задумка вначале имела на примере нашей областной писательской... И так далее. Это-то и погубило мою повестушку в глазах собравшихся. Все взявшие экземпляры книжки начали, невежливо пропуская мимо ушей многоречивые рассуждения авторов альманаха, спешно *листать* — отыскивать свою аллегория, но вместо таковой находили только обобщающих «зайчих», а мужская половина сидельцев в зале — «обилеченных» и «визиточников». Мужики, впрочем, книжку рассеянно клали в пиджачный карман... может на случай войны: тогда-то думцы отменят табачные утеснения; будет из чего махорочные самокрутки вертеть! Но которые дородные, воспитавшие и так далее, не найдя своего *alter Ego**, обиженно поджимали губки и, все так же привставая со стульев, клали книжку в прежнюю их стопу...

— Чего-то, Матвеич, увлекся ты дополнительной ко второму изданию главкой! Так и вовсе повесть в целиковый роман переуплотишь. А где обещанный эксперимент, что есть опыт по-русски?

— Вот сейчас и про опыт. Сам по себе, Васильич, как мой собрат-коллега по изданию собственных книг — о журналах наших уже молчу, — знаешь: какой кровью и прочими затратами стоит издать хотя бы сотню экземпляров даже небольшой по объему книжки в демократическом мягком переплете? Потому и стараешься отдавать в руки тому, кто хотя бы *полистает* ее... надежды же на серьезного и вдумчивого читателя давно исчерпаны. Издашь новую книгу — и даришь с таким вот расчетом только что на *листающих*... И то сердце сочинительное не то что греет, а условно теплит — как вместо горячей «лампочки Ильича», упорно все запрещаемой думцами, китайской фабрикацией неоновый или диодный светильник.

Со временем подметил: коллеги-прозаики, хотя бы один из четырех-пяти, все же *пролистывают*, но которые ямбы с хорями слагают в возвышенные часы творчества — и вовсе не раскрывают. Хотя убеждают в обратном: хорошо, мол, брат Бурцев, сочинил! С интересом читал... и так далее. Пробую навести на сюжет и фабулу, чтобы проверить истинность их похвалы, так сразу убегают под благовидным предлогом: дескать, извини, дорогой коллега, рифма удачная в голову ударила, надо срочно, пока не улетучилась, записать!

Голь на выдумку хитра. Начал в сочиняемые повести и романы вроде как по делу вставлять в текстовку, а то и вовсе в качестве эпиграфов к главам, строки и строфы из местных поэтов. Чье вставил — тому и отпечатанную книжку вручаю, ни полслова не говоря о цитировании... Через месяц-другой при встрече навожу на подаренную книгу. Чистейшими и яснейшими глазами впившись в мои гляделки (психологи говорят: если при разговоре собеседник смотрит на тебя в упор — значит стопроцентно врет), поэтический коллега утверждает: два раза от корки до корки прочел! И супруга с интересом прочитала. Конечно, ни четверти слова, даже осьмушки, про свое присутствие на страницах «дважды прочитанного». Перестал я поэтам понапрасну свои книги раздавать. Да и всем остальным «обилеченным» из тулуповских то же самое.

◆ — Итак, Матвеич, начал ты сочинять, как ранее рассказывал, что-то навряде сатирического рассказа в духе Михаила Евграфовича о нынешнем ничтожестве местного писательства, а получилась целиковая повесть с философским уклоном. Главное, правильную линию вывел в этой части. Не получилось как у юмориста в жизни Вольтера...

* Второе «Я» (лат.) — прим. ред.

— Это как... Вольтера?

— А как-то умничающая дама его попросила объяснить сам предмет философии. Он же ответил в том смысле, что когда слушающий не понимает, о чем ему толкует говорящий, а последний толком не знает, о чем он ведет речь, то это и есть философия.

— Мд-д-а. Убедительно. У меня сосед по лестничной площадке актер нашего драмтеатра. Прошлым летом по обмену на гастролях в Челябинске был. А там и опера имеется. Пошел для интереса на «Риголетто» — и зарекся вообще кроме как своей сцены ничего не видеть. Оказывается, тамошний режиссер — модернист, то есть провинциальный холуй западнического педермотства, но и отечественный квасной патриот в одном флаконе, для привлечения публики всем персонажам «Риголетто» придал футбольную наружность и имена...

— Это ты к чему, Матвейч, про оперу-то? В толк не возьму.

— Чего здесь толковать. Что оперы в футбольной униформе, что современная ущербная «литература»... Все это есть намеренная и направленная кем надо, тем же Великим инквизитором с новым именем Великого глобализатора, утрата в искусстве, уже не высоком творческой, профессионализма. Где заканчивается профессия, отсюда уходит мастерство, ибо оно требует неустанного учения — длинную во всю жизнь.

— Я тебя, дорогой мой письменник, понял. Пресловутое новаторство, новые формы и прочие благоглупости, в опере ли, в художественной литературе, якобы востребованные новым временем, новыми людьми, в наше время уже не есть просто изменение формы. Это нечто более губительное для всех искусств и творчеств. Коль скоро в повести своей ты упомянул нашего великого философа-свободолюбца Бердяева, то и поясню свое утверждение ссылкой на его слова. Примерно так, говорю по памяти: в осознанной человеческой деятельности задача в том, чтобы не допустить *перехода изменения в измену*, чтобы в любом изменении личность оставалась самодостаточно мыслящей. Но когда мы встречаем факт такого перехода, то становимся свидетелями самого тягостного явления человеческой жизни — разочарования в конкретном человеке, но что еще страшнее — разочарования в людях вообще. Как-то в этом смысле сказал уважаемый мною Николай Александрович, хотя бы он и старался представлять себя сугубым персоналистом и почти что умственным анархистом...

Как раз сейчас мы и наблюдаем переход изменения в измену: человек изменяет своей природе и данному природой высокому предназначению и превращается в безымянный винтик глобального человеконика. Человекнику же писатели не нужны. Ты все верно в своей повести обозначил и расставил по местам. Главное, без обиды для наших тулуповских... если кто из них все же осилит чтение сотни страниц. Разливаю? <Выпили — закусили>.

— ...Будем, Матвеевич, все одно оптимистами. Почаще будем якобы забывать о всяких там мрачных фатализах и эсхатологиях. Хотя бы достаточно скоро сотрется во владениях Великого глобализатора не только память о писателях. Судя по сегодняшним устремлениям Запада, избравшего вновь для эксперимента Россию, уйдет из истории, что-де когда-то была страна Россия. Впрочем, и истории тогда уже не будет. Чего-то сказать имеешь?

— Да припомнил. Один человек досужий, потому много чего из сорной мелочовки в голове держащий, рассказывал по радио, а может и по «ящику»? — не помню точно. Словом, в Греции, в исторических местах в Пиэрии, на Геликоне и в Дельфах, где в античные времена располагались источники Иппокрена и Кастальский ключ, вблизи которых музы вдохновляли эпических поэтов, для привлечения туристов решили построить новодел — копию Кастальского ключа. Поскольку же соседние горы обезлесили, то ручьи и иные источники пересохли. Чем запитать новодел? — А просто подключили его к водопроводной сети соседнего городка.

Кастальский ключ из водопровода.

Горнило вдохновения, он же Кастальский ключ, она же Болдинская осень, он же громокипящий кубок от ветреной Фебы... Какие это заветные символы для людей творчества? И сопутствующие им состояния творящей души присущи истинным гениям и большим талантам. Но, увы, высокая трагедия выражается в пошлый водевиль, когда горнило вдохновения начинают штурмовать люди, хотя и добрых намерений, но обделенные даром самовыражения. Это, конечно, не их вина, — природа слепо раскидала кувшин этих серебряных монет, то есть талантов: кому досталось, а большинству и нет. Но насиловать эту природу — уже грех; не дано — успокойся и займись ремеслом попроще, главное, чтобы оно пользу приносило. А провозглашать себя гением, имея за душой только знание правил стихосложения, кипу писчей бумаги «Сору» и поддельный, китайский «паркер» — по меньшей мере безрассудно, вредно для окружающих, убыточно для семейного бюджета, опасно для здоровья, особенно психического. Тихий графоман вызывает жалость, часто — дружескую. Но буйный маратель бумаги такие дела творит, что его начинают всерьез опасаться. Их нападкам более всего подвержены самые робкие из редакторов — заводских многотиражек и нанятые на сроки выборов второстепенными политическими партиями. Еще буйные графоманы уважают водочку под селедочку на презентациях чужих книг, а боятся только собственных жен.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

ВЕРУЮЩИЙ БАТЮШКА

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Плох тот диакон, который не мечтает стать священником, хотя упоминать и даже думать об этом среди церковников считается греховным. Мол, подобное самообольщение отнимает время, отпущенное Господом для спасения души.

Однако сын протоиерея одного из соборов южного российского города Владислав Кураков в глубине сердца мечтал. Собственно, будучи потомком духовного лица, он попросту не мыслил себе иной жизненной дороги. И еще характерно, что с раннего детства мальчик отличался глубокой рассудительностью.

В первый раз в первый класс — в семьдесят восьмом году — он пришел, ведомый за руку не только матерью, но и отцом, тогда еще совсем молодым батюшкой, облаченным в рясу. И, разумеется, уже потому обратил на себя особое внимание — как своей учительницы, так и директора школы.

Миновал месяц, и однажды она задержала Владика после занятий.

— Вот ты говоришь, что Бог есть, а наши космонавты, сколько ни летали, никогда его не видели,— авторитетно заявила она.— И почему?

— А для Бога космический корабль — это только малю-усенький из многих-многих коридорчик. Потому они Всевышнего из него и не видят. И никогда не увидят, если еще и не веруют,— был неожиданный ответ.

Учительница сразу не нашлась как возразить и сухо произнесла:

— Иди...

С ровесниками мальчик держался несколько обособленно, полагая, что среди них он по-своему избранный. Но, когда требовалось постоять за себя, стоял, и до конца. Лишь изначально обязательно крестился. И одноклассники быстро усвоили: если уж он это сделал, быть битве серьезной...

После школы — учеба в Ставропольской духовной семинарии. А перед самым поступлением в нее — так было угодно свыше — Владислав потерял мать. Она еще с детства страдала сердечной недостаточностью. И за год так и не смогла оправиться от обширного инфаркта, случившегося, когда сыну исполнилось шестнадцать.

В двадцать один год Кураков был рукоположен в диаконы. И во славу Господа начал путь служителя алтаря в старинном храме — небольшом и уютном, окрашенном в голубые тона, с шатровой звонницей и протяженным притвором, отделанным настенными росписями. Сам храм когда-то возвели на краю основанного задолго до революции кладбища. В середине тридцатых его полностью снесли и похоронили под масштабными производственными строениями. С тех пор об уничтоженном погосте напоминало лишь несколько давних могил, волею случая оказавшихся внутри церковного двора.

Прошло немало лет, пока к ним неожиданно прибавилась еще одна.

Тогда по заданию настоятеля углубляли подвал под храмом (там новые шкафы по высоте не помещались) и случайно пробили внутреннюю каменную кладку, оказавшуюся перегородкой. За ней открылась потайная комната, на глаз три на три метра. Посреди нее лежали два скелета с простреленными черепами и в полуистлевшей казачьей форме. С погонами сотника и подьесаула — голубые просветы на серебряном поле, указывающем на принадлежность к войску Донскому. Убиенных перезахоронили в одной могиле и отпели.

Случай этот произвел на Куракова весьма гнетущее впечатление: насколько же сугубо бесчеловечным надо быть, чтобы вершить казнь в святилище, под сенью креста! А семьи погибших явно остались в полном неведении их ужасной судьбы.

Однако сравнительно молодой еще на тот момент диакон в углу тайника углядел обрывки плотного картона: это оказались остатки паспарту — специальной картонной рамки под снимок. Куски его за без малого век сильно выцвели, приобретя коричневатый оттенок. Аккуратно склеив полосками скотча фото и вооружившись лупой, Владислав разглядел на нем семейный портрет. Сидящий закинув ногу на ногу молодой мужчина в казачьей повседневной форме имел ярко выраженные надбровья, крупный подбородок и широкие усы стиля «шеvron». Рядом, с ребенком полтора-два года на руках, наряженным в матросский костюмчик, стояла приглядная женщина. С овальным лицом, прямым пробором на идеально гладких волосах и косой, уложенной на затылке корзиночкой. Одета в светлые юбку и блузку с богатой отделкой.

На обороте снимка трудно прочитывалась чернильная надпись: «Дорогому супругу и батеньке Платону Акимычу от жены Настасьи и сына Димитрия. Станица Новойдарская 1914-го года 16-го ноября». Здесь же имелось мастичное клеймо мастера, заключенное в прямоугольник: «Фото В. Квасова».

Пытаясь установить личность хотя бы одного из казненных, Кураков с благословения настоятеля обратился в епархиальный отдел по работе с казачеством. Сотрудники его связались с Новойдарской, и вскоре Владислав выехал туда на автобусе. Атаман тамошнего казачьего общества — дородный мужчина с погонами есаула — привел диакона к старейшему из жителей станицы. Владислав предъявил иссохшему древнему деду улучшенный фотошопом снимок.

Долгожитель нацепил очки, подслеповато прищурился.

— Да это же... Это Дмитрий Забазнов, друг детства мой, и с родителями, перед тем как отцу его на империалистическую отправляться. Говорили, приезжал он, кажись, в шестнадцатом в отпуск. Уже в чине подьесаула, с двумя «георгиями». А потом без следа сгинул. Ну, я о ту пору мал был, сам его не помню. Вот фотография у тетки Настасьи точь-в-точь такая же под образами в рамочке висела. Упокоились они давно — и мать дружка моего, и он сам. С Отечественной-то с большими легкими вернулся. Все кашлял, кровью харкал, потом исходил и едва за полста лет перевалил. Еле успел послевоенную дочку в техникуме выучить. Она сама, как на пенсию вышла, сразу к сыну в область и перебралась...

Дед взглянул еще раз на снимок, совсем по-детски шмыгнув носом.

— Чую, свидимся мы скоро, вышло и мое времечко. Эхх! Как и не жил...

Спустя несколько дней Кураков принимал в храме гостей: интересную пожилую женщину с прической а-ля Маргарет Тэтчер и розовощекого полнеющего мужчину лет тридцати.

Возложив на казачью могилу охапку редких черных калл, таинственных и элегантных, потомки подьесаула отстояли панихиду, поставили заупокойные свечи, пожертвовали храму круглую сумму. И все душевно благодарили дьякона за разгадку тайны их рода и обретение могилы предка.

А имя павшего за Россию его сослуживца так и осталось неизвестным...

Кому-то из диаконов счастливится подняться рангом выше и стать священником чуть ли не на следующий день после первого рукоположения, а кому-то предстоит надолго задержаться на уровне низшего духовного сана. На все воля Божия. Ну и людская тоже.

Когда-то, в самом начале приснопамятной перестройки, несколько прихожан обратились к отцу Владислава: а не согласится ли батюшка баллотироваться депутатом в районный орган местного самоуправления, так сказать, самовыдвиженцем? Паства же, мол, и поддержит, и разрекламирует. Тогда протоиерей — скажем так, не очень продуманно — письменно испросил разрешения на это чуждое действие у каждого из постоянных членов Святейшего Синода.

Официального ответа ни от кого из них он не получил, но этот вопрос на заседании Синода разбирался, и в итоге священника едва не лишили сана (с перевесом в его пользу лишь в два голоса). Посчитали, что гордыня обуяла, раз в мирские дела ввязаться восхотел. А чтобы впредь всяк сверчок знал свой шесток, покарали, услав в далекий райцентр, в маломощный и скудный приход.

«Сын за отца не отвечает»,— сказал еще до войны на совещании передовых комбайнеров товарищ Сталин, и эту знаменитую фразу немедленно и широко растиражировали советские газеты. Но последовавшие репрессии, увы, ее не подтвердили: в серпастом обществе ответ за родителя держать приходилось практически всегда. А священнослужителям — пусть даже и высокого сана — ничто общечеловеческое не чуждо. Вот потому-то, когда, не единожды за многие лета, на епархиальном уровне обсуждался вопрос рукоположения диакона Владислава, кто-то обязательно вспоминал: «Это ведь у него отца за малым не расстригли?»

И — общее резюме: «Пока подождем...»

К слову: хотя всякое сравнение и хромает, однако подобное поведение служителей культа отчасти походило на детскую склонность переносить личную неприязнь к какому-то учителю на его предмет.

«Всякая власть от Бога». Знаменитейшие слова апостола Павла. Библейская аксиома. Так что неупустительно исполнявшему свои, согласно сану, обязанности диакону оставалось только смиряться и терпеливо ждать... ждать... ждать...

«Летят года неуловимо, куда-то быстро вдаль спешат, торопят нас неудержимо законы Божии познать...» Отец Владислав даже и не помнил, где и когда прочел он эти бесхитростные строки, глубоко врезавшиеся в память. А года действительно летели... И вот уже минуло более двадцати лет церковной службы, близилась дата серебряной свадьбы — «окольцевался» Кураков еще будучи семинаристом,— и дочь, окончив вуз, невестилась, а младшенькие, мальчишки-близнецы, доросли до старшеклассников, постаревший же отец теперь часто прихварывал. Склонный к полноте служитель подобрел, широкоскулое лицо его совсем округлилось, а вдоль развитого лба обозначились короткие морщины. Появились и вертикальные складки над основанием крупного, с маленькой горбинкой носа. Симптом зарождающейся

ся аритмии сердца: у матери Владислава они после инфаркта были выражены особенно сильно.

К этому времени засидевшийся в диаконах человек устал безропотно ожидать рукоположения, и его матовые глаза минорно взирали на белый свет. Нет, бунтовать он вовсе не собирался. Он просто устал...

И вдруг — исполнение давней, еще детской мечты, с которой человек с дошкольных лет следовал по жизни, произошло не во сне, а наяву!

Хотя, конечно, «вдруг» — сказано неточно: этому предшествовала беседа с архиереем, объявившим Куракову об избрании его для хиротонии, затем «ставленническая исповедь» у духовника духовенства, в заключение которой отец Владислав смиренно просил о даровании ему непорочного священства, последующее говение...

Августовским воскресным днем, на литургии святого Иоанна Златоуста, церемония рукоположения, внушительная и торжественная, наконец содеялась.

«Аксиус!» (с греческого: достоин) — произнес в завершение ее архиерей, а преклонивший колени теперь уже бывший диакон ощутил прикосновение благословляющей его десницы и под торжественное пение хора, трижды повторившего это восклицание, получил из рук владыки атрибуты служения священника: епитрахиль*, пояс, фелонь**, наперсный крест и Служебник***, отныне став иереем. Трепетно и с непередаваемыми словами чувствами поцеловал он каждый из этих символических предметов и невольно прослезился. Совершилось!

По окончании таинства не обошлось, конечно, без традиционного в таких случаях основательного застолья.

Впрочем, все это было вчера. А сегодня утром новоявленный батюшка — пока еще в гражданском облачении — сошел с маршрутки и без четверти десять шагнул на столь знакомый церковный двор. Перед центральным входом в храм привычно осенил себя крестом и прошествовал в отведенную ему келью, располагавшуюся в отдельно стоящем здании хозяйственных построек.

Там вновь перекрестился: теперь на иконы, двумя рядами висевшие на дальней стене довольно просторной комнаты на три небольших окна, облачился в песочный подрясник и черные туфли и взглянул на часы — близилось время приема прихожан и других лиц. Попутно отец Владислав отметил: хотя отныне обязанности его стали иными, чего-то особенного, подспудно ожидаемого им в первый день своей службы Господу в новой ипостаси, вовсе не происходило.

Собственно говоря, а что именно следовало бы ожидать?

Ранее Куракову в подобных приемах напрямую участвовать не приходилось: не диаконовский это ранг. Вот молча слушать, как первый его настоятель ведет беседы с людьми, мудрости набираться да стараться таковую перенимать — это, конечно, куда легче. А тут — за всех и вся в ответе сам. Потому и волновался иерей: а вдруг да с каким необычным вопросом обратится кто-либо? Впрочем, на крайний случай всегда можно посоветоваться с опытным батюшкой — именно он сегодня по графику был дежурным священником в храме и вел богослужения.

Но никаких сюрпризов нынешний день пока не обещал. Прихожане спрашивали благословения на рождение отроча (ребенка) или на сдачу вступительных экзаменов в вуз, кто-то желал освятить квартиру, другой — икону, договаривались по времени

* Епитрахиль — длинная раздвоенная лента, огибающая шею священника и соединенными концами спускающаяся на грудь.

** Фелонь — длинное широкое одеяние священника без рукавов, с отверстием для головы, вырезами спереди для рук, украшенное крестами (крестчатая риза). Своим видом напоминает ту багрянницу, в которую был облачен надругавшимися над ним воинами страждущий Спаситель.

*** Служебник — книга, содержащая основные богослужебные тексты, произносимые священником; неперменный атрибут для совершения литургии.

о крестинах младенца, а пожилая супружеская пара наконец-то надумала венчаться. Однако вот и трагический случай: «Батюшка, у меня сын двадцатилетний разбился на машине, сейчас в реанимации в тяжелейшем состоянии. Умоляю: научите, что делать дальше?»

И каждому надлежало разъяснить, дать совет, успокоить...

Когда все просители наконец разошлись, отец Владислав вышел на церковный двор: проветриться и обозреть, все ли на храмовой территории в надлежащем порядке. Вскоре ноги привели его в маленький садик, в глубине которого располагались пять сохранившихся вековых могил и казачья, недавняя.

На одном из старых захоронений высился исполненный в неординарном, масонском стиле гранитный памятник в виде толстого ствола дерева с двумя отпиленными по бокам суками. Венчался он четырехконечным, из того же вечного камня, крестом. На срезах сучков выбиты надписи: «Спаси, Господи, душу раба Твоего» и «Мир праху твоему», а в центре ствола — вырубленная ниша со стеклянной, в металлической рамке дверкой: под лампадку. Под нишей же красовалась ритуальная и опять-таки сработанная из гранита табличка, внешне походившая на старинную грамоту со слегка заворачивающимися краями. Текст на ней гласил: «Здесь покоится прах раба Божьяго коллежскаго асессора И.А. Кафтановскаго, скончавшагося 25 апреля 1890 на 51 году».

— Здравствуйте, батюшка...

Отец Владислав повернулся влево: перед ним стоял маленький тощенький мужчина неопределенного возраста: то ли тридцать, то ли за сорок. Смущало сильно морщинистое и осунувшееся, плохо выбритое лицо. Но седина, даже на висках, вовсе не проглядывала. Серая рубаха, похоже, специально наполовину расстегнута, чтобы на хилый, но выпяченной груди хорошо был виден простенький нательный крестик. Очердной прихожанин? И следом мелькнула мысль: вот именно таких невзрачных мелкотравчатых мужичков на Руси издавна прозывали фуфлыгами.

— Здравствуй.

— Можно ли к вам обратиться?

— Обращайся, пожалуйста.

— Помогите, батюшка, чем можете, материально. Жена очень больная, после сильного инфаркта почти не ходит, только, пардон, до горшка. На лекарства бы...

Обычно священники денег прихожанам не дают, а советуют молиться, и Бог, мол, тебе поможет. Но сегодня иерей без раздумий решил сделать исключение: ведь послезавтра исполнялось двадцать пять лет со дня кончины его матери, слишком рано ушедшей в лучший мир, и от той же самой летальноисходчивой сердечной болезни, которой хворала жена просителя.

Отец Владислав молча достал бумажник и вынул из него единственную тысячную, оставив лишь три или четыре медно-стальных десятирублевика — чисто на проезд. Нет, дома-то еще деньги наличествовали. Но именно на эту имеющуюся при себе «штуку» Кураков сегодня вечером рассчитывал приобрести колбасы-ветчины-сыра-селедки на поминки.

«Ладно, как-нибудь обойдемся. На благое дело ведь. Такой же страдалище, как и матушка была. А продукты... Что ж, в конце концов, еще завтра день будет, успеем закупиться», — подумал он.

— Спаси Господи, батюшка, за вашу доброту и помощь,— жадно цапнул крупную купюру тощенький.— Благословите на покупку лекарств.

— Бог благословит,— отвечив иерей, и даже обещание-то не стал брать, что не на предосудительные дела благоподаяние употребится.

Проситель быстренько упрятал деньги во внутренний карман пиджака, для на-

дежности еще и застегнув его на булавку. И вдруг, сверх всякого чаяния, произнес, указуя на гранитное «суковатое» надгробие:

— Батюшка, а ведь здесь мой родственник лежит.

— Откуда ведомо?

— У меня прабабка почти век протянула — и чудное дело: все на своих ногах, — так уверяла, что это дед ее был. Только не родной, а двоюродный, родному-то он почти в отцы годился. Совсем пацаном меня сюда в церковь приводила и могилку предьявляла. Я это «дерево недеревянное» с закидонами, — кивнул тощенький на монумент, — по его кошмарности враз упомянул... — И неожиданно подытожил: — А прабабка до чего набожна была — прямо страсть!

— Уважения достойно, — заключил отец Владислав, изумившись: надо же, насколько тесен оказался мир поднебесный! Насчет «недеревянного дерева» и «кошмарности» он выговаривать не стал, памятуя, что горбатого могила исправит.

Удовлетворенный проситель для приличия потоптался еще с полминуты.

— Ну, я пойду?

— Иди с миром...

Тощенький скорым шагом удалился. А священник вновь воззрился на столь необычной формы памятник.

«Видать, не из бедных покойный-то был, коль ему на этакую вычурность расстались, — подумалось иерею. — Интересно, коллежский асессор — это высокий считался чин? Надо бы в Интернете глянуть... Полвека жизни... Немного, однако, он намерил. Удалось ли детей пережить? А собственно, были они у него? Одному Господу нынче ведомо... И сколь нагрешить успел и успел ли исповедоваться... Эх, жизнь наша скоротечная! Зато гранит второй век незбылем стоит. Но тоже: от всеобщего кладбищенского порушения лишь чудом уцелел...»

Кураков повернулся к соседствующей казачьей могиле: на деревянном кресте ее теперь была установлена пластиковая, с окантовкой табличка серебряного оттенка с черным текстом: «Подъесаул войска Донского Забазнов Платон Акимович. 1889 — 19??» — и ниже: «Сотник войска Донского. Фамилия неизвестна».

«Обидно: так второй офицер безымянным и лежит, — оформилась у отца Владислава новая мысль. — Тут атаман ничем не помог: видать, этот убиенный из другой станицы был родом. А из какой — опять только Господу известно. Но хотя бы останки теперь в земле покоятся, родственники же подъесаула уход за последним пристанищем воинов блюдут. Вот совсем недавно опять каллы на могилу возлагали, панихиду заказывали».

Тут к размышляющему о телесной брэнности и долговечности монументов подошла пожилая свечница, которая лет десять уж как работала в церкви.

— Батюшка, извиняюсь, у вас спросить можно?

— Спрашивай.

— Вот к вам сейчас мужчина такой мелковатый подходил, он денег просил?

— Да.

— И вы дали?

— Да.

— Ох, не на доброе дело он их у вас выцыганил!

— *«Не судите, да не судимы будете»*. Он для больной жены, на лекарства.

— Батюшка, да он сроду никогда женат не был! Я ж его как облупленного знаю!

По соседству живет. Бездельник и горький пьяница, креста на нем нет!

— Так имелся ведь.

— Значит, для блезиру нацепил. Он в церковь-то и носу никогда не кажет! А тут — сподобился. Видать, узнал откуда-то про ваше рукоположение и момент выиг-

рышный подгадал. В свою пользу. Ну а когда со двора-то поспешал, увидел меня у ворот, приостановился да и заявляет: мол, батюшка-то новый ваш — и дальше с издевкой в голосе, — сильно верующий оказался. Я ему: «Окстись, охальник, а каким же ему еще быть?» А этот алкоголик ухмыляется и ответно: «Да я в том плане, что всякому встречному-поперечному сразу-то верить не след». И помчался — небось до ближайшего гастронома, побыстрее зенки залить.

— Что ж... Бог ему судья, — только и вымолвил священник, разом ощутивший душевную смуту: ведь на чем удалось сыграть грешнику! На святом, на памяти о самом близком и родном человеке!

...Спустя двое суток, аккуратно в день поминовения матери, свечница с утра вновь подошла к отцу Владиславу.

— Батюшка, можно обратиться?

— Пожалуйста.

— Помните, у вас позавчера мой сосед неблагополучный денег выпросил?

— Помню, конечно, — поморщился иерей: придумала же баба опять на больную мозоль наступить! И к чему?

— Ну так вот: не пошли они ему на пользу. Он в тот же день какой-то дряни паленой опился и к ночи помер. Сегодня похороны.

— Да-а-а, — поразился отец Владислав. — Надо же, насколько быстро его Божий гнев настиг. Господь ведь все видит и никогда не бывает поруган.

Про себя же он подумал, что поскольку не признающих Бога и Он не может спасти, а в их числе и опочившего, то пусть останется это на Его воле. Другое дело, что дающий не во благо грех берущего разделяет. Посему помолиться за новопреставленного, в гибели которого, сам того не желая, оказался повинен, в любом случае необходимо. И хотя не дано понять, за что именно столь тяжко наказан, а с этим трагичным уроком как-то и дальше по жизни идти надобно.

Николай Макаров
(г. Тула)

ПЕРВЫЙ «ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК» АФГАНИСТАНА

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Райский Борис Евгеньевич,
родился 23.03.1952*

С какой вероятностью человек сам себе может предсказать свое будущее? Никто не пробовал быть оракулом своего будущего? Я лично не пробовал. По правде говоря, и среди своих знакомых и сослуживцев по Воздушно-десантным войскам таких людей почему-то не встречал. И вдруг...

...С Борькой, с Борисом Райским, с Борисом Евгеньевичем (прапорщик, старший прапорщик, «дембель», старший инспектор пожарного надзора Тульского отделения железной дороги) я знаком с тысяча девятьсот восемьдесят второго года, когда из Ставропольской десантно-штурмовой бригады (а до этого — учеба в Тульской школе № 16, учеба в элетромеханическом техникуме имени Рогова, срочная в Пензенском автобате, школа прапорщиков) он пришел служить техником роты химической защиты в 106-ю гвардейскую воздушно-десантную Краснознаменную ордена Кутузова 2-й степени дивизию.

— Борис, подробнее расскажи о своем предсказании,— прошу своего давнего знакомого, с которым последние, нет — не последние, а крайние месяцы каждую неделю договариваемся увидеться и его неотложные дела все откладывали и откладывали нашу встречу. В первый день его отпуска все-таки наша встреча состоялась и его слова после объятий и приветствий чуть не испортили наше общение: «Завтра вызывают срочно на работу, а сегодня у меня свободных всего тридцать минут». Тридцать — так тридцать, для первого раза хватит и тридцати минут.

— О предсказании,— напоминаю ему.

— Прилетаю в Баграм (*Афганистан, 345-й отдельный гвардейский парашютно-десантный полк, 1985 год: примечание автора*), и меня сразу ошарашивают, не успел даже распаковать чемоданы, мол, собирайся — на «боевые». На «боевые», так — на «боевые». Сдаю в штабе документы, аттестаты всякие. Сдал и выхожу из штаба с какими-то, сейчас и не помню с какими, бумагами в руках. Навстречу прапорщик-«старожил».

— Куда направили?

Отвечаю ему, не задумываясь и не думая о последствиях:

— В Кабул, начальником железнодорожной станции! (*Ровно через десять лет «оракул» — «дембель» Райский придет работать на железную дорогу: примечание автора*).

— Умеют, даже здесь, в Афгане, устраиваются эти евреи,— следует реплика «старожила».

К обеду мужское «сарафанное» радио — ничуть не хуже женского — по всему полку разнесло эту сенсационную новость. Все завидовали «еврею» Райскому и только майор Токмаков, наш, тульский, Царствие ему небесное, ехидно у меня поинтересовался, зная в отличие от других промышленный потенциал Афганистана:

— Борис, где же ты нашел в Кабуле железные дороги? *(В то время, да и сейчас, наверное, в Афганистане длина железнодорожного полотна составляла около шести километров на севере страны: примечание автора).*

Смех стоял по всему полку. Но и новые мои сослуживцы не остались в долгу.

— Поясни.

— Как ты знаешь, первое воскресенье августа — День железнодорожника. В том году, не помню: то ли на субботу, то ли на воскресенье выпал День ВДВ — второе августа. И на торжественном собрании, посвященном, ясное дело, нашему родному празднику, мне вручают Грамоту с подписью командира полка и гербовой печатью части.

— И?

— Грамоту «Первому железнодорожнику Афганистана!». Клуб ревел, стонал в экстазе хохота — это надо было видеть. Ответил, как и положено: «Служу Советскому Союзу!». Жаль — ту Грамоту не сберег, сейчас бы была реликвией.

— Обещанные «боевые».

— На следующий день по прибытии я со своим взводом *(старший прапорщик Райский командовал взводом спецработ ремонтной роты полка: постоянные сопровождения колонн со всеми нюансами и непредвиденными обстоятельствами партизанской войны в горах: примечания автора)* и ровно год и семь месяцев постоянные «боевые», ни одной операции не пропустил. В последние, крайние то есть, до замены пять месяцев «боевых» стало меньше.

— Специфика службы во взводе спецработ.

— Представь, движется колонна техники, «духи» подбивают машину, колонна продолжает движение, взвод спецработ остается с подбитой машиной. Выставляется охранение на господствующих высотах и личный состав взвода «колуется» с этой машиной.

— Пример.

— Сопровождаем по бездорожью через три брода до серпантина горных дорог колонну почти из ста машин наших «зеленых» братьев *(афганская колонна со всевозможным грузом: примечание автора)*. Аккурат на середине первой речки подбивают одну машину. Колонна уходит дальше. Цепляем тягачом, как и положено, за буксировочный крюк подбитую машину — бампер вырывается с корнем. Цепляем за передний мост — мост вырывается с корнем. Не приспособлены машины немецкого производства к таким передрягам. Перегружаем груз — рис в мешках — на другие, подошедшие машины. На второй переправе повторяется такая же картина — «духи» опять подбивают машину на середине речки. Проверяем груз — сахар, сахарный песок. Цепляем сразу за передний мост — передний мост волочит на тросу, машина мертвым грузом остается на середине речки. По рации связываюсь с командиром роты — тут же четыре БТР из охранения «слетают» с гор, весь сахар перегружается в них. Дело сделано — ночью сахар переправляется в полк. Утром нашу колонну сопровождения перед КПП полка встречает представительная комиссия из политработников и особистов — следов сахара нигде нет.

— Среди вас оказался дальний родственник «Павлика Морозова»?

— «Зеленые» братья наступали, но сахар так и не нашли.

— Сахар, конечно, пошел по прямому назначению?

— О чем «базар». Ты помнишь, что в Афгане, по крайней мере — в Баграме, бутылка водки стоила 50 чеков, а получка у нас — 260 чеков. А «боевые» — постоянно, постоянно стресс, тем более, что у нас был свой, полковой хлебозавод и немеряно дрожжей. И в моем взводном хозяйстве стоял официально разрешенный самогонный аппарат.

— Заливаешь, «Почетный железнодорожник Афгана»?

Он ничуть не обиделся:

— Все аккумуляторы полка находились у меня на обслуживании, а им, как известно, нужна дистиллированная вода. Днем аппарат работал исключительно по своему прямому, по заверенным документами, назначению, а ночью во всю мощь пахал по своей второй профессии.

— «За отвагу»?

— Вспоминать жутко. Одним словом: доставали девятую роту со знаменитой высоты. Мы — что? Мы вытаскивали технику, покореженную технику.— Бориса перевернуло от нахлынувших воспоминаний.— За эту операцию я и получил медаль «За отвагу».

— Красная Звезда?

— За участие в двух операциях Пандшер-1 и Пандшер-2. На втором Пандшере меня и зацепило, минно-взрывная травма, одним словом. Естественно, медсанбат. Естественно, очередные «боевые» и... личный состав моего взвода отказывается идти выполнять приказ без своего командира, идти с «чужим» прапорщиком. Всем взводом пришли меня в медсанбате упрашивать — так и пришлось идти на «боевые» недоленным.

— Незаменимый, что ли?

— Заменимый, незаменимый, но за два года постоянных «боевых» в моем взводе ни одного «двухсотого», всего — два легких ранения. Это — при том, что наш, 345-й полк, называли полком «смертников». Солдаты, их матери до сих пор мне письма пишут, благодарят за Афганистан. Один всего случай. После очередной зачистки местности войска располагаются на берегу речушки недалеко от кишлака, рядом виноградник. Солдаты спрашивают у меня разрешения набрать ведро винограда. Разрешаю. Набрали. Поели. Утром, а я всегда Там вставал в четыре утра, вижу, как молодой солдат из взвода с двумя ведрами направляется к винограднику. Остановил. Поднял «дембелей» — они послали, кто еще? — и популярно объяснил всем чреватость последствий их необдуманных действий. Популярно объяснил, невзирая на ропот и недовольство «дембелей», иллюстрируя наглядным, только что, на их глазах, случившимся примером.

— Что за пример?

— Из соседнего подразделения, тоже контингент «дембелей», послал за виноградом «салагу» и нет у солдата стопы — растяжка стояла у виноградника. Местные жители — не дураки, хотя в этом кишлаке и относились к нам лояльно. Но кому понравится, если к тебе в огород постоянно нагло лезут за урожаем непрошенные гости?

— Третья награда?

— Орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени — по совокупности за весь Афганистан. Что хочу сказать? Ведь там, за Речкой, прошли мои лучшие годы службы в Армии, есть, что вспомнить, что рассказать. Как-нибудь я тебе обо всем расскажу, но на это надо много времени и...

— И водки, — перебиваю Райского.

— Какой водки? Все, с этим завязано раз и навсегда — к времени-то надо еще и настроение соответствующее.

— Это — понятно. Как написал Михаил Веллер: «После пятидесяти пить, курить и...»

— Ходить «налево», — теперь он перебивает меня.

— Нет, третье у Веллера: «...копить деньги теряет всякий смысл». — Борис смотрит на часы. — Пару слов о теперешней работе.

— После увольнения приятель, работающий на железной дороге, предложил освободившуюся кстати должность пожарного инспектора. Прихожу к начальнику, начинает спрашивать меня по технике противопожарной безопасности. Выложил ему по первое число — у того от удивления глаза на лоб полезли: откуда все знаю, специально что ли готовился к собеседованию. Ты же знаешь, в роте за всю документацию, за всю работу по технике безопасности, в том числе и по противопожарной, каждые полгода приходилось отчитываться перед проверяющими разных рангов и чинов. Взяли сразу. Три месяца учебы плюс три месяца работы и теперь, уже четырнадцать лет, — старший инспектор пожарного надзора Тульского отделения Московской железной дороги Борис Евгеньевич Райский, прошу любить и жаловать.

— И, — добавляю на прощание, — двадцать четыре года, как ты — «Первый железнодорожник Афганистана».

Мы оба смеемся, договорившись о следующей встрече.

...Через день раздается звонок Райского:

— Я теперь — кто? Пожарный инспектор на железной дороге. Железную дорогу, поневоле задумаешься над судьбой, предсказал себе в первый день Афганистана.

— Ты уже рассказывал об этом.

— Слушай. В последний день пребывания в Баграме мы с техником разведроты, таким же старшим прапорщиком, стояли перед выбором — каким транспортом добраться до Кабула, чтобы потом улететь в Ташкент, в Союз. Или на наземном транспорте с колонной пустых наливняков-бензовозов, или по воздуху на «Ан-12». Решили лететь на самолете — перевалил через хребет и Кабульский аэродром рядом. Перед загрузкой в самолет, как и положено, с провожающими на посошок по чуть-чуть на всех опорожнили два пятизвездочных «Арарата». Зашли в самолет (пассажиров летело всего шесть человек — кроме нас еще две женщины и два «чернопогонника») и я сразу учуял запах керосина. Спросил у техника: «Да, ерунда, — ответил тот, — вчера местные «братья» случайно разлили три бочки керосина в грузовом отсеке» (*«чернопогонники» — военнослужащие, в форме одежды которых — в частности, на погонах и петлицах — черный цвет материи: артиллеристы, там, танкисты, другие рода войск: примечание автора*).

— Что дальше?

— Сидим в гермокабине и вдруг в один иллюминатор вижу пламя. Подзываю бортехника и в этот момент пламя увидел очкастый в черных погонах. Я был шокирован, потрясен (такое видел только в кино, но в кино — это трюк) — его очки стали медленно подниматься на лоб, и остановились только около волос. Во — какой там киношный трюк! Заснять бы тогда.

— Да-а...

— Совещание с командиром самолета длилось недолго. Открывают десантный люк, а там бушует пламя.

— Откуда оно взялось-то?

— Керосин — не бензин — он не испаряется и не улетучивается: вчерашний пролитый оказался на обшивке самолета и, видимо, от отстреленных противозенитных ракет загорелся.

— А высота?

— Высота три тысячи метров — дышать можно. Меня и разведчика обвязывают

тросами, собирают со всего самолета огнетушители и мы медленно ползем к открытому люку. Под нами пламя и горы почти рядом. Представь — затушили все-таки. И приземлились нормально с открытым люком. Летчики потом спрашивали, как мы такое сумели проделать.

— И что ты им ответил?

— Буквально: «Вы, в случае чего, с парашютами, а что нам делать на трех тысячах без парашютов?».

— Выходит, второе...

— Выходит, не выходит, а в последний — в последний, в последний — день пребывания в Афганистане я по полной программе отработал пожарником...

С какой вероятностью человек сам себе может предсказать свое будущее? Никто не пробовал быть оракулом своего будущего?..

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

СТАРИК И ОБЛАКА

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Заскрипели половицы, и донеслось покашливание. Сергей Иванович, заложив руки за голову, заскрипел продавленной кроватью и покосился на хозяина дома, который промелькнул в проеме двери и загремел ведром, что стояло на широкой лавке возле входа, забубнил под нос, а потом принялся что-то искать на широкой полке, прибитой к стене. Он покосился на старика и снова нахмурился, посматривая сквозь щели на блеклое небо, подернутое серой пеленой. Вдохнул. Он снял большую веранду на лето, где можно было бы переночевать, а остальное время хотел побродить по окрестностям да заняться пейзажами, благо, здешняя природа манила, чтобы ее перенесли на холст. Горы и всхолмья, перелески и березовые колки, извилистые речушки и ручейки, а цветущие луга и поля с пшеницей такие необъятные, аж дух захватывало...

Он случайно наткнулся на эту забытую богом деревушку, когда сбился с дороги и долго колесил по грунтовкам, которые, как раки, расплзались в разные стороны, пока наконец-то не наткнулся на небольшую деревню, затерянную среди лесов, полей и лугов. Он полдня просидел на пригорке. Дома там и сям разбросаны по пологим холмам. Огороды упираются в речку, что протекала позади деревни. Сонные улицы. Замерла деревня, но в то же время жизнь в ней теплилась. Вон неторопливо потрусил собака по своим собачьим делам. Остановилась возле какого-то двора, лениво гавкнула, может здоровалась, а может соседскую собаку пригласила на прогулку, а потом снова уткнула нос в тропку и дальше пустилась. Загремело ведро. На улицу вышла старуха. Приложила ладошку к глазам, долго всматривалась вдаль, видеть кого-то ждала, но не дождалась, заглянула через забор в соседний двор, кого-то окликнула, но там была тишина, и она снова вернулась в дом. Гоготнул гусь, но тут же смолк, когда неожиданно заорал петух, взлетел на забор и захлопал крыльями, а вслед за ним еще несколько отозвались. Живет деревня — это хорошо. Сергей Иванович долго наблюдал за сонной деревней, за маревом, что нависло над горизонтом, за стайками берез, что взбегали по горе, и за яркими всполохами рябин. К вечеру, не выдержав, спустился к крайней избе и долго разговаривал с неуступчивым ворчливым старичком, одетым в засаленные пузыристые штаны, в выцветшую рубаху на выпуск, в вороте которой виднелась толстая черная нить с простеньким крестиком, а на клювастом носу едва держались очки с толстыми стеклами и дужкой, замотанной синей изолентой. Наконец, сошлись в цене. Сергей Иванович уплатил аванс. Старик сразу же запрятал деньги в необъятный карман, а потом повел его на веранду, где в дальнем полутемном углу стояла кровать с большими тяжеленными подушками и

цветастым ватным одеялом, из которого торчала клочкастая вата. Рядом раскорячился сундучище, в таких раньше приданое держали да прятали под амбарный замок одежду, накопленную за долгие годы. К нему притулились два-три мешка с прогрызенными дырками и рассыпавшейся пшеницей. На стене, на вбитых толстых гвоздях, висели старые фуфайки, облезлый тулуп, тут же громыхнул жестью брезентовый плащ — обычно такие пастухи носят — от жары спасаются, да от дождя можно укрыться. А чуть наискосок было широченное запыленное окно. Свисали ключья старой паутины. Сквозь дырявую крышу пробивались тонкие лучики света, в которых кружилась пыль, поднятая стариком, когда он стал наводить порядок на веранде, сметая сор да пшеницу потертым чилиговым венником в щелястый пол, из-под которого радостно загорланил петух, созывая несушек к обеденному столу...

— Что валяешься, мил-человек? — дед Гриша поправил очки, прошелся по веранде, присел на край кровати, достал самосад, сделал самокрутку и закурил, выпустив ядовитое зеленоватое облако дыма. — Вторые сутки бока отлеживаешь да на облака поглядываешь. Глянь, какие погоды стоят. И облака подросли. Повзрослели, можно сказать, силушкой налились.

И ткнул скрюченным пальцем в окно.

Приподнявшись, Сергей Иванович прислонился к спинке кровати.

— Я уж второй день смотрю, как облака растут, — недовольно буркнул он. — Мне ветер нужен, ветер, чтобы немного отогнал облака от деревни и тогда утренние лучи солнца другими будут, а не такими, как сейчас — блеклыми и безжизненными. Едва солнце начинает всходить, едва мелькнут первые лучи — и тут же скрываются за облаками, которые нависли над деревней и словно приросли к горам — ничем не сдвинешь. Может, тяжелые, а может, ветер нужен, чтобы их чуточку отогнал и тогда утреннее небо станет ярким и глубоким, словно умоется, а лучи будут его подсвечивать, вот тогда-то облака заиграют. Мне нужны эти лучи, чтобы наружу вытянуть свет, а сейчас...

Не договорил, удрученно махнул рукой.

— Вот те на, я думал, он облакам обрадуется. Не каждый день над нашей деревней такие собираются. Наверное, смотрят, как люди живут, как я ворчу, как ты на кровати валяешься. Смотрят и удивляются, что люди — это лодыри. Ты, мил-человек, облакам радуйся, потому что они живые, — взглянув поверх очков, сказал старик, — а ему лучи подавай. Хе-х, насмешил! Где же взять эти лучи, мил-человек, если облака не по дням, а по часам растут? Время для них настало, силушку набирают...

— Меня зову... — раздраженно заворчал художник.

— Да знаю, мил-человек, знаю, как тебя зовут, — отмахнулся дед Гриша и, затаившись, опять скрылся в облаке едучего дыма. — Привычка такая у меня, мил-человек. Даже выговор получил за это, когда самого секретаря райкома на собрании назвал мил-человеком и носом при всем народе ткнул в его ошибки. Обиделся! Он молодой был, с гонором. Расфырчался, что я ничего не понимаю в его работе, и вместо того, чтобы слушать и помогать, я палки в колеса вставляю. Так и сказал. Да! Ну, меня наказали, а толку-то? Выговор вlepили, а с работы-то не сняли. Секретарь укатил, а я остался, и мне его выговор, как мертвому припарки. Он душу успокоил, а я даже не расстроился. Хе-х! — он встрепенулся и привычно ткнул в очки, поправляя. — Что хотел узнать-то... Вот ты, Сережка, малоешь картинки, а я наблюдаю за тобой и удивляюсь, неужто эту мазню покупают, а? — и, поднявшись, он подошел к мольберту, картинно отставил ногу в рваном носке, почесывая реденькую седую поросль на груди, склонился и прищурился, стараясь понять, что на холсте, сделал несколько шагов назад, опять взглянул и небрежно махнул рукой. — Мазня-мазней! Помнится, я в детстве так малевал, а потом батя хворостиной задницу расписывал. Хе-х! — и, поглаживая венчик седых волос, хрипловато хохотнул и снова спросил.

— И покупают?

Он взглянул на постояльца.

— Покупают, дед Гриша, покупают,— усмехнувшись, сказал Сергей Иванович.— На хлеб с маслом хватает. Бывает, икоркой балуюсь.

— Неужели? — удивился старик и опять подошел к мольберту, словно хотел понять, за что платят такие деньжищи, долго стоял, качал головой и снова пожал плечами.— Вот убей — не пойму! Натыкал кисточкой, размазал по всей картине и считаешь, мил-человек, что красиво. Хе-х! — склонившись, выглянул в окно, зыркнул глазами туда-сюда, приложил руку лодочкой, прищурившись, долго смотрел на березы, что стояли за речкой, взглянул на тяжелые, этажные облака, которые, казалось бы, зацепились за верхушки деревьев и никак не хотели уползать за горизонт, потом ткнул скрюченным пальцем, показывая.— Вот ты говоришь, что облака не нравятся, что лучи тебе подавай... А что ты знаешь про облака, мил-человек? — и, хитро сощурившись, взглянул поверх очков на постояльца.

Прислонившись к высокой спинке, художник усмехнулся, поглядывая на ершистого старика, с которым чуть ли не каждый день приходилось спорить о чем-либо, потому что у старика был свой взгляд на жизнь и все, что его окружало.

— Что могу сказать,— Сергей Иванович запнулся, думая, как бы вспомнить и более доступно объяснить, а потом просто сказал.— Ты, дед Гриша, говоришь, будто облака живые, а я скажу — это вода превращается в облака, это мы еще в школе проходили. Вода испаряется из морей и океанов, да отовсюду, где она есть, и поднимается вверх, а там свои законы, по которым в облака превращается.

Дернув за венчик волос, дед Гриша тоненько засмеялся.

— Я в школах не учился, как ты, к примеру,— он погрозил пальцем и снова ткнул в окно.— Сызмальства пришлось работать. Закорючку ставлю заместо росписи, но меня не проведешь. Моя бабка Агриппина, царствие ей небесное,— он крутанул рукой перед собой, словно перекрестился, и посмотрел на икону, что висела в углу.— Она могла на любой вопрос ответить. Все знала! И ведь тоже не училась. Да и какая учеба в деревне, если семеро по лавкам?! То люльку качают, то за малышкой присматривают, потом с батей в поле уходишь или в леса, а то на реку. Оглянуться не успеешь, самого оженили, и тоже семеро по лавкам сидят и все кушать просят. А ты пластаешься день и ночь, чтобы семью содержать. Так всегда было, мил-человек. А сейчас... Эх...— старик сокрушенно покачал головой.— Одного еле-еле народили, и плачутся, слезами заливаются, что жизнь тяжелая, а сами-то и не видели еще — эту жизнь, зато научились жаловаться. Измельчал народ. Не люди, а так, людишки пошли...

И старик махнул рукой, а потом полез в карман, доставая свой любимый самосад.

— О, как! — рассмеялся Сергей Иванович.— Начал за здоровье, а закончил за упокой. Обещал про живые облака рассказать, а сам...

Он замолчал.

Старик ткнул пальцем в переносицу, поправляя съехавшие очки. Покрутил головой и, заметив запыленную пустую банку, поплевал в нее и ткнул туда окурочек.

— Вот ты умный человек,— подняв палец вверх, сказал старик,— а говоришь, что облака — это вода из морей-океанов. Там вода горькая, как слышал, а дождевая вода — сладкая. Почему так? Ты же должен все подмечать, а тут с облаками опростоволосился. Хе-х! — дед Гриша торжествующе посмотрел на постояльца.— Ты подумай своей головой, мил-человек, как должен закипеть океан или море, к примеру, чтобы этот самый пар добрался до небес, а? Вон, кастрюлька стоит на огне, из нее пар вырывается. Чуть повыше подними руку и не почувешь его — этот пар, потому что он исчез, в обычный воздух превратился, а ты говоришь... Хе-х! — и тонко засмеялся, махнув рукой, а потом прищурился, посматривая на постояльца.— А ты видел, какие облака бывают, к примеру, зимой, а весной или летом и осенью? Что говоришь? Разные... Я без тебя знаю, что они разные, а почему? Ты хреновый худож-

ник, если не можешь объяснить, почему они разные... Ничему тебя жизнь не научила и ваша школа — тоже. Это я болтун? Да ты... Да ты...— старик возмущенно запыхтел, он поддернул штаны и ткнул пальцем.— Сам ты балаболка городская! Тебя учили, учили... Кучу денег потратили, а в твоей голове как был сквозняк, так и остался. Вот и получается, что пустили деньги на ветер. Еще неизвестно, кто из нас — болтун. Вот так, мил-человек! — и, махнув рукой, хлопнул дверью.— Ишь, говорит, из горького моря делаются облака, а дождик-то сладкий идет. А почему — не может сказать. Меня болтуном выставил, а сам-то... Пустомеля!

Старик продолжал ворчать, медленно спускаясь по ступенькам крыльца.

Проводив взглядом старика, художник усмехнулся, заложив руки за голову. Долго лежал, прислушиваясь к разноголосому кудахтанью кур, что возились в пыли, к ворчливому голосу старика, который, скорее всего, сидел на лавочке возле калитки и с кем-нибудь разговаривал и вспоминал его разговор. Не удержавшись, зная обидчивый характер старика, художник поднялся, потянулся, насколько можно было на высокой веранде, поддернул старенькие штаны, перепачканные краской и вышел на крыльцо, присев на высокую ступеньку. Взглянул на дальние холмы, на зеленые склоны, длинные тени от березок и низкое солнце, которое едва было видно сквозь мутную пелену, нависшую над горизонтом.

— Дед Гриш,— крикнул он, заметив его замызганную фуражку за забором.— Может, поужинаем? Накормишь голодного и хренового художника, а?

И, не удержавшись, опять засмеялся, вспоминая, как старик обозвал его и, запыхтев, ушел на улицу.

Фуражка зашевелилась и приподнялась. Из-за забора выглянул дед Гриша и, грозно сдвинув густые седоватые брови, взглянул поверх очков и погрозил.

— Я те дам, передразнивать! — сказал он, открыв калитку, и быстро засеменял к дому.— Ишь, пустомеля! Сам в трех соснах заблудился, а меня выставил болтуном. Эть, ну, дал боженька постояльца! Теперь замучает, пока не умотает в свой город,— и тут же ткнул пальцем.— А я скажу так, мил-человек, что моя бабка Агрипина намного умнее всех вас, нынешних, хоть и была неучем...— он запнулся, постоял, подергивая бровями, о чем-то думая, и махнул рукой.— Ну ладно, так и быть, заходи. Покормлю тебя, хоть и не заслужил, но если будешь обзывать, голодным оставлю. Понял?

И, прихватив головку чеснока и пучок лука, скрылся в избе.

Посмеиваясь, Сергей Иванович отправился за ним.

Ужинали неторопливо. А куда спешить, если вечер на дворе. На столе несколько вареных картофелин, пара-тройка яиц вкрутую, лук лежит рядом с солонкой, ломти хлеба, мяса нет, но есть немного пожелтевшего сала, но все равно вкусное, и две шербатые чашки с вермишелевым супом, который дед Гриша сам приготовил. Жена давно померла, а дочка и сын в город перебрались. Его звали, он отмахнулся. Родился в деревне и пусть здесь же закопают. И место приготовил. Рядышком с женой. Сказал, рядышком уляжется, хоть ей веселее будет. Закатится смешком, а глаза-то грустные. Сколько лет один, но так никого в дом не привел. Говорит, негоже, чтобы на жинкиной кровати спала другая баба, негоже. Сколько пытались ему невесту найти, он отмахивался. Своей не стало, а другая не нужна. Так и живет с той поры один, да редкий раз дети навещают и все на этом. И Сергей Иванович, когда поселился у него, заметил, старик ворчит-ворчит, все не так ему, а глаза радуются. Видать, все же надоело одному-то в пустой избе. А то, что брюзжит, так возраст такой — ворчливый, можно сказать. Все истории рассказывает. Заслушаешься. Много знает. Откуда, даже непонятно. И вот сейчас, зацепился за облака. Утверждает, что они живые. Значит, опять начнет рассказывать историю. Интересно его слушать. Кажется, небылицы плетет, а в то же время правдиво. Вот и задумываешься над его словами. А вдруг не обманывает?

После ужина Сергей Иванович со стариком пили чай с печеньем и простыми карамельками. Долго пили. Старик любил из блюдца чаи гонять. Чуть-чуть плеснет. Покапывает во рту карамельку, подует на горячий чай и шумно отхлебывает. Швыркаю, как он говорил. Так и швыркали с ним, пока крупные капли пота не потекли. Наконец, дед Гриша поднялся. Серым застиранным полотенчиком вытер вспотевшее лицо и принялся убирать со стола. Сергея отправил во двор, чтобы не путался под ногами.

Сергей Иваныч вышел на улицу и присел на ступеньку, тоже утираясь полотенцем. Так было всегда, когда они пили чай. Словно старались друг друга перегнать, кто больше выпьет. И всегда старик побеждал. А потом посмеивался над постояльцем, мол, слабый народишко пошел, даже чай пить не научились. И хекает сидит, а по глазам видно — доволен.

Повесив полотенчик на перила, Сергей Иваныч привычно принялся осматривать окрестности, останавливая взгляд на каких-либо мелочах, и снова смотрел, стараясь все запомнить.

Заскрипели половицы, раздался кашель, и рядом уселся старик, доставая кисет, и закурил, разгоняя сизый вонючий дым.

— Все лучи свои ищешь или ворон ловишь? — сказал он, подтолкнул постояльца и не удержался, зашелся в долгом кашле, потом сплюнул и просипел. — Сидит и башкой вертит во все стороны. Ну, чисто сорока, да и только!

— Привычка смотреть, — пожимая плечами, задумчиво сказал художник. — Что-нибудь заметил — и сразу в памяти откладывается, а то в блокноте или в записной книжке почиркаешь, да на любой бумажке, что под руку попала, лишь бы не забыть. У меня таких почеркушек немеряно собралось! И запоминаешь детали, всякую мелочевку, а из этого уже постепенно начинаешь мозаику выкладывать. Потом, когда в голове сложился образ или картину представил, тогда берешься за работу. И таких задумок в голове — не счесть! И так всегда...

— Твоя правда, мил-человек, — закивал головой дед Гриша и аккуратно стряхнул пепел в заскорузлую ладонь. — Я вот тоже, к примеру, увижу какую-нибудь железяку, сразу думаю, что из нее можно соорудить, куда бы приспособить. Все в хозяйстве сгодится. Так и собираю, где и что лежит, и тащу домой. Вон, уже сколько добра навалил, — и кивнул на большую кучу возле баньки. — Моя бабка ругалась, что двор захламляю, а потом махнула рукой. А когда мне что-нибудь нужно, я напрямик туда отправляюсь и начинаю кучу ворошить. И нахожу!

И начинался долгий и неторопливый разговор. Да какой разговор, если больше молчали, чем говорили. Так, изредка перебрасывались словами, да курили, иногда спорили, но тут же умолкали и каждый вспоминал о чем-нибудь своем, а когда молчание затягивалось, снова скажут и сидят, о своем думают. И так каждый день...

— Скажи, мил-человек, вот намалюешь свои картинки, а потом что с ними будешь делать? На рынок понесешь или как? — попыхивая сигаркой, сказал дед Гриша. — Наверное, уже вся квартира завалена, да?

Сказал и, хитро прищурившись, взглянул поверх очков.

— Почему на рынок? — удивленно взглянул Сергей Иванович. — Бывают выставки, правда, редко. Иногда заказывают картины, а еще есть такие любители, кто приезжает, — смотрят и забирают, что им понравилось. Пока не жалею, а что дальше будет — время покажет, — он задумался, потом покосился на старика. — Дед Гриша, что ты говорил про живые облака? Вижу, опять какую-нибудь небылицу намереваешься рассказать, да?

И покосился на старика, посмеиваясь.

Старик пошевелил бровями, наморщив и без того морщинистый лоб, снял фуражку, пригладил венчик волос и опять стал скручивать сигарку, отмахнувшись от папирос, какие подсунил художник.

— Что суешь всякую дрянь? Сколько смолю, но так и не привык к вашим папироскам и сигареткам — одно баловство и только,— поморщившись, он махнул рукой, потом провел языком по газетке и удовлетворенно осмотрел самокрутку.— Вот это конфетка! И вкусная, и запашистая, и для здоровья полезная, как говорил мой дед. Зимой, бывало, подхватит какую-нибудь лихоманку. Кашлем исходит. Дохает, как собака. Никому покоя не было. Тогда он брал самый крепкий самосад. Был у него такой. Горлодером называл. На всякий случай выращивал. Я мальцом был, стащил у него и решил посмолить. Так чуть концы не отдал! Ага... О чем я говорил? Ага...— он опять повторил.— Дед возьмет этот горлодер, скрутит здоровенную сигарку и на улицу подается. А там мороз, аж деревья трещат! Он смолит сигарку и ходит туда-сюда, а сам кашлем исходит. Опять скрутит и снова бродит — морозным воздухом дышит, а еще этим самым горлодером. Вот несколько сигарок изведет, до самых кишок прокашляется, вернется и быстрее в баню идет. Напарится так, едва до избы добирался. Зайдет, а ему бабка Агриппина стакан самогонки подает, а туда еще медку добавит. Не ради сладости, а для здоровья. Дед опрокинет его и лезет на печку. Укроется одеялом, бабка сверху на него всякое тряпье навалит, и он притихнет. А на ночь бабка возле печи ведро с водой ставила. Дед очнется, ковшичек опрокинет, мокрое исподнее скинет, сухое натянет и снова лезет под одеяло. Утром глядишь, а он здоровехонек бегаёт. Вот и получается, что наш горлодер лечит, а ваши папироски один вред приносят и больше ничего. Дрянь, да и только! Что говоришь? — опять зашевелились широкие кустистые брови.— А, живые облака... Ты, Сережка, когда картинки малюешь, только летом или постоянно? Ага, понял, как время есть, так и мотаешься за картинами... Мил-человек, можешь сказать, когда облака появляются на свет божий? Ну, рождаются...

Сергей Иванович удивленно мотнул головой, пожимая плечами, как облака могут рождаться, долго думал.

— Сразил вопросом, дед Гриша,— развел руками художник.— Право, не знаю... Не соображу, почему они рождаются. Мне кажется, они всегда были, есть и будут, потому что круговорот воды в природе, как говорится. Одни уходят за горизонт, а другие появляются.

— Это все брехня — ваш водоворот,— старик поднял палец вверх и поправил очки.— Я был мальцом, когда услышал эту побасенку, а может это и не сказка, но всю жизньюшку поднимаю голову и смотрю на небо, и еще ни разу не видел, чтобы моя бабка обманула. Все сходится, как она рассказывала. Значит, она правду говорила. Я что говорю: бабка Агриппина неграмотная была, а столько знала, что любого профессора за пояс заткнет. Правда! К ней многие обращались. Одни за травками приезжали, другие за советом и она никому не отказывала. Всем помогала. Так вот, как бы тебе попонятливее сказать-то...— он задумался, поглаживая венчик волос, потом продолжил.— Каждый человек это видит, но не всякий замечает. Взгляни на человека и его жизнь со дня рождения и до последнего дня, как из мальчика становится стариком, а потом сравни с облаками. Всю зиму небо белесое от морозов или закрыто тучами. Даже при ясной погоде по небу пелена раскинута. Правильно? Ага, точно... Весна наступает, теплом потянуло, и небо становится чище, и там появляются тоненькие легкие перышки-облачка — это детишки родились. Что? Наверное, перистые — не знаю... Летом эти облачка-детишки растут не по дням, а по часам, наливаются силой и к концу лета становятся огромными и высокими — это уже взрослые по небу гуляют. Так говорю? Вот, правильно! Наступает осень. Облака начинают темнеть или потихонечку состариваются, ежели по-людски сказать. Расползаются во все стороны, все чаще заволакивая небо до самого горизонта. А в конце осени они почти сплошь растянулись над головой и стали черно-серыми, тяжелыми и медлительными, будто наверху собрались пожилые облака. А зима наступает, небо закры-

ваются серыми — седыми облаками — это старость пришла к ним и, лишь изредка появляется солнце, но это солнце всегда в какой-то пелене. А начинают исчезать седые облака в начале весны, а на их месте снова появляются легкие перистые облака, как ты назвал. Человека хоронят в землю, а седые облака уходят в небесную синь, чтобы дать новую жизнь другим облакам. Вот и подумай, мил-человек, откуда берутся облака. Они рождаются! И с весны до весны — это их жизнь. С одной стороны — короткая жизнь, а с другой, если подумать, длинная, потому что они очень много пользы приносят людям. Как, кто родил? Эта... — старик покрутил головой, ткнул пальцем в очки и подергал венчик волос. — Как ее... А, вспомнил! Природа — это она родила, так моя бабка Агрипина говорила. А не верить ей не могу, она умнее всех была. Убедился! И ты, ежели умом пораскинешь, тоже поверишь. Гляди на небо, мил-человек, жизнь не только на земле, но и на небесах — тоже! — и, поднявшись, он громко зевнул, направился в избу, но приостановился. — Да, вот еще... А моря и океаны — это слезы людские. Для кого-то слезы радости, кому — горести, У каждого человека свои слезы. Это мне бабка Агрипина говорила. Как-нибудь расскажу тебе, а сейчас что-то меня сморило, — и опять протяжно зевнул. — Пойду, чуток подремлю, — и захлопнул дверь.

И снова дверь заскрипела. Дед Гриша вышел и взглянул на небо.

— Забыл сказать... Слышь, мил-человек, — он ткнул пальцем, показывая на небо. — Можешь готовить свои краски. Завтра будет ветер. Утром лучи по небу пробегут и оно станет таким, каким ты его видишь. Поторопись...

Сказал и направился к двери.

— Дед Гриша, — Сергей Иваныч посмотрел на небо. Оно было блеклым и безжизненным. — Дед, откуда знаешь, что будет ветер?

— Я знаю гораздо больше, чем ты думаешь, — буркнул старик. — К примеру, после обеда начнется гроза. Сильная. До нитки вымокнешь, пока до деревни доберешься, но ты не заболеешь. А я, пока тебя не будет, баньку протоплю. Попаримся, чай пошвыркаем, а потом посидим, за жизнь поговорим...

Сказал и притворил дверь.

Сергей Иваныч опять взглянул на мутное небо. Казалось, облака стали еще больше, словно подросли за эти дни: тяжелые, высокие и неповоротливые, они зацепились за вершины гор и ничем не сдвинешь. Редко проглядывало тусклое солнце. Он пожал плечами, задумался, вспоминая рассказ старика, и, сравнив человека с жизнью облаков, от первого и до последнего дня, удивленно хмыкнул, поражаясь сходству. Потом махнул рукой, заторопился на веранду и стал собирать краски с кистями. А вдруг, правда, старик не обманывает, и завтра будет долгожданный ясный день и тогда он снова возьмется за картину? Все может быть...

А вечером, как обычно, они будут сидеть на крыльце и вести долгие разговоры. Даже разговорами назвать-то нельзя. Так, изредка перебросятся словами, но в основном будут молчать и курить, иногда спорить, и снова молчать, и каждый будет о чем-то своем вспоминать, а когда молчание затянется, снова перебросятся парой слов, а если настроение будет у старика, он что-нибудь расскажет, к примеру, о море людских слез или еще о чем-либо...

Александр Лепешенко
(г. Волгоград)

ДОКТОР РАДОНОВ В РАБОТЕ И ДРУЖБЕ

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заместитель генерального директора Издательства «Учитель». Лауреат премии имени Виктора Канунникова (2008), дипломант различных литературных конкурсов Автор книг рассказов и повестей «Монополия», «Сороковой день» и романа «Смешные люди». Публиковался в литературных журналах «Московский вестник», «Невский альманах», «Волга. XXI век», «Отчий край» и «Перископ».

В распахнутую дверь командирской каюты заглянул начальник медицинской службы капитан Радонов.

— Разрешите?

— Прошу, Вадим Сергеич, проходите, присаживайтесь...— Савельев отложил карту, с которой работал, и кивнул Радонову на кресло.— Вы насчет Эйбоженко? Я обдумал ваше предложение. В целом, оно здоровое: у шифровальщика действительно не так много дел в походе. Поэтому разрешаю задействовать его по медицинской части.

— Благодарю, Андрей Николаич! Но вообще-то я хотел переговорить о матросе Братченко.

— Да - да, я помню... Вчера, вы докладывали, что обнаружили у него тревожные симптомы...

Радонов поудобнее уселся в кресле, вытянул длинные ноги.

— Все так... Слабость, тошнота, повышенная температура и боли в правой подвздошной области. Это не что иное, как острый аппендицит,— подытожил Радонов.

— Вадим Сергеич, что вы намерены предпринять?

— Консервативная тактика успеха не имела. Покой, голод и антибиотики не помогли. Температура поднялась еще выше. А, значит, нужно срочно оперировать.

— Все-таки операция...— сказал Савельев, помрачнев.— Как некстати...

— Командир, будьте покойны... В клинике кафедры военно-морской хирургии я оперировал больных раком... Сейчас же требуется всего лишь вырезать воспаленный аппендикс.

— Хорошо, Вадим Сергеич, как будете готовы, приступайте! Да, и вот еще что... Свет в амбулатории не погаснет ни при каких обстоятельствах... Никакое оборудование не выключится... Все будет крутиться и вертеться,— скрепил Савельев и потянулся к тумблеру громкой связи.

...Не раз и не пять командир взвесил доводы за и против возвращения в Гаджиево. Выходило, что стратегический подводный ракетоносец «К-799» ну никак не сподобится пришвартоваться к родному пирсу раньше, чем следующим утром, и самое верное — это оказать всю необходимую помощь матросу Братченко здесь, в море.

Сейчас, не медля... В своем, как всегда прямом и развернутом в плечах, докторе Андреем Николаевичем нисколько не сомневался: он то уж точно «всех излечит, исцелит». Впрочем, вселял уверенность и очень обязательный старшина электротехнической команды Широкоград: коли отрезал Александр Иванович, что лампочки в операционной посветят, значит так и будет. Что еще? Цельный и твердый старпом Пороховщиков сразу взял сторону командира. Базель же, Базель, имевший свойство почти не иметь свойств,— не в счет. «Ну тиснет замполит по обыкновению наверх рапорт, да и черт с ним... Не родился еще богатырь такой, чтобы смог меня обыграть»,— решил Савельев.

Вскоре командира вызвали на ГКП. Широкоград стал фокусничать с электричеством, а Радонов взялся, наконец, за скальпель.

Когда операция уже благополучно завершилась, Вадим Сергеевич Радонов бодро пропел:

*Фридрих Великий, подводная лодка,
пуля дум-дум, цеппелин...
Унтер-ден-Линден, пружинной походкой
Полк оставляет Берлин...*

— Ну что, товарищ капитан? — прокряхтел, оглядывая свой живот с белой марлевой повязкой, матрос Братченко.

— Что, что... Я же говорил: лучше сдайся мне живьем...

— Так я и сдался.

— Значит, жить будешь... Ясно?

— Ясно.

— Денис, по-моему, ты сдрейфил, а?

— Да как же не сдрейфить-то... Один только вид вашего хирургического инструмента...

— Инструмента?.. А скажи: ты песню Высоцкого слышал? Ну в ней еще такие слова... Пока вы здесь в ванночке с кафелем... Э-э, моетесь, нежитесь, греетесь... В холоде сам себе скальпелем он вырезает аппендикс...

— Про клоунов знаю, но эту нет, не припомню даже... А отчего вы интересуетесь?

— Видишь ли, Денис, я ведь коллекционер.

Радонов поймал удивленный матросский взгляд.

— Да-да, коллекционер... Но не в том смысле, что я гоняюсь за какими-то древними черепками... Артефактами... Понимаешь?

— Не совсем, Вадим Сергеевич.

— Истории, своеобразные, конечно... В своем, так сказать, роде... Вот что я собираю.

— А-а-а...

Неожиданно доктор зазвенел молодым рассыпающимся смехом.

— Ну и физиономия у тебя, матрос! Раскрывает рыба рот, а не слышно, что поет. Братченко виновато улыбнулся.

— А, Впрочем, не забывай голову... Лучше прелюбопытную историю послушай...

Вадим Сергеевич закрыл кран и понес перед собой мокрые большие руки. Потом тщательно обтер их полотенцем и, присев на кушетку, начал свою повесть:

— Так, но с чего же начать, какими словами? А все равно, начну словами: там, на станции Новолазаревская, в кипящем котле Арктики... Почему, скажешь, в кипящем? Ну а как я, Денис, эту необычную, гадательную и неопределенную Арктику тебе опишу... Год?... Год тысяча девятьсот шестьдесят первый... И если не изменяет мне память, то двадцатые числа февраля. Холодина! Такая холодина, что из себя самого можно выскочить. И даже на пресловутые ребра не опираться... Короче, погода ощерилась! Авиацию не поднять... А до земли обетованной, «откуда доходят облака и

газеты»,— восемьдесят километров... И вот тут, по гадскому стечению обстоятельств, птенец человеческий оказался на краю гибели. Тьфу! Прости, Денис, съехал на штампы... Э-э, ну так вот... Врач этой полярной станции, Леонид Rogozov, заметь, единственный тамошний врач, сам поставил себе диагноз: острый аппендицит. В общем, все, как у тебя. Почти все. Разница лишь в том, что тебя спасал я, а Rogozova — Rogozov. Нет, конечно, ему помогали метеоролог Артемьев, подававший инструменты, и инженер-механик Теплинский, державший у живота небольшое круглое зеркало и направлявший свет от настольной лампы. Начальник станции Гербович дежурил на случай, если кто-то из «ассистентов» грохнется в обморок. А что же Rogozov? А Rogozov лежа, с полунаклоном на левый бок, вкатил себе раствор новокаина и аккуратно так сделал скальпелем двенадцатисантиметровый разрез в правой подвздошной области. Временами всматриваясь в зеркало, а временами и на ощупь, без перчаток, действовал он... Следишь, Денис? Ага, вижу, что следишь. Хорошо, сейчас посыплются еще и цифры... Итак, через тридцать — сорок минут от начала операции развилась выраженная общая слабость, появилось головокружение. Еще бы! Ведь добраться до аппендикса было непросто — Rogozov наносил себе все больше ран и не замечал их. Сердце начинало сбоить. Каждые четыре — пять минут он останавливался на двадцать — двадцать пять секунд... В какой-то момент Леонид Иванович даже пал духом. Скапнулся... Но затем осознал, что вообще-то уже спасен! Да, именно так. Операция, длившаяся час и сорок пять минут, отколотилась. Дней через пять, примерно, температура нормализовалась, а еще дня через два были сняты швы.

— Вадим Сергеич, значит, это о нем, о Rogozove, Высоккий ту песню пел...

— Конечно, о нем, не о тебе же. И это ему, а не тебе, вручат впоследствии орден Трудового Красного Знамени. А впрочем, и ты, Денис, большой молодец... Хвалю!

— Спасибо! Но если бы не вы, товарищ капитан...

— Да ладно тебе... Служи Советскому Союзу!

...Умыв, что называется, руки, Радонов отправился в курилку. Дорогой он доложился командиру и, приобретя его благодарностью, пребывал в прекрасном настроении — выстукивал об портсигар какой-то уж очень воинственный марш. Таким его и увидели штурман Первоиванушкин и мичман Широкоград. Оба уже разминали в пальцах туго набитые, пайковые, индийские сигареты.

— Что, братцы, воскурим фимиам? — чуть ли не пропел Радонов.

Штурман Первоиванушкин улыбнулся и чиркнул зажигалкой, давая каждому из товарищей прикурить.

— Какая, однако, у тебя, Иван Сергеич, горелка... Небось, серебряная?

— Да, тонкая штучка... Не удержался, купил... Чуть ли не всю получку укокошил.

— Слышишь, Александр Иванович? Во сибарит дает! Ему бы жениться, тогда бы знал, на что получки укокошивать...

— А сам-то когда такому дельному совету последуешь? — сказал, выделявая дымные кольца Широкоград.— Ване-то — двадцать пять, лицо еще пушится, а тебе через две недели... Сколько? Тридцать, тридцать лет!

— Молодость, брат, как известно, к нам уже вернуться не может... Разве что детство...

— Да черт с ней, с молодостью! Ну, вот что ты брякнул недавно на танцах Вале Веревкиной? Мадам, отодвиньтесь немножко! Подвиньте ваш грузный баркас... Вы задом заставили солнце,— а солнце прекраснее вас...

— Я — любавец! Я — красавец! А она, она перед моим носом изнемогала в невозможной восточной позе. А впрочем, Сань, ты прав... И мне надо бы жениться, а? Променять, как писал твой любимый Платонов, весь шум жизни на шепот одного человека...

— Да, ну тебя... Я серьезно, а ты...

— Сань, да я то же серьезно... Поверь!.. Просто «изумрудное будущее не вытанцевывается»...

Радонов незаметно и как-то лукаво подмигнул Первоиванушкину.

— Найти бы единственную мою письмовладелицу... Такую, например, как твоя Полина, и сразу того...

— Чего, того? — вскинулся Широкорад.

— Под венец! Исцелять раны цветами...

— Иван Сергеич, поговори с этим паяцем сам. А мне пора, надо еще кучу датчиков проверить.

— Иди, иди, Карамазов, проверяй свою кучу, а я тут помозгую с Ваней насчет Великого инквизитора... Базеля... Совсем распоясался, даже на командира вон бочку катит.

— Ну, мозгуй, Вадим Сергеич,— парировал Широкорад,— только потом не забудь рассказать, что намозговал! — Как подсказывает опыт, лучше знать о твоих экспромтах заранее...

Он собрался уж было выйти из курилки, но тут его вдруг окликнул доктор.

— Не сердчай, Александр Иванович... Сань... Ну, вот хочешь — поклонюсь тебе в пояс... Ты ж просто спас этого матросика Братченко... Светил всегда, светил везде... Ничего у меня в операционной даже не гакнулось. Нет, я серьезно, брат!

— Все, товарищи офицеры... Адью!

— Давай, Сань, пока! — кивнул Первоиванушкин и зачем-то, с каким-то даже шиком, чиркнул зажигалкой.

Подводники помолчали, пуская дым.

— Он ушел, но обещал вернуться...— снова оживился Радонов.— Нет, ну, Саня, он ведь как Болконский...

— В смысле?

— А в том смысле, брат Иван, что и он может знамя поднять... Обожди, обожди, в свой час обязательно подымет...

— Постой, а что ты хотел о Базеле сказать?

— Что, что... Может, на дуэль его вызвать? Вызовешь, Вань? Или на седины старика не подымится рука?

— Вот ты юродивый!

— А может, его за бороденку, за мочалку да и вытащить с нашей подлодки... Как Митя Карамазов отставного штабс-капитана Снегирева из трактира вытащил, а?

— Во-первых, Базель не отставной штабс-капитан...

— И во-вторых,— подхватил Радонов,— без мочалки... Ухватить не за что...

— Нет, ну юродивый... Кто тебя только до больных допустил?

— На счет юродивого, брат, ты крепко ошибаешься... Во мне растут цветы подводные... И жизнь цветет без всякого названия...

Радонов помолчал, покусывая губы, потом сказал:

— Пойду-ка я проведаю моего единственного больного. Жаль, конечно, Вань, что это не ты... Я б тебя так проведал...

— Добрый ты, Вадим!

— Добрый... И ты добрый. Все, все добрые...

— И Базель?

— Базель? Нет, он не добрый, а святой... Сердце его большое похоже на колокольню...

Ольга Набережная
(Якутск, Республика Саха (Якутия))

ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ

Пишет рассказы и повести. Публиковалась в литературных журналах: «Полярная Звезда», «Луч», «Парус». Золотой лауреат международного литературного конкурса «Большой финал» (2019 г.) Автор сборника рассказов «На ять».

Нюта и Виолетта Генриховна не были подругами. Как говорится, судьба свела. Точнее сказать, случай. А впрочем, это практически одно и то же.

Нюта всю жизнь проработала поваром в фабричной столовой. Не нажила ни премий, ни грамот и надбавок к пенсии. Сын и муж погибли. Давно, в автокатастрофе. Примирилась уже с потерей. Свыклась как-то. Несколько раз в год ездила на могилки с бумажными, незатейливыми цветочками в сумке и блинами. Покряхтывая, очищала холмики от лежалой травы и сухостоя. Долго сидела, потом отдыхала на лавочке в оградке, слушая птиц и кладбищенскую тишину. Верила, что это души Васеньки и Николая рядом летают, ее приветствуют своим чириканьем. Улыбалась сквозь слезы, вздыхала, крестила могилки сморщенной горсткой и шла на автобус, пока не стемнело...

Виолетта Генриховна всю свою энергию и непоколебимый советский энтузиазм отдала английскому языку и преподаванию в университете. Причем так успешно, что дочь, проникнувшись материнной любовью к чужой речи, сменила родной город на заграничные соблазны. Все, как у людей. Дом в два этажа, две подержанные машины на семью, трое детей, субботние барбекю на заднем дворе с соседями, гольфом и собакой. Нет, Виолетта Генриховна не обижалась, что в размеренной жизни дочери не нашлось ей места. Да и куда она на старость лет уже? В новую жизнь? Просто по внукам очень скучала, которых никогда вживую не видела. Хотелось ей прижать их к груди, почитать «Золушку» или «Простоквашино» на ночь, сводить в зоопарк, ну, или в цирк. Но увы и ах. Билеты стоят дорого. Отпуск у дочери с зятем всего десять дней. А на Кубу из Канады слетать дешевле, чем в Россию...

Они и познакомились-то случайно. Встречались иногда в ближайшем к дому супермаркете, но даже не подозревали, что живут в соседних подъездах. Нюта в мыслях окрестила эту худенькую немолодую женщину «профессоршей» — уж очень вид у нее был деликатный и вежливый. В тот день Виолетта Генриховна получила пенсию и решила отправиться за продуктами. У Нюты пенсия была через два дня, но кончилась мука. А завтра у Васеньки день Рождения — блинов надо напечь. А как их напечешь, если муки нет? Вот и потащилась Нюта в магазин, хотя с утра поясницу выворачивало. Не иначе дождь будет на днях. Еще и ухо чесалось — точно помокрет. Нюта вышла из подъезда. Зябко поежилась и припустила по тротуару, пока домашнее тепло не выдул октябрьский северный ветер. Тут не дождем, тут снегом за-

пахло уже. Нюта заскочила в магазин и расслабилась. Тепло. Она неспешно прошла по рядам. С сожалением поглазела на витрину с сырокопчеными колбасами, расплатилась за муку и пошла к выходу. Сквозь стеклянную дверь заметила худенькую спину Виолетты Генриховны в затрапезном пальтишке и шляпке-таблетке на гордой профессорской голове. Небо совсем захмурилось и сыпануло звонкими горошинами града. Нюта прибавила шагу. И тут, когда она почти обогнала профессорскую спину, спина вдруг поехала вбок, нога в кокетливой потертой боте вывернулась влево, и профессорша неловко шмякнулась на тротуар, накрыв себя немногочисленными авоськами и пакетами.

— Ой, батюшки,— Нюта всплеснула руками, отбросила свою муку и кинулась к упавшей.— Да че ж вы такие не осторожные-то! Под ноги же глядеть надобно.

Нюта осторожно подтягивала Виолетту Генриховну за локоть. Та, охая и поминая Господа, с четверенек поднялась на ноги.

— Спасибо, милочка, все в порядке. Поскользнулась. Я такая неловкая. Простите, что побеспокоила,— Виолетта Генриховна утвердилась на своих двоих и нагнулась за пакетами.— Ох,— простонала она.— Нога что-то. Подвернула, что ли?

— На меня обопритесь. Вам далеко?

— На Ярославскую. Спасибо вам.

— Ой, и мне туда же! Вас как звать-то? — Нюта заботливо подхватила страдалицу под руку.

— Виолетта Генриховна. А вас?

— А меня — Нюта. Ну, в смысле Анна Сергевна.

— А на Ярославской — куда вам? — Нюта, заботливо прижимая локоток Виолетты Генриховны, семенила рядом, подстраиваясь под хромоногий ритм.

— Четыре дробь один. Подъезд четвертый. Да вы не беспокойтесь! Сама доковыляю как-нибудь. Что ж вы на меня время тратить будете,— Виолетта Генриховна неловко замялась, но еще крепче вцепилась в Нютино пальто.

— Ой, надо же! И у меня четыре дробь один. Тока подъезд третий,— Нюта всплеснула руками от радости, словно встретила старую знакомую, которую сто лет не видела. Ее спутница, потеряв опору, снова, было, поехала вниз на тротуар.

— Эй, вы че не держитесь-то? Обопритесь пошибче. Я дюжая — выведу.

— Дома есть кто? — поинтересовалась Нюта.

— Да нет никого. Одна я,— вздохнула Виолетта Генриховна.

— Ну и ладно. Вперед! — скомандовала спасительница.— Как-нибудь доковыляем.

Так они, медленно переступая и обсуждая злободневные темы повышения цен на продукты и мизерной пенсии, добрались до дома. Нога у потерпевшей крушение болела и горела нестерпимым огнем вывиха. И Нюта старалась отвлечь свою неожиданную попутчицу веселыми прибаутками, коих знала в огромном количестве еще со времен своей поварской деятельности. Доплелись до Нютино подъезда. Нюта, не слушая робких, интеллигентских возражений, типа «ой, как неудобно, я и так вам столько хлопот доставила», взволкла худенькую, но такую тяжелую костью, Виолетту на свой третий этаж. «До вашего подъезда еще дальше ползти»,— промотивировала свое решение Нюта. Дома водрузила на старенький, продавленный диван, вызвала «скорую» и только потом, тяжело дыша, грузно опустилась на стул. Виолетта Генриховна, притихнув, как воробей во время грозы, уткнулась носом в плешивую горжетку и замерла под гнетом боли и вины.

«Скорая» приехала на удивление быстро. Запеленали ногу в лангету, вкололи болеутоляющее и заторопились на следующий вызов.

— Нюта, мне крайне неловко, но я вынуждена вас просить помочь мне до дома

добраться,— Виолетта Генриховна, не отрывая от горжетки глаз, пошевелилась на диване.

— Да куда вы пойдете, голубушка? Кто ж за вами уход-то делать будет? Ногу-то нельзя напрягать, и ходить вам пока нельзя. Так что — располагайтесь и не повторяйте все время, что вам неудобно. Неудобно пальцем консерву с сайрой открывать. А у нас — все удобно. Щас я вам бульончика сварю,— Нюта решительно закинула на диван здоровую Виолеттину ногу, подоткнула под спину плюшевую подушечку и укутала бережно пледом болящую. Виолетта Генриховна потеряла дар речи, глазами застекленела, и вдруг это стекло полилось неожиданным водопадом по сморщенным щечкам.

— Милая моя, да вы ж мой ангел-спаситель! А я уж не думала, что такие люди встречаются в наше-то непростое время. Но, право слово, неловко мне как-то.

Нюта поморщилась.

— Да че вы, в самом-то деле? Неужели мне бы так не помогли, случись со мной такая оказия? Придумали тоже — ангел. Этот ангел такого говнеца наложить может, что мама — не горюй. По делу, конечно. Но все равно. Нам крылья-то без надобности, мы и руками махать можем, если необходимость придет. А че ангел? Это он в раю — главный. А у нас-то, на земле, чего он решить-то может?

Под Нютино бормотание Виолетта Генриховна задремала. Так ей тепло стало и уютно, что даже боль в лодыжке казалось какой-то смутной, ненастоящей. Первый раз за много-много дней одиночество отступило. Даже порадовалась она немного, что с ногой такая история приключилась, потому что с замечательной женщиной познакомилась...

Время шло. Нога быстро заживала на куриных Нютиных бульонах. Сантехник Гоша по просьбе Нюты, сдобренный красивой фиолетовой денежкой, приволок из квартиры профессорши телевизор, потому что Нютин давно сгорел, а на новый так и не скопила. Гоша подключил антенну, настроил каналы и удалился, выразив надежду на дальнейшее сотрудничество.

Теперь вечерами они могли смотреть кино и новости. Раньше Нюта как-то привыкла обходиться без голубого экрана. Теперь ее было не оторвать от дивана после девяти, когда программа новостей заканчивалась и включали какой-нибудь российский сериал. Виолетта даже сердилась иногда.

— Нюта, да пойми ты. Никакое кино не заменит живого общения. Ну что там могут показывать такого, чего ты еще в этой жизни не видела? — горячилась Виолетта.

— Знаешь, Вита, я много чего в жизни видела. И смерть видала, и подлость видала, и чего тока я не видала. Вот мне и хочется посмотреть на жизнь без всей этой гадости. Может быть все красиво: белые занавески, красные шторы, диванчики с золотыми ножками. А люди-то! Ты посмотри, люди какие красивые! И все хорошие такие, аж плакать хочется,— Нюта собирала в горстку слезки, всхлипывала, нарочито громко вздыхала и переключала на канал «Культура». Любимый Виолеттин. Стойко минут пять слушала разговоры о литературе, споры какие-то ей непонятные, разглядывала причудливых мужиков с бородами и стальными перстнями на пальцах.

— Вита, а давай лучше Уильяма твоего почитай. Все ж интереснее, чем эта говорильня. Не могу уже слушать это, мозги в трубочку.

Безотказный и преданный денежкам любой цветовой гаммы сантехник Гоша, под неусыпным и бдительным оком Нюты, собрал в квартире Виолетты Генриховны несколько книжек, с сожалением поглядел на бронзовый подсвечник на старинном дубовом столе, и все литературное добро припер в Нютину квартиру. Больше всего Нюте понравилась «Ярмарка тщеславия».

— Не, ты глянь, че делается-то! Вот все напоказ у этих буржуев. Махонькая же

девчущечка-то, а характер — ого-го! Вот уважаю я таких. С наперсток сама, а жизни фору дать может,— искренне эмоционировала Нюта, вгоняя иголку в ночную сорочку Виолетты.— Ишь, не-е-е, нас, простых девок, так просто не вытравишь с этой самой ярмарки.

Виолетта Генриховна улыбалась. Хорошо ей было с Нютой. Надежно. И вся жизнь — по полочкам. Все ясно и понятно. Где хорошо, а где плохо. Нюта все знала...

Нога зажила. Пришло время сказать последнее слово и проститься. Обе неловко себя чувствовали, потому что, вроде, как и пора, а расставаться-то не хотелось. Привыкли рядышком. Да и выживать вместе легче. Обе переживали, мялись, но разговор о главном первой все-таки Нюта начала. С утра Виолетта Генриховна была сама не своя. Собирала кофточки, сорочки, платочки в кучу. Куча собралась не очень большая, но громоздкая. Нюта искоса поглядывала на сборы подружки, но молчала, что-то сосредоточенно обдумывая.

— Нют, ты мне сумку дашь какую-нибудь большую? Что-то вещей накопилось столько. Загостились я у тебя,— неловко улыбаясь, Виолетта зашла на кухню, где Нюта яростно терзала венчиком яйца.

— Ты омлет на ужин будешь? — словно не слыша подружку, спросила Нюта.

Виолетта Генриховна растерялась.

— Ну буду, конечно... Нют, ты меня слышишь, я про сумку спросила.

— Да дам я тебе сумку. Слышу я. Присядь-ка. Разговор есть.

Нюта вытерла руки о могучие бока, растрепавшиеся волосы заправила под ободок.

— Зачем тебе уходить? Нам жить вдвоем легче. Сама же понимаешь. И Маньке своей сможешь высылать в заграницы ихние. Твою квартиру сдадим. С пенсии закупаться будем. Заживем, Витка! — весело закончила тираду Нюта и вопросительно посмотрела на профессоршу.

Виолетта Генриховна в порыве благодарности вскочила, заключила в объятия мощный торс Нюты, расцеловала ее в щеки, в лоб, потом опять в щеки и расплакалась, всхлипывая и промакивая кухонным полотенцем слезы.

— Нюта, я уж не знала, как предложить тебе такое решение. Как я к тебе привыкла! Милая ты моя! Конечно! Согласна я!

И жизнь потекла совсем в другом русле. Не сказать, что сказочная и безбедная. Но стабильная и надежная. И главное — неодинокая. Дочитали Теккерера. На последних страницах Нюта разревелась, совсем по-бабски, с привываниями и утробным хлюпаньем носом.

— Буржуи паршивые, заморили девку своей жизнью. И-и-и-и, а могла бы борщи варить мужу, или, как эта, ну как ее? Во! Как Бузова у нас в верхах крутиться. Деньги лопатой грести. Вот, че за жизнь? Че за жизнь?!

— Фи, Нюта, ну Бузова-то здесь причем?! У тебя плохой вкус. Учю тебя, учю, а все без толку.

Нюта громко сморкалась, вытирала слезы и демонстративно включала Дом-2. Виолетта Генриховна пошла спать. В такие минуты с Нютой спорить было бесполезно. Наутро мирились за овсянкой, запивали мир чаем и расходились по своим делам — Нюта в магазин, Виолетта убирать квартиру...

Так и жили, нисколько не сердясь и не переживая, что у каждой на все было свое мнение. Принимали это мнение, иногда со скрипом, но всегда с пониманием...

А однажды Виолетта упала. Вот стояла возле холодильника, горячилась по поводу предстоящей пенсионной реформы — и упала. Нюта вареники катала, слушала гневную Витину тираду и улыбалась тихонько. А им-то че переживать? Уж давно на пенсии. А молодежь сейчас нежная больно пошла. На них пахать да пахать. Только

захотела ответить и вдруг — глухой удар. Повернулась Нюта, а Вита на полу лежит и воздух ртом, как рыба без воды, хватает. Испугалась сильно. «Скорую» вызвала. Приволокла в зал подругу. На диван не смогла закинуть. Силы от испуга и горя кончились. Так на полу, положив безжизненную голову на колени и поглаживая седой шелковый венчик волос, дождалась врачей...

Два дня прошло. Нюта, было, попробовала в больнице остаться, подежурить. Но — отправили домой. Мол, идите, отдыхайте, ничем не поможете. Позвоним... Позвонили. Нюта рот в судороге стянула, ответить не смогла. А в голове мысль одна трепещет: — «Да как же это?! Как я теперь-то? Почему-у-у-у?!»

Маньке Виолеттиной позвонила.

— Ой, тетя Нюта, вы уж как-нибудь сами там. Ни цента сейчас нет свободного. Помогите, пожалуйста, не останусь в долгу, — со слезой в голосе протянула Маша.

— А если денег не хватит, и мать твою, как собаку безродную, в целлофане закопают? Не приедешь даже? — Нюта разозлилась. — Когда будешь-то у нас?

— Постараюсь на девять дней. Ну правда — не могу сейчас, — голос отдаленно побулькал что-то еще несколько секунд, а потом замолчал. Видимо, связь прервалась.

Нюта тяжело встала со стула, прошла в комнату. Гроб самый дешевый, обитый сиреневым плюшем. Вита лежала, укутанная таким же дешевеньким тюлем, в бежевом платочке под подбородок. Нюта присела рядом. Положила ладонь на сухонькие, связанные марлевой повязкой желтые ручки. «Спи, дорогая подруга. Спи спокойно. Провожу тебя, как надо. Ниче, ниче, справимся, выкрутимся»...

Манька не приехала. А в аккурат утром на девять дней пришел перевод на двести долларов. Нюта почему-то не удивилась. «Откупились, засранка», — горько вздохнула и пошла на кухню стругать овощи для винегрета. Женщины с бывшей Витиной работы, с университета, позвонили вчера. Посокрушались, что не сразу узнали. Видимо, дочка из своих за границей сообщила запоздалую весть. Обещались зайти вечером, помянуть коллегу. Поэтому Нюта хотела расстараться с закусками, чтобы все было честь по чести, достойно. Весь день она хлопотала. Сбегала в банк, получила перевод, прикупила кое-что к столу, и, почти довольная, что все так удачно складывалось, вернулась домой. К пяти накрыла стол. В духовке поспевал пирог. Она повязала новую косынку, подаренную Виолеттой, которую почему-то до сих пор не надевала, непонятно на какой случай берегла. Ну теперь понятно, на какой. Она, глядя на свое отражение в голубом облаке косыночного шелка, нахмурилась. Предчувствовала, что ли? Тьфу ты, прости Господи, дура старая. Лезет же всякое непотребство в голову...

Ровно в пять раздался звонок в дверь. Нюта, волнуясь, пошла открывать. Никогда в ее квартире еще не было столько ученых людей. Она даже чувствовала некоторую растерянность. Как с ними разговаривать-то? Вита, понятно, своя была. И простая, и не простая одновременно. А эти? Кто ж их разберет-то. Нюта чуть помедлила, собираясь с духом, и повернула замок. На пороге стояли три старушки. Такие же обыкновенные и несложные в своей старости, как и сама Нюта. Печальные, изрытые морщинами личики выражали самую искреннюю скорбь. В руках одной из них болтались две поникшие гвоздички. Делегация чинно прошла в комнату и после приветствий расселась вокруг стола.

— Анна Сергеевна, мы тут собрали немного, профком выделил кое-что. Возьмите, пожалуйста! От всего сердца! Мы Виолетту Генриховну давно знаем... знали. Хорошим она была человеком, — с этими словами одна из дам, порывшись в старомодном ридикюле с золоченым замочком шишечками, достала конверт.

— Ой, ну что вы меня по имени-отчеству. Нюта я. Просто — Нюта. Спасибо вам, девочки, огромное. Дочка иеная сегодня перевод прислала. Я справлюсь. Неудобно даже как-то, — Нюта смутилась, зарделась, спрятала руки за спиной.

Вторая дама, очень серьезного вида, взяла конверт и подошла к хозяйке.

— Нюта! Берите деньги, и закроем эту щепетильную тему. Раз положено — значит, надо. Не уносить же нам их обратно.

— Тогда я оградочку поставлю потом. Ну и памятник надо посолидней. А то что? Стоит этот короб красный, деревянный. Краска-то, поди, слезет скоро,— оправилась от смущения Нюта и засуетилась.— Ну, давайте, девочки, двигайтесь ближе к столу!

Дамы с облегчением выдохнули и задвигали стульями. И радостно было Нюте, и гордостно, когда слушала она негромкие и сердечные речи о своей Вите. Что помнят ее люди, что не только в Нютину жизнь она свет принесла. А то, что одна осталась под старость лет, так это судьба-злодейка...

Проводив гостей, которые буквально растаяли под теплом ее гостеприимства, Нюта быстро убрала посуду, раскидала в холодильник по полкам оставшуюся закуску и присела на диванчик. Включила торшер, разлившийся теплым оранжевым светом по темноте комнаты, накинула на ноги плед, нацепила очки и открыла книгу на заложенной вязальной спицей странице.

«Глава LXIV. Неприкаянная глава. Мы вынуждены опустить часть биографии миссис Ребекки Кроули, проявив всю деликатность и такт, каких требует от нас общество — высоконравственное общество, которое, возможно, ничего не имеет против порока, но не терпит, чтобы **пророк** называли его настоящим именем,— прочитала Нюта вслух, отложила книгу, принесла из кухни портрет Виты, окантованный черной ленточкой, снова поерзала на диване, укутываясь, и громко, с выражением, продолжила: — На Ярмарке Тщеславия мы много чего делаем и знаем такого, о чем никогда не говорим...»

Владимир Кокинский
(г. Тула)

Занимается документальным кино с 2010 года, является руководителем АНО развития искусства и кинематографии «Преображение», пишет сценарии к фильмам, стихи, рассказы.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ

Она шла домой и улыбалась. И вроде бы не было никаких причин для хорошего настроения, но она улыбалась. Было сыро, сыро. Она немного промокла, потому что забыла зонтик, но на душе у нее было умиротворенно и радостно, как бывает, когда встретишь очень хорошего человека. Когда точно знаешь, что эта встреча останется единственной, но незабываемой. Когда чувствуешь, что становишься свидетелем зарождения новой, чистой, благородной личности.

Уже несколько минут, как прозвенел звонок, но Людмилы Александровны не было, и урок не начинался. Рассевшиеся по местам первоклашки сначала замолкли, но, почувствовав безнаказанность, стали потихоньку переговариваться. Разговоры и нетерпеливое шуршание ног под партами постепенно перешли в монотонный гул, который сопровождался воплями и вскриками. Ученики уже ходили «в гости» на другие ряды, пугали девчонкам волосы и лупили друг друга учебниками.

Вовка также не отличался дисциплинированностью и вместе со всеми радостно галдел и трепал свои книжки о головы одноклассников.

Но, вдруг, плотно закрытая дверь открылась, и в класс вошли две женщины.

— Зауч,— послышалось сзади.

Что означало это таинственное слово? Вовка слышал его впервые. Наверно, что-то очень страшное, раз все так притихли! Одну из женщин он раньше встречал в школе: около 50-ти лет, в небольших роговых очках, с кучерявой прической, со строгим неприятным лицом. Вторую он не знал. Она была значительно моложе, с короткими темными волосами, смеющимися глазами и родинкой на щеке.

— Наверно они и есть «зауч»,— подумал Вовка, приводя в порядок тетрадки, учебники, карандаши и ручки. Все шло к тому, что запоздавший урок все-таки начнется.

Знакомая учительница объяснила, почему нет Людмилы Александровны, и представила свою коллегу.

— Дети! Людмила Александровна заболела, и сегодня замещать ее будет Вера Сергеевна.

Вера Сергеевна никак не укладывалась в Вовкиной голове, как учительница. Она больше напоминала старшую сестру. Вовка вертелся, галдел и всячески отказывался

слушаться. Когда *учительница* в очередной раз пыталась его успокоить, он открыто заявил, что ему нравится себя так вести, и продолжал обезьянничать.

Не долго думая, Вера Сергеевна наказала сорванца, поставив его в угол. Но поскольку все хорошие углы были заняты другими непоседами, Вовке досталось местечко, где он был у всех на виду. Это позволяло безнаказанно комментировать происходящее в классе и даже передразнивать учительницу. Вовкины выходки пользовались чрезвычайной популярностью среди одноклассников. Он веселился и веселил всех окружающих, за исключением Веры Сергеевны, за двадцать минут прошедшую тест на терпение и профессиональную стойкость. Она мужественно продолжала урок.

Наступил момент, когда Вовкины проказы терпеть у нее не осталось сил. Она пригрозила ему тем, что отведет к директору, если он не перестанет хулиганить, но Вовку уже было не остановить. Он мгновенно изобразил Веру Сергеевну, грозящую наказанием, и был препровожден в кабинет директора.

Настроение у Вовки как-то сразу испортилось. Он знал, что директор школы — мужчина строгий, и всячески упирался, заставляя Веру Сергеевну едва ли не волочить его по полу. Да и перспектива малоприятного разговора с родителями настроения ему не улучшала. Уже у кабинета он понял, что от судьбы не убежишь.

В этот момент ему стало как-то неловко, стыдно. Внутренности сжались и медленно двигались вверх, заставляя вспоминать глупости и нелепости, случавшиеся с ним ранее. Они сменялись событиями сегодняшнего дня, картинками мелькая в Вовкиной голове. Его выходки уже не казались смешными.

Он встряхнулся и понуро зашел в приемную.

Директора не было на месте, и Вовку оставили здесь под присмотром секретаря. Он представлял, как будет объяснять маме с папой причину своего позора и не находил себе оправданий.

— От отца с матерью сегодня попадет...— жалостливо протянул Вовка, поглядывая на секретаря, надеясь получить хоть от кого-то небольшую моральную поддержку. Но секретарь строго посмотрела на него и сказала:

— Ну, а зачем безобразничал? Поделом тебе.

Вовка захлюпал носом. Он представил суровое молчание отца и долгие разговоры мамы, старавшейся понять самой и рассказать ему, почему это произошло и что делать дальше. Стул в центре комнаты, закрытую дверь, повисшую тишину. Да еще скоро придет директор...

— Сидишь? — услышал Вовка голос Веры Сергеевны, внезапно оказавшейся рядом с ним. Он так глубоко был в своих мыслях, что не заметил, как она подошла к нему. Вовке было очень стыдно, и он, все еще хлюпая носом и глядя на свои ботинки, с трудом выдал из себя:

— Простите меня, я больше так не буду.

Вера Сергеевна улыбнулась. Она потрепала Вовку по голове и сказала:

— Больше не будешь обезьянничать?

— Нет,— ответил Вовка, сопя носом и продолжая внимательно рассматривать свои ботинки. Ему действительно было очень стыдно, и он решил во что бы то ни стало понести заслуженное наказание.

— Ну, пойдем в класс. Обещаешь больше не безобразничать? — спросила Вера Сергеевна и взяла Вовку за руку. Но он вырвал руку.

— Обещаю,— прохлюпал он,— но в класс не пойду. Я должен быть наказан и буду ждать директора.

Вера Сергеевна безмолвно стояла рядом с учеником, совершенно не представляя, как себя вести дальше, а секретарь даже отвлеклась от папок, пытаясь понять, что происходит. Вовке было не до них, он горевал, все также внимательно всматриваясь в свои ботинки.

— Я тебя прощаю, Вова,— после некоторого раздумья произнесла Вера Сергеевна,— кроме того, ты и так уже достаточно наказан.

— Нет,— принципиальный Вовка был непреклонен.— Вы привели меня к директору, и я должен получить по заслугам.

Вера Сергеевна продолжала уговаривать, и даже пыталась увести его, взяв за руку, но Вовка уперся и сумел вырваться. Несчастной учительнице ничего не оставалось, как вернуться в класс одной.

Пришел директор. Он быстро, но внимательно оглядел Вовку.

— Что случилось? — обратился он к секретарю.

Она что-то прошептала ему на ухо и потом вышла из приемной, а директор, покинув Вовку, скрылся в своем кабинете.

Вовкино сердце бешено колотилось в груди. Он проклинал беса, вселившегося сегодня в него.

Секретарь вернулась с Верой Сергеевной, которая почему-то, покусывая губы, зашла к директору. Через минуту она вернулась и с улыбкой обратилась к Вовке:

— Ну, заходи!

Еле живой Вовка поплелся за ней.

— Рассказывай, что натворил,— строго сказал директор.

Вовка со слезами на глазах поведал историю своего шалопаиства.

Возвращаясь из школы домой, Вера Сергеевна думала о Вовке. Он доставил ей сегодня множество хлопот: дразнился, проказничал, да еще заставил с директором объясняться. Но она почему-то была уверена, что он никогда не станет подлецом и прохвостом, что станет надежным и порядочным человеком, что никогда никто не будет за него краснеть!

Она шла и улыбалась. И никто не знал, почему. Почему она улыбалась именно сейчас, возвращаясь домой после, возможно, самого трудного дня в ее жизни.

РАЗВИЛКА

Какой-то молниеносной вспышкой остался этот день в моей жизни. Он никогда не сотрется из памяти, ибо события, произошедшие тогда, направили мою жизнь в другом направлении.

Сейчас я вижу, что тот день был некой развилкой, и что иду теперь по дороге, которая медленно отдаляется и от перекрестка, и от дороги, по которой я мог бы идти, не будь тех памятных событий. И осознаю, что некоторые поступки я не совершил именно благодаря им; некоторые слова не сказал именно после произошедшего в этот день.

Кто-то от кого-то слышал, что он сильно заболел; кто-то где-то читал, что он сошел с ума. Его имя поросло мифами, а его прошлое стало легендой. В юности он был кумиром множества поклонников, тысяч людей. А потом как-то скоропостижно отошел от дел. Неведение для меня продолжалось до тех пор, пока Господь не свел нас для личной беседы. Всего одной беседы.

Я никогда не видел его в жизни ранее. Сейчас же смотрел, сравнивая лицо собеседника с образами различных фотографий, сохранившихся в моей памяти. Смотрел, узнавая и не узнавая.

Неприятную усмешку прежних фото сменила еле заметная добрая улыбка. Скулы и нос стали более отточенными. Извечная бандана исчезла, и теперь стали видны короткие седые волосы. Его движения были неспешны, однако в них чувствовалась конечность действий, их ясность и очевидность. Медленная речь создавала ощущение рассеянности, но каждое слово было выверено, чувствовалась абсолют-

ная ясность сознания. Три часа разговоров на самые разнообразные темы, несколько чашек чая...

И вот теперь стою на автобусной остановке, ошарашенный и не до конца уверовавший в произошедшее. Мысли путаются, кавардак в голове мешает увидеть номер нужного маршрута, однако душа трепетно ждет какой-то перемены, чего-то нового, важного.

Я размышляю о творчестве, о его влиянии на людей, о грехе, о Боге, поражаясь глубине знаний и прочувствованности этих знаний душой моего собеседника. В моем кармане припрятана подаренная им книжка «Мысли о духовной жизни в современном мире из писем игумена Никона (Воробьева) и схимигумена Иоанна (Алексеева). Еще многое предстоит узнать.

* * *

Всего несколько остановок до метро. Я почти решился пойти пешком, но подошел автобус, и меня прямо-таки занесло в салон. Неразбериха в мыслях едва ли не привела к выяснению отношений с водителем при оплате проезда пластиковым билетом. В самый разгар нашего диалога, когда уже начинали повышаться голоса, к турникету, мимо меня, протиснулся невысокого роста дедушка. Его окладистая, богатая, серо-седая борода сразу бросалась в глаза, а ироничная и все понимающая улыбка, прятанная под ней, каким-то удивительным образом выскальзывала на его лицо.

— Проходите по моему билету,— сказал он, и, вставив в устройство многоцветную карточку, легонько подтолкнул меня к турникету. Конфликт был исчерпан, и лучшего, чем проскользнуть мимо автоматического контролера и сесть на свободное место, придумать было трудно. Напротив расположился мой благодетель.

— Не стоило, у меня есть билет. Могу себе позволить купить его,— отшутился я, с трудом скрывая смущение,— но огромное Вам спасибо!

— На здоровье.

Я посмотрел в окно. Теплая, слякотная зима. Серые однообразные здания большого города. Бешено несущиеся легковушки, пронырливые маршрутки, неторопливые троллейбусы. Редкие пешеходы безучастно месят ногами грязный тающий снег. И вдруг, среди многоэтажек, уличных фонарей и массы висящих кабелей, совершенно неестественным видением является лазурного цвета церковь. Она неторопливо шествует за окнами, оставляя за собой чувство смиренного спокойствия.

— Вы не из храма идете? — вернул меня в салон автобуса старичок.

Мои рассуждения и чувства, наверно, были на лице. Трехчасовая беседа и церковь в окне были как-то связаны. Но как?

— Нет, я не здешний. У себя, в своем городе, конечно, хожу в храм. Сюда я приезжал в гости.

Может быть, эти удивительные небесные оазисы, которые мы называем церквями, особенно нужны именно в таких местах, чтобы, оглянувшись, человек мог бы вспомнить о Боге.

Храм за окном исчез, снова обнажив унылость большого города.

Я вышел на конечной остановке и слился людским потоком, который уверенно доставил меня к метро. Подойдя к турникету, я немного закопался, ища по карманам жетон, и почувствовал легкий толчок в плечо, а какой-то голос негромко, но четко произнес:

— Проходите по моему билету!

Подняв голову, я увидел улыбающееся лицо знакомого мне старичка. Он приложил карту к светящемуся кружку:

— Все равно я не наезжаю положенного,— его улыбка вновь выскользнула из бороды, а глаза хитро, весело, и в тоже время добродушно лучились.

— Давайте-давайте! — бодро подталкивал он меня к турникету.

Второй раз этот необычный человек одновременно возвращал меня в реальный мир, поражая своими неожиданными действиями. В изумленном оцепенении пройдя контроль, я оглянулся по сторонам, но старичка нигде не было видно.

Крайне редко можно встретить на улицах огромного города подобное отношение. Удивительный человек. Как удастся ему быть совершенно другим в серой, безразличной, кипящей массе? Жить не по принятым нормам, а по велению души?

Я нащупал в кармане подаренную книгу. Все-таки удивительный день: странный, добрый, необыкновенный. Встреча с кумиром юности, чудесное появление церкви в окне автобуса, необычный старичок...

Эскалатор вызволял меня из подземелий метрополитена на солнце и воздух. Еще совсем немного и останется всего пару сотен метров до дома. Впереди, поверх людских затылков, уже показался выход. Знакомые сталагмиты фонарей, знакомые рекламные баннеры, знакомые борода и смеющиеся глаза...

В нескольких ступеньках от меня стоял мой, уже теперь старый знакомый, старичок и хитровато улыбался. Сойдя с эскалатора, он стремительно подскочил ко мне, сунул что-то в руку, пробормотал: «Храни Вас Господь», и также стремительно исчез, растворившись в толпе прохожих.

Ошеломленный, разжав ладони, я увидел маленькую бумажную иконку Святителя Иоанна, Чудотворца Шанхайского и Сан-Францисского — усердного и смиренного молитвенника, заступника всех болящих детей и взрослых.

Больше я никогда не видел этого старичка. Кто он такой, этот поразительный человек? В очередной раз я должен «пройти по его билету», вложенному в мои руки, но куда этот билет, не знаю. Но я твердо уверен, что поездка моя была правильным шагом; чувствую, что что-то в жизни пошло по-другому с тех пор. И очень этому рад.

ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ МОЙЩИКА

Сегодня опять она. Всякий раз, встречаясь с ней, ухожу в глухую оборону. Ни малейшего повода, ни единого лишнего слова. При встрече мне вспомнились строчки из стихотворения одной знакомой поэтессы: «...и эта медленная речь, и это странное вниманье».

Держурное «добрый день» на проходной, турникет, по лестнице на 2-й этаж. Слева дверь в женскую раздевалку, справа в мужскую. Как-то раз перепутал. Вход в женскую ближе, вот по лени и завернул. Но без казусов, вовремя опомнился.

Шкафчик. Выгружаю свои пожитки. Интересно, что сегодня моя Светулька дала на обед? Потом узнаю, помучаюсь. Пусть будет приятным сюрпризом. Наверно странно, но ее обед всегда приятный сюрприз.

Майка, штаны, куртка, кепка, САПОГИ! 15 часов в резиновых сапогах! Ну, не в первый раз. Эти хотя бы не жмут.

Из духоты раздевалки — в аппаратную через галерею с высокими окнами, откуда уже через край плещет солнечный свет, навевая некое уныние в преддверие жаркого дня. Уборщица моет пол.

— Куда по мокрому идешь? Не видишь?

Перехожу на другую сторону. Мы коллеги по роду деятельности. Нельзя обижать и обижаться.

В аппаратной кондиционер. Полминутки холодка. Расписываюсь в журнале и

вниз, на мойку, к себе. Кто-то в боксе уже есть. Юрка. Он каждое утро первый. Кто-то еще. Володька. По два рейса у них сегодня. Здравуюсь. Вовка хитро улыбается. Полгода назад мы с ним едва не сцепились. Не хватило только одного неосторожного движения. Хорошо, что не хватило. Теперь вот крепко здороваемся.

Записываю обоих в журнал осмотра, подготавливаю пропуска на выезд с завода. Бланки закончились. Прошу приемщицу распечатать. Сегодня Ирка. Жалуетя на моего сменщика-лентяя. Смеюсь в усы.

Обнаруживаю несколько пустых канистр на эстакаде. Уборщица подкинула. Непонятная какая-то. Вещи разбрасывает, моет плохо. Ну ее. Выброшу.

Нужно приготовить моющее средство. Наливаю воду в ванночки. День душный, рукам приятно от холодной воды. Теперь все. Одна ванночка с водой, другая с моющим. В них мою резинки с люков, клапана, крышки патрубков.

Первым подъезжает Юрка.

— Юр! Вчера 783-го не было. Что-то случилось?

— Бочку чинит. Сегодня его тоже не жди.

Минус одна машина на сегодня.

Подсоединяю шланги. Теперь на эстакаду, поливать цистерну пеной. Вспоминаю, что не помыл сливной патрубок и заглушку. Вниз, шланги долой, тру щеткой патрубок. Пена пока разъест жир и грязь с люков и горловин. Снова на эстакаду, прохожусь щеткой и смываю водой. Теперь дело за техникой. Кнопка запускает автоматическую мойку. Минут 20-25 можно провести, присматривая за тем, чтобы мойка не зависла.

— Спасибо, Вовчик! До вечера!

— На здоровье. Жду тебя.

На вторую линию подъехал Володька. Теперь все тоже самое с ним.

Теперь пару часов никого не будет. Можно доделать недоделанное, привести бумаги в порядок, подтянуть гайки, посидеть у Ирки (у нее в будке тоже кондиционер) или просто понаблюдать за жизнью, за миром. Время есть. Суэта начнется позже.

Здесь, в боксе, ласточки свили три гнезда. Из них торчат головки птенчиков. Родители, проделывая головокружительные виражи, подлетают к ним, и, зависая в воздухе, передают им из клюва в клювик завтрак. Затем теми же невероятными траекториями вылетают на поиск новых порций для остальных. Иногда ласточки садятся на пол, чтобы попить из лужицы. В них отражаются облака. Я, вопреки инструкции, выхожу на улицу. Кусочки ваты плывут по голубому небу. Красиво, хочется подольше понаблюдать, но солнце очень яркое. Глаза режет, и я возвращаюсь в «офис».

Мой «офис» — это стул, который я ставлю в боксе за огромной упаковочной машиной, которая уже полгода стоит здесь. Беру сюда свои бумаги и ожидаю новой партии молока. Его сольют, и я буду мыть цистерны.

Меня будит шум двигателя грузовой машины. Генка приехал.

Время обеденное, но есть не хочется; да и рано еще. Мне работать до поздней ночи. Сейчас покушаешь, потом будешь мучиться. А все-таки интересно, что же сегодня положила на обед Светулька?

Начинается суэта. В боксе уже пять цистерн, на улице еще. Здравуюсь с водителями, перекидываемся фразами. Хорошо, когда нормальные отношения между людьми. А было ведь иначе.

Я странный — необщительный, в себе. Это отталкивает. Вдобавок, поначалу так был сконцентрирован на работе, что порой не слышал и не видел окружающих. Такое не может нравиться. Теперь немного расслабился. Да и ребята привыкли.

Беготни много. На эстакаду — с эстакады, на машину — с машины. Шланги, резинки, клапана, пенная станция, микробиологи, журнал осмотра, пропуска...

Между машин в приемку пробирается молоденькая девчушка. Из лаборатории кажется. Каждый раз приветливо здороваётся, улыбается, что-то спрашивает. Лет бы 20 назад... Вспоминаю свой заботливо приготовленный и упакованный термосок. Нет! Не нужно никаких 20 лет назад. У меня есть все, о чем можно мечтать.

Есть хочется. Пока сливаются большие цистерны, сбегая покушать. Вверх по лестнице. Чем ближе, тем сильнее голод. Лечу. Что же там в баночке? Сегодня вареная картошка с умопомрачительными котлетами из индюшки. От одного вида котлет активно выделяется слюна. Маленькими кусочками, но быстро. До конца не доедаю, оставляю себе мечту на поздний вечер. Еще не насытившийся, но уже с утоленным голодом иду назад.

Осталось недолго. Машины остались только большие. На них лазить не нужно. Пока они моются, выхожу на воздух прощаться с остывающим днем. Стемнело уже. Виден лунный диск. Он слегка прикрыт облачками, которые подсвечиваются отраженным его светом. Выглядит зловеще, но очень красиво.

Теперь можно немного почитать. Пару дней назад сломалась электронная книга. Очень расстроился. Сегодня тайком пронес томик И. С. Шмелева. Какой же это кайф — читать бумажную книгу! Я стал ощущать события не только через слова и предположения, но и осознать их пальцами, перелистывая и разглаживая страницы.

Рассказывал ребятам, что читаю. Одни ушли, другие зевают. Двое слушают. Я видел их пару смен назад с книжками в руках.

Совсем уже темно. Луна еле-еле плывет по черному небу. Она тоже устала.

Вот и последняя машина. Последнее нажатие на кнопку автомойки. Теперь промыть ванночки, убрать ведра, закрыть задвижки, протереть пол, сложить бумаги стопочкой и записать в журнал передачи смен ЦУ для сменщика-лодыря.

Едва двигая ногами, поднимаюсь к галерее. Здесь тоже темно. И это хорошо — не видно усталости, грязной одежды и радости от окончания смены.

Отмечаюсь у сменного мастера и через пару минут скидываю сапоги.

Надо не забыть ничего.

Турникет, и все уже за плечами.

Прощайте все.

Любящие и злорадствующие, понимающие и непонимающие.

Прощай, «медленная речь и странное вниманье». Надеюсь, что мы больше никогда не встретимся. Но как знать...

Александр Мошна
(Украина, г. Харьков, пос. Песочин)

БЕЗЫМЯННОЕ КЛАДБИЩЕ

Член Межрегионального союза писателей, Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины». Лауреат литературных конкурсов. Автор книги «Ощущение свободного полета». Публиковался в журналах Украины, России, Белоруссии. Ряд миниатюр и рассказов переведен на немецкий язык.

Случилось мне как-то побывать в одной деревне. Там я услышал от сельчан странное словосочетание — «безымянное кладбище». Меня это заинтриговало. «Безымянная могила», — это понятно. Но чтобы целое кладбище в наше время, да еще в такой глухомани, и вдруг числилось в безымянных — несколько непривычно. Захотелось самому его увидеть и узнать причину такого странного названия.

Достаточно было лишь на расстоянии взглянуть на кладбище, чтобы сообразить — здесь кроется какая-то необычная история. Необычность заключалась в том, что сельское кладбище полностью усеяно было новенькими деревянными крестами. Такое впечатление, что поселившиеся навечно договорились однажды и поспешили все вместе сойтись почти одновременно. Свыше тысячи крестов вытянулись рядами, как солдаты на плацу, и замерли.

Но стоило подойти вплотную, как становилось очевидным, что кладбище очень старое. То тут, то там возникали чуть заметные холмики. Правда, видна была заботливая человеческая рука — кто-то пытался придать могилкам надлежащий вид.

Вот история, которую мне рассказали доброжелательные сельчане. Однажды, пять лет назад, жители деревни были удивлены. Неожиданно на старом кладбище, где вот уже лет пятьдесят никого не хоронили, вдруг возникли два новеньких деревянных креста.

«Кто-то умер?» — спрашивали друг друга в недоумении. А местное начальство подолгу службы также жаждало знать, что тут у них под носом происходит.

Но потом страсти улеглись. Оказывается, кто-то из местных видел, как приезжий закапывал кресты. Более того, разговаривал с ним. И тот, кто заглянул в деревню, был ни кто иной, как бывший их односельчанин Василий.

— Не могу больше, браток, — жаловался приезжий, — душа болит, тянет на родину. Вот сколько думал приехать, поставить кресты на могилы родителям, да все недосуг. Все торопился куда-то. А если спросить: куда несешься по жизни, сломя голову, так нечего и ответить. Вот вопрос-то!

Погоревал мужик еще немного, а дальше заторопился на поезд и пропал на год. Потом объявился. Вкопал еще два креста, рядом с теми.

— А эти зачем? — спрашивали его.

— Сомневаться уж начал. А вдруг маленько спутал. Шутка ли, сколько лет про-

неслось. И получится: если проморгал — обидел своих родителей. Пусть еще два будет для верности.

— С такой математикой, земляк, ты все кладбище устелешь своими крестами, — закинул кто-то из деревенских. — Правда, темп у тебя слишком медленный. Через год по два креста — по всему видно, не успеть тебе.

Это он, конечно, зря сказал. Приезжий как-то странно посмотрел, ничего не ответил и опять заторопился на поезд. А через неделю заявился уже с тремя крестами и стал их закапывать.

— Ну ты, академик, даешь! Опять маленько засомневался, что ли? — улыбаются сельчане.

— Теперь надумал поставить по кресту всем, кто здесь лежит.

— Ну, это ты зря стараешься, приятель, — машут руками сельчане, — начальство планирует старое кладбище сровнять бульдозером, а на его месте разбить парк.

— Знаем мы эти начальства, — спокойно ответил мужик. — Как только открыли новое кладбище, еще тогда, если помните, грозились на старое загнать бульдозер. Прошло где-то пятьдесят лет, а еще и не чесались. Теперь и подавно не снесут.

— Это почему же не снесут? — задетые за живое, что какой-то временщик раскомандовался. — Обязательно снесут.

— Нет, — упрявился приезжий, — теперь не снесут.

— Да почему не снесут? — уже не на шутку закипает народ.

— Если будут стоять кресты на могилах, по закону не положено.

Собравшиеся не знали, как оно на самом деле, но на тормоза нажали, неуверенно согласившись с таким поворотом, и уже миролюбиво:

— Ну ты и надумал, Василий. Это же сколько здесь работы, поди, одному и не управиться.

— А я не один, — отвечает Василий. — С Божьей помощью справлюсь.

— Оно-то, конечно, так, — соглашаются собравшиеся, — но и груз-то тяжелый взвалил ты себе на плечи.

— Ничего, — утешал приезжий, — было б дело угодно Богу, помаленьку будем двигать.

Сельчане помотали головами, побряхтели, да с тем и разошлись.

А Василий развил бурную деятельность. Проходила неделя — и на кладбище появлялись еще три новых креста. Летели месяц за месяцем, и деревенские окончательно расположились к мужику и уже, завидя его за работой, непременно приветствовали фразой: «Бог в помощь!» Это так вошло в обыденность среди деревенских, что однажды проходила мимо какая-то малявка и та пропищала: «Бог в помощь!»

Приезжий регулярно по субботам продолжал навещать деревню, делая свое дело. А через год опять удивил односельчан, и те по второму кругу заговорили о нем. Виданное ли дело: из города припер машину крестов, наверное, не меньше трехсот штук, попросился на квартиру, и целый месяц своего отпуска ухлопал на кладбище.

— Упорный, — уважительно кивали головами сельчане и добавляли:

— Этот своего добьется, будьте уверены.

И Василий продолжал добиваться своего три года подряд. И добился все-таки. Теперь кладбище не узнать. Напоследок выкопал могилу около своих родителей. Для себя поставил высокую оградку, чтобы никто случайно не свалился в нее, да еще сверху сеткой заварил и укатил себе в город.

Два года спустя Василий умер и, по его завещанию, привезли его на родину. Похоронили около самых близких ему людей. Если раньше кладбище в деревне называлось безымянным (стоит лес крестов и ни одного имени), то, после смерти своего односельчанина, все чаще теперь зовут — кладбище Василия.

Стоял я у ограды, и упорно размышлял: кто здесь погребен? Чудак, которых много по нашей земле раскидано, или большой грешник, что таким вот странным образом, как нам кажется, замаливал свои грехи? Или здесь налицо маленький христианский подвиг?

Но вот только начинаешь серьезно задумываться, мерить по большому счету прожитую жизнь, и мысли твои застают тебя в глубоком недоумении. Пытаешься разгадать эту непостижимую тайну — в чем смысл жизни? — и беспомощно откатываешься назад. Стараешься осилить простые, казалось бы, вопросы, а столкнешься — глубина бездонная. И ты уже чувствуешь себя песчинкой в этом мире и оглядываешься на свое прошлое в растерянности, и вздрагиваешь, и с надеждой поднимаешь глаза к небу...

Полвека прожил, а оправдать свое присутствие на земле — нечем. Хоть бы за что-то зацепиться. Может быть, пора уже и мне искать свое безымянное кладбище и спасать свою душу. Только не опоздать бы.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск, Воронежская область)

Русский поэт. Автор тринадцати сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова.

*В этот город торговли
Небеса не сойдут.*

Александр Блок

В черте буржуазного шика —
И звуков его, и огней
Порою до боли безлика
Россия сегодняшних дней.
Все схвачено цепкостью быта,
Где идол для многих — комфорт.
И будто бы все поизбыто,
Чем русское сердце живет...

* * *

Не кривите физиономий,
Что чужой, как апрель январю,
Что не кланяюсь в пояс мамоне
И любовью к бабле не горю.
И плевать на наследников ярых
В мире всех торгашей и менял
Тех, которых Спаситель из храма
В гневе Божьем кнутом выгонял.

* * *

*Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.*

Сергей Есенин

Мне жаль и себя, и собак.
Мне жаль, что исчезла эпоха
И с нею — «прямая дорога»
В рабоче-крестьянский кабак.
Там грели сердца за гроши.
Но нынче — иные буфеты,
Где нет и в помине души,
Есенинской болью пропетой —
Где нет и в помине любви
К ненастному отчему краю.
И бесится песня чужая
Чужой похотливой крови.

* * *

Союз хулите
 не на шутку.
Но кем он был —
 вам не достичь.
— Чего ж вы врете,
 проститутки! —
Кричит
 сквозь мавзолей
Ильич...

* * *

Не зная сердечных угрызений,
Легко меняют эти люди
Суровый пафос обличений
На подлый пафос лизоблюдства.
Не стоит их клеймить презреньем.
От дней Господнего творенья —
У них такое назначенье,
У них такое назначенье...

* * *

Среди молчунов и крикливых
Под свист паровозный хрипой
Мы пили советское пиво
В дыму привокзальной пивной.
Бутылки в наклейках смазливых
Смели ту пивную мою.
Печально... Но я не о пиве.
Его я не очень люблю.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

О, светлая Оптиная пустынь
В лесном заповедном краю.
Грехи и душевную усталь
Я храмам твоим предаю.
И всю душой богомольца
Уверен в бессилии зла,
Коль есть надо мною под солнцем
Святые твои купола...

ПЛЕСЕЦК

Сосна, как шпиль на круче,
На круче ледяной.
И северные тучи —
Над северной тайгой.
Не из варягов в греки,
Бурливы и ясны,
Прут северные реки,
Вальцуя валуны.
И по соседству где-то,
Верша огонь и гром,
Выносит ввысь ракеты
Известный космодром.

* * *

Я твердо взял
из дней армейских дальних,
Что нет у нас
реальности другой —
Забыться
в благодати тихой спальни,
Проснуться
под сирены
грозный вой.
Банально мыслим
и живем банально
В ладу с собой
и часто — не в ладу.
Одна на всех —
железная реальность
Всему на свете
подведет черту...

* * *

В концертном зале
верткая попса
Поет на все, стараясь, голоса.

И вторит ей
рукоплесканья гром.
А мне б,
как встарь,
за дружеским столом
Полднего
пустого кабака
Всем существом
Ивана-дурака
Послушать,
как шарманкой
о былом
Грустит метель
за мартовским окном.

* * *

Главное, чтобы с мели —
Стронулось, понеслось.
Или к какой-то цели,
Или же так — на авось.
Главное, чтобы случилось
То — где и кровь, и пот.
И впереди счастливый
Или летальный исход...

* * *

Всерьез иль между делом —
Я знать бы не хотел —
Где, за каким пределом
Последний мой предел...
За этим поворотом
Иль вон за той верстой
Навек затихнет кто-то,
Что был когда-то мной...

* * *

Красный шар
За серебряный лес уходил.
Над заснеженным лугом —
Суровое небо.
Словно был и не был,
Словно жил и не жил...
И любил эту явь,
Но не больше,
чем небыль...

Анна Поритер
(г. Рига, Латвия)

Родилась в 1994 году в городе Риге. Интерес к поэзии проявляла с детства. Автор книги стихов «Апельсиновый рассвет», вышедшей в 2019 году.

БЕЛАЯ ЧАЙКА

Под ногами песок точно тает,
Пахнет хвоей и тиной морской,
Перелив персеид прогорает,
Море ластится теплой волной.

В его вязкую черную бездну,
Как в свободы своей колыбель,
Окунусь и на время исчезну,
Позабыв про пустую постель.

Моя спутница — белая чайка,
Да она скоро вдаль улетит,
Своей жизни и крыльев хозяйка,
Но о чем так истошно кричит?

МИГ

Я смотрю далеко,
А за далями — вечность,
И дышу глубоко,
В моих мыслях — беспечность.

Этот миг, словно сон,
Уязвимостью чуден,
С тишиной в унисон
Мой мир пуст и безлюден.

Я смотрю далеко,
А за далью — дорога.
Мне сейчас так легко...
Жизнь, замри на немного!

Он взглядом ищет между снов
И в хороводе
На свет летящих мотыльков
И не находит,

Быть может, синюю звезду,
Чей свет струится
И застывает в бирюзу,
Быть может, птицу.

3

И было все наоборот,—
Как месяц встанет,
Терялись дом
и дымоход
Не то в тумане,

Не то в кипящем молоке,—
Как заklubится
Молочный пар на чердаке —
Под черепицей,

Как разольется молоко
Во все ладони,
Казалось, будто высоко
На небе стонет,

Боясь навечно опоздать
И с курса сбиться,
Быть может, яркая звезда,
Быть может, птица.

4

Ничто, чем чувствовать вину,
Не будет хуже.
Кто постарел, тот никому
Уже не нужен.

Здесь продолжается мой стих
Недобрым словом,—
Прошли века, как будто миг,
И дом был сломан.

И долго плакал водопьян,
И мерзла речка.
У жизни есть один изъян —
Ничто не вечно.

Разбушевдалась резеда —
Не подступиться.
Исчезла, может быть, звезда,
А может, птица.

5

Как непроста взаимосвязь
Вселенской дружбы!
И только лунный лик, светясь,
Над прошлым кружит,

И только горек и тяжел
Забвенья воздух,
И вечер — прожитый — ушел
В слезах и в грозах.

И только нрав людской свиреп
И несговорчив.
И тень давно истекших лет
Гримасы корчит.

И только свежие следы
Волхва,
 провидца,
Ведут на поиски звезды,
А может, птицы.

6

Вдоль кругосклона, где люпин,
Тропинка вьется...
А в дружбе, так же, как в любви,
Нет превосходства.

Здесь утешение несет
Моя болтливость,—
Как хорошо, что это все
Мне только снилось!

Мы обошли сейчас вокруг
Всю сон-долину.
Любое зло, когда есть друг,
Предотвратимо.

И ни один пусть дом седой
Не разлучится
С летящей, может быть, звездой,
А может, птицей.

Михаил Лапшин

(г. Одинцово Московской области)

Живет в г. Одинцово Московской области. Кандидат экономических наук, награжден Почетным знаком «Ветеран войны и военной службы», Золотой Есенинской медалью, медалью И. А. Бунина. Активно печатается в альманахах и журналах. Автор четырех сборников стихов.

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

*Памяти В. Высоцкого,
И. Талькова, В. Цоя*

В лихое время перемен
Рождаются в стране поэты.
Поэзия их — не сонеты,
Не сладкозвучные стихи —

Косые молнии и крики,
Что искажают наши лики.
И заставляют встать с колен,
Грозя нам всем разрывом вен,
В лихое время перемен.

Поэт — без кожи человек,
А если с кожей — не поэт,
Поэт меняет индекс цен
В лихое время перемен
Судьбе и жизни человеческой,
Чтоб не была она беспечной.

ПЛЕЧО ДРУГА

Не часто видимся порою —
Лишь телефонный разговор,
Но ощущение такое —
Он близко, рядом с давних пор.

А если вдруг беда придет,
Он не осудит и поймет.
А если радость у тебя,
Твой друг ликует, не шумя.

Нет никого дороже друга,
Надежного его плеча
И пусть горит его свеча,
Чтоб не погасла сгоряча!

МУЖСКАЯ РАБОТА (Знаменосец)

Ведь эхо искажает направление
Откуда поступь мерная идет.
И, кажется, еще мгновенье,
И знамя полковое упадет.

Но встанет новый знаменосец.
Он знает, что и он падет,
Но несколько шагов к победе
Он это знамя пронесет!

Он жизнь отдаст, чтобы другие,
Увидев знамя впереди,
Поднялись в рост и победили,
Оставив страхи позади.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

*«...нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское село»*

А. С. Пушкин.
Годовщина 19 октября 1825 года

Отныне город навсегда
Связал судьбу свою навеки
И разомкнул России веки
С тем, кто сказал, что в тех садах
Ему являться стали музы,
Связавшие стихи, как друзья,
В один волшебный изумруд.
К нему паломники идут.

Который век, пытаясь тайну
Раскрыть задумчивых садов,
Рас слышать смех необычайный,
У слышать стук его шагов,
Паломники к стенам Лицея
Спешат,
как будто панацея,

Петр Межиньш
(г. Рига, Латвия)

Родился в Елгаве (Латвия). Мать Устинья Терентьевна Межиньши (Румянцева) — из русской староверческой семьи, отец — латыш. Учился в ж/д училище, закончил строительный техникум, учился в Московском Полиграфическом институте (Рижский филиал). В 1988 г. создал в Риге «Союз литературных объединений» (в дальнейшем «Общество (Союз) литераторов «Светоч») и был избран его председателем. Автор шести книг. Лауреат литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С. А. Есенина с вручением одноименного ордена (за вклад в русскую литературу).

* * *

Мой свет меня зовет,
мой свет
 во мне стремится
в протяжные поля,
в дыханье знойных рос,
где, воскрешая день,
касается зарница
шелковых губ коня
под пение колес.
Уводит колея
разбуженной печали
в молитву милых глаз,
в зеленый солнцевей...
Ромашковый прибой
качает на причале...
Струятся купола —
пчелиным сном полей.

* * *

Миг мимолетен,— одуванчиковый миг.
Все Уже створки летних песнопений.
Глоточек мал, а тайный свет велик,
и всплеск один
 среди желтого кипенья.
Еще тепло и синий взгляд высок —
и — хорошо, пока надежда греет...
Еще хрустальный слышен голосок
среди клевера, ромашек и кипрея.

Еще пока лишь чувствуется тень
не здесь,
а где-то распустила крылья...
Еще не вечер, а веселый день,
и ветер говорит
с дорожной пылью.

* * *

*«Только детские книги читать,
только детские думы лелеять...»*

(Осип Мандельштам)

Владивосток. Вторая речка.
Приют последний... Мандельштам —
Ребенок вечности, кузнечик,
Отдавший жизнь своим стихам.
Измученный тоской голодной,
Стихи читая в смертный бред,
Твой срок для времени — свободный,
Где не найдет уже навет.
Что шепчут волны океана:
Про Рим, Воронеж, Петроград;
Про голубых песцов и ланей,
Иль про охранников-солдат.

Огромных глаз твоей печали
Нам неизвестны номера.
Земное солнце закопали
У адища, мученья врат.
Поэт мой милый, смутно время
И жизни муха у шлепка,
И не жалеют в жертву семя,
И власть у красного быка.

* * *

Осыпаются лунные скрипы в песок.
Колесо продавило слепой горизонт.
И туманом взбухает озерная гладь,
и на сонной дороге
пылинка зажглась...
Мерный шаг, мерный бег, мерный взлет...
Горизонт, горизонт, горизонт...
Теплой пылью
устелена мирная мгла,
тишиною пахучей на травы легла...
Обод крутится в небо... Поет голосок,
и не знает свой путь,
и не знает свой срок...

* * *

Отшумел большак,
отколесился.

Заросли травой
тропки-тропицы.
Где-то там вдали
путь другой лежит,
путь другой бежит
резво-молодо.
Колесо поет
о другой мечте,
о других цветах
синеглазия.
Что им тот большак?
Он забыт в траве,
он хранит в груди
песни древние.
Что им тот большак —
проезжающим
по своим путям,
за своей мечтой,
им,
уверенным
 победителям,
до конца свой путь
не изведавшим?

Опаленных дней
им пока не жаль,
прошлый тот большак
лишь травой трава...

А куда он вел,
знает ветер лишь,
да седая пыль
переметная...

* * *

За рощей светлогривой,
где звуки расцвели,
звучали переливы
колесной колеи.

У огненной подковы
отдельная стезя,
и путь ее — в кленовый,
в осиновый — нельзя...

Стрекозы карусели
у солнечной земли
травинками свистели
колесной колеи.

Колесики блеснули:
на спице слово — жить!
Кузнечики всплеснули
и в поле — фить-фить!

Валерий Демидов
(г. Тула)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

ЗАГАДОЧНЫЙ СОН

Просыпаюсь. В реальность вернуться пытаюсь.
Этой ночью мне снился загадочный сон:
По Великой Стене вокруг большого Китая
Я иду к тому месту, где страшный Дракон.

На меня он с огнем и рычаньем бросается,
Я щитом отражаю град огненных стрел,
А внизу, у стены, горько плачет красавица,
И костер возле ног ее звездами тлеет.

Мысль меня осенила вдруг, будто бы молния:
«Это мама моя! Меня мама звала!»
И красавица голосом маминим молвила:
«Тридцать лет я тебя здесь, в неволе, ждала».

И тяжелым мечом я дракону голову
Отрубил, и застыла в ударе рука...
А вдали кто-то бил в старый храмовый колокол
И змеей извивалась близ храма река.

Облака расступились, и Лик Богородицы
Осветил вечеряющий сумрачный день,
И сказала Она: «Ты же Мной загородишься,
Коли вновь нападет на тебя злая тень»...

...Я проснулся. Ушли тут же боли и страхи.
Почему мне приснился загадочный сон?
Может, быть мне придется в День Судный на плахе
С искаженным от боли греховной лицом?

Мама рядом была. Почему она снилась?
Может, ей изливала Мать Божия свет?

Видно, в них, матерях, есть великая милость —
Оставлять на Земле несмываемый след...

Жизнь моя во грехах управлялась Драконом,
И лишь в годы седые дано мне понять,
Что превыше всего — жизнь по Божьим Законам,
И дороже всего на Земле этой — Мать.

ТУЛА НОВАЯ И СТАРАЯ

Издревле Тула талантами славится,
Много дала она громких имен,
В ней, как в горниле, характеры плавятся
И закаляются ветром времен.

«Тульский Арбат» сохраняет историю
Быта купцов ее и мастеров,
Рядом с Упой пролегла территория,
Где жив завод оружейный Петров...

Тула была прежде обликом тусклая —
Старые нынче исчезли дворы,
Похорошели и улицы тульские,
И уголки для игры детворы.

Все в ней, казалось бы, новшеством дышит:
Радуга красок облила дома,
Солнце ласкает зеленые крыши,
Запахом манит к себе «Шаурма»,

Всюду реклама, деревья — в гирляндах,
Плитками выложен весь тротуар,
На иномарках спешат коммерсанты,
Сотни витрин предлагают товар.

Рваные джинсы, прически кричащие,
Не покидают мобильники рук, —
Прошлое спуталось с настоящим
И не понять, кто тут враг, а кто друг.

Всюду рождают «шедевры» словесные
Мальчики в шортах и девы в штанах.
Вот оглушила машина нас песнями.
Вот «звездный» выход: «Ну, здравствуй, страна!»

В парке шуршит под колесами «великов»
Осени дар — золотая листва.
Вот возле пруда у самого берега
Пьет потихонечку пиво «братва».

А коли возраст уже пенсионный —
Можно в тенечке на лавочку сесть
И обсудить, как свои миллионы
Власти воруют, забыв стыд и честь...

...Что-то не так в моем городе стало.
Словно под масками тысячи лиц,
Словно душа моя тоже устала
И жизнь похожа на шахматный блиц.

Видно, не всякое новое лучше
Прошлого нашей великой страны.
Видно, не новое лучшему учит,
Коль мы утратили чувство вины.

Помню, что в прошлом дома были серы,
Но ведь все краски имела душа!
Помню, что не было храмов и веры,
Но ведь могли мы мечтами дышать!..

Коль на весах настоящее с прошлым,
Гирьку я брошу в ту чашу весов,
Где все казалось простым и хорошим,
Не закрывалась душа на засов,

Где не машины двory заполняли —
Звуки гитары в вечерней тиши,
Где мы детей доверяли не няням,
А не могли без детей этих жить...

Мы убегаем от лучшего прошлого
В новое время грехов и сует.
Мы забываем, что лучшее прожито
В дни испытаний народных и бед.

Может, меня назовете безумным,
Но ведь за то и распяли Христа,
Что направлял Он стремленья и думы,
К Небу, где таяла душ мерзлота.

Все мы покинем земные чертоги,
Все, что имели, оставим земле...
Мне бы опять пробежать босоногим
По зеленеющей юности лет.

Мне бы опять насладиться красотами
Рек, из которых мы пили рукой.
Мне бы отведать с пчелиными сотами
Мед золотистый с парным молоком...

Счастливы те, кто советское прошлое
На суету новизны не менял.
Все, что во мне есть от жизни хорошего,
Прошлым заложено прочно в меня.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

*«Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!»*
(Надпись на памятнике поэту в Эстонии)

«Я, гений Игорь Северянин,
своей любовью упоен:
я повсеградно озкранен,
я повсесердно утвержден».
Что это? Хвастовство, в котором
поэт был кем-то уличен?
Или достоинство, в котором
сиянье нимба не при чем?

Он, как поэт, неординарен.
Как личность, тоже он один.
Стихи его живыми стали
для юных лиц и для седин.
И разный жанр ему давался,
свои «поэзы» зычно «пел»,
и на «Титаник» собирался,
но в рейс тот страшный не успел...

Москва. Поэты в Политехе,
и Северянин среди них.
Вот Маяковский, Бальмонт — вехи!
Как конкурс их соединит?
И стал «Король поэтов» третий —
кто ни дипломов не имел,
кто властью назван был в запрете
и пресмыкаться не умел.

Он выходил на сцену в строгом
и чуть помятом сюртуке,
цветок в петлице, одиноко
лежала шляпа вдалеке,—
и вот бесстрастно и певуче
слова его влетали в зал..
Скажите, разве волей случая
он так красиво все сказал?..

*«Это было у моря, где ажурная пена,
где встречается редко городской экипаж...
Королева играла в башне замка Шопена,
и, внимая Шопену, полюбил ее паж...».*

Большого роста, с длинным ликом,
надменно-грустным взором глаз —
он был подчеркнуто великим
и в профиль, и в любой анфас.
И зря Евгений Евтушенко
сказал: «Полуинтеллигент», —
нет, здесь, скорей, недооценка
того, кто входит в круг легенд...

*«Ананасы в шампанском» —
необычное «блюдо»,
и не зря Антокольский
шутил горячо,
когда он, Северянин,
водки штоф из сосуда
огурцом закусил
и подернул плечом...*

...Родился в Питере и бегал.
Он на Гороховой живет —
кумир «Серебряного века»,
изведавший и гнев, и взлет.
Пусть «декадент», отчасти циник,
пусть Казанова — ведь любил! —
не верил часто медицине,
хотя ее таблетки пил.

Его период становленья
был очень долог и тернист:
писал он до изнеможенья,
в руках частенько комкал лист,
журналы «закидал» стихами
и тридцать пять брошюр издал
на те гроши, что вместе с мамой
копил, а сам недоедал.

Когда Толстой прочел те строки,
где «штопор в пробку был вонзен»,
великий старец дал уроки,
сказав: «Я очень удручен.
Литература разве это?!
И женский пол здесь не при чем.
Я в нем не нахожу поэта,
хоть он стихом и увлечен».

И, чудо! миг стал часом славы —
ведь не одна потом газета
в критичных нотах и без справок
писала о событье этом, —
с лица Поэзии стирая
того, кто мог бы ей помочь,

не ведая, что есть другая
для творчества иного ночь.

Такой вот был «счастливый случай»,
принесший славу за позор,
и Лев Толстой, чернея тучей,
кричал: «Как стыдно! Он — позер!»
И вся Россия обратила
на Северянина свой взор,
и в том «распятье» была сила,
на нем оставшись до сих пор...

Казалось бы, судьба поэта
могла сложиться в год один,
поскольку родственник был Фету,
и сам историк Карамзин
потомком числился у рода,
и Александра Коллонтай
сестрой являлась троюродной,
была министр-нарком, считай.

И Брюсов славно отзывался
о северянинских стихах,
«Громокипящий кубок» брался
в статье восславить на века.
Но перемены вдруг настали —
от революций голод был
и вместе с матерью Натальей
они бежали от судьбы.

Эстонский городишко Тойла
их встретил тихо и тепло,
И много всяческих историй
здесь было, как и добрых слов.
Потом женился на Фелиссе,
прожил с ней в счастье много лет
на Финском берегу при бризе,
где запах сосен, елей цвет.

Тоска по родине щемила,
но стал заложник он страны,
куда приехал с мамой милой
в дни начинавшейся войны,—
она России горло сжала,
открыла эмигрантам путь
туда, где хлеб, где горя мало
и можно тяжкий груз стряхнуть.

Но даже здесь, в стране добротной,
для Северянина нужда
была неласково-холодной,
как и балтийская вода.

И умер здесь, худой и хилый,
в год оккупации и бед,
увидев, как фашистской силой
мир превратился в лазарет...

Похоронили его скромно,
упрятав в землю путь больной,
и тело в сырость новых «комнат»
предали к вечности спиной.
А близоруких графоманов
его не тронула судьба.
О, Боже! Как же в мире мало
тех, в ком нуждается толпа!..

Мы носим парики и маски,
скрывая силу наших чувств,
не отвечаем чьим-то ласкам,
не склоним голову к плечу...
Но он, далекий Северянин,
вселился словом своим в нас
не потому, что он — землянин,
в шампанском любит ананас,—

он *то* писал, о чем и думал,
он над безликостью вспарил
и своим обликом угрюмым
нам о свободе говорил.
Вставал всегда он после драки,
и, отирая кровь с лица,
пел неустанно: «Мы во мраке,
под гнетом злобы и Тельца».

Под бровью черной и мохнатой
смотрел на тех, в ком видел зло,
и бил строкою угловатой
в то, что грехами поросло.
И эта страсть кутить словами,
дарить слова и ими жечь
способна подружиться с нами
и выдавить обман и желчь...

*«...В деревне хочется столицы...
В столице хочется глуши...
И всюду человечьи лица
Без человеческой души...»*
Я эти строки принимаю,
мною северянский дух ценим —
ведь оба мы родились в мае
по воле Господа и с Ним.

Анна Барсова*
(г. Екатеринбург)

ИЗ ЦИКЛА «КАВКАЗСКИЕ СТРАНИЦЫ»
220-ой годовщине со дня рождения А. С. Пушкина посвящается...

Анна Барсова — поэт, прозаик, переводчик, публицист, действительный член Академии российской литературы, Союза российских писателей. Обладатель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», премии А. Грибоедова. За верное служение отечественной литературе награждена литературными орденами и медалями. Дипломант международных и всероссийских фестивалей и конкурсов.

*Я стал подыматься на Безобдал, гору,
отделяющую Грузию от древней Армении...
«Путешествие в Арзрум». А. Пушкин*

ПУШКИНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

В горах далеких — перевалы,
Там есть один в тени снегов:
Бьют воды, воды Безобдала**,
И нежен контур облаков.

Там, на высоком перевале,
Мы были в середине дня,
И не страшили нас обвалы,
И свет был соткан из огня.

И в этом свете возчик плыл
В арбе и тер глаза сухие,
И Пушкину он говорил,
Как «Грибоеда» погубили.

...Свечою тонкой дни истают,
Закатом век тот догорит,
Но встречу эту в очертаньях
Природа бережно хранит!

* Анна Барсова — псевдоним Анны Барсегян с 2003 г.

** Безобдал — родник на Пушкинском перевале.

* * *

Позолотила осень горы,
И быстрый Терек стал резвее.
На перевале* — разговоры
И ночи гуще, и темнее.

К скале, прижавшись, встали фуры,
Таможня выдохнула: «Стойте!»,
А гор причудливых фигуры
Шептали: «Пойте, пойте, пойте!..»

* * *

Свежий ветерок Тифлиса,
Тень склонилась кипариса,
Запах шашлыка.

В небе — синие разводы,
Гор, летящих в небо, своды,
Взгляд их свысока.

Не забыть мне эти взгляды
И Куры ночной рулады,
Что бежит легка.

Так открой, Тифлис же, двери!..
Девушки твои, как пери,
Все — в шелках!

* * *

*«Вот и Арпачай», — сказал мне казак.
Арпачай! Наша граница!»*

«Путешествие в Арзрум». А. Пушкин

Я шла на зов — в далекие края,
Пересекая доли, реки, скалы.
Рассыпала цветы кругом заря,
И Арарат звал... Этого не мало!

На трассе оставались корабли —
Бегущие фургоны, КраЗы, фуры.
Арагви говорила: «Не юли!
Ползи наверх и все рисуй с натуры!»

Ползи наверх к могучим облакам,
К цветам, рассыпанным зарей на небе!»

* Имеется в виду Крестовый перевал. Ныне — Грузия.

Кура кричала: «Я свое воздам!
Придет жара — забудешь ты о хлебе!»

Но вот мелькнул стрелою Арпачай*,
Глаза покрылись тонкой пеленою.
Встречай меня, мой друг, встречай, встречай!..
За нашу встречу выпью я с тобою!

ЭРИВАНСКИЙ БАЗАР

*«...я увидел минеральный ключ, текущий поперек дороги. Здесь я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцык из Эривани»***

«Путешествие в Арзрум». А. Пушкин

Ах, белесые жемчуга,
Затоваренные века,
И набитый едой базар,
Где товаров черт не считал!

Там халва, шашлык и кунжут,
И его здесь даром дают,
И вино, что солнца красней,
Виноград, что девы вкусней!

Эриванский родной базар,
Как давно я здесь пировал!
У тебя же пир каждый день,
Пригласи меня в свою сень!

* * *

А мне снится утро раннее,
теплый день,
даль, которой нет желаннее,
с нею — тень!

А мне снится город розовый,
весь — в шелках,
вечерами — абрикосовый,
там — в горах!

А мне снится птица белая***
и гора****,

* Арпачай — левый приток Аракса, располагается у предгорий Арарата.

** Эривань — ныне Ереван.

*** Птица белая — голубь. Согласно легенде о всемирном потопе, Ной, когда пристал к горе Арарат, выпустил ворона, а потом — голубя, который вернулся с масленичным листом.

**** Имеется в виду библейская гора Арарат, к которой пристал ковчег Ноя.

винограда гроздья зрелые,
песнь добра!

У ГОРЫ АРАРАТ

Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая двуглавая гора.

«Путешествие в Арзрум». А. Пушкин

1

Мы у границы проезжали,
лежал там Арарат в печали.
Одетый в сумраки чужие,
глядел он — на поля родные!

2

Застыл он там, в алмазах — белый купол,
И воздух пряный в синеве звенел...
А рядом — тополь, песня льется скупю,
И где всему предел?!

Зачем искать? Здесь все так быстротечно!
Скользит меж пальцев сединой Евфрат...
А мне сжимает руки эта вечность
И боль былых утрат!

Владимир Грусов

(г. Мончегорск, Мурманская область)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

* * *

По натуре гуманитарий,
Угодил я сперва в технари.
Хоть стихи доверял гитаре,
Но пахал от зари до зари
На промасленной, дымной ниве,
Растворяя себя в толпе.
Точно сызмальства мне вменили
Начинать на чужой тропе

И с годами, не стар, не молод,
Изорвав не свои гужи,
Окунуться в постыдный холод,
Мол, не так, как хотелось, жил,
И пора исчезать бесследно,
Все бывшее пустив в распыл...
Терпкий привкус иного хлеба
Я не то, что не позабыл,

Но им, собственно, грезил в яви,
Сыт краюхами строф ночных.
То-то с прошлым теперь «краями»,
Невзирая на остальных,
Что из прошлого здесь толкуются,
И возникших уже теперь
(С ними даже в толкучке пусто).
Да не столь ведь я редкий зверь,

Чтоб дышать в одиночку, право!
И о том ли ведется речь?!
Устраняя изъяны нрава
Неизбежностью новых встреч,
И с прекрасным, и не особо,
Я поблажек себе не жду.

Впрочем, ненависть или злобу
В окружающую среду

Мне выплескивать доводилось,
И сверх меры, по пустякам:
У кого-то впадал в немилость,
Кто-то волю давал рукам,
Да и я не тянул с ответом...
Эх, жестокая глупость, чушь!
Сожалею порой об этом...
И обмолвиться лишь хочу:

До смирения и покаяния
От сегодняшнего меня
Не измерены расстояния...
Сокровенно в душе храня
Устремление к тем вершинам,
Не мешаясь теперь с толпой,
Вопреки крикунам фальшивым,
Ковыляю своей тропой.

ЭКА НЕВИДАЛЬ

Былое, откуда мы вышли
(Чего бы те годы не стоили),
Теперь вполне себе выстирано,
Подклеено и раскрашено.
Вот только спаси нас, Всевышний,
От выдуманной истории!
Пора бы усвоить: истина —
Отнюдь не самое страшное,

Что может быть нам ниспослано.
Прозрение всякий раз
Желающих накрывало
Внушительным пустоцветом,
Мол, то ли еще бывало,
Да без толку выть сейчас,
Пророка или апостола
Отыскивая при этом

В казенных архивных недрах.
Ведь память — не транспарант.
А помнить, свято и честно,
Ни времени нет, ни знаний.
Опять-таки, сердцем щедрых
Любой облапошить рад.
Известно то, что известно!
Довольно воспоминаний!

О чем же мы, собственно, тужим,
Коль небом оделены
Сверх меры? Спаси нас, Господи,
От выдуманных печалей!
На все водоемы и лужи
Хватает одной луны.
А звезд несметные россыпи?
А солнечными лучами

Наивной радости полные
Глазенки наших детей?
Но этого нам, похоже,
Для счастья все-таки мало.
Итак, огради нас, Боже,
От выдуманных страстей!
Резоны почти бесспорные...
И маяться не пристало

Продвинутым всесторонне...
Изнанку времени выскоблив,
Грядущего волонтеры
Жиреют на чем попало
(Что схвачено — не уроним!)
Из побуждений искренних.
В итоге же, дело темное:
А сколько там перепало

Нахрапистой малолетке?
Ничтожность успешных лиц
И память, враньем источенная...
Тот счастлив, кому приснится,
Что не слетевший с ветки
Жухлый осенний лист —
Единственная устойчивая
Денежная единица.

* * *

Суконный космос мокрых дел,
Преданья преданных напрасно...
Инстинкт навязчиво зудел
Что жизнь, естественно, прекрасна

И не настолько коротка...
Увы, познав судьбы стервозность,
Поют намятые бока,
Мол, упраздни опасный возраст,

И начинай себя беречь:
Юлить, выплескивая локти
Меж остальных, кривую речь
Дрессировать в луженой глотке,

Авось понадобится вдруг?
А ведь механика простая:
Соврать — недорого берут,
И, тем не менее, хватает

Желудок в норме соблности
(Мечта с рождения костистых)
И, в обескровленной горсти
До хруста корм подножный стиснув,

Унять сомнения и злость.
Оно, весьма возможно, кстати,
Что жить в Эпоху довелось,
И, приобщившись в результате

К величию верховных тел,
Вдруг второпях покончить с нею...
Что все стерпел и отупел,
Считая нормой ахинею...

Смотри, звезда моя, смотри!
Гори со всеми потрохами!
Как те ночные фонари
В рабочий полдень полыхали;

Кипи, затравленная ргуть —
Слеза зеркал неугасимых!
И пусть внештатные плетут
Шустрей тачаночных максимов,

Телеграфируя восторг
Национального единства,
Пусть тарахтит всеобщий торг,
Где даже черствый бородинский

Не достается задарма!
А я, совсем обычный русский,
Схожу по-своему с ума,
Без ваших правильных инструкций.

* * *

Одевая город сединой,
Может быть зима его согреет,
Но, увы, не сделает мудрее...
Даже если встанет снег стеной,

Пусть не скоро, но когда-нибудь
Оттепель нам щедро явит лужи.
Здешний снег иных морей поглубже,
Как бы до весны не утонуть,

Пробуя развлечься иногда
Сказками о вожделенном юге.
Впрочем, повседневность злее вьюги,
Что заносит снегом города.

Не отменишь, сколь их не кляни,
Хлопоты насущных выгод ради,
Хоть бы и себя всего истратив
В сутолоке мелочной возни.

Оттого идущих по пятам
Удивить получится едва ли,
Как людей в нас будни убивали,
Как мы выжить ухитрились там.

МОЛЬБА

Забудь меня еще тогда,
Когда нас не было на свете,
Когда ни страха, ни стыда
Не испытали наши дети,
И ты не знала пьяных драк
И вечной боли унижений,
И я, мерзавец и дурак,
Тебе не делал предложений!
Забудь! Мольба не звук пустой!
Великим ласковым созданиям
Своей несметной красотой,
Своим отважным состраданьем,
Негоже потакать зверью.
И я, не склонный к птичьим трелям,
В однажды начатом бою
С самим собой — уже застрелен.

Кристина Ашуркова
(г. Тула)

Кристина Ашуркова родилась в 2000 году в городе Туле. На данный момент является студенткой тульского филиала Финансового университета при Правительстве РФ. Занимается литературным творчеством четыре года.

ОКЕАН

Душно и тесно, дикая качка,
По-стариковски скрипит такелаж.
И одинокая серая крачка
Кличет опасность на весь экипаж.

Вздыбились волны, хлынули брызги
Синей воды, обступившей борта.
Черные скалы вдали — обелиски
Памяти тех, кто добрался до дна.

Мокрого ветра соленые струи
Будто бы прапор трясут паруса:
Дескать, глядите — что в конскую сбрую
Вас обрядили вон те небеса.

То, что в народе зовется судьбою,
Делало сердце вдвойне холодней.
Стынут, как кровь, упиваясь мольбою,
Сотни матросов в горячке своей.

Были и те, кто молились неслышно,
Так и не вздернув в агонии бровь.
Те — ожидавшие их неподвижно:
Веру, Надежду и божью Любовь.

Три корабля подошли величаво,
Гордым сеченьем равняя волну
И предвещая судьбою начало
Белой тропы в предрассветную мглу.

Три корабля океан покоряли,
Словно паря над его головой.
А экипажи спеша поднимали
Все паруса по дороге домой.

Солнце взглянуло на мокрые лица
И растопило разжиженный страх.
Чаек крикливых неслась вереница
В щедро омытых дождем небесах.

Пенятся волны, смятые ветром,
И далека дорогая земля.
Пусть будет трудно, но истина в этом:
Жизнь — океан, а не трюм корабля.

ПОЛУСТАНОК

В потускневшем от старости замке
Ты ждала своего короля.
А на пыльном седом полустанке
Напевали псалмы тополя.

Разметались по ветру их кроны,
Без обмана судьбе покорясь.
Одинокая в небе ворона
Рассекала свою ипостась.

И сугробились мутные воды
Одичалой, забытой реки,
Трепетавшей под сумрачным сводом
Синей веной рабочей руки.

Но на станции пусто и тихо...
Хоть бы кто-то о Родине спел
И фуражку на голову лихо,
Набекрень, рассмеявшись, надел!

Затянул бы веселую песню
Про солдатскую долю свою
И сердечно поклялся бы честью
Отстоять эту землю в бою!

Подхватил бы он на руки сына,
Мать с женою бы крепко обнял
И — у рта две счастливых морщины —
От любви и тепла просиял.

И под звуки гитары и песен
Полетел бы стремительно вдаль,
Слишком молод, ребячески весел,
Чтобы знать, что такое печаль...

Но на станции тихо и пусто,
Не гремят больше здесь голоса.
А на небе пугающе густо
Разрослись облаков паруса.

И на этих нещадных фрегатах
Унеслись в небытье чьи-то сны
О веселых мужчинах-ребятах,
Не вернувшихся к семьям с войны.

АХМАТОВОЙ

И вечер был. И еле солнце грело
Прозрачный воздух ранней осени.
А настроение все пело, пело
Торжественно-уставшим голосом.

Ахматова! Я слышу Вашу песню!
Я вижу Вашу тень среди ветвей!
И я безумной сражена болезнью:
Я провожаю взглядом голубей.

И серый небосвод вздохнуть не смеет.
О, как же он необратимо сух!
В груди моей все с жадностью немеет,
Когда глубокий вздох лелеет слух.

Ахматова! Ведь этот вздох случайный —
Он Ваш! Он сорван с Ваших тонких губ!
И каждый шаг сей осени отчаянной —
Перстень на пальцах Ваших рук.

Алеет кровь в позолотевших жилах
Расхристанных по ветру бурых куш.
И Ваше имя в бархатных чернилах
Мне обвивает сердце, словно плющ.

Ахматова! Вся эта осень — Ваша!
И с Вашею душой она слилась,
Как красное вино и золотая чаша.
Она под Вашим перстнем родилась.

ЗАИНДЕВЕВШИЙ ХРАМ

Остыла ночь
От долгих жарких дней,
Ушедших прочь,
В былую неизвестность,
Расплавленным стеклом календарей
И канувших в другую бесконечность.

Зажглись огни,
Искусственно дрожа,
Со стороны
Мертвее древних духов,
На деле же — взволнованно дыша
В единстве теплых слов и дальних звуков.

На небе свет
Усталых звезд-зарниц
И много лет
Отчаянно горящих
В огне обсидиановых ресниц,
Разводами хвостов комет блестящих.

Как яркий сон,
Прозрачное стекло,
Что тихий звон
Ссылает в первобытность,
Где прошлого сознание залегло
И где живет родная самобытность,

Лежала ночь,
Раскинувшись крестом,
Землицу-дочь
Крылами обнимая
И тихо напевая пред костром
Балладу о золотых воротах рая.

Студеный дол,
Заиндевший храм,
Седой подол,
Сокрытый во Вселенной,
Рождением обязанный Богам —
Царица-Ночь у власти сокровенной.

Иван Нечипорук
(г. Горловка, Донбасс)

Коренной горловчанин. В довоенном прошлом — шахтер. Выпускник Горловского ИИЯ и Славянского ГПУ. Зампредседателя Межрегионального союза писателей, член СП России, исполкома МСПС, членкор Крымской литературной академии и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Руководитель Литературного объединения авторов Донбасса «Стражи весны». Автор нескольких поэтических книг. Публиковался в журналах России, Украины, Молдавии, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Германии, Болгарии и Австралии.

* * *

Алтыном почерневшим жизнь моя,
Утратив вес, лежит под половицей...
Желтеют дневников моих страницы,
Оторванных от света бытия.
И в темноте сомнения томится
Все то, что раньше называлось «Я».

Плевками в душу проникает боль,
Но в сердце нынче закаленной стали
Живет надежда, и теперь едва ли
Меня смутит завидная роль...

Идя тропой развенчанной морали,
Держаться света, братец, соизволь!

* * *

Поэт всегда — тринадцатый апостол.

Елена Крикливец

Не верьте, что творцом быть очень просто,
Мир слова — не тщета и суета,
Не просто связка мыслей в три нахлеста...
Поэт почти тринадцатый апостол,
Когда не мыслит жизни без Христа!

Сдирая безразличия коросту,
Расплескивает душу по листам.

И сквозь погосты на помосты поступь...
Когда поэт — тринадцатый апостол,
Ему никак не избежать креста.

* * *

Вижу лишь чужие лица,
И мне хочется укрыться,
Как моллюску, в дом.
Я устал быть серой тенью,
Но живу в слепом смятенье,
Как в кино немом.

Магмой плавится эпоха,
Это все настолько плохо —
Город мой в огне.
Я в тылу у маргиналов,
Голос мой скрипит металлом,
Спрятаться б на дне,

Но наружу рвутся строки,
И сомненьям вышли сроки.
Я в полубреду,
Отвергая неудачи,
Сквозь нытье и лай собачий
По себе гряду.

* * *

Страна уже не может без погромов,
И без маразмов ей уже невмочь...
Саднят истории лукавые изломы:
Живей живых Артемовск без Артема,
И маршал Жуков обреченно прочь
Уходит в край обиженных героев,
Оставив пьедесталы для химер...
В стране неладно сшитого покроя
Народ увлекся дикою игрою,
Так и не взяв намеченный барьер.

ЖИВЕТ МЕЧТА

Назло тяжелым болевым векам
Живет мечта! Сквозь дым и облака
Идет сквозь гул разрывов канонады
К звезде полей, что нынче далека,
За пеленой вселенской снегопада.

Мечты накал несказанно высок:
Уйти б к реке, послушать шум осок,
И вздрагивать при каждом крике выши...

Но время горькое опять клюет в висок,
И чашу скорби все же нужно выпить.

* * *

Ko da mi otme iz moje duše Kosovo?

Из сербской песни

Друзья вчерашние из списков удаляют,
Пусть рвется этих слабых связей нить...
Меня не помрачит година злая,
И не смутят вослед раскаты лая.
Меня с Донбассом в сердце — не сломить!

Бросайте камни, бейте черствым словом,
Я выдержу удары грязных фраз.
Пусть злоба древним змием стоголовым,
Меня пытается лишить надежды снова...
Ничто не в силах у меня отнять Донбасс!

* * *

И снова бой с дремучей тьмой,
Где даже свет рождает тени,
Где время пыльной пеленой
Становится худой молвой,
Рождая страхи и сомненья.

Но прорастет сквозь мглу ответ
Под шум дождя и крики чаек.
Волна, зализывая след,
Тебе прошепчет: «Счастья нет
Там, где его не замечают».

* * *

И пусть шагают торопливо
Мои беспечные года,
Я твердо знаю, что всегда
Прилив приходит за отливом...
Я не обязан быть счастливым
Под сенью ложного стыда.

Пусть разлетятся сожаленья,
Я не сдаюсь и не ропщу.
Затеплив робкую свечу,
Сомнений растворяя тени,
Я жду минуты просветленья,
И быть самим собой хочу!

Анатолий Арестов
(г. Рубцовск, Алтайский край)

Родился в 1985 году в Алтайском крае, городе Рубцовске, где проживает и сейчас. Учился в Пензенской государственной сельскохозяйственной академии по специальности «Агрономия». Публиковался в печатных изданиях местного и федерального уровней: газете «Хлебороб Алтай», журнале «Юность». Публикуется на портале «Стихи.Ру»

В ПОГОНЕ...

Открыл окно в пространство мира,
Где суета людских сердец,
Где вновь творят себе кумира,
И он ведет их под венец.

Наивной роскоши внимая,
Бегут за чем-то всей толпой,
И юный отрок, и седая
В годах преклонных лезут в бой.

СТЕПЬ, НАВЕРНОЕ, СУРОВА...

Степь, наверное, сурова,
Для кого-то пыль и грязь,
Для меня частица дома,
Сверхпространственная связь!

Степь — обоз пустой, без хлеба,
Степь, как книга без страниц,
Степь, как греческая Геба —
Виночерпий, павший ниц.

Степь — зрачок, смотрящий в небо,
В ту торжественную даль,
Ищет справа, ищет слева,
Но, отнюдь, везде печаль.

Нет в Галактике сестрицы,
Где ковыльные ресницы,
Где румяная заря,
Где дожди идут, шумя.

Степь, наверное, сурова,
Для кого-то пыль и грязь,
Для меня частица дома,
Сверхпространственная связь!

ВИKTOPУ ЦОЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

В форточку с улицы песенка Цоя
Пестрой кукушкой влетела в мой дом,
Виктор погиб, но песни героя,
Вписаны кровью в истории том.

Там, на дороге, «Москвич 41-й»,
Станет последним приютом певца.
Сон за рулем? Неважные нервы?
В августе рок лишится отца.

Песни живут — пробивается свет,
Кто-то закроет за вышедшим дверь,
Кто-то за пачкой зайдет сигарет,
Кто-то мне скажет: «Жив он, поверь!»

В форточку с улицы песенка Цоя
Пестрой кукушкой влетела в мой дом.
Виктор погиб, но песни героя
Вписаны кровью в истории том.

УПЛЫВАЕМ ЗА ТУЧИ В ПРОСТРАНСТВО...

Уплываем за тучи в пространство,
По глубинам космических сфер
Мы гуляем. Вселенная царством,
Наградила нас, милая, верь.

Растревожили звезды сиянием,
Прикоснулся галактик туман,
Ослепило безумным признанием —
Где Плеяды видны без румян.

В пронесившейся мимо комете,
Мы увидели силу любви,
Волновались, как малые дети,
И любовью ее нарекли.

Уплываем за тучи в пространство,
По глубинам космических сфер
Мы гуляем. Вселенная царством
Наградила нас, милая, верь.

НАПИСАЛ НА БУМАГЕ СТИХИ...

Прикоснулся к божественной сути,
Написал на бумаге стихи,
Без таинственной, сказочной мути,
Разобрал по слогам я грехи.

Пробивала сердечная искра,
Добиваясь пристрастия слов,
Выходило — назойливым визгом
Или бредом увиденных снов.

Отточить мастерство? Да, возможно!
Невозможно любить, вопреки.
На душе не подвластно тревожно,
И стихи, и стихи, вновь стихи.

НЕБО МОЛЧАЛО НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ...

В серой степи, окровавленной боем,
Русский солдат, погибая от ран,
С жизнью прощался, встречаясь с покоем,
Шепотом слово вытягивал: «Мам!»

С небом сливались глаза голубые,
Воды мутились от грязной войны,
Локоны мамы увидел седые,
Черные были до этой весны.

Горечь по дому упала на сердце,
Боль не от раны, от сильной тоски,
Петлями ржавыми скрипнула дверца,
Сдобным запахло в сених пирожки.

Так захотелось обнять на прощанье,
Выкрикнуть: «Мама, родная моя!»
Чудилось только: «Сынок, до свиданья!»
«Мамочка, мама, прости ты меня!»

В серой степи, окровавленной боем,
Маки краснели, алели поля,
Небо молчало над вечным покоем,
Вечным приютом им стала земля.

ЧЕЛОВЕК — ИСТОЧНИК СИЛЫ

Человек — источник силы:
Доброй, мощной, справедливой.
Вверх летящей над землей,
В космос, как к себе домой.
Возводящей школы, мост,
Приходящей на погост —
Помянуть былых людей...

Человек — источник силы:
Злой, коварной, нелюдимою.
Порождающей беду,
Войны, слезы, нищету.
Убивающей юнца
Точным выстрелом свинца.
Заполняющей погост...

Человек — источник силы:
Яркой, трепетной, красивой.
В светлой радости строки,
В томной нежности любви,
Создающей лик картины,
Распрекрасные мотивы —
Песен, вальсов и сюит...

Человек — источник силы:
Доброй, злой, неповторимой!

Людмила Межиньш
(г. Рига, Латвия)

Родилась и живет в Риге. Автор четырех книг для детей и пяти поэтических сборников для взрослого читателя. Лауреат премий им. П. П. Ершова и С. В. Михалкова за детскую литературу, также лауреат общественно-литературной премии им. С. А. Есенина, награждена медалями за служение литературе: им. М. Шолохова, им. А. Грибоедова. Педагог-керамист. Сопредседатель Союза литераторов г. Риги «Светоч».

* * *

Я из мира серебряных птиц,
Вы — из мира серебряных стрел.
Как похожи, нет четких границ,
Свет меж нами ликующе бел.
Я живу в чьих-то властных руках,
Выпускающих в небо меня,
Держат сильные руки в тисках
Вашу жизнь, и к свершению дня —
Вас однажды из лап тетивы
Вдруг швырнули, и все нипочем.
И на небе сияющем вы
Ослепительным стали лучом.
Мы упали на землю. Нас нет...
Трупик птицы, обломки стрелы.
Но остался ликующий свет
Зарождать новой жизни миры.

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ

Вдруг взметнулись драконы,
Черным жаром паля.
С рельсов пали вагоны,
Закричала земля...

Две минуты бы только!
Ты остался бы жив...
Ангел Огненный горько
Плакал, крылья сложив.

Черно-красное небо
Окровило рассвет.
Это был или небыль,
Что тебя больше нет, —

Нераспознанный гений,
Неоткрытый пророк,
Искрометных мгновений
Золотой мотылек?

Что же ты напророчил
Шестилетью назад?
Твои звездные очи
Грустно с неба глядят.

СИНЕОКИЕ ЛЮДИ

Синеокие люди в водопаде плескались,
Подставляя фигуры под поток ледяной.
Вал за валом опалом разбивался о скалы,
И дымком испарялся на одежде льняной.

Выходили на дюны. Облачались в одежды.
Улыбались друг другу, лучезарно чисты.
Возносили молитвы, о любви пели нежно,
В небе радуга млела от земной красоты.

Обнимались, прощаясь, каждый шел в одиночку,
На пути к белой роще исчезая вдали.
Лес березовый ясен от коры до листочка.
Но пройти по болотам здесь они не могли...

Не до самообмана. Все двенадцать не вышли.
Где в чужой вольной роще затерялись следы?
Но в сознание блуждали только легкие мысли,
Вспоминалось сиянье с неба и от воды.

За болотом разлетно птицы в путь собирались...
Различишь, но не сразу среди берез — лебедей.
Самоцветные перья — радуг — переливались,
А в ромашках — одежды синеоких людей.

ОСЕНЬ ЗАМОК ВОЗВЕЛА

Осень замок возвела,
Залы украшает,
Золотые зеркала
Всюду расставляет.

На запястии браслет,
И горят рубины,

Повторяя алый цвет
Ягоды рябины.

Мха мохнатые меха —
По плечам холодным.
Одинока и тиха
Бродит по хоромам.

Дождик, копьями звеня,
Замок охраняет,
От прикрытого окна
Лето отгоняет.

ЗАКАТ НАД МОРЕМ

Memento more

Клубящийся, из облачных уделов,
Вдруг замок отделился от равнин,
И стылый луч вошел в него несмело,
Как будто в замке разожгли камин.

Дрова в камине вмиг запылали,
Казалось, жар до ярости силен...
Но долго за окном не обсыхали
На крыльях чашек переливы волн.

За гранью объясненного мне смысла,
Как обещанье будущих преград,
Всевышний мне не звезд на небо выслал,—
Качнувшиеся тени от лампад.

Родство неотвратимости глубокой:
Огонь заполняется водой...
Лишь прошлое светило издалика
Ярчайшей остывающей звездой.

Виталий Кузнецов
(г. Новочеркасск)

Виталий Кузнецов родился в Таганроге. Закончил Новочеркасский политехнический институт. Печатался в сборниках в Новочеркасске, Харькове, Ростове-на-Дону, Брянске, Туле. В 2013 году в Новочеркасске вышел авторский сборник стихов «Прощание с миром».

ФАУСТ

Verweile, der Augenblick, du bist schoen!

Гете. «Фауст»

Удивительно медленны дни —
Только в детстве бывали такие:
Пели там небеса голубые
И сияли надежды огни.

Вот сейчас где-то птицы поют,
Заглушает их шелест прибоя.
Все вокруг как в раю голубое —
Знаю я, хоть и не был в раю.

И чем медленней движутся дни,
Тем ясней — жизни много осталось.
Прочь тревоги, сомненья, усталость —
Ведь в раю неуместны они!

Словно Фауст я — здравствуй, мой миг!
Стоп, мгновение, ты же прекрасно!
На душе и на небе так ясно,
Будто вечную мудрость постиг.

ДЕВОЧКА НА ШАРЕ

Ты словно девочка на шаре,
А я с иной картины — жаль.
Ведь не силач я, мы не в паре.
Все так, но отчего печаль?

Все, вроде, так, но есть надежда,
Что воспарит массивный шар:
И станут лишними одежды,
И страсти вырвется пожар!

Надеждам свойственно сбываться,
Ну а пока исход один —
Друг другу просто улыбаться
Из опостылевших картин.

* * *

Уже я не умру в пятнадцатом году.
Год умер сам, исчез — охотник за живыми.
Но стало нелегко найти мою звезду.
Она ушла куда-то, потеряла имя.

Весь прошлый год, прожив в отчаянном бреде,
я цели усложнял и заменял другими.
Казалось, что прорвусь, взлечу, себя найду...
Судьбу лишь искушал я мыслями такими.

Но чудо не сбылось, а я не превозмог
себя, не вырвался... Что ж, посмеялся Бог
над странным чудачком: «Да пусть он помечтает».

Но впереди лихой и високосный год.
И ход вещей взбрыкнет, пойдет наоборот —
Моя звезда на небе гордо засияет!

ЧТЕНИЕ

В детстве читал книги впрок —
Мудрость копил вековую.
Верил, настанет мой срок —
Все испытаю вживую:

Выйдут мои корабли
Прямо в открытое море.
И очертанья земли
Станут невидимы вскоре.

В будущее поплыву
Следом героев великих.
Светлый блистательный лик их
Явится мне наяву!

Рядом с героями книг
Видел себя я героем:
В Риме сражался и в Трое,
Прошлого тайны постиг.

С будущим время сверял,
Думал — взлетаю, читая,
Но, беспрестанно мечтая,
Зря только время терял.

Сгнили мои корабли —
В днищах их столько пробоин!
Сам я давно уж не воин —
Ярость, упорство ушли.

Жизнь ведь почти прожита.
В будущем нет мне награды,
В будущем мне и не рады —
Стала химерой мечта.

Книги теперь для меня —
Кладбище прошлых ошибок...
Мир ускользающий зыбок.
Ветра в нем нет и огня!

ЯВИТСЯ ЧЕРТ

Были надежды,
Были мечты,
Белы одежды,
Ярки цветы.

Явны желанья,
Четки слова,
Ясны мечтанья,
Свет — голова!

«Многие лета!» —
Пела мне жизнь...
Где же все это?
Фигу держи!

Фигу надеждам,
Глупым мечтам,
Грязны одежды,
Мертвый я сам.

Душу рвет стужа.
Я стал не горд:
Богу не нужен —
Явится черт!

СМЕРТЬ ПИИТА
(иронические строки)

«Все перепуталось, и некому сказать...»

О. Манделштам

Великое стихотворение,
Нечаянная благодать,
Невиданное озарение —
Да поздно все это, видать.

Ниспосланное вдохновение
Вот жалко — пора умирать!

Все глубже, сильнее агония.
Земного осталось: кровать
И чахлый цветок — бегония.
Кто будет его поливать?

Божественный гаснет огонь, и я
Уже не сумею летать!

Лежит карандашик заточенный —
Никак мне его не достать.
Стих выверенный, отточенный —
Его только не записать.

На жизнь мой билет просроченный.
И нового негде мне взять!

ЭПОХАЛЬНОЕ

Мечтал попасть в эпоху Возрожденья,
В которой развивается искусство.
Прекрасного увидеть зароженье,
Но я живу не в ней — мне очень грустно.

Довольствуюсь я личным возрожденьем.
Лечу свои растрепанные чувства.
Но вместо возрожденья вырожденье
Вползает вдруг — и на душе так пусто!

Четыре дня в эпохе возрожденья
Духовно и телесно развиваюсь.
Четыре дня в эпохе вырожденья
Восторженно и пафосно спиваюсь.

Был молод я в эпоху наслажденья.
И жизнь прекрасным праздником казалась.

Встречал улыбкой доброй каждый день я,
А жизнь в ответ мне тихо улыбалась.

Наряден был всегда — что не надень я.
За дело брался — все мне удавалось.
И светел каждый день, как день рожденья!
А если и печаль придет — так малость.

Сухие ветви прежнего цветенья
Шумят еще, уже без выраженья.
Бесплотен и безмолвен словно тень я.
Мне не нужны напрасные сраженья.

Порою мне являются виденья
Из прошлого — картиной жизни милой.
И вот тогда желанье возрожденья
Охватывает мысли с новой силой!

К 100-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Мария Серова
(г. Тула)

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. Д. ПОЛЕНОВА
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ**

Мария Александровна Серова родилась в 1978 году в г. Славгород Алтайского края. В 2000 году окончила Тульский государственный педагогический университет по специальности «Филология», «Мировая художественная культура». Работает в ТОХМ с 2000 года. В 2006 году окончила дистанционное обучение на курсах повышения квалификации Педагогического университета «Первое сентября» и отделения педагогического образования Факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова по образовательной программе «Как учить понимать язык искусства».

Ведущий специалист отдела западноевропейского и русского искусства.

1 июня 2019 года исполнилось 175 лет со дня рождения крупнейшего русского живописца, мастера исторической, пейзажной и жанровой живописи Василия Дмитриевича Поленова.

Для Тульского края эта дата особенно значима,— нами, туляками, личность Поленова, его удивительный Дом-музей на Оке воспринимается уже как неотъемлемая часть тульской земли; хотя с именем Поленова связаны многие места, как в России, так и за рубежом. В Санкт-Петербурге художник родился, детские годы провел в имении Имоченцы Олонецкой губернии, учился в Петрозаводске и Петербурге, в качестве пенсионера Академии художеств побывал в Германии, Италии и Франции, жил в Москве, два раза совершал путешествия по странам Ближнего Востока, и это еще далеко не весь список.

Место для будущей усадьбы на высоком берегу Оки было приобретено Поленовым в 1890 году. Дом, созданный по оригинальному проекту художника, по замыслу Поленова, предназначался не только для размещения многочисленной семьи художника и приезжающих к нему друзей и учеников, но строился как музей и картинная галерея. Тульская земля на берегах Оки, до конца жизни не перестававшая вдохновлять художника, обрела имя Поленова, и стала гордостью нашего края.

С особым трепетом мы приступаем к обзору произведений Поленова из коллекции ТОХМ. Фонды музея хранят 23 произведения Поленова (21 произведение живописи и 2 рисунка, выполненные акварелью). Работы художника поступали в музей в

разные периоды. Два произведения — «Голова бедуина» и «Нил у Карнака» поступили в ТОХМ при разделении в 1939 году фондов на краеведческий и художественный; в 1947 году у Соболевой З. А. музеем был приобретен этюд «Иуда». 1960-е года и начало 1970-х оказались самыми плодовитыми в плане поступлений работ В. Д. Поленова, — возможно, это было связано с долгожданным открытием нового, ныне существующего здания музея. В 1962 году три работы были переданы Дирекцией художественных фондов и проектирования памятников («Христос и самарянка», «Терем. Эскиз декорации к опере А. С. Даргомыжского «Русалка»», рисунок «Мечеть Омара в Иерусалиме»); шесть работ были приобретены у частных лиц. Особо трепетным приобретением в 1969—1970 годах стали одиннадцать произведений из коллекции Федора Дмитриевича Поленова, внука художника и директора Государственного музея-заповедника В. Д. Поленова в 1962 — 1990 годах.

Исследователи творчества В. Д. Поленова обращают внимание на такую особенность художника, как неоднократное повторение одного и того же мотива, сюжета. В музеях и частных собраниях встречаются близкие по композиции виды Ояти, Оки, сцены из жизни Христа. Так или иначе, это ключевые моменты в жизни и творчестве художника, определенные вехи, и произведения Поленова из фондов ТОХМ в полной мере могут помочь проследить основные этапы творчества художника.

Одна из самых ранних работ Поленова, хранящихся в ТОХМ — «Закат», датированная 1869 годом. С уверенностью можно сказать, что этот небольшой этюд написан в сентябре в Имоченцах. Именно оттуда Поленов писал сестре Вере Дмитриевне (в замужестве Хрущовой): «Я теперь нахожусь в Имоченцах и отдыхаю, ибо под конец* уже стало не в силу»**. В это время Поленов только что закончил картину «Иов и его друзья», написанную для конкурса на Малую золотую медаль (которую он, кстати сказать, и получил), и в это же время сдал университетский экзамен. Необходимо упомянуть, что будущий художник совмещал учебу на юридическом факультете Петербургского университета и учебу в классах вольноприходящих учеников в Академии художеств. Это было очень тяжело, но Поленов был убежден, что технике живописи можно обучиться лишь в молодости. Родители же В. Д. Поленова настаивали на том, что диплом об окончании университета просто необходим для человека, принадлежащего кругу дворянской интеллигенции. Поэтому на протяжении нескольких лет Поленову приходилось совмещать занятия в двух высших учебных заведениях.

Итак, В. Поленов в 1869 году закончил конкурсную картину, отдал ее на выставку, сдал экзамены, и, очень утомленный, отправился отдыхать в родовое имение отца, Дмитрия Васильевича Поленова. Усталость и напряжение сказываются в выборе красок для пейзажа «Закат» — он написан очень темными тонами; сумерки уже завладели природой, во всем чувствуется желание покоя, отдохновения, сна (что, видимо, было желанно и для самого художника). Лишь прощальные лучи солнца переданы яркими сияющими мазками.

Следующий по хронологии этюд из коллекции ТОХМ — «На реке Ояти. Имоченцы» 1880 года. И вновь мы обращаемся к переписке Поленова, из которой можно почерпнуть множество интересных фактов. К 1880 году Поленов — уже признанный художник, автор «Права господина», выставленного в Парижском Салоне, «Ареста гугенотки» (картины, принесшей ему звание академика), «Московского двора», «Бабушкиного сада», «Заросшего пруда». Поленов уже совершил пенсионерскую поездку в Германию, Италию, Францию, сражался добровольцем на сербско-турецком фронте, был отмечен наградами; живо участвовал в московской творческой жизни.

* Сохранена авторская орфография Поленова.

** Сахарова Е. В. В. Д. Поленов: Письма, дневники, воспоминания / Е. В. Сахарова. — 2-е изд. — М. — Л.: Искусство, 1950. С.18.

ни, пробовал свои силы в театральном деле с легкой руки Саввы Мамонтова. Половину лета и осень 1880 года художник вновь проводит в Имоченцах. Как свидетельствует письмо Поленова младшей сестре Елене Дмитриевне Поленовой, погода стоит чудесная, отдыхается хорошо, планов множество. И снова — любимая Оять. «Писал я все больше Оять с разных пунктов. Хочу из нее сделать две картины»*.

В 1881 году в жизни Поленова происходит одно из тяжелых событий — в марте умирает его сестра-близнец Вера Дмитриевна (в замужестве Хрушова). Перед смертью она берет с брата слово, что тот сосредоточится на серьезной работе и напишет давно задуманную большую картину из жизни Христа. Нужно сделать небольшое отступление и вспомнить, как и когда у Поленова, еще совсем юного, возникло желание создать картину, которая продолжит дело, начатое Александром Ивановым. Имя Александра Иванова Поленов, будучи мальчиком, впервые услышал от Федора Васильевича Чижова, университетского друга отца В. Поленова и близкого друга семьи. Ф. В. Чижев познакомился с А. Ивановым в Италии, восторженно отзывался как о самом художнике, так и о его работе. Чижев даже пообещал привести Иванова в гости к Поленовым для знакомства, но оно так и не состоялось... В 1858 году, уже после скоропостижной смерти А. Иванова, Поленовы увидели картину, когда она выставлялась в Академии художеств. «Знакомство с картиной Иванова, всеобщий восторг перед ней обозначили некую новую грань в художественном воспитании молодого Поленова... Он понимал, как много надо учиться и как упорно работать, чтобы писать картины — пусть даже не так, как Иванов...»**. Александр Иванов показал Христа только еще грядущего людям, а Поленов мечтал создать Христа пришедшего и совершающего свой путь среди людей.

Осенью 1881 года Поленов, узнав от С. Мамонтова, что А. В. Прахов будет как историк искусства сопровождать в поездке на Ближний Восток молодого миллионера С. С. Абазелек-Лазарева, попросил согласия путешествовать вместе с ними с целью сбора материала для будущей картины. В коллекции ТОХМ несколько произведений этого периода (путешествие через Константинополь в Египет, Сирию и Палестину продлилось с сентября 1881 года по март 1882): «Храм на острове Филе», «Гробница царей», «Нил у Карнака», «Мечеть Омара», «Мечеть Омара в Иерусалиме», «В Назарете», «Иуда». В изображении окружающей природы, растительности, построек, исторических мест Поленов старается не упустить ни одной детали, все считает важным; в этом он последователен своему кумиру — Александру Иванову. Некоторые этюды («Храм на острове Филе», «Гробница царей», «Нил у Карнака») совсем незначительны по размеру, однако и в них опытная рука художника передает сложную перспективу, контрастное освещение, архитектурные детали, панорамный пейзаж.

Поленов побывал в Галилее и на Генисаретском озере, в Иерусалиме у храма Гроба Господня, у Стены Плача, на Храмовой горе, у мечети Омара, у колодца Девы Марии. На картине «В Назарете» 1882 года (см. иллюстрацию на развороте) изображен источник, который служил на протяжении многих веков как главный источник воды для жителей города. Именно здесь, согласно легенде, Архангел Гавриил явился Деве Марии и принес ей весть о том, что она станет матерью Христа. Поленов делал множество этюдов одного и того же места. Похожий этюд Поленова хранится в Государственной Третьяковской галерее; он меньше, на нем изображен тот же источник и суесящиеся возле него женщины. Но в варианте из фондов ТОХМ изображены еще две фигуры, направляющиеся к источнику за водой — молодая женщина с маленьким мальчиком, — в которых, по словам самого художника, он изобразил Марию с

* Сахарова Е. В. В. Д. Поленов: Письма, дневники, воспоминания / Е. В. Сахарова. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1950. С. 166.

** Копшицер М. И. Поленов / Марк Копшицер. — М.: Молодая гвардия, 2010. С. 23.

маленьким Иисусом*. Вполне обыкновенная жанровая зарисовка приобретает историческое измерение. Работа «В Назарете» — яркое, законченное произведение с продуманным колоритом, композицией и точно переданной атмосферой изображенной местности. Очень цельно удалось художнику передать образ древней восточной земли с ее дыханием другой жизни, воплотить взаимосвязь исторического места, особой архитектуры, быта и уклада местного населения. Раскаленные добела камни, ярко-голубое небо, знойный воздух, серебристые оливы с причудливыми стволами переносят зрителя совсем в другой мир и в другое время.

Еще два произведения — живописное полотно «Мечеть Омара» и рисунок «Мечеть Омара в Иерусалиме» (оба 1882 года) рассказывают об одном и том же месте.

Место, которое изобразил художник, мыслилось Поленовым как фон, на котором будут разворачиваться события его будущей картины «Христос и грешница». В то время, когда Поленов был в Иерусалиме, грандиозного храма Соломона уже давно не существовало. На месте его развалин Омар I, один из ближайших сподвижников Мухаммеда, повелел построить великое святилище для всего Востока. Построенная через много лет мечеть стала мусульманской святыней и носит название мечеть Омара. Площадь перед храмом, которую особенно хорошо видно на акварели, называется Харам-эш-Шериф — «Священное место». На картине «Христос и грешница» Христос с учениками располагается у стены храма, слева от лестницы.

Еще один интересный этюд этого периода — «Иуда». Он также сделан для большой картины Поленова. Если мы обратимся к произведению «Христос и грешница», мы сможем найти Иуду среди учеников, он располагается во втором ряду, под деревом, ближе к ступеням храма, за привставшим и опирающимся на посох Петром. Лицо Иуды на законченной картине совсем другое, но тем интереснее проследить поиски нужного образа художником, тем и ценен его этюд из коллекции ТОХМ.

Длинными смелыми линиями прочерчены складки покрывала на голове, обозначены драпировки одежды. На фоне светлого грунтованного холста контрастом выделяется лицо мужчины с угольно-черной бородой, густыми бровями, кажущимися совсем черными тревожными глазами. Взгляд и посадка головы такие, будто изображенный пристально наблюдает из укромного места и боится быть замеченным. Очень скульптурно вылеплен нос, немного впалые щеки, носогубные складки. В глубоко посаженных глазах читается беспокойство, трагич-

* Святая земля в русском искусстве: Каталог / ГТГ. — М., 2001. С.120.

ность. Этот очень выразительный набросок чем-то схож с этюдным портретом Марка Антокольского 1883 года.

Антокольский и Поленов познакомились в 1873 году в Риме, когда Поленов совершал пенсионерскую поездку. Знакомство осуществилось через Савву Мамонтова. Савва Мамонтов живо интересовался искусством, пробовал себя в живописи и скульптуре. Втроем (Антокольский, Мамонтов и Поленов) друзья посещали в Риме Академию Джиджи, где Антокольский и Мамонтов лепили (Антокольский давал Мамонтову уроки), а Поленов рисовал. В дальнейшем художника и скульптора связывала крепкая дружба, переписка. Именно Антокольский был автором надгробия рано ушедшей Маруси Оболенской, первой сильной любви Поленова.

Мы уже не раз упоминали имя Саввы Мамонтова. С ним В. Д. Поленов познакомился через искусствоведа и археолога Адриана Викторовича Прахова. Знакомство произошло в Риме, в 1873 году. В семье Мамонтовых в Риме собиралась аристократическая молодежь, которая с радостью подхватывала все творческие начинания неугомонного Мамонтова. Устраивались домашние спектакли, костюмированные сцены для карнавалов; Поленов во всем принимал живое участие. Многолетняя дружба Поленова с Мамонтовым прежде всего была цементирована творчеством, общими театральными задумками и их воплощением. Не однажды Поленов проводил целое лето у Мамонтовых в Абрамцево, именно там художник обрел верную любовь на долгие годы — Наталью Васильевну Якунчикову (которая, кстати, была родственницей Мамонтовых — двоюродной сестрой Елизаветы Григорьевны, жены Саввы Ивановича Мамонтова). К одним из счастливых летних сезонов, проведенных Поленовым у Мамонтовых, относятся его работы «Дуб в Абрамцево» и «Терем. Эскиз декорации к опере А. С. Даргомыжского "Русалка"». 1885 года.

Театр Поленов очень любил. Еще молодым он с удовольствием выступал режиссером живых картин — жанром сейчас совсем забытым; когда было необходимо, становился актером, писал музыку, пьесы для детей и, конечно, декорации. Частная опера Мамонтова, выросшая из домашнего театра, сумела объединить талантливых композиторов (Римского-

Корсакова, Рахманинова) и художников (Поленова, братьев Виктора и Аполлинария Васнецовых, Коровина, Серова и Врубеля). Поленовым была оформлена значительная часть постановок Мамонтовского кружка и Мамонтовской частной оперы. С театром Поленов не расставался никогда — в 1915 году по оригинальному проекту художника в Москве был построен дом с декорационными и костюмерными мастерскими и театральным залом, его называли Домом имени В. Д. Поленова; в 1920 году художник создал уникальную диораму — переносной упрощенный театр, имитирующий кругосветное путешествие (для диорамы Поленов сделал 70 рисунков, что потребовало огромного напряжения подорванных сил).

К 1890 году — году покупки усадьбы Бехово — Polenov пришел с грузом разных событий, — и светлых, и трагичных. Художник обрел семью, но уже испытал серьезное нервное потрясение, связанное с внезапной смертью первенца, сына Феде. Страдая головными болями и приступами мрачного настроения, Polenov задумал поселиться в деревне, в чем его полностью поддерживала жена. Щедро отдавая себя молодежи как педагог и старший товарищ, Polenov все же оставил в 1895 году преподавание в Московском Училище живописи. Художник вновь сосредоточился на пейзажах и задуманном евангельском цикле.

К 1890 году относится его пейзаж «Река Оять» (см. иллюстрацию на развороте). Хотя она и написана в год приобретения усадьбы на Оке, но посвящена все так же любимой Ояти и Имоченцам. Художник словно бросает прощальный взгляд на панораму неспешной реки, охватывает взглядом такие любимые и знакомые с детства склоны, поросшие густыми северными лесами, задерживает взгляд на Окуловой горе слева со спускающимися к воде домиками. Во взгляде художника — любовь и воспоминание. В 1884 году Имоченцы были проданы, но Polenov обретает новую любимую землю, не мысля себя без природы и единения с ней.

Нужно ли говорить, что Polenov очень серьезно подошел к воплощению цикла картин из жизни Христа, задуманному, по-видимому, еще в период работы над картиной «Христос и грешница». Понимая, что нужен дополнительный материал и свежие впечатления, Polenov во второй раз отправляется в путешествие: осенью 1894 года в Рим (там он напишет картину «Христос среди учителей»), а в 1899 году — вновь в Константинополь, Афины, Смирну, Каир, Иерусалим, Тивериаду, Бейрут. Художнику словно хотелось не только делать зарисовки с натуры, но и самому пройти по земному пути Христа.

К 1895 году относятся две картины из коллекции ТОХМ: «Рим. Огороды» и «Голова бедуина. Этюд к картине "Христос среди учителей"».

Последняя картина представляет наибольший интерес. Перед нами практически законченный остро характерный портрет. Надменный взгляд мужчины с характерными восточными чертами лица, брезгливо раздутые ноздри, приподнятая бровь, небрежное и такое естественное движение облокотившейся руки с чуть грубоватыми, но очень живыми пальцами, покачивающаяся сережка в ухе, смело и широко написанная одежда, сложных оттенков фон — во всем мастерство художника с большой буквы. Снова невольно вспоминается имя Александра Иванова, который для того, чтобы изобразить любую незначительную деталь или второстепенного героя, вкладывал в этюды все свое мастерство. «Бедуин» Polenova почти в такой же позе будет присутствовать в картине «Среди учителей» 1896 года, но, конечно, лицо будет совсем другим, — более смягченным, мечтательным, размышляющим.

Для Polenova его бедуин — лишь предварительный материал, но как великолепно выполненный! Кстати, не менее интересна надпись, сделанная на обороте: *Этюдъ этотъ былъ подаренъ В. Д. Polenovымъ моему покойному брату И. Левитану. А. Левитанъ. Этюдъ В. Д. Polenova для картины «Христосъ среди учителей». Третьяковская галерея.*

Polenov трудился над созданием цикла «Из жизни Христа» более 10 лет. Для цикла художник создает и свою литературную версию жизни Христа (рукопись «Иисус из Галилеи»). В феврале-марте 1909 года цикл экспонировался в Петербурге, а

затем в Москве и Твери. Даже те критики, которые скептически относились к трактовке образа Христа, отмечали высокое живописное мастерство Поленова. Среди этюдов, написанных Поленовым к евангельскому циклу, в коллекции ТОХМ несколько небольших работ: «Близ Иерусалима» 1899 г., «Смоковница. Этюд» 1890-е гг., «Лестница. Этюд» 1890-е гг., «Оставались в покое. Этюд» 1900 г. Все эти работы были приобретены музеем у Федора Дмитриевича Поленова, внука художника и Директор Государственного музея-заповедника В. Д. Поленова в 1962 — 1990 годах. Все эти маленькие наброски свидетельствуют о стремлении Поленова в своих работах евангельского цикла достигнуть исторической правды: «Истина, какая бы она ни была, для меня несравненно выше вымысла»*.

Остается упомянуть еще несколько работ Поленова из коллекции ТОХМ: крошечный этюд «Христос и самарянка» 1886 года, воплощенный впоследствии в одноименную картину евангельского цикла; «Источник» 1901 года, — этюд, изображающий родник близ села Страхово; замечательная акварель «Гиацинты» 1899 года и «Вид на Оку с восточного берега» 1898 года — захватывающий дух панорамный пейзаж с высокого берега полюбившейся Поленову реки. Пейзаж небольшой по размеру (35 × 45,5 см.), но, глядя на него, невольно ощущаешь себя птицей, свободно парящей над просторами Оки и ее берегов.

Прекрасны слова Федора Шаляпина о творчестве Поленова: «Этот незаурядный русский человек как-то сумел распределить себя между российским озером с лилией и суровыми холмами Иерусалима, горячими песками азиатской пустыни. Его библейские сцены, его первосвященники, его Христос — как мог он совместить в своей душе это острое и красочное величие с тишиной простого русского озера с карасями? Не потому ли, впрочем, и над его тихими озерами веет дух божества?»**

Василий Дмитриевич Поленов не только внес огромный вклад в развитие русской живописи, он вошел в историю русского искусства и культуры как деятельная личность, прекрасный педагог, благородный человек. Огромным наслаждением была возможность прикоснуться к его творчеству.

* Копшицер М. И. Поленов / Марк Копшицер.— М.: Молодая гвардия, 2010. С. 307/

** Языкова И. В. Д. Поленов / И. Языкова // Искусство.— 2011.— № 2 (458).— 15—31 янв. С. 6.

Зоя Скопинцева
(г. Тула)

МУЗЕЙ МОЕГО СЕРДЦА

Зоя Николаевна Скопинцева, искусствовед, заведующая отделом русского и советского искусства, директор ТОХМ (1983 — 1991 гг.). Государственные награды: знак Лучший работник культуры СССР, орден Знак почета.

2019-й — год замечательных дат в жизни и деятельности одного из лучших художественных музеев России — Тульского областного художественного музея. В мае этого года исполнилось 100 лет со дня образования в Туле художественно-исторического музея, ставшего основой двух крупных областных музеев — краеведческого и художественного, а 80 лет назад, в 1939 году, художественный отдел краеведческого музея стал самостоятельным музеем. Полвека с лишним назад, летом 1964 года, коллекция Тульского областного художественного музея разместилась в новом здании на улице Ф. Энгельса, построенном по проекту тульского архитектора Павла Михайловича Зайцева. Это было первое и единственное специальное музейное здание в то время в нашей стране.

Для меня дороги все три даты и все события, свершившиеся в те годы. Но особенный след в моей памяти оставил 1964 год. Многие туляки знают, что коллекция музея, после возвращения из эвакуации в Казахстан во время Великой Отечественной войны, разместилась в трех больших помещениях подвала Дома офицеров. Если встать лицом к фасаду, то нужно было войти в большую дверь справа и спуститься вниз по лестнице в подвальное помещение. Почти вся коллекция находилась там и была опечатана. Часть ее несколько раз экспонировалась на выставках в четырех небольших залах второго этажа Дома офицеров. Это была живопись и декоративно-прикладное искусство. В 1963 году, работая над темой курсовой работы по изобразительному искусству, мне посчастливилось познакомиться с директором музея Софьей Федоровной Нечаевой, заместителем

директора по научной работе Валентиной Ивановной Владимировой и главным хранителем музейного собрания Тamarой Васильевной Поповой. А также старейшими музейными сотрудниками, техническими работниками, которые во время войны упаковывали коллекцию, отправляли в эвакуацию, а потом, после ее окончания, принимали возвращенные в Тулу произведения.

Предметы, находившиеся в больших ящиках, прибыли на Московский вокзал. Не всегда была возможность перевозить их на грузовом транспорте и тогда женщины на санках перевозили частями коллекцию в Дом офицеров. Низкий поклон Матрене Михайловне, Прасковье Романовне, которые и после открытия музея в новом здании еще долгое время работами смотрителями залов в Отделе русского искусства.

В июне 1964 года, перейдя на второй курс искусствоведческого факультета института им. И. Е. Репина (Академия художеств) в Ленинграде, я по приглашению Софьи Федоровны Нечаевой была переведена в Тульский областной художественный музей из Управления культуры на должность научного сотрудника. Вместе со мной в музее начала работать Нина Сергеевна Павлова, которая училась в том же институте. Музей, все еще продолжая находиться в залах Дома офицеров, готовился к переезду в новое здание. Перед нами Тамара Васильевна Попова открыла тяжелые двери в уникальное хранилище произведений искусства, когда мы с Ниной Сергеевной пришли на работу 24 июня 1964 года. В первом зале хранилища вдоль стен стояли живописные произведения русских, западноевропейских и советских художников, в середине зала — скульптура. Во втором зале, в изящных шкафах и на столиках, хранились произведения декоративно-прикладного искусства: фарфор, стекло. В старинных витринах развернулись папки с графикой. Софья Федоровна и Тамара Васильевна доверили нам с Ниной Сергеевной работу по упаковке всех произведений искусства, одновременно посвящая в тонкости музейной профессии. В большие ящики упаковывали мебель и рамы для картин. В первом зале подвального помещения стояла не только художественная мебель, но и большие старинные шкафы с книгами по изобразительному искусству. Упаковкой библиотеки занималась В. И. Владимирова. В то время были приняты на работу три женщины, помогавшие в перевозке коллекции — Зоя Васильевна Бологова, Зоя Дмитриевна Пузырева и будущий кассир Тамара Александровна Бологова и Пузырева работали потом долгое время уборщицами и в идеальной чистоте содержали залы музея. Выносить из подвалов Дома офицеров огромные ящики с подготовленными к переезду произведениями искусства, старинную мебель, тяжелую скульптуру и библиотечные книги, грузить все это на большие военные грузовики, затем перевозить, разгружать и переносить в новое здание музея, а после разнести по экспозиционным залам трех этажей помогали солдаты тульских воинских частей.

Нагруженные машины подъезжали ко входу в музей со стороны Гражданпроекта, где мы с Ниной Сергеевной их встречали и помогали солдатам размещать привезенные предметы. Вся эта огромная работа шла под руководством Софьи Федоровны Нечаевой, директора музея, искусствоведа, тонкого знатока изобразительного искусства. Чудесный, добрый и отзывчивый человек, она во всех музейных процессах принимала непосредственное участие, работая вместе с сотрудниками. Важную роль играли Тамара Васильевна Попова — большой знаток коллекции музея и Валентина Ивановна Владимирова, изучавшая западноевропейское искусство, с уважением и вниманием относившаяся к людям. Они составили первый в истории музея каталог, включавший разделы западноевропейской, русской, советской живописи, скульптуры, печатной и оригинальной графики. Долгое время этот каталог помогал в работе научным сотрудникам, приходившим в музей впоследствии.

Произведения русского искусства 18—19 веков (живопись, скульптура, декоративно-прикладное искусство) по экспозиционному плану, который составили Софья Федоровна, Тамара Васильевна и Валентина Ивановна, разместили в залах второго этажа, произведения западноевропейского искусства — на третьем этаже, залы первого этажа отвели под советское искусство. Подвальное помещение музея было использовано для хранилища скульптуры, декоративно-прикладного искусства, которые не вошли в экспозицию отделов.

После окончания перевозки произведений искусства в музей в холлах третьего и второго этажей начали работать мастера — золотые руки: Федор Иванович и Георгий Иванович, оформлявшие произведения в рамы и готовившие их для повески.

В отделах русского и западноевропейского искусства устанавливались стеклян-

ные витрины для изделий из фарфора и стекла, разделявшие залы большие щиты. Все оборудование было изготовлено на Тульском оружейном заводе прекрасными мастерами. Рабочие завода до поздней ночи работали в музее на установке щитов и витрин. Мы, научные сотрудники: Валентина Ивановна, Тамара Васильевна, Нина Сергеевна и я работали вместе с оружейниками. Так как я жила в доме недалеко от музея, Софья Федоровна просила меня оставаться с рабочими до позднего вечера и меня приходило встречать отец, долгие годы проработавший на Оружейном заводе.

Уже заканчивался август, когда было смонтировано оборудование. Мы приступили к установке мебели, скульптуры, начали готовить к повеске живопись, к размещению в витринах фарфора и стекла. Отделом западноевропейского искусства руководила В. И. Владимировна, отдел русского искусства Софья Федоровна доверила мне, Н. С. Павловой определили отдел советского искусства.

Экспозиционные планы отделов были подготовлены В. И. Владимировой и Т. В. Поповой, но составлялись они и воплощались в действие под руководством известного искусствоведа, автора многих монографий о русских художниках, заведующей отделом русского искусства Государственной Третьяковской галереи Эсфири Николаевны Ацаркиной. Она часто бывала в Туле, в музее, в Доме офицеров, работала в архивах и несколько дней была в нашем городе во время работы над экспозицией нового музея. Окончательная экспозиция ею была одобрена. Повеска картин выполнялась рабочими из Государственной Третьяковской галереи. Вечерами мы с Ниной подолгу беседовали с Эсфирью Николаевной, слушали ее рассказы о работе в Третьяковской галерее, о посещении ею музеев мира. Потом мы провозжали Ацаркину в дом известной тульской художницы, заслуженного художника РСФСР Надежды Исааковны Ковтуновой, у которой обычно останавливалась Эсфирь Николаевна.

Над экспозицией раздела русского декоративно-прикладного искусства я работала под руководством моей наставницы Тамары Васильевны Поповой. Надо сказать, что экспозиция отделов западноевропейского и русского искусства остается до наших дней в основе своей почти без изменений - настолько тщательно она была продумана и включила лучшие произведения музейного собрания. Оттого она и производит неизменно сильное впечатление на посетителей.

Работа над постоянной экспозицией художественного музея Э. Н. Ацаркиной, С. Ф. Нечаевой, Т. В. Поповой, которых уже нет в живых, была трудной, уникальной и память о них и благодарность этим замечательным профессионалам и чудесным людям живет в моем сердце.

Под руководством Софьи Федоровны Нечаевой Т. В. Попова и В. И. Владимировна составили и издали первый путеводитель по художественному музею. Спустя несколько лет он был дополнен следующим поколением научных сотрудников. Но, к сожалению, с тех пор новый путеводитель так и не был написан.

К концу октября 1964 года все было готово к открытию Тульского областного художественного музея на площади Искусств. Торжественная церемония состоялась 5 ноября. На ней присутствовали работники Обкома КПСС, представители областной и районной администраций во главе с первым секретарем Иваном Харитоновичем Юнаком. Гостей у парадного входа встречала Софья Федоровна Нечаева. Нам с Валентиной Ивановной было поручено проводить гостей в залы музея и познакомить с основной экспозицией: Вале — с отделом западноевропейского искусства, мне — с отделом русского и советского искусства. Мы все очень волновались, но все прошло успешно. С этого дня музей начал работать и принимать ежедневно большое количество экскурсантов. В 1964 году научных сотрудников было всего четверо и приходилось каждый день водить по 3-4 обзорные экскурсии по всем отделам музея. С 1965 года количество сотрудников постепенно увеличивалось, но их состав постоянно менялся.

Меня всегда привлекала работа в музее, и я ее очень любила. Многие годы работала заведующей отделом русского искусства, которую так давно доверила мне Софья Федоровна Нечаева, с глубоким интересом занимаясь научно-исследовательской работой. Музею я посвятила долгие 54 года, это без малого вся моя жизнь...

Желаем ТМИИ многих лет и дальнейшего процветания!

Марина Кузина
(г. Тула)

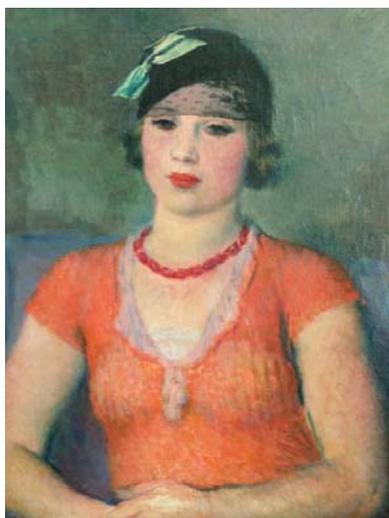
МУЗЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

Марина Николаевна Кузина, заслуженный работник культуры РФ, член Союза художников РФ, искусствовед, первый заместитель генерального директора ГУК ТО «Объединение «Историко-краеведческий и художественный музей».

Тульский музей изобразительных искусств, основанный в 1919 году, отмечает 100 лет со дня основания. Его главной задачей было хранить и пополнять коллекцию, вести научно исследовательскую, выставочную и просветительскую работу. Музей во все времена — живой организм, его коллекция постоянно увеличивается. Чем богаче и качественнее по своему художественному уровню музейное собрание, тем больше его значимость в общем спектре мировой культуры. Своеобразие и уникальность фондов предопределена людьми, которые стояли у самых истоков и создавали основу замечательного собрания.

Гордостью музея являются произведения, поступившие из дворянских поместий Тульской губернии (Бобринских, Олсуфьевых, Гагариных, Голициных, Урусовых, Кампанари и других), а также экспонаты, переданные из Древлехранилища, Академии художеств, Музея живописной культуры при Тульском художественно-промышленном техникуме и других источников.

История создания музея давно написана, изучены архивные материалы, проведена атрибуция многих экспонатов, подготовлены и изданы каталоги, путеводители, альбомы. О том, как шло комплектование фондов, существует много легенд и подлинных историй, воспоминаний музейщиков разных поколений.

Лебедев В. В. (1891 — 1967). Женский портрет. 1931 г.

За более чем 30-летний период работы в музее немало накопилось разных историй и воспоминаний у Софьи Федоровны Нечаевой, бывшего директора, так много

сделавшего для его становления и развития, которые и теперь нам очень дороги. Трудно представить экспозицию Тульского музея без подлинных шедевров Б. М. Кустодиева, М. В. Нестерова, А. С. Степанова, С. В. Малютина, приобретенных, на удивление всем, в Тульской области, в деревне Ержино Чернского района у Г. П. Маликова, крупнейшего собирателя картин. Сколько же пережито и сколько вложено сил Софьей Федоровной, чтобы завещанная долгожданная московская коллекция Е. В. Гречениной, насчитывающая более 70 работ, поступила в музей в 1976 году. Чтобы получить в коллекцию музея необходимое произведение, нужно исколесить так много дорог, а потом еще найти и убедить владельцев расстаться с той или иной работой.

Таким образом что-то приобреталось за деньги, что-то передавалось в дар музею из частных коллекций, из мастерских художников Санкт-Петербурга, Москвы, Тулы, Владимира, Калуги.

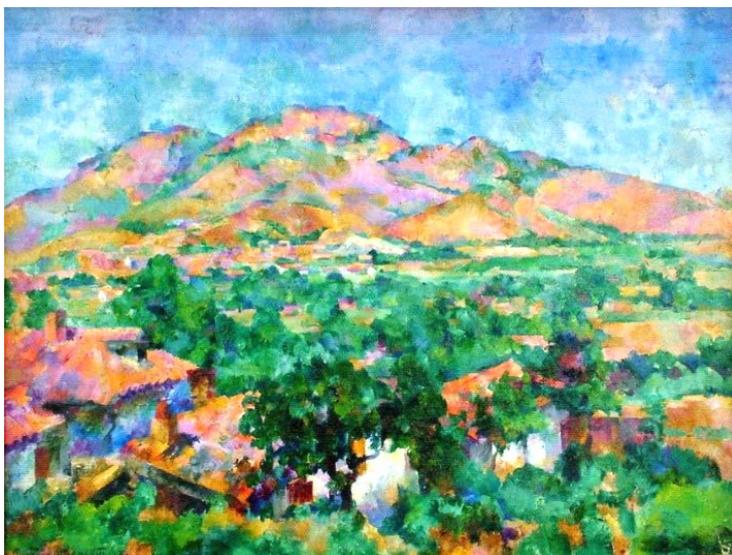
Современное поколение специалистов продолжает главную линию музейной деятельности — пополняет собрание несмотря на сложности, отслеживает в современном художественном процессе яркие творческие открытия. В течение последних десятилетий в музей поступило большое количество работ от известных собирателей. У нынешних искусствоведов также накопилось множество разных историй, связанных с необычайно увлекательным и очень нелегким трудом комплектования фондов. Память хранит яркие впечатления от прикосновения к тем или иным именам, от причастности ко времени, которое меняется, уходит, но, главное, остается у музейщиков,— это дело, которое никогда не предаст.

Наши музейные рассказы кажутся иногда повседневными, малозначительными, но это только для непосвященного человека. Вспоминаются очень многие сложные и романтические истории поисков и доставки экспонатов, связанные порой с риском. Помню, как в 1973 году с бывшим главным хранителем музея С. В. Кустугур везли из Москвы полный автобус картин, собранных для закупки в музей в семьях известных художников объединения «Бубновый валет»,— В. В. Рождественского, А. В. Лентулова, А. В. Куприна, Р. Р. Фалька. Все они тогда жили в доме близ нынешнего храма Христа Спасителя в Курсовом переулке, переданном позднее под иностранное представительство. Наш старенький «автомuseum» еле тащился, и мы возвращались очень поздно. К тому же автобус сломался возле Приокско-Террасного заповедника. Близ Оки, ночью, в лесу на безлюдной дороге мы простояли до 4 часов утра, без охраны, трясясь от страха за сохранность экспонатов. Теперь эти картины являются гордостью музея и находятся в постоянной экспозиции искусства 20—30-х годов, экспонируются на многих выставках как в нашей стране, так и за рубежом.

Еще одна «детективная» история. Везем в электричке из Москвы картины А. В. Куприна «Бахчисарай. Цыганская слободка» и «Сосна. Дорогомилово», и вдруг возле Серпухова машинист с тревогой просит срочно пройти дежурного охранника, так как ему угрожают хулиганы. Тот ужас, что мы ощутили, не в силах произнести ни слова, не забывается до сих пор. Но и огромная радость от того, что довезли, что теперь эти работы в музее. Так уж устроены мы, музейщики. Где только не побывали, в каких разных условиях не ночевали, сколько тяжестей не перетаскали, а главное, вот они, работы в музее.

Особую ценность в нашей коллекции представляют произведения туляка Василия Рождественского, художника яркого живописного дарования. В собрании музея хранится около 40 живописных и графических работ, поступивших от вдовы художника Натальи Ивановны Рождественской, талантливой писательницы, исследовательницы северного фольклора. Наталья Ивановна бережно хранила наследие Василия Васильевича, высоко ценила его творчество. Встречи с ней всегда давали воз-

возможность узнать как можно больше о замечательном художнике, об их совместных творческих поездках на север, в Крым, в Подмоскowie, где и рождались его шедевры. Туляки мало знают, что Василий Васильевич наш земляк, сын священника церкви Флора и Лавра. В дар от Натальи Ивановны в библиотеку музея мы получили автобиографическую книгу «Записки художника», в которой он писал: «Мои детство и юность прошли в Туле, на Старо-Павшинской улице (ныне Мосина), среди оружейников, птицеловов и голубятников... Мы жили около церкви Флора и Лавра, кругом нее шел проезд, в нем стоял наш дом». И далее Василий Васильевич подробно, живо описывал Тулу своего детства, свою улицу, ведущую на загородные луга, переулок с большим кирпичным корпусом старого завода, рождественские праздники, масленицы, «сияющую разноцветным бисером карусель». Часто, забираясь на колокольню, мальчик Вася Рождественский любил рассматривать знакомые места Тулы. Особые впечатления связаны у него с поездками за город, встречей с тихими речками, березовыми рощами, цветущими заливными лугами. «Река, луг, лес, увиденные мной впервые, произвели огромное впечатление, оставшись в моем представлении как сон», — вспоминал художник. Каждое лето семья Рождественских снимала летнюю дачу в 20 км от Тулы, в Алексинском уезде, в старой помещицкой усадьбе «Борщевка», расположенной в живописном месте с «просторами изумрудных лугов, наполняющих душу свободой и радостью, с заросшей травой дорогой, влажной от росы, с одичавшими разноцветными аквилегиями». Эти первые яркие впечатления от восприятия красоты природы оставили неизгладимый след в душе Рождественского, и, возможно, они повлияли на формирование его духовной сути и заветного желания стать живописцем.

Рождественский В. В. (1884—1963). Оттузы. Крым. 1923 г.

Творческое наследие Рождественского весьма объемно. Многие работы хранятся в крупнейших музеях нашей страны, в частных коллекциях. В музее хранится 18 подготовительных рисунков к картине «Дагестанские партизаны» 1927 года. Для сбора подлинного материала Василий Васильевич отправился в Дагестан, в аул Гергебиль, где запечатлел великолепные образы горцев, неповторимый горный ландшафт, своеобразные древние строения.

Наш музей хранит и высоко почитает творчество художников, уроженцев тульской земли, таких как А. А. Попов, Г. Г. Мясоедов, В. Ф. Гильберт, П. Н. Крылов.

Необычайно велика роль Порфирия Никитича Крылова в формировании музейного собрания, его щедрого дара многочисленных произведений русского и западноевропейского искусства, и, наконец, следует признать его огромный вклад в дело строительства музейного здания. Его заслуги высоко оценены туляками, он Почетный гражданин города Тулы и Тульской области, и в 1997 году открыт его музей, где хранится около 1500 произведений, переданных его сыновьями Андреем и Анатолием, внуком Дмитрием. Мне, как и другим моим коллегам, посчастливилось многому у него поучиться как в оценке произведений искусства, так и в его утонченном и необычайно деликатном отношении к художникам, собирателям, умению убеждать владельцев расстаться с той или иной работой. Мне часто приходилось вначале подготовить произведения для просмотра Порфирием Никитичем у наследников, коллекционеров. Только в его присутствии, при его непосредственном участии можно было вести речь о поступлении экспонатов именно в наш музей. Происходил строжайший отбор. Авторитет Крылова был столь велик, что наши шансы возрастали. Он лично знал многих художников, коллекционеров и сам обладал великолепным собранием живописи, графики, как русской, так и западноевропейской. С большой щедростью Крылов дарил музею истинные шедевры, как, впрочем, и многочисленные личные работы передавал в дар, приговаривая с улыбкой: «Вот и еще наш музей пополнился, пригодятся». С Порфирием Никитичем мы побывали у многих московских коллекционеров. По договоренности с владельцами отправлялись к ним на такси (таксисты всегда узнавали одного из прославленных Кукрыниксов и с почтением открывали дверцы автомобилей, отказываясь даже от оплаты за проезд). Всегда пешком поднимались мы по лестницам в заветные квартиры, вплоть до 16 этажа, потому что Порфирий Никитич испытывал сильное головокружение в лифте из-за перенесенного в детстве энцефалита. Мне он всегда предлагал воспользоваться лифтом, но я с большим удовольствием следовала рядом с ним по этажам вверх и вниз, наслаждаясь его интереснейшими рассказами о творческих поездках по Италии, Франции, Армении, России. Теперь очень сожалею, что не смогла тогда записать его «разговоры разговаривать» (его любимое выражение). Работал Порфирий Никитич неустанно, не теряя ни минуты (он всегда за мольбертом, везде с блокнотом), но во встречах с нами почти никогда не отказывал. Часто поручал мне предварительно выбрать произведения в коллекциях и просматривал их с особым вниманием, как правило, оставаясь удовлетворенным. Вопросы же по закупке решал лично и торговался отчаянно.

Живет во мне и не забывается до сих пор история поступления в музей работ известного художника А. В. Лентулова, приобретенных у его дочери Марианны Аристарховны. Наследие Лентулова по сравнению с другими его соратниками по объединению «Бубновый валет» было значительно меньшим, и поэтому к середине 70-х годов осталось совсем мало работ. Музеи же буквально осаждали Марианну Аристарховну просьбами, и мы кругами ходили друг за другом. Она сопротивлялась, придерживая работы отца дома, и расставалась с ними крайне редко. Встреча состоялась по личной договоренности с ней Порфирия Никитича. Несколько часов ушли на переговоры, подходы к той или иной работе, к их оценке. И чудо! Сразу же мы увезли два прекрасных полотна «Портрет актрисы Чебоксаровой» 1919 года (см. форзац) и «Судак. Вечер» 1930 года.

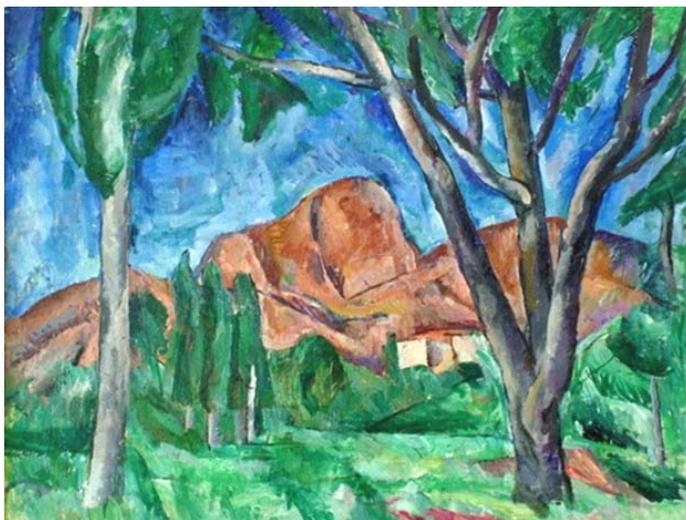
Истории приобретения в музей произведений Р. Р. Фалька у его вдовы Ангелина Васильевны Щекин-Кротовой в Курсовом переулке Москвы были также сложными, но очень увлекательными. С невероятной щедростью делилась Ангелина Васильевна своими воспоминаниями, предоставляя возможность пересмотреть очень многие папки с графикой, живописью. И какой щедрый дар преподнесла она нашему музею,

подарив 15 первоклассных произведений графики. Порфирий Никитич был сражен таким удивительным жестом. В то время мы приобрели у нее еще несколько живописных и графических работ Фалька и очень ими гордимся.

С большим почтением относился П. Н. Крылов к творчеству своих учителей по ВХУТЕМАСу — А. В. Шевченко, А. А. Осмеркину. Нам очень хотелось пополнить коллекцию работами этих известных мастеров. И начались наши хождения по наследникам.

С дочерью Александра Васильевича Шевченко, Татьяной Александровной, Порфирий Никитич учился во ВХУТЕМАСе, и она очень мило называла его Порфишей. Мы смогли тогда убедить Татьяну Александровну расстаться с несколькими произведениями живописи и графики 30—50-х годов, так как более ранние произведения были давным-давно приобретены другими музеями, и Порфирий Никитич очень огорчился и упрекал меня, что проморгала, упустила такого художника. В ту пору мы успели пополнить коллекцию работами еще другого его любимого учителя Александра Александровича Осмеркина. Нашей радости тогда не было границ.

Но иногда нам сильно везло, и ценные экспонаты мы получали в дар или приобретали за счет спонсорских и внебюджетных средств. Таким образом удалось пополнить коллекцию замечательными произведениями Петра Кончаловского 1920—30-х годов.

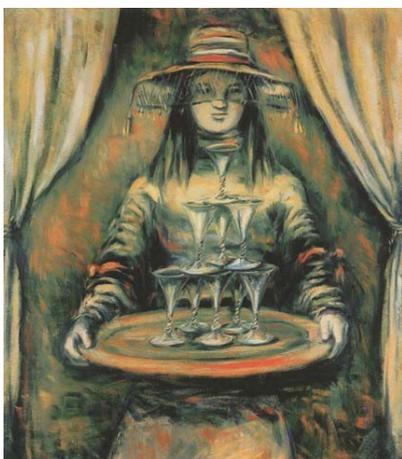

Кончаловский П. П. (1876 — 1956). Длина. Судак. 1920-е гг.

По договоренности Порфирия Никитича Крылова с Михаилом Петровичем, сыном П. П. Кончаловского, и тоже замечательным художником, которому по наследству досталась мастерская, состоялась долгожданная встреча для знакомства с работами выдающегося художника. Порфирий Никитич напутствовал нас быть необычайно внимательными ко всему, что предложит для просмотра Михаил Петрович, и передать личную его просьбу «расщедриться для Тульского музея». Это была настоящая удача — сразу более 30 произведений живописи и графики поступило в музей. И среди них истинные шедевры — «Шехерезада», «Портрет актрисы Визаровой», натюрморт «Книги», «Портрет С. Ф. Кончаловской» и другие.

Неизгладимое впечатление произвела на меня встреча с выдающимся художником А. Г. Тышлером в 1978 году! Мне тогда казалось, что это почти невозможно. Работы Тышлера раскупались, в основном, частными лицами и зарубежными музеями. На его выставки выстраивались большие очереди, и мы тоже стремились понять

своеобразный феномен его искусства, почувствовать художника, обладающего особой притягательной силой. Его необычайные композиции-фантазии, знаковые, символические, поражали. Естественным было наше желание пополнить коллекцию работами столь знаменитого автора. Порфирий Никитич в то время был не здоров и не смог навестить Тышлера, но поручил мне обязательно передать «Саше привет» — это очень помогло. Сразу же установилась легкая, непринужденная атмосфера. Александр Григорьевич, тонкий, обаятельный человек, показывал все, что хранилось в мастерской, особенно не известные никому произведения 1920 — 30-х годов, комментировал их, вспоминал разные истории, шутил. Общение с Александром Григорьевичем было своеобразным испытанием, проверялся мой глаз, вкус. На мои просьбы он очень легко отзывался, не отказывал, но и не давал тут же согласия расстаться со своими картинами. В течение двух дней он охотно показывал свои произведения. Легко делился творческими планами и достижениями, впечатлениями и оценками современного и классического искусства и с гордостью читал адресованное ему восторженное письмо знаменитого итальянского футуриста 1920-х годов Мари-нетти, в котором оценивалась серия картин «Женщины в корзинах». Намеченные тогда две работы из этого цикла, к сожалению, так и не попали в музей. Но были приобретены другие работы, и тоже замечательные, и поступили они спустя несколько лет, когда Александра Григорьевича не стало. Их мы купили у вдовы художника, искусствоведа Флоры Яковлевны Сыркиной. Эти работы были намечены для нашего музея самим автором. Но ему очень хотелось лично познакомиться с уровнем нашего собрания, чтобы решиться на такой шаг. Мое приглашение посетить наш музей и Ясную Поляну, Александр Григорьевич охотно принял. Помню, как приехали они с Флорой Яковлевной в пору золотой осени и провели в Туле целых три дня. Он был счастлив. Наконец-то состоялась его долгожданная «встреча с Толстым». В течение многих лет мы поддерживаем связи с Флорой Яковлевной и получили в музей другие произведения Тышлера.

Тышлер А. Г. (1898—1980). Девушка с бокалами. 1937 г.

Наши невероятные устремления заполучить в музей как можно больше экспонатов однажды увенчались неожиданным и огромным поступлением наследия Ф. В. Семенова-Амурского, художника оригинального, стоящего особняком в художественной культуре XX века. Его наследие хранится во многих музеях и частных собраниях в нашей стране и за рубежом. Только в коллекции нашего музея около 500 живописных и графических его работ, поступивших непосредственно из дома художника, от его вдовы Елизаветы Измайловны. Это замечательное наследие бережно хранится и

ждет своего часа экспонирования. Большим терпением, настойчивостью надо обладать музейщику, чтобы обнаруженные в той или иной коллекции произведения, так необходимые музею, не упустить. Переписка, телефонные переговоры, встречи — и так из года в год устанавливаются и поддерживаются почти родственные отношения. В это дело погружаешься полностью, и держит оно цепко, не отпускает. Это чувство сложное, необъяснимое. Впервые оказавшись в доме крупнейшего ленинградского собирателя, известного физика А. Ф. Чудновского, мы испытали чувство потрясения от высочайшего уровня коллекции. Только наши длительные связи помогли приобрести в музей произведения П. В. Кузнецова, Р. Р. Фалька, З. Е. Серебряковой, А. В. Шевченко.

Шевченко А. В. (1883—1948). Натюрморт. 1920-е гг.

Постоянное пополнение музейного собрания произведений изобразительного искусства позволяло совершенствовать экспозицию музея и активизировать выставочную работу. Большая часть приобретенных работ принадлежит современным художникам, отсюда и более изменчива и подвижна экспозиция искусства XX — начала XXI веков.

Значительные поступления в музей произведений живописи, графики, скульптуры никогда не заслоняли нашего интереса к комплектованию фондов народного и декоративно-прикладного искусства. Систематические экспедиции по тульскому краю помогли создать уникальную коллекцию народного искусства XIX-нач. XX века с характерными образцами ткачества, крестьянских костюмов, филимоновской игрушки. Декоративно-прикладное искусство и современные народные промыслы России — это обширный раздел музейных фондов с произведениями выдающихся мастеров художественного стекла, фарфора, керамики.

В музее представлены произведения высокого художественного уровня мастеров Палеха, Мстеры, Холуя, Жостова, Гжели, Хохломы, Скопина и других центров народных промыслов.

Вместе с хранителем Г. Д. Ереско совершаем мы поездки в Москву, Санкт-Петербург, Калугу и сразу же оформляем экспонаты, переданные в дар. Это очень большая работа, о которой особый рассказ.

Музей очень внимательно отслеживает и приобретает работы тульских художников, и в нашем фонде хранятся их лучшие работы, начиная с 1920-х годов до настоящего времени.

Когда сравниваешь свой музей с другими, охватывает азарт, хочется не уступать им в качестве коллекции, отразить различные направления в искусстве и самое главное — не успокаиваться, не оставаться равнодушными, а еще важнее — создать необходимые условия хранения и экспонирования.

**ПУБЛИЦИСТИКА,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА**

Яков Шафран

(г. Тула)

ГЕРОЙ И РОМАНТИК МОРСКИХ ГЛУБИН

**К 120-летию Города воинской славы Полярного —
колыбели Северного флота СССР**

*«Нет героев от рождения, — они рождаются в боях»**

А. Т. Твардовский

Работая в канун юбилея Города воинской славы Полярного, имеющего столь большое значение в истории нашей страны и Северного флота, над информацией о герое-подводнике Израиле Ильиче Фисановиче, я был впечатлен образом советского офицера, защитника Родины в годы ее страшного лихолетья, искреннего и отважного моряка (воистину «золото испытывается на огне, а мужество — в беде»**), и понял, что этот человек заслуживает не только того, чтобы о нем не забывали, но и ставили в пример, особенно в наше «беспримерное» время. Мирная жизнь в поколениях благоприятствует забыванию тяжких боев, неустанной поступи смерти и всех лишений тех лет: время сражаться и умирать и время безмятежно жить и трудиться... если остался пусть и не цел и невредим, но жив. Главное же, чтобы не оскудевала наша память на подвиги, совершенные ради неё, мирной жизни.

* А. Т. Твардовский. Собрание сочинений в 6-ти томах. Изд-во «Художественная литература». — М., 1976 г. Т. 2.

** Сенека Младший (Луций Анней Сенека). Сочинения на русском языке
<http://psychoanalysis.pro/philosophy>

Этому и служат, в первую очередь, документы, памятники и названия городов, улиц и площадей. Поэтому-то противники и недоброжелатели нашей страны, отрицатели всего человеколюбивого и преданного ей и стараются, прежде всего, уничтожить или опорочить такие исторические свидетельства. Все мы знаем о печально известной серии сносов памятников и переименований (которая продолжается до сих пор!) на постсоветском и не только пространстве, начало чему положил снос памятника Ф. Э. Дзержинскому — большевику-имперцу, соратнику И. В. Сталина. Память о И. И. Фисановиче тоже живет и документально, и в названиях. Но об этом несколько позже. А теперь, после небольшого вступления, читателю, думается, будет интересно узнать его биографию.

Родился И. Фисанович 10 (23) ноября 1914 года в г. Елисаветград (бывш. Кировоград, ныне Кропивницкий, Украина), в средней обеспеченности еврейской семье, члены которой были религиозны и начитаны. Дед Лев Фисанович был кантором в синагоге, а отец, Илья Львович,— счетоводом на винокурне. Мать, Мария Израилевна Шехтер, также окончила курсы счетоводов. Однако с отцом Израиль впервые встретился только в четырехлетнем возрасте, когда тот возвратился домой с фронта после окончания Первой мировой, где он воевал рядовым конной артиллерии, был участником Брусиловского прорыва в 1915 г. и иных крупных сражений.

Далее следует ничем не отличающаяся от многих сверстников Израиля история: переехав в семь лет с семьей в Харьков, он окончил там 7 классов средней школы, поступил в ФЗУ* при машзаводе «Серп и молот» и трудился на этом же предприятии. Опять же он, как и многие, активно участвовал в общественной работе и горел желанием учиться дальше. И вот тут-то происходит событие, в корне изменившее всю жизнь паренька: неожиданно горком комсомола предложил семнадцатилетнему Израилю поступить в Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе в Ленинграде. Будучи романтиком, он, конечно же, дал согласие. После успешных вступительных экзаменов парень сразу, в отличие от других, был принят на первый курс, а не на подготовительный. Однако среди сокурсников самый юный Фисанович был не готов к суровой морской службе, о которой он и представления не имел, ни физически, ни морально. Но, как всегда, рядом с испытаниями находится и помощь: в те дни преподаватель-парусник, старый морской волк, не уставал повторять: «Море нужно полюбить или распрощаться с ним. Ты полюбишь море — и оно тебя полюбит». И вот молодой курсант, недолго переживая, решил начать воспитывать себя в тех направлениях, в которых был слаб. Результат — сдал нормы ГТО 2-й ступени, за четыре года получил 14 поощрений от командования, в свидетельстве об окончании — только отличные оценки, фотография у знамени училища и именные серебряные часы от Наркома Обороны К. Е. Ворошилова.

В 1936-м году, в воздухе, как говорится, весьма ощутимо пахло войной. Потому, как и в целом в вооруженных силах страны, советский морской флот комплектовался новыми боевыми единицами техники. В связи с этим очень востребованы были специалисты, и особенно штурманы подводного плавания. Этот выпуск училища направили на новые подлодки.

Так Израиль Фисанович оказался на лодке «М-77», базировавшейся в Ораниенбауме**, причем, появился как штурман в курсантской форме, так как иной и не было — не хватало, и потому был встречен очень настороженно. Что же еще назначение молодого человека, к тому же курсанта, на одну из имеющих самое первостепенное значение должностей в экипаже многосложного по структуре боевого корабля, где команда всего из 16 человек, и от компетентного и проворного исполнения каждым

* Фабрично-заводское училище.

** 50 км от Ленинграда.

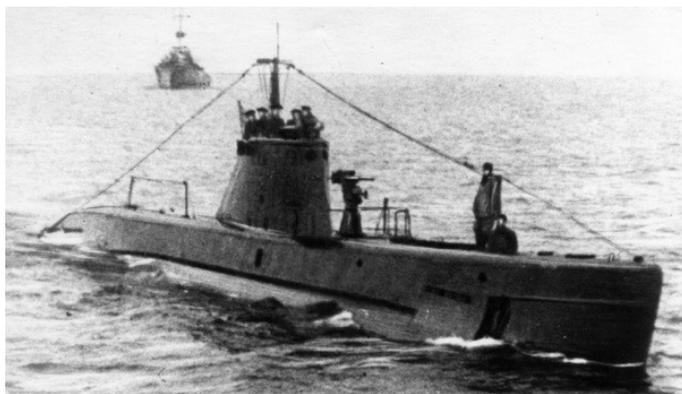

своих функций зависит жизнь всех, могло возбудить? Но уже буквально через месяц мнение людей изменилось, они поняли, что это не только дельный штурман, но и заправский подводник. «Становясь капитаном, матроса храните в себе» — пел Владимир Высоцкий*. Как верны эти слова!

Так началась служба Фисановича на подводных лодках Балтийского флота командиром штурманской боевой части (БЧ-1) подводной лодки Подводная лодка М-77 «М-77».

Читателю будет интересен еще один факт. Все члены экипажа обязаны находить в полной темноте, вслепую, в 6-ти отсеках каждый вентиль, управляющий погружением и всплытием лодки и работой ее устройств, и потому новички после месяца подготовки должны были сдать экзамен по устройству корабля и его жизнеобеспечению.

Однако «М-77» постоянно ходила в учебно-тренировочные походы, и времени у Израиля не было. Он выдержал это испытание без какого-либо приготвления.

Подводная лодка М-77

Прошли летние плавания, в которых И. Фисанович достиг крупного успеха. После учений, как обычно, подвели итоги. В частности, было отмечено, что лучшим из двадцати штурманов, в том числе и офицеров со стажем, 3-й бригады подплава Балтийского флота, в первый год своей службы, стал лейтенант Фисанович. Он назначается флагманским штурманом дивизиона малых подводных лодок («малюток»), отвечающим за работу нескольких штурманов, а весной 1938 года в звании старший лейтенант — командиром малой лодки «М-84». Однако не следует забывать, что успех этот был достигнут в коллективе, ибо «победитель никогда не бывает одиноким, проигравший — почти всегда»**.

Успешная служба послужила поводом для перевода И. Фисановича в августе 1938 года флагманским штурманом штаба Северного флота, на должность капитана 1-го ранга. И он не теряет время даром: ходит на различных кораблях и подлодках,

* Слова из текста песни Владимира Высоцкого «Вы в огне да и в море вовеки...» (Приведены в книге Фисановича И. И. «История «Малютки». — М.: Воениздат, 1956).

** Слова из текста песни Владимира Высоцкого «Вы в огне да и в море вовеки...» (Приведены в книге Фисановича И. И. «История «Малютки». — М.: Воениздат, 1956).

подтверждая свою состоятельность и на данной службе, во всех подробностях изучает на будущее побережье Белого и Баренцева морей.

Подводная лодка типа «малютка»

Но, как говорится, когда все хорошо у человека, то черти бесятся... В Харькове арестовали его отца Илью Львовича по обвинению в шпионаже в пользу Германии. О судьбе человека по такому обвинению в те годы гадать не приходится... Израиль Ильич, будучи кристально честным человеком и преданным сыном, и не думал отказываться от отца. Потому он не попал на курсы усовершенствования, не стал членом партии и его перевели на более низкую должность — флагманским штурманом бригады подплава.

Подводная лодка «М-172»

Однако результаты службы Фисановича говорили сами за себя, и это позволило ему в том же 1939-м году стать членом ВКП(б). Во время войны с Финляндией 1939—1940 гг. он как флагманский штурман бригады обеспечивает позиционно-дозорную службу и проход наших транспортов по внутренним коммуникациям. И опять же по итогам своей штурманской работы он в конце 1940 года направляется на Высшие специальные курсы командного состава подводного плавания при Учебном отряде подводного плавания им. С. М. Кирова (Ленинград). В начале Великой Отечественной войны, 7 июля 1941 года, И. И. Фисанович назначается командиром лодки «М-172» бригады подлодок Северного флота. И уже через месяц капитан-лейтенант вывел свой корабль в первый боевой поход на противника, запланировав пробиться в гавань Лиинахамари, что в финском фиорде Петсамо-Вуоно в Баренцевом море, к коммуникациям, где немцы вели разгрузку судов с людьми, техникой и боеприпасами

Поселок Лиинахамари. 1939 год

для фронта. В течение двух суток капитан тщательно наблюдал, а затем по картам и компасу, изредка, на мгновение, поднимая перископ, ввел лодку на глубину в узкий фиорд, где она незаметно прошла под кораблями охранения и подошла к порту. Через поднятый перископ, увидели недалеко, у причала, разгружавшийся пароход водоизмещением около шести тысяч тонн. На «малютке» же, рассчитанной на однодневные походы от базы в Полярном, лишь два торпедных аппарата и по две торпеды в них, а также 45-миллиметровая зенитная пушка. Но: «Вот он! Занимая всю длину северо-западного причала, стоит огромный транспорт. Часть груза, по-видимому, уже выгружена, так как нос приподнялся, обнаружив подводную часть... Нашли врага, сейчас будет бой... — «Аппарат номер один... пли!» — Из-под боевого клапана вырывается в торпедный аппарат упругая струя сжатого воздуха. Толчок — и смертоносная стальная сигара понеслась в борт вражеского транспорта»*. Над пароходом увидели облако дыма и пыли. Так одной торпедой было подбито судно, которое стало погружаться в воду, а лодка начала выходить из порта. «Этот взрыв, смерть и разрушение — эту месть за смерть наших людей, за разрушение наших городов и сел принесла советская подводная лодка ненавистному врагу. Кровь за кровь, смерть за смерть! Угроза призраком будет теперь бродить за противником! Нигде не укрыться ему от нашей мести! ...На следующий день Фисанович показывал свой корабль группе английских офицеров. Командир английской подводной лодки попросил показать ему карту вражеского порта с нанесенным на нее путем лодки. Он внимательно разглядывал четкие линии курсов, прикинул циркулем ширину и длину фьорда. Затем восторженно пожал руку советскому командиру и с завистью сказал: «Эту карту я вставил бы в рамку и повесил бы на стене своей каюты»**. Следует сказать, что успех был не случаен, ибо «неважно, что именно ты делаешь; важно, чтобы все, к чему ты прикасаешься, меняло форму, становилось не таким, как раньше, чтобы в нем оставалась частица тебя самого»***, то есть важно подходить к делу с душой, со всей концентрацией внимания и рассудка.

Немцы, не ожидая такого от советских моряков, вначале пытались обнаружить английские самолеты, а когда поняли, что это пришло не с неба и кинулись искать подлодку, было поздно, т.к. она уже выходила из фиорда. Через сутки «М-172» второй торпедой потопила еще один транспорт, а еще через несколько дней — третий. На Севере это была только вторая, третья и четвертая победа подводников.

* Из книги Фисановича И. И. История «Малютки». — М.: Воениздат, 1956.

** Там же.

*** Рэй Брэдбери. «451 градус по Фаренгейту» (перевод Т. Н. Шинкарь). — М.: «Эксмо», 2013.

И. И. Фисанович рассказывает члену Военного Совета Северного флота контр-адмиралу А. А. Николаеву о боевом походе

«Первая по-настоящему знаменательная победа, определившая наши возможности в борьбе с врагом на его коммуникациях...» — так высказался про сражение в гавани Лиинахамари финского фиорда Петсамо-Вуоно командующий Северным флотом адмирал Арсений Головкин, ибо именно после него все подходы к прифронтовым портам врага прочно заняли наши «малютки», сильно уменьшив обеспечение его войск и их напор. Кроме того, И. Фисанович со своим экипажем осуществил две спецзадачи: высадку на территорию Норвегии и снятие с нее наших разведывательных групп.

Заслуженно вошедшим в хрестоматию подводных боев, образцом мужества, стойкости и героизма для всех подводников СССР стал одиннадцатый поход «М-172» Израиля Фисановича. «Отвага — меч, и щит, и разум храбреца»*. 15-го мая 1942 года лодка, обнаружив транспортное судно врага с охранением, атаковала его торпедами, как всегда следуя методу боя Фисановича — нападению на минимальной дистанции, что, хоть и было чрезвычайно угрожающим для самой подлодки — ведь неприятель мог легко найти ее и напасть, — но абсолютно гарантировало поражение цели. Что и произошло на этот раз («на войне как на войне»**). Судно врага было подбито, но «глубинные бомбы рвались в непосредственной близости от М-172, некоторые в 10—15 м от корпуса, повреждая борт, механизмы и приборы, травмируя подводников. Так был пробит корпус топливной цистерны. Солярка, всплывая, пятнами выдавала место расположения лодки, позволяя немцам бомбить ее прицельно. Только несгибаемая твердость духа экипажа, точные данные гидроакустика Шумихина о немецких кораблях и филигранные маневренные действия командира позволили лодке вслепую, с не работающими компасами в течение многих часов уходить от вражеского преследования, уходить к своим берегам, ориентируясь по показаниям эхолота о глубине и карте моря, которое Фисанович досконально изучил на практике еще до войны, будучи флагштурманом флота и бригады подплава».

Флагманский врач З. С. Гусинский, пошедший в поход с Фисановичем для испытания новейших методов восстановления воздуха, используя свое и имеющееся на борту оборудование, делал все, чтобы в течение десяти часов непрерывного боя увеличение количества углекислоты не было катастрофически обвальным и чтобы на сколько возможно увеличить содержание кислорода. В том числе и благодаря этой

* Витторио Альфьери, граф ди Кортемiglia (Vittorio Alfieri, conte di Cortemiglia, 1749—1803) — величайший итальянский трагический писатель. ЦИТАТЫ / Цитаты великих людей, § 6781, автор Альфьери В.

** «На войне как на войне» — A la guerre comme a la guerre (фр.) [а ля гэр ком а ля гэр] — французская пословица. Источник: <https://quote-citation.com/proverb/4033>.

Командир Фисанович на «М-172» 8 мая 1943 г.

Командир «М-172» старший лейтенант И. И. Фисанович.

помощи экипажу лодка пришла к своим берегам, когда сквозь толщу воды стали слышны залпы береговых орудий. Дышать было уже совершенно нечем, и «М-172» всплыла, хотя находилась на расстоянии артиллерийской досягаемости немецких кораблей. Выпустив где-то сорок снарядов, враги были отогнаны нашими орудиями. Но немецкому самолету все же удалось сбросить на лодку четыре бомбы и напоследок нанести ей дополнительные повреждения. Однако подлодка И. Фисановича своим ходом дошла до базы в Полярном. В музее Северного флота* хранится надпись: «Подлодка М-172. 16 мая 1942 года. 324 глуб. бомбы, артобстрел, 4 авиабомбы».

* Военно-морской музей Северного флота (Федеральное государственное казенное учреждение культуры и искусства «Военно-морской музей Северного флота» Министерства обороны Российской Федерации). Мурманская область, г. Мурманск, ул. Торцева, 15. Военно-морской музей Северного флота был открыт 16 октября 1946 года в здании Дома офицеров города Мурманска. Первой была открыта экспозиция «Оборона Советского Заполярья в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годы». В настоящее время экспозиции музея содержат материалы, относящиеся к истории развития атомных подводных лодок, надводных кораблей и морской авиации, а также всего Северного флота в целом. Представленными экспонатами охватывается период с 1693 года по настоящее время. Филиал или подчиненная организация: Подводная лодка К-21 (1941 г.) — М2048 и Музей военно-воздушных сил Северного флота — М2050. Официальная страница — www.museum.ru/M2047.

И. И. Фисанович

«М-172» швартуется к платформе «М-174»

«Гражданское мужество и мужество военное проистекают из одного начала»* — говорил О. Бальзак. За два года под командованием Фисановича «М-172» к июлю 1943 года совершила 18 боевых походов, в совокупности это заняло 72 суток в море, 13 эффективных торпедных атак 20-ью торпедами, потопила 8 транспортов и кораблей противника, в т.ч. эскадренный миноносец.

В одном из боевых походов «М-172» пустила ко дну большой транспорт немцев, но конвой обнаружил лодку и его корабли долго бомбили ее. Положение было очень опасным, можно сказать критическим, ибо лодка опять получила сильные повреждения. Однако в минуты самой тяжелой ситуации, стараясь снять стрессовое напряжение людей, Фисанович с подчеркнутой иронией громко сказал: «Да-а, нарвались на мастеров. Ничего, мы их сейчас обманем...»**. Подводники заулыбались и, действительно, может быть, и благодаря этому, вскоре лодка ушла от врага.

«Писатель Юрий Герман, друживший с прославленным подводником, как-то в шутку сказал ему, что его облик, облик абсолютного интеллигента, как-то не вяжется с представлением о бесстрашном офицере, дерзко, яростно воевавшем с лютым врагом, беспощадно уничтожавшем фашистские корабли. "Ну, что ж,— улыбнулся Израиль Ильич,— будем считать, что я хоть и топил фашистов, но делал это вполне интеллигентно"»*** Это наглядно подтверждает слова Д. Локка: «Истинное мужество выражается в спокойном самообладании, в невозмутимом выполнении своего долга, невзирая ни на какие бедствия и опасности»****. Лодка «М-172» была награждена орденом Красного Знамени, а в июле 1943 года стала гвардейской. Таких гвардейских Краснознаменных кораблей в Советском Флоте, на флагах которых красовались одновременно орден Красного Знамени и гвардейская лента, было

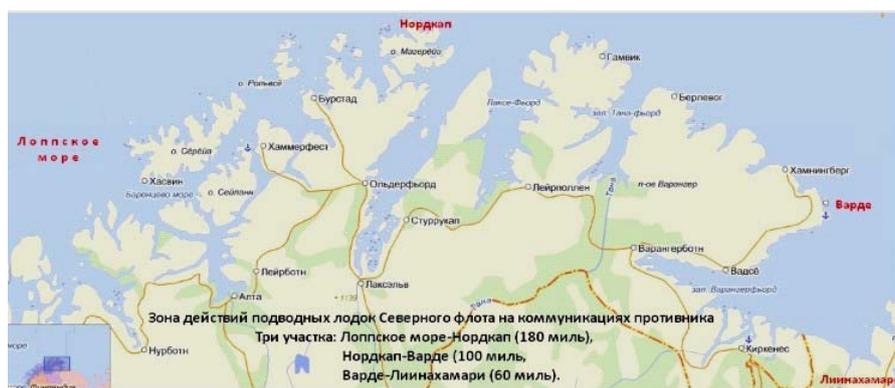
* Оноре де Бальзак (20 мая 1799, Тур — 18 августа 1850, Париж) — французский писатель, один из основоположников реализма в европейской литературе. Собрание сочинений в 10 т.— М.: Художественная литература, 1982—1987.

** Борис Медовой. «Погибнуть — не значит быть побежденным», очерк. (В названии использованы слова И. И. Фисановича). Борис Борисович Медовой (6 сентября 1923, Верхнеудинск, Бурят-Монгольская АССР, СССР — 21 апреля 2004, Москва, РФ) — советский и российский журналист, писатель, кинодраматург. ВОВ закончил в звании главного старшины гвардейского батальона морской пехоты на Дальнем Востоке. Участник Южно-Сахалинской и Курильской десантных операций в августе-сентябре 1945 года. Материал «Медовой, Борис Борисович» из Википедии — свободной энциклопедии.

*** Там же.

**** Джон Локк — английский педагог и философ. Локк Дж. Мысли о воспитании. 1691...что изучать джентельмену. 1703. Сочинения в трех томах: Т. 3.— М.: Мысль, 1988.— 668 с.— (Филос. Наследие. Т. 103).— С.407—614.

только четыре. Все члены команды также стали орденосносцами. «Скорее в море! В жестоких боях с коварным врагом добыть победу и ею отплатить Родине за высокую честь! Такова была единодушная мысль всего экипажа Краснознаменного корабля... В жарких боях возросло боевое мастерство наших подводников, и они наносили противнику все более чувствительные удары... Краснознаменная "малютка" — самый маленький Краснознаменный корабль нашего флота, самый маленький орденосный коллектив в стране. В суровых боях Отечественной войны возмужали командиры и матросы славного экипажа. Огонь войны закалил в них беспредельную преданность нашей великой Родине и неистребимую ненависть к ее врагам»*.

Зона действий подводных лодок Северного флота на коммуникациях противника

Кроме этого, за время службы И. И. Фисанович был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени и американским орденом «Морской крест».

В июле 1943 года Израиль Ильич был назначен командиром 6-го дивизиона подводных лодок, скомплектованного из вновь прибывших на флот лодок типа «М».

К концу 1943 г. Италия — союзница Германии — капитулировала, и Великобритания с США взяли более чем две трети кораблей ее флота, ибо оставшееся захватили гитлеровцы. Руководство нашей страны потребовало от союзников свою часть. Их командование решило передать Советскому Союзу соответствующее количество своих кораблей. Советские моряки выехали для приемки в Великобританию. Команда, которую возглавлял Фисанович, за пару месяцев освоила среднюю английскую лодку, которой после приемки был дан индекс В-1.

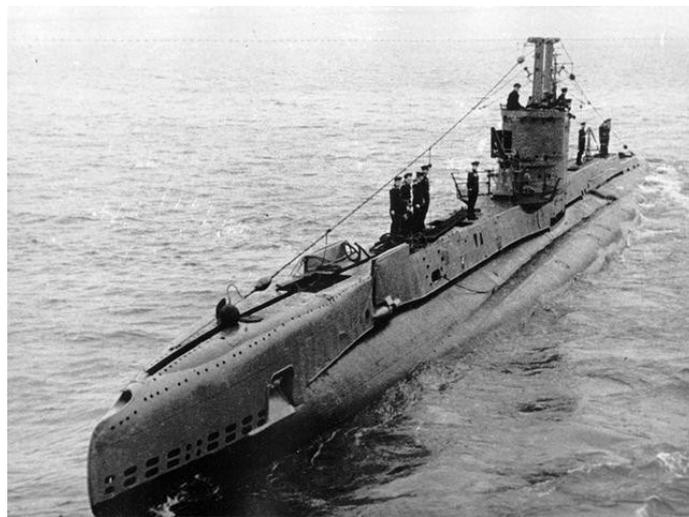
25 июля 1944 г. эта подводная лодка, выйдя из английского порта, под военно-морским флагом СССР направилась к нашим берегам. Однако в пути погибла. Сразу же появились варианты трагедии: или произошел подрыв на mine, или случилась крупная поломка оборудования. Но длительный период времени так и не смогли ус-

* Из книги Фисановича И. И. История «Малютки». — М.: Воениздат, 1956.

тановить действительные причины и место трагедии. Только в мирное время было доказано, что лодка В-1 погибла 27 июля 1944 года в 230 милях к северу от Шотландских островов в месте с координатами 64°34' северной широты и 1°16' западной долготы в 9 часов 39 мин. по Гринвичу. В середине прошлого века на Западе, в странах союзников в годы Второй мировой были изданы работы, признающие «ошибочное» потопление советской В-1 бомбардировщиком береговой обороны Великобритании. Наши же специалисты доказывали, что британскому Адмиралтейству не хотелось, чтобы уже в те годы планируемой войне с СССР данная мощная лодка стала на вооружение советского флота. Вместе с лодкой погиб и лучший экипаж.

Экипаж под командованием И. И. Фисановича в момент передачи подводной лодки

Могилой И. И. Фисановича стало Северное море. Однако моряки, не пришедшие на базу из боевого рейда, не значатся погибшими... Друзья-подводники дали ему имя — романтик морского Заполярья, ибо он, наряду со службой, был поэтом и сердцем компании. Его жизнь, — когда судьба все время как бы отводила от рискованного ремесла, — была хоть и непродолжительной, но необычайно яркой, незаурядной жизнью героя. Впрочем, как и его смерть — необычной, и такой же героиче-

ской... Ведь он целенаправленно шел к тому, чтобы стать настоящим Героем в жизни. И можно сказать, что Израиль Фисанович, как и члены его экипажа, стал одним из первых героев будущей холодной войны Запада против СССР.

На прогулке в Полярном. Слева направо Н. Г. Михайловский, И. И. Фисанович, И. В. Шток, М. Э. Зингер. Апрель, 1942

Экипаж подводной лодки М-172 летом 1942 года на отдыхе. В центре — И. И. Фисанович.

Полярный — улица им. И. И. Фисановича

*Нет выше счастья, чем борьба с врагами,
И нет бойцов-подводников смелей.
И нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.
Простились мы с родными берегами.
Крепчает шторм, и волны хлещут злей.
И нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.
В морскую глубь на смертный бой с врагами
Идет подлодка, слушаясь рулей.
И нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.
Утоплен враг, идем сквозь сталь и пламя.
Пусть бомбят: посмотрим, кто хитрей!*

*И нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.
Любимые, встречайте нас с цветами.
И хоть на свете вы нам всех милей,
Но нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.**

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 апреля 1942 года «за мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, капитан-лейтенанту Фисановичу Израилю Ильичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда"» (за № 658). Ему же установлены памятники и памятные знаки: экспозиция в Центральном Военно-Морском

музее в г. Санкт-Петербурге и в музее Северного флота в г. Полярном, бюст в музее г. Мурманска. И в украинских городах: мемориальная доска и памятный знак в г. Кировограде (ныне Кропивницкий), аннотационная доска и мемориальная доска в г. Харькове, его имя выбито на памятном знаке морякам-североморцам в Городе-герое Киеве (хотелось бы верить, что эти знаки целы и невредимы на территории этой страны). В Шотландии в порту Данди установлен памятник подводникам, погибшим в годы Второй мировой войны, среди сотен фамилий высечено имя И. И. Фисановича и имена советских моряков его экипажа. Он навечно зачислен в списки воинской части Северного флота. Имя героя носят названия улиц в городе Полярный Мурманской области и, надеемся, в городах Кировограде (ныне Кропивницкий)** и Харькове.

Имя Фисановича множество раз звучало в сводках Совинформбюро и в кинохронике, информация о нем печаталась в центральных газетах, о нем писали очерки***, писатели, журналисты и поэты посвящали ему свои произведения. Писали нарком

* И. И. Фисанович. «Песня строевая подводная».

** Кропивницкий (укр. Кропивницький, до 1924 года — Елисаветград, до 1934 года — Зиновьевск, до 1939 года — Кирово, до 2016 года — Кировоград, укр. Кіровоград) — город в центре Украины, административный центр Кировоградской области и Кропивницкого района. Материал «Кропивницкий» из Википедии — свободной энциклопедии.

*** В частности Вениамин Каверин написал яркий и поэтичный очерк «История "малютки"», опубликованный в «Известиях» 27 июля 1943 года.

ВМФ Николай Кузнецов, адмиралы Щедрин, Головкин, Кольшкин, Руссин, Герой Советского Союза капитан 1-го ранга Иосселиани. Его ставили в пример как человека воинской доблести. Члены Академии художеств писали портреты и лепили бюсты Фисановича. «Доблесть не умирает с героем, а переживает его»*.

Семья И. И. Фисановича

* Высказывание Эврипида. Кожевников А. Ю., Линдберг Г. Б. Мудрость веков. Запад.— СПб.: Издательский дом «Нева», 2006.— 544 с.

Евгений Трещев
(г. Щекино)

**«МОЙ КОСТЕР В ТУМАНЕ СВЕТИТ»
К 200-летию со дня рождения выдающегося
русского поэта Якова Петровича Полонского
(1819 — 1898)**

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Яков Петрович Полонский — поэт, прозаик, журналист, родился в Рязани в небогатой дворянской семье.

И. С. Тургенев писал о Полонском: «Талант его представляет особенную, ему лишь одному свойственную, смесь простодушной грации, свободной образности языка, на котором еще лежит отблеск пушкинского изящества...».

Его творчество занимает видное место в нашей литературе. У него немало произведений, поражающих совершенством художественной формы. Все написанное им носит на себе печать прекрасного и истинного таланта. Его поэзия бывает радостной и грустной, возвышенной и холодной, как лед, но всегда неповторимой. Он — один из выдающихся русских поэтов послепушкинской поры, созвучен своему времени. Слова под пером Якова Петровича приобретают новое звучание и смысл. Творческая смелость, добросердечие, спокойствие, благородство и мужество, уникальный талант и огромная работоспособность — отличительные черты этого одаренного человека.

«Всю жизнь серьезно я был только поэтом и больше ничем...» — писал он, окидывая взглядом прожитую жизнь.

Поэзия Я. П. Полонского многолика, удивительно оптимистична. Он писал А. Фету: «По моим стихам можно проследить всю жизнь мою». Многие стихотворения поэта представляют собой своего рода маленькую исповедь. Он писал о том, что пережил и прочувствовал сам: «*В одной знакомой улице — / Я помню старый дом, / С высокой, темной лестницей, / С завешенным окном... / И тихо слезы капали — / И поцелуй звучал — / И ветер занавескою / Тревожно колыхал*» («Затворница»). В них предельная простота формы, лиричность содержания, естественность интонаций, много звуков, запахов, света. И нет жалоб, раздражения, злости. Оригинальны и многообразны сравнения и метафоры.

Стих льется легко и непринужденно, будто разговорная речь. Автор выражает свои чувства правдиво и естественно. В них есть таинственность, трепетная лирика: «*Мой костер в тумане светит; / Искры гаснут на лету... / Ночью нас никто не встретит; / Мы простимся на мосту...*» («Песня цыганки»).

Поэзия — это влюбленность в жизнь — светлая и восторженная, страстная и роковая. Поэзия и любовь — слова синонимы. Источник поэтической энергии один — любовь. Любви без жертвенности не бывает, но любовь светла, она радость, она счастье.

Тема любви раскрывается поэтом в стихотворениях: «Поцелуй», «Подойди ко мне, старушка...», «Последний вздох», «Любви не боялась ты...», «Напрасно»,

«Влюбленный месяц», «Встреча», «Песня цыганки», «Затворница», «Соловьиная любовь», «Узница», «Утрата» и др.

Любовная лирика Я. П. Полонского — образец нежности и проникновенности, во многом автобиографична. Любовь и переживания автор умеет передавать в стихотворной форме намеком, в том числе тонкие, едва уловимые движения души: *«Вижу снова наш старый, запущенный сад: / Отраженный в пруде, потухает закат, / Пахнет липовым цветом в прохладе аллеи; / За прудом, где-то в роце, поет соловей...»* («Диссонанс»). Мы видим, что даже недосказанность его лирической поэзии приобретает особое очарование. А за внешней простотой скрывается естественная красота и неповторяемость. Стихи производят чистое и трогательное впечатление: *«Перед непризнанной любовью / Я весел был в прощальный час, / Но — Боже мой! С какою болью / В душе очнулся я без вас. / Какими тягостными снами / Томит, смущая мой покой, / Все недосказанное вами / И недослушанное мной».*

Задушевными и простыми словами он говорит о России, о Боге и вере, о дружбе, жизни и смерти: *«Россия, веру призови!... / В сей день торжественный и славный, / Нас бережет Отец Державный / Для новых подвигов любви...»* («День крещения Руси»). Идея Божественного света, которым наделена человеческая душа, составляет основу мировосприятия поэта. Он ищет гармонию в тихом сочетании фрагментов мироздания, раскрывает духовный мир человека, его переживания и страдания, готовность дарить счастье и любовь. В этих его произведениях нашли место: свобода выражения, глубина содержания и твердая ясность идеала.

Автор пристальным взглядом всматривается в судьбы и души людей и описывает места действия и окружающую природу. Красота русской природы всегда служила ему неисчерпаемым источником вдохновения. Любимые образы: дали, простор, степи, придают его стихам ширину и раздолье: *«Пахнет полем воздух чистый... / В безмятежной тишине / Песни птички голосистой / Раздаются в вышине... / Внемя ей, невольню стыдно / И досадно, что порой / Сердцу гордому завидна / Доля птички полевой!»* («Птичка»). Человек и природа в его творчестве неразрывны. Он не жалеет эпитетов, чтобы описать звуки, краски, запахи: *«В облака свиваясь / Ярко золотые... / Ни единой тучки / На лазурном небе!»* («Утро»).

Неуловимая прелесть ночного пейзажа, таинственные сумерки не смогли оставить поэта равнодушным: *«Посмотри — какая мгла / В глубине долин легла! / Под ее прозрачной дымкой / В сонном сумерке раки / Тускло озеро блестит...»* («Посмотри — какая мгла»). *«Вечерний звон... не жди рассвета; / Но и в туманах декабря / Порой мне шлет улыбку лета / Похолодевшая заря...»* («Вечерний звон»).

Есть писатели и поэты, которые приносят красоту в жизнь. Таким был Яков Петрович Полонский. В стихотворении «Памяти Ф. И. Тютчева» им утверждается вечность красоты и весны. Он воспевал красоту, считая ее основной целью творчества.

Сочетание фантастического и будничного делают его поэзию тонкой и привлекательной: *«Глухая степь — дорога далека, / Вокруг меня волнует ветер поле, / Вдали туман — мне грустно поневоле, / И тайная берет меня тоска»* («Дорога»). Стиль этого стихотворения легок, переживания и грусть передаются достаточно светло и мягко.

Особой мелодичностью отличаются стихотворения, посвященные Кавказу, где он служил. Здесь он создал много прекрасных стихотворений, насыщенных фольклорными мотивами и восточным колоритом: *«Земли, полуднем раскаленной, / Не освежила ночи мгла. / Заснул Тефлис многобалконный; / Гора темна, луна тепла...»* («Старый сазандар»). *«Одинокое сердце оглянется / И сожмется знакомой тоской. — / Вспомнит домик твой — дворик, увешанный / Виноградными лозами — тень — / Где твоим лепетаньем утешенный, / Я вдавался в беспечную лень...»* («На пути из-за Кавказа»).

Поэзия и музыка в нашей жизни просто незаменимы! Как незаменима чистая родниковая вода и чистый воздух. И Полонский всем своим творчеством утверждал право на чувственное, музыкальное восприятие мира. Многие его стихи положены на музыку композиторами: П.И.Чайковским, А.С.Даргомыжским, С.В. Рахманиновым, С.И.Танеевым, А.Г.Рубинштейном, М.И.Ивановым и стали популярными песнями и романсами. Основными мотивами романсов на его стихи были: воспоминание о прошедшем счастье, расставание и прощание с любимой, возвращение любви.

В них живет трепетное, неуловимое, глубинное ощущение музыкальности («Из вечности музыка вдруг раздалась...», «И плывут, и растут эти чудные звуки...», «Запой, и все в пленительном покое...», «Молитва», «За окном в тени мелькает» и др.).

«Песня цыганки» и «Затворница» стали народными песнями. А на либретто Полонского композитором Чайковским написана опера «Черевички».

Современники поэта, которым доводилось с ним общаться, отмечали его душевную щедрость, благородство, добродушие, удивительную общительность, внутреннюю и внешнюю привлекательность.

Материально он всегда жил трудно, вынужден был заниматься репетиторством, быть воспитателем.

Он прожил интересную, насыщенную трудами и идеями жизнь. В своих последних произведениях он заглядывает в самые коренные вопросы бытия: «Нет конца стремленью — / Есть конец страданью» («Утро»). В стихотворении «Лунный свет» он воспевает «безотрадную былую радость» и «былое счастье»: «Жизни лучшие мгновенья — / Сердца жаркие мечты, / Роковые впечатленья / Зла, добра и красоты; / Все, что близко, что далеко, / Все, что грустно и смешно, / Все, что спит в душе глубоко, / В этот миг озарено...».

Поэзия Полонского в каком — то смысле стоит особняком от творчества писателей и поэтов его времени. Он не стремился кого — то обличать и высмеивать, что тогда было характерно для многих его современников. «Я всю жизнь был ничей», — писал он А. П. Чехову.

Умер поэт 18 (30) октября 1898 года в Санкт-Петербурге и был похоронен в Ольговом монастыре под Рязанью. В 1958 году его прах перезахоронили на территории Рязанского кремля.

Литературное наследие Якова Петровича Полонского включает в себя несколько поэтических сборников («Гаммы», «Стихотворения 1845 года», «Сазандар», «Вечерний звон», «Сноп», «Озимь»), поэмы («Мими», «Келиот», «Ночь в Летнем саду», «Кузнечик-музыкант», «Собаки»), романы («Признание Сергея Чалыгина», «Женитьба Атуева», «Дешевый город»), пьесы, очерки, статьи, рассказы.

Проходят годы, а самобытный талант и незаурядная личность Я.П. Полонского продолжают вызывать у читателей глубокий интерес. В творчестве этого замечательного поэта мы находим все больше глубины и прозрения, испытывая на себе ее красоту и очарование.

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

Геннадий Ветров:
«ВО ВСЕХ ТОНАЛЬНОСТЯХ ПУСКАЙ ИГРАЕТ СЧАСТЬЕ»

В гостях у семипалатинцев побывал советский и российский артист эстрады, актер, юморист, писатель-сатирик, музыкант-мультиинструменталист, пародист. Певец, «человек-оркестр», музыкальный эксцентрик. Артист оригинального жанра, клоун, сочинитель стихов и каламбуров, телеведущий. Заслуженный артист России — Геннадий Ветров.

Казалось, что публика с нетерпением ждала своего кумира. Потому что еще перед началом концерта зрители готовили для артиста букеты цветов и различные подарки — сувениры. И концерт не разочаровал. Ветров на одном дыхании исполнял свои новые пародии, рассказывал анекдоты и играл на своих необычных музыкальных инструментах.

Во время представления он контактировал со зрителями первого ряда и всего зала. И даже дарил им свои фото с автографом.

А после представления, специально для читателей тульского журнала «Приокские зори», Ветров ответил на вопросы, которые ему задал член Союза журналистов России Николай Тимохин.

— **В детстве Вы занимались в различных кружках и были одаренным мальчиком. Какой из всех кружков Вам нравился больше всего и почему?**

— Все музыкальные кружки у меня вызвали повышенный интерес, потому что у нас семья была музыкальная. Сначала я играл на баяне, потом в ансамбле, пел в хоре.

— **А какие у Вас остались самые яркие впечатления о детстве?**

— Я начал заниматься профессией как хобби, организовывал всевозможные игры с малышами во дворе, и мы даже с одним кинолюбителем сняли фильм по моему сценарию. Он увидел, что я мальчик, интересующийся творчеством. И говорит: «Давай фильм снимем? Напиши сценарий!» Я написал сценарий, который назывался «Заговор курильщиков». И мы, поскольку были малышами и к сигаретам был тогда интерес, знаете, как у всех пацанов, да? То сняли фильм о том, как мы пытались курить. А старший брат одного из наших друзей все это дело пресек. И как он нас ловил, догонял, это было похоже на «Пес Барбос и необычный кросс» (*советская короткометражная комедия, снятая в 1961 году на киностудии «Мосфильм» режиссером Леонидом Гайдаем.— примеч. Н. Т.*). И мы потом через 20 лет встретились — друзья, от пленки осталось 50 процентов. Но все равно она произвела впечатление и на смотрящих, и на тех, кто там участвовал. Это действительно детство, запечатленное в те годы на какой-то носитель, оно считалось чем-то уникальным. Фотографии

были. А видео... Чтобы какое-то кино сняли... Это сейчас каждый себя снимает на видео и тут же смотрит, что получилось. А тогда, в шестидесятые годы, это было просто ноу-хау.

— **Вы полтора года в начале 80-х служили в батальоне особого назначения. И там, я думаю, Вы не только ведь пели, играли на инструментах и выступали. Не так ли?**

— Ну, во-первых я там и пел, и выступал. И там был еще внештатным художником. В свободное время я оформлял наглядную агитацию и дембельские альбомы. Служба была у меня на самом деле очень насыщенная. Потому что хватало там и творчества, и веселых ситуаций, и в тоже время там были ситуации с испытанием мужского характера, потому что батальон у нас был особого назначения, и нас там тренировали «хочешь — не хочешь». По-взрослому готовили к различным нештатным ситуациям.

— **В середине 90-х Вы некоторое время жили в Германии и Швейцарии. Это как раз времена тотальной эмиграции за границу. Не было ли у Вас желания остаться там на совсем или подольше поработать?**

— Вы знаете, у меня даже был такой момент, который провоцировал меня на то, чтобы остаться за границей. Вот когда у меня закончились сольные гастроли в Америке, у меня перед отъездом оттуда украли все документы и обратный билет. И все, кто были со мной,— музыкант, директор, костюмер, они все улетели. А я остался, и пока мне восстанавливали документы, я жил еще полтора месяца там «вне планов», скажем так. Но я быстро нашел там работу, устроился сразу в ресторан-варьете, в русский. Играл на улице как клоун, играл миниатюры и на разных инструментах. Но у меня родились тогда строчки (у власти был ГКЧП на тот момент). *(Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) — самопровозглашенный орган власти в СССР, существовавший с 18 по 21 августа 1991 года.— прим. Н.Т.)*. Вот они:

*Я в Россию хочу, хоть там что —
Хоть огонь, хоть война, хоть блокада.
Закрываю глаза и молчу,
И целую асфальт Ленинграда.*

Для меня всегда вопрос стоял однозначно. Я хочу жить в России и по возможности ездить куда то выступать по миру. И я, честно говоря, в свое время поездил очень много. Семь лет гастролитировал. Был в Германии, в Италии, во Франции (почти год), в Финляндии, Швеции, Польше. В Голландии, только туристом.

— **Сейчас на российской эстраде появилось много талантливых молодых пародистов. С двумя из них у меня уже опубликованы интервью в номере журнала, который я Вам сегодня подарил. Они из театра Евг. Петросяна. Как Вы относитесь к появлению подобной молодежи на эстраде? Может быть и без них хватает пародистов?**

— Жизнь идет своим чередом и поколение сменяет поколение. Эти ребята талантливы, мне нравятся, что они делают. Они сейчас заряжены на успех, они все обаятельны. Идет преемственность поколений. Это нормально.

— **Вы выступаете совместно с Юрием Гальцевым, Еленой Воробей и другими. Вы можете кого-то из своих коллег особенно выделить и почему?**

— Мне нравится выступать и с Леной Воробей, потому что мы с ней из одной альма-матер, и с Игорем Маменко, потому что у нас с ним совпадают чувство юмора и подход к работе. Но, наверное, все-таки с Юрой Гальцевым мне выступать ком-

фортнее, потому что мы с ним дружим более 30 лет и выступаем более 30 лет. У нас большой опыт и мы понимаем друг друга без слов. И нам, в принципе, иной раз, вы не поверите, не надо репетировать. Мы только договариваемся, ЧТО будем делать. А КАК — мы просто импровизируем. Юра очень хороший тоже импровизатор. И мы набрасываем друг другу какие-то вводные. И получается, что радуются не только зрители, но и мы.

— **Легко ли сейчас смешить? Есть какая-то разница в зрительском восприятии, скажем так, лет 20 назад и сейчас?**

— Смешить всегда было непросто, надо это просто делать в кураже. И если это так и делаешь, и самому становится смешно, то это передается зрителям, а если это чисто на уровне ремесла, то если нет атмосферы, это делать сложно.

— **Если бы Вы не стали артистом, то кем бы могли стать и почему?**

— Я мог бы стать киноактером, потому что очень хотел в свое время, мог бы стать бардом, а мог бы стать инженером-сантехником. Потому что я на это учился пять лет. Но если я не стал киноактером и бардом, то об этом могу немножко погрузиться и сожалеть, Но то, что я не стал сантехником, я об этом говорю сразу, я бы там ничего не открыл нового и не добился бы каких-то успехов.

— **Геннадий, что Вы можете пожелать читателям нашего журнала, поклонникам Вашего таланта?**

— Хочу пожелать им всегда оставаться веселыми. Если люди улыбаются, то они этим самым привлекают позитив на свою сторону. Позитив доминирует, люди радуются жизни. И жизнь им улыбается в ответ.

Владимир Сапожников
(г.Тула)

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ОЛЕГА ПАНТЮХИНА
Отзыв на книгу «Любви моей слова»

Член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Я держу в руках новый сборник стихотворений поэта Олега Пантюхина «Любви моей слова». Как и все предыдущие, этот сборник является автобиографическим и, пожалуй, самым лирическим из всех.

Лирический герой Олега Пантюхина предстает здесь перед нами в полной мере, как искатель основ нашей жизни, главного чувства — любви.

Кем бы ни был человек, где бы он ни находился, главным ориентиром для него должно быть это светлое чувство. Даже если оно сокрыто в глубине души, рано или поздно, оно проявится со всей полнотой и сделает человека счастливым. Это как молодой зеленый росток из-под асфальта — с виду нежный, хрупкий, скрытый ото всех до срока, но с огромной внутренней силой, готовый пробиться наружу через сложные жизненные обстоятельства.

*...Снят цветы и деревья,
Весна им приснилась
На огромной зеленой
Планете Земля...*

*...Только северным ветром,
Сгибающим ветви,
Будут прерваны
Эти прекрасные сны.
Но копят они силы
В себе незаметно,
Дождаясь своей
Настоящей весны.*

(«Ночь на город спустилась...», с.5)

И эта весна жизни — любовь, пробилась к свету, как росток к солнцу, и пришла в жизнь героя, наполняя ее счастьем.

*...Я растворяюсь в чувствах целиком!
Иду за свежим ветром без печали.
Со счастьем раньше не был я знаком,
Ну а сегодня счастье повстречаю.*

*Я повстречаю в этот день тебя,
Тебя одну из тысяч лиц узнаю.
Под каплями апрельского дождя
Душа моя уставшая оттает...*

(«Я растворяюсь в чувствах целиком ...», с.7)

Лирический герой Олега Пантюхина встречает ту единственную, которая вносит в его судьбу новый смысл.

*...В такт весне забилось сердце,
И в душе полет возник.
Ты во мне открыла дверь,
Ключевой воды родник.*

(«В такт весне забилось сердце ...», с.29)

Любовь для него — это не просто находка, это дар свыше, спасение.

*...Нежно встретишь меня у порога,
Растворяясь во взгляде моем.
И любовью — подарком от Бога
Мы с тобою друг друга спасем...*

(«На деревню спускается вечер...», с.35)

Теперь жизнь стала совсем другой, заиграла яркими красками, и все самое дорогое посвящено отныне ей, единственной и любимой.

*...Я посвящаю все тебе —
Мою любовь, мои мечты,
Мои надежды и стихи,
В которых только я и ты.
Лишь ты одна, одна лишь ты.
Зажгла в моей душе огонь.
Сгорают в прошлое мосты.
И воскрешает нас любовь...*

(«Я посвящаю все тебе ...», с.41)

И, безусловно, самое дорогое, сердце поэта — средоточие любви, тоже принадлежит его возлюбленной.

*...Милая, хорошая, родная!
Сколько дней счастливых впереди!
Дарить ты мне все красоты рая.
Я — поэта сердце подарил...*

(«Послание любимой», с.43)

Поэт — всегда странник в поисках истин этого мира, правды, добра, справедливости и, конечно, любви.

*Я скитался по белому свету,
От печалей покоя не зная.
И попутные свежие ветры
Мне в дорогах идти помогали...*

*...И, однажды, весной на рассвете,
Среди пения птиц и цветенья
Я любовь долгожданную встретил,
Обретя вместе с нею спасенье.*

(«Я скитался по белому свету...», с.51)

Даже разлуки не так страшны, если рядом с тобой любимый человек, потому что за расставаньем — снова встреча.

*Завтра, завтра, завтра!
Сверлит в голове.
Я приду внезапно.
Я приду к тебе.*

*Ты откроешь двери,
Впустишь в дом меня,
Любишь, ждешь и веришь,
Нежность не тая...*

(«Встреча», с.27)

*Сегодня далеко ты уезжаешь.
И город опустеет для меня.
Ты знаешь? А, быть может, ты не знаешь,
Что я обратно буду ждать тебя.*

*Ты возвращайся, будут снова встречи,
И в час, когда погаснет небосвод,
Я нежно обниму тебя за плечи,
И время остановит свой полет...*

(«Сегодня далеко ты уезжаешь...», с.14)

Высокое чувство любви — это не просто слова. Это самая прекрасная мечта, воплощенная в реальность.

*...Промчится ночь, и сны развеет свет.
И в бликах солнца новый день родится.
Ты улыбнись, ведь нам любовь не снится,
И ничего ее реальней нет...*

(«Осенней ночью мир тихонько спит ...», с. 54)

Это именно то чувство, которое ждешь с замиранием сердца порою всю свою жизнь, как чудо.

*...Ожидание света и души торжество,
Ожиданье мечтаний, манящее новью.
Ожиданье мгновения лишь одного,
Что зовется взаимной и вечной любовью...*

(«Ожидание», с.59)

И лирический герой Олега Пантюхина готов пронести его через всю жизнь.

*...Я Бога не устану
За все благодарить.
Мне целой жизни мало,
Чтобы тебя любить...*

(«Дождливым летним утром...», с.62)

Любовь — это смысл нашего бытия, она никогда не проходит, она всегда вне времени, в вечности...

*...На много лет, на множество столетий
С тобою мы в любовь погружены.
Через века увидят наши дети,
Как мы с тобою были влюблены.*

(«Все тот же мир, все та же осень в окнах...», с. 53)

Таким образом, новая книга стихов прекрасного тульского поэта-лирика Олега Пантюхина несомненно порадует читателя своей искренностью, смысловой нагрузкой, неожиданностью образов и смелостью ассоциаций. Читая его стихи, у меня местами возникали невольные параллели с тем, что создавал Николай Рубцов,— та же чистота, поэтическая экспрессия, русскость... Радостно, что на тульской земле творит и все больше набирает мощь великолепный поэтический дар Олега Пантюхина!

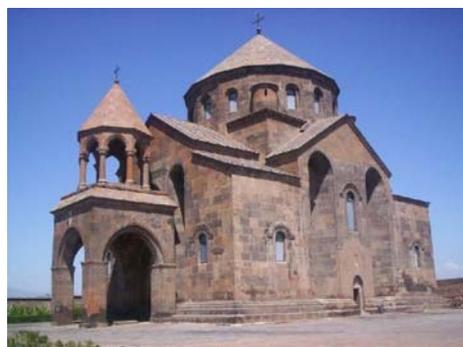
Кнарик Хартавакян
(с. Чалтырь, Ростовская область)

«И СЕРДЦЕ, И СТРОКА!»
Отклик на книгу Валерия Савостьянова
«Армянские мотивы»

Поэт, переводчик, публицист, член СП России, председатель литературной студии донских армян имени Р. Г. Патканяна, руководитель филиала Всеармянской Лиги деятелей культуры в Ростовской области, участник II съезда иноязычных армянских писателей 2007 г. (Ереван — Цахкадзор). Автор четырех книг стихов и переводов с армянского (готовится и пятая). Печаталась в периодике России, Армении, Республики Крым, в коллективных сборниках и альманахах, газетах, выпускаемых в своем регионе, в России, СНГ.

Армения, Айкастан, древнейшая страна, осененная сияющим Араратом, к вершинам коего пристал Ноев ковчег из библейской легенды! Армения, Армянское нагорье — колыбель человечества после потопа, колыбель и праязыка индоевропейского, как считают ученые!..

Армения!.. Страна святых, церковей древнейших, городов многотысячелетних, страна пленительных пейзажей — заснеженных гор, шумных ущелий, страна озер лазурных и чистейших рек — Страна Наири □! Кто только не воспевал ее в стихах, поэтических эссе, песнях!.. Вот и россиянин Валерий Николаевич Савостьянов посвятил ей целую книгу «Армянские мотивы» (Тула: «Аквариус», 2015).

Это и поэтические авторские воспоминания, и «размышления его о славных и о страшных страницах» наирийской истории, поскольку выход книги в свет (2015) приурочен к 100-летию геноцида армян в 1915—23 гг. на захваченной турками территории исторической Армении. И поэт признается в любви и верности этой стране, стремлении ее защитить и сердцем воспеть, что и совершил автор-туляк во множестве ярких и сердечным теплом напоенных строчек своего сборника.

*Пока во мне Севан
Сокровищем лежит,
Пока во мне Раздан
Ущельями кружит,
И стольный Ереван
Живет во мне пока,—
Тебе, Страна Армян,
И сердце, и строка!..*

Искренние, трогательные, напевно-звучные признания самых первых и следующих стихотворений не могут не прийти по душе армянам, да и всем ценителям истинной поэзии. Ведь творит Валерий Савостьянов в традициях русской классической литературы, впитавши и веяния культуры армянской!.. Сочиняет циклами вдохновенные, яркие произведения. Сегодня он лауреат международных литературных премий «Славянские традиции», «Пражская муза», всероссийских премий «Мастер», «Левша» имени Н.С.Лескова, «Имперская культура» имени Э. Ф. Володина и других. Является известный поэт и победителем целого ряда литературных конкурсов и фестивалей, имеет множество почетных грамот, дипломов. И, помимо того, В. Н. Савостьянов — участник трех съездов Союза писателей России, Всесоюзных совещаний и семинаров...

Его произведения опубликованы в газетах: «Российский писатель», «Литературная газета», «Московский литератор», «Московский железнодорожник», «Петербургская газета», «Литературный Крым», ряде московских престижных журналов, в «Литературной Армении» (Ереван), на авторитетных сайтах: «Российский писатель», «Русское поле», «Русское Воскресение», «Форум славянских культур», «Международная Гильдия писателей», Евразийский журнальный портал «Мегалит» и т.д.

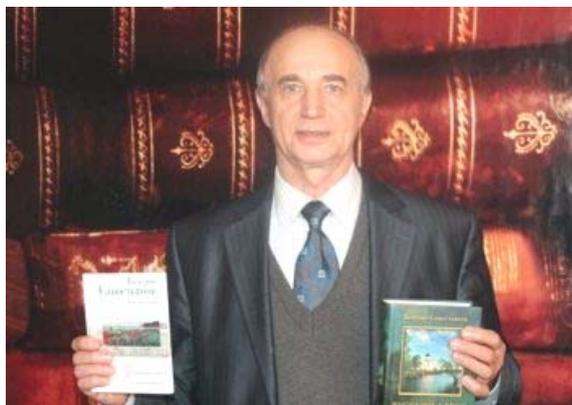
Благодаря СМИ даровитый тульский поэт известен и россиянам, и славянам европейским, и армянам-наям, большой диаспоре их в том числе... Я, дончанка, например, прочла его на сервере современной поэзии «Стихи.ру», а именно цикл «Армянские мотивы» — еще в 2012 г. и не могла не откликнуться. Читается мною и донныне этот талантливый автор. Очень многие строчки Валерия Савостьянова хочется цитировать, они информативны и певучи, эмоциональны и ментально насыщены. В них трепет чувства и полет мысли, ведь автор — интеллектуал, электронщик. И высококлассный технарь века ЭВМ и компьютеров, и при этом и поэт вдохновенный!

*...И страстно его бормотанье,
Где рифмой пульсирует свет!
И ловит его мирозданье
Антеннами звезд и комет...*

Большая часть цикла стихотворений и поэма «Наири» этой книги 2015 года отмечены публикациями в различных изданиях России и Армении-иАйастана, в том числе дважды в самом авторитетном русскоязычном журнале, издающемся в Ереване,— «Литературной Армении». За цикл стихотворений этих в 2013 г. автор — как победитель конкурса «Поэтическая Тула», посвященного дружбе народов,— награжден дипломом лауреата и призами Конгресса интеллигенции Тульской области.

И вот поэтическая книга Валерия Савостьянова «Армянские мотивы» выдвигается на престижную премию имени Л. Н. Толстого, что учреждена Правительством Тульской области. Выдвигается в знаменательный год, когда отмечается 190-летие со дня рождения великого русского писателя, классика мировой литературы,— и еще...

величественный юбилей 2800-летия Еревана, столицы Армении! Интересное совпадение... И не счастливое ли это предзнаменование? Ведь древний город этот стал источником вдохновения для создания цикла, а затем книги, что выдвигается ныне на премию. Город, любовно названный поэтом Савостьяновым розовым!..

*Есть город, где белые ночи.
А этот — из розовых дней,
Из юности: из многоточий
Ее путеводных огней.*

*Не зря он казался мечтою:
Поныне в душе не потух
Пленивший своей красотой
Домов его розовый туф!..*

Город этот армянский — как розовеющий восход и как закат, где светило не гаснет, а поэт «спешит неустанно // Свет розовый в сердце вбирать!» Светом вдохновения ли насыщаясь?.. И полняясь любовью к городу сему и людям его, любясь дивной природой, высью гор, журчащими ручьями и чистотой «вещающих» рек и озер, строгостью и величественностью храмов и крепостных стен, мощью мостов над ущельями... И чувствуя «сердцем века», что прошумели над Эребуни и всей армянской страной Наири!..

*...И я — путь струй, что напролом,
И путь паренья, птицам данный,—
Соединю!
И над Разданом
Рекою стану и орлом!*

*Ах, этот мост! Мне повезло:
Он красотой своей пленяет
И берега соединяет
Того, что есть, и что прошло...*

Но какая связь меж городом древним армянским и словесностью русской, меж наями и русичами? И причем тут Лев Толстой и его юбилей?..

Ну на то он и гений мировой литературы, чтобы соответствовать чаяниям всего человечества, постигать и показывать взаимосвязь всего и вся! И на то и отзывчивость души всемирная — души русской и... армянской! Ведь христианский народ сей по всему миру рассеян оказался, терпя гонения за веру и прорусскую свою вековую позицию. По этим причинам чинили безжалостный геноцид армян и в султанской Турции XIX века, и при младотурках в XX-м, за коими стояли сионисты и преследующий свои интересы Запад. (А тема геноцида, повторю, важна и в книге В. Савостьянова).

И все же хаи-армяне (хаи — самоназвание нашей нации по имени прародителя Гайка (hАйка), потомка Иафета, одного из трех сыновей Ноя), приверженные Учению Христа и российской государственности, тянулись из века в век к русской культуре, великой русской словесности, являя истую любовь и почтение к ней!!! Это армяне впервые, еще при жизни поэта-дипломата А. С. Грибоедова, поставили на сцене эриванской бессмертную его комедию «Горе от ума», чей автор в Персии защищал хаев. Это армяне еще при жизни А. С. Пушкина и дружили с ним, и переводили его стихи на свой родной и европейские языки (княжна А. Д. Абамелек), а в последующем создали богатейшую свою Пушкиниану, сочинивши конгениальные даже переложения его строк (классики Ованес Туманян, Аветик Исаакян и целый ряд виднейших наирских поэтов прошлых веков)! И это армяне столь исто любили, почитали и Льва Николаевича Толстого, тянулись к его гуманной просветительской мысли и деяниям, благому сердцу и гениальному творчеству! Переводили его произведения на свой материнский язык, популяризировали их. Налаживали, укрепляли с русским классиком-светочем связи, живя в крупных городах, в столице Российской империи или в ее провинции. Десятки статей в периодике, научных исследований, книг написаны и выпущены в свет впоследствии на темы эти. Авторы их — известные публицисты и беллетристы.

Вот как пишет о связях с армянами Петербурга и Москвы доктор филологических наук Саануш Базьян в своем исследовании «Лев Толстой и Армянский вопрос»: *«В окружение Толстого входили представители знатных армянских фамилий, со многими из которых он поддерживал личные отношения: Лазаревы и Абамелек-Лазаревы, Ахшарумовы и Айрапетовы, Мансуровы и Хастатовы, Мещериновы и Сумбатовы».* Интересы писателя и частные знакомства с армянами, естественно, не могли оставить его безучастным к судьбе древней нации, притесняемой и уничтожаемой захватчиками-иноверцами, особенно на рубеже XIX—XX вв.

Как отмечает Саануш Базьян, *«эти личные связи сформировали симпатии Толстого к армянам, теплоту в отношении к ним, а также участие к судьбе народа. Поэтому Толстой не остался равнодушным к положению дел в Турецкой Армении».*

Об отношении писателя к резне армян в Сасуне (1894 г.) и о его сочувствии к армянскому народу говорят как его высказывания, так и письма и воспоминания общественных деятелей-армян. Что же касается отсутствия активных действий со стороны Толстого в связи с известными событиями, то объясняется оно толстовским пониманием христианского вероучения, идеей непротивления злу и проповедью кротости и смирения.

Некоторыми современниками, в том числе и армянами, Толстой именно так и воспринимался — как истинный ученик Христа».

И описанные в документах, письмах, статьях, эти встречи потомков Гайка с выдающимся современником происходили в Москве, Хамовниках, в Ясной Поляне и, может, в Туле вплоть до последних лет жизни романиста. И, как пишут очевидцы, исследователи, публицисты, отпевал Л.Н.Толстого, отпавшего от РПЦ, священник армянский, а гроб его несли на руках студенты-армяне!.. И панихида по классику проходила в храме армянском... (В сетевых статьях даже называются выясняемые имена его священников).

Копии, тексты ж архивных документов и снимок, свидетельствующий о том, есть в серьезном труде «История армянской диаспоры Москвы и Петербурга» академика В. Б. Бархударяна, жившего в Ереване, но ведшего поиск материала для своих книг в крупных советских и российских архивах!.. (Исторический фотоснимок этот повторен сейчас в Интернет-ресурсах, на ряде сайтов, скажем, <http://armenia.im/>, <http://vstrokaх.net/>; есть в блоге С. Мкртчяна, в статьях А. Меружаняна, в нескольких схожих материалах с названиями «Льва Толстого хоронили армяне», «Как армянские священники хоронили Льва Толстого, подвергнутого анафеме русской церковью» и т.д.

Но приведем цитаты из солидного труда, к сожалению, покойного ныне историка В. Б. Бархударяна, из уже названной академической книги, где есть доклад начальника Петербургского охранного отделения полковника Михаила фон Коттена на имя министра внутренних дел П. А. Столыпина от 9 ноября 1910 года, что начинался так: «В дополнение к донесениям от 8 сего ноября за №№ 15582 и 15602 докладываю вашему высокопревосходительству полученные во вверенном мне отделении сведения о происходивших 9 сего ноября волнениях учащейся молодежи столичных высших учебных заведений по случаю дня погребения умершего Л. Н. Толстого». (Владимир Бархударян «История армянской диаспоры Москвы и Петербурга». ISBN 978-5-8080-0809-0). Повторен, впрочем, этот исторический документ, найденный в архивах ереванским ученым, и в Википедии, в персоналии классика. См. wikipedia.org/. А что же дальше в докладе о писателе и армянах, интригующем, как детектив?

«В 12 часов дня была отслужена в Армянской церкви панихида по покойном Л. Н. Толстом, на которой присутствовало около 200 человек молящихся, преимущественно армян, и незначительная часть учащейся молодежи. По окончании панихиды молящиеся разошлись, но чрез несколько минут в церковь начали прибывать студенты и курсистки. Оказалось, что на входных дверях университета и Высших женских курсов были вывешены объявления, что панихида по Л. Н. Толстому состоится 9 ноября в час пополудни в вышеозначенной церкви».

Вот как!.. Петербургская студенческая молодежь, и русская, и прочая, 9 ноября 2010 г. из нескольких мест стекалась именно в армянскую церковь Святой Екатерины — армянскую апостольскую церковь, что стоит и сейчас!.. Были среди спешивших сюда и депутаты, писатели, преподаватели. И тогда армянское духовенство совершило молебен в той церкви дважды: для своих прихожан, преимущественно армян, а затем и для подоспевших студентов, курсисток и остальных, не поместившихся в храме и стоявших и на паперти, на дворе церковном: ибо именем Л.Толстого и панихида, и намеченное затем за нею шествие привлекли сотни поклонников писате-

ля-педагога!.. И, как отмечается в докладе, «по окончании панихиды все находившиеся на паперти и на церковном дворе пропели "Вечная память"...» классику.

А как вела себя в эти печальные дни находящаяся ближе к поместью графа московская молодежь? Вот как пишет в своей статье автор Армен Меружанян: «Толстой умер под Липецком и 10 ноября был похоронен в своей усадьбе Ясная Поляна. (Армянские студенты из Москвы участвовали в похоронах великого писателя, несли его гроб. Известны фамилии некоторых...» (<http://www.yerkramas.org/article/30676/gde-otpevali-lva-tolstogo>).

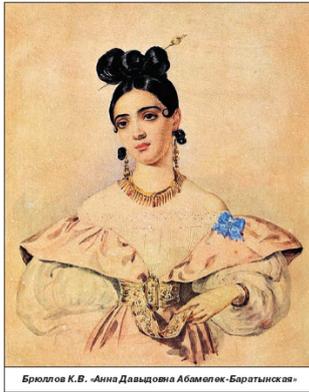

И все же дадим имена этих юношей-армян по изданию посольской — цитируемой книге академика-историка В. Б. Бархударяна, где исторический снимок этот снабжен такой надписью: «Студенты на похоронах Льва Толстого: М. Бархударян, Е. Ходжамирян, Р. Парон-Саркисов (в центре), О. Мебурнутов (в центре)». Как высоко вознесен ими на плечах русский светоч!

Так, печалась, совершая молебен, почтили гения петербургские и московские армяне осенью 1910 г. И наверняка и тульские!.. Ведь князь Симеон Симеонович Абамелек-Лазарев (Лазарян), крупнейший промышленник-армянин, а также замечательный археолог и востоковед, благотворитель и меценат, один из богатейших людей России, и жена его Мария, дочь Павла Демидова, были связаны тесной дружбой со старшей дочерью великого писателя — Татьяной Сухотиной-Толстой. И поясню, что Симеон (Семен) Абамелек-Лазарев (1857—1916), к чести и славе его, окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, занимался востоковедением, а также вопросами экономики и горного дела, успешно служил и в Министерстве народного просвещения... Не удивительно, что он сдружился с дочерью классика и близко знаком был с ним самим. «Их взаимная привязанность зародилась в Тульской губернии, где Абамелек-Лазарев владел имением рядом с Ясной Поляной,— пишет в статье своей А. Меружанян.— Князь часто бывал у Толстых, тепло общался с писателем и любил фотографировать его в кругу семьи. К тому же родной дядя князя генерал-майор Артемий Давидович Абамелек, к тому времени покойный, был женат на...». Не станем повторять тут неточность журналиста, которую, впрочем, он исправил в более поздней статье своей, но, сопоставив многие Интернет-публикации, в их числе по генеалогиям Толстых и Абамелеков, с достаточным основанием осмелюсь написать: женат штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, а затем генерал-майор А. Д. Абамелек (1823—1885), кавалер многих орденов, был на родственнице Льва Николаевича — Екатерине Толстой (1826—1888), дочери Николая Николаевича Толстого (1794—1872), гвардии штабс-капитана, статского советника.

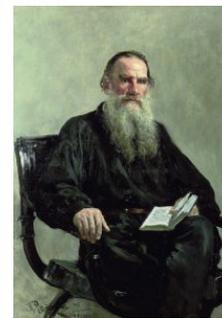
Зарецкий С.К. «Портрет князя Самуила Давыдовича Абамялек»

Брюллов К.В. «Анна Давыдовна Абамялек-Баратынская»

Неизвестный художник. «Арсений Давыдович Абамялек»

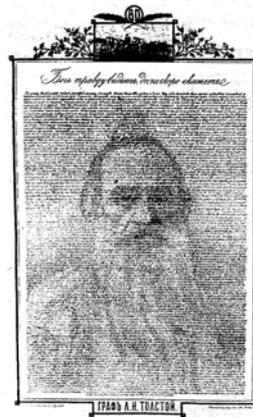
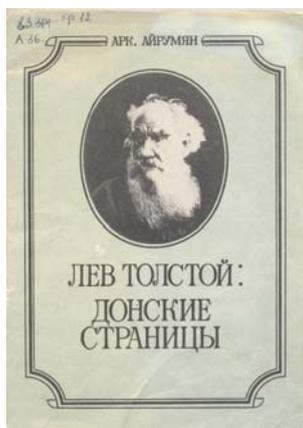

А что же донские-крымские хаи, переселенные в екатерининские времена, в стороне от всех армян и гения русского стояли?.. Вне уз родства, дружбы, признательности? Нет, с такой же душевной силой любили Льва Толстого, чтили, читали! И были связаны хотя бы тем, что слали классика в тишь Ясной Поляны изумительные творческие дары в его 80-летний юбилей!..

Впрочем, о том лучше поведает донской, норнахичеванский (ростовский) армянин, видный журналист А. А. Айрумян, автор книги «Лев Толстой: донские страницы» (Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1991.— 80 с.). Автор этот, филолог и краевед, с большой тщательностью собрал исторические сведения о пребывании великого писателя на Дону, его литературных и личных связях с Доном, с казаками и с армянами — дон-

скими и кавказскими!.. А. Айрумян в главе «Война и мир» своего исследования, например, говорит о М. И. Платове и донских казаках, которые совершали известные походы 1812 г., описанные классиком. И можно здесь добавить, что в армии атамана Платова воевали и достойно несли свою службу и донские армяне во главе с командиром волонтерского отряда Никитой Абрамовым (Абрамяном).

В данной книге своей и в статье «Юбилейный портрет» А. Айрумян писал, что в год 80-летия Льва Николаевича не могли донские армяне вместе со всей прогрессивной общественностью пройти мимо такой даты. *«Уже на "подступах" к юбилею газеты стали публиковать статьи и корреспонденции, посвященные Толстому. В Ясную Поляну полетели приветственные письма, поздравительные телеграммы, торжественные адреса и многочисленные посылки с подарками...».*

И в ценных архивных документах (дневники Д. П. Маковицкого «Яснополянские записки»), в примечаниях к записи от 27 августа сказано: «В «Списке адресов и подарков, присланных к 80-летию Л. Н. Толстого», значится «Рукописный портрет Л. Н. от художника Гусикьянца» и «Вышитый гладью портрет Л. Н. за сохой от Е. Черчоповой». Добавила бы я: оба эти подарка пришли по почте из Нахичевани-на-Дону (Нор Нахичевана), города, основанного вместе с окрестными селами по указу Екатерины II от 14.11.1779 г. выселенными ею с полуострова Крым (в интересах Российской империи) армянами, давними выходцами из столицы предков моих — Ани□!

Кто же авторы столь уникальных даров? «Хачатур (Христофор) Кириллович Гусикьянц, известный также под обруселым вариантом своей фамилии — Гусиков, армянин по национальности, был не только живописцем, но и литографом и архитектором». Учился в Лазаревском институте восточных языков, основанном именитыми Лазарянами в Москве, а затем в Санкт-Петербургской Академии художеств. Портрет Л. Н. Толстого выполнен каллиграфически этим мастером — из букв текста рассказа классика «Бог правду видит, да не скоро скажет»! (Восхищает меня и сам выбор названия).

А Е. Черчопова же «в качестве образца для своей вышивки в подарок Толстому избрала знаменитую картину И. Е. Репина «Пахарь. Л. Н. Толстой на пашне» (1887)... А. А. Айрумян не скрывает восторга в книге: *«И вот спустя двадцать один год картина эта была повторена другим человеком в ином роде искусства: вышита гладью по атласу цветными шелковыми нитками. В нижнем правом углу вышивки обозначено: «Евг. Черчопова». Рядом дата: «1908». А с левой стороны, тоже внизу: «Нахичевань н/Д».*

Илья Ефимович Репин.
Пашар. Лев Николаевич Толстой на пашне, 1887

Летом 1887 года Репин был очевидцем того, как 60-летний Толстой в знойный день почти без отдыха шесть часов подряд пахал поле. Своё впечатление от Толстого-пахаря художник описал в воспоминаниях: «Пот валил с него градом, толстая поскинная рубаха, одеваемая им на полевые работы, была мокра наизовсю, а он мерно продолжал. Часто во время подъёма на гору поблуднееще лицо его выражало крайнее напряжение и усталость, а он, поравнявшись со мной, каждый раз бросал мне свой приветливый весёлый взгляд и шутилое словцо».

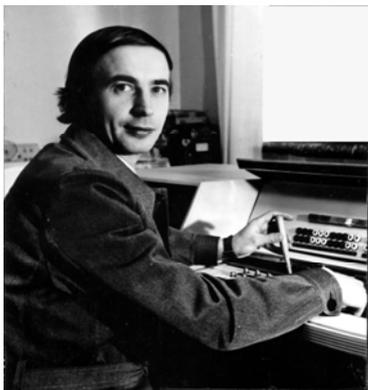

Евгения Григорьевна Черчопова *«была искусной вышивальщицей, человеком культурным, любившим и хорошо знавшим литературу, и, кроме того, горячей поклонницей Льва Николаевича Толстого, иначе не принялась бы за столь кропотливый труд — вышивать его портрет»*. Это произведение «искусства художественной вышивки, явилось *«выражением любви и искреннего почитания великого писателя. Так же, как и работа Гусикьянца, не менее кропотливая и трудоемкая — оригинальная разновидность портретного жанра в искусстве графики»*, — отмечает донской краевед-армянин.

Кстати, А. А. Айрумян (1918—1999), чье столетие отмечается также в этом году, являлся почетным членом литстудии им. Р. Патканяна, основатель которой педагог-краевед и поэт Х. Наирьян также проявлял огромный интерес к русским классикам, донским переводчикам, включал статьи о них, в том числе о Л. Н. Толстом в лит.-краеведческий альманах «Чалтырь-2», созданный вместе со старейшинами и активистами нашей патканяновской студии. В ее составе было немало сельских учителей, бывших участников войны.

Сказать должна я и об отце — защитнике Тулы, освободителе Ясной Поляны, почитателе Л. Н. Толстого, который в битвах Великой Отечественной доказал свою любовь к писателю-педагогу и пополнял познания о нем! Наш отец, Саркис Вартеванович Хартавакян (1921—2009), призванный в РККА за год до начала войны, служил в Московском военном округе. А после военно-пехотного училища, получив звание лейтенанта, осенью-зимой 1941 г. в составе 330-й стрелковой дивизии 10-й армии участвовал в боях под Москвой. Воевал отец и под Тулой, городом русских оружейников, несмотря на все попытки врага, так и не взятого им. Освобождал Ясную Поляну с однополчанами, среди которых были и другие донские армяне. И не о героичестве повествовал нам с сестрицей из двойни в мирное время, а о толстовской Ясной Поляне, отбитой у немцев. С болью говорил, что коней те ставили в музей и в целом варварски вели себя в заповедном имении писателя... С неослабевающим интересом и в старости уже смотрел отец художественные и документальные ленты о войне, где показывалась и Ясная Поляна. Вздыхал, оживал, блестя глазами, словно глядя в даль времен, или замолкал, по-толстовски насупясь. (Была возможность у отца посмотреть и цветные фотоальбомы с экспозицией яснополянского музея, что есть в доме нашем благодаря Байдзарик Саркисовне Хартавакян, его дочери, ставшей авторитетным педагогом-словесником, Заслуженным учителем России, дочери, наследовавшей отцовское почтение и любовь к Л. Толстому, прививавшей ее и глубокие знания о классике своим многочисленным питомцам, в том числе и средствами наглядными).

Что и говорить, когда сопоставляешь снимки военных лет и поздние, то понимаешь опять, что, захватив поместье с музеем, оккупанты нанесли им большой вред; и

все же, как говорят и пишут в книгах, уже к маю 1942-го усадьба была реставрирована и открыта для посетителей, а в 1945-м из эвакуации вернулись и ценности в музей!.. Но, вероятно, не все, коль дары нахичеванцев, портреты не числятся там сейчас... А. А. Айрумян в своей статье уже 1995 года отмечает: *«к великому сожалению, не сохранился оригинал, подаренный писателю»*, но следует и уточнение: *«Несколько лет назад была обнаружена опубликованная в 1910 году в газете «Приазовский край» репродукция пропавшего портрета. Она была помещена в газете в связи с кончиной автора этого портрета, ушедшего из*

жизни двумя месяцами раньше Льва Толстого. Таким образом, мы сегодня имеем возможность наглядно представить себе, как выглядел в оригинале очень понравившийся Толстому его рукописный юбилейный портрет».

И полагаю, читателям эссе моего ясно, что автор его и все донские армяне вновь посылают этот уникальный, составленный буквами портрет (с текстами наших статей) — по почте (уже электронной) в освященную тишь Ясной Поляны — в преддверии юбилея Льва Толстого!.. И 2800-летия столицы Армении Эребуни-Еревана, воспетого и Валерием Савостьяновым! Вот так, исто возвышая, любили и любят, почитали и досель почитают и боготворят армяне русского человеколюбивого и трудолюбивого творца из Ясной Поляны — гениального художника слова Льва Николаевича Толстого!

...И с не меньшей силой полюбил русский поэт Валерий Савостьянов армян, их миролюбие, стремление к созиданию на тяжком пути в истории, страну их Наири и столицу Эребуни! Хотя в Армении, столице ее, молодой поэт, родившийся в деревне Сергиевское Тульской области, был однажды, в далеких 70-х! Окончивший Тульский политехнический институт в 1971-м и начавший свой трудовой путь специалистом в, уже в прошлом веке оставшемся, 1974 году побывал в Ереване, где на заводе «Электрон» и в техническом училище № 11 прошел курсы по эксплуатации ЭВМ «Наири-2».

И это время учебы и стажировки стало незабываемым, так как совместились — благотратно и счастливо — с познанием истории и культуры братского народа, с древнейших времен обживающего свои нагорья и библейские долины под сенью священного Арарата, под шум — вещанье-пенье стремительных горных рек, под мелодии дудука, зурны и песни ашугов!..

Познание Валерием Савостьяновым Армении состоялось в учении и кропотливом труде. И вернувшись домой, прошел он путь от простого инженера до начальника ЭВМ и заведующего лабораторией в Тульском политехническом институте (ныне это Тульский государственный университет). Взял заметные вершины и в творчестве, поэзии, стал известным.

И очень важным в книге Савостьянова, чей цикл стихов и поэма написаны в основном в 2012-м, мне кажется создание облика мудрого и братолюбивого НАРОДА-ТРУЖЕНИКА! Армянского народа, оберегающего лад душевный и гармонию с природой, живущего еще в советские десятилетия и занятого созидательным трудом, изысканиями научными, поиском истины и вдохновенным творчеством, — вместе с ним, добрым русским паренком!..

Вот такими наи запомнились Валерию, такими он их «услышал» под шум рек, текущих в ущельях, и внятный ему шумок армянской ЭВМ «Наири-2». И такими он полюбил и запечатлел представителей издревле просвещенной нации в книге своей

благодатной — «Армянские мотивы»!

Книга В. Савостьянова утверждает высокие идеалы гуманизма, миролюбивой доброты и трудолюбия, показывает содружество и сотрудничество народов, объединенных общей верой, созиданием, нравственностью.

А это по сути идеалы и великого гуманиста, просветителя, творца и труженика Льва Толстого, это принципы построения его общин, названных толстовскими, притягательных героев его книг, которые, будучи и знатных родов, живут и трудятся и творят со своим народом! И в любви и почитании представителей всех наций, близких, сродненных Трудом своим и Словом!

Спасибо за этот сборник Валерию Николаевичу Савостьянову, который вполне достоин ответной верной любви армянского народа и любви всеобщей читательской... И премии, носящей высокое имя Льва Толстого!

Благодарение — за книгу стихов, где есть и такие певучие, мягко пронзающие сердце, пылающе и ласкающе-светло звучащие строчки:

*...С кем расставался вчера, чуть не плача я,
Что говорили вослед? —
Слово о дружбе, как Солнце горячее,
Помнит армянский поэт...
Остановлюсь, оглянусь на мгновение:
В сердце — раздолье цветам! —
Только Армения, только Армения,
Только Армения там!*

За книгу, где блещет, словно в небесах, такая светозарная, поюще-крылатая и звеняще-благая и не столь уж сложно осуществимая мечта:

*Я мечтаю узреть не больную,
Снова гордую память армян!
И, запомнив счастливые лица,
Доложить совещанию муз,
Что надежно стоит на границе
Нашей Дружбы Великий Союз!*

Да будет так, да претворится мечта поэта и народов наших братских!

അനുരൂപ

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

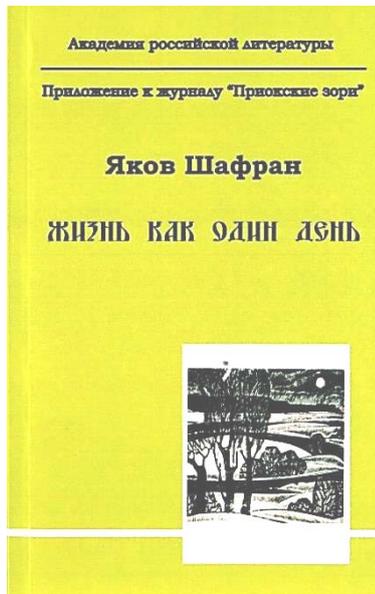
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляры в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2019.— № 4.
2. *Северо-Муиские огни*: Авторский литературный журнал.— 2019.— № 4 (в номере опубликованы материалы Елизаветы Барановой и Алексея Яшина).
3. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы — литературный альманах.— 2019.— №№ 1, 2.
4. *Дон: Российский ордена Дружбы народов литературно-художественный ежемесячный журнал*.— 2019.— № 7—9 (строенный) (в номере опубликованы материалы Геннадия Маркова и Алексея Яшина).
5. *Образ*: альманах поэзии.— 2019.— № 7.— М.: Изд-во «Образ», 2019.— 300 с. (Серия «Поэзия XXI века»).
6. *За горами, за долами...: Антология литературы для детей и подростков*. Вып. 3: Академия российской литературы.— М.: РОО Литературное сообщество «Новые Витражи», 2019.— 207 с.
7. *Олег Пантюхин*. Любви моей слова: поэтический сборник / Илл. Е. И. Давыдова.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2019.— 64 с.
8. *Лукьянов И. В.* По воле Бога и судьбы: Избранные стихи / Предисл. А. П. Лыскова.— М.: ИД «Сказочная дорога», 2019.— 176 с.
9. *Деев В. Э.* О природе и охоте: стихи. 2-е изд.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2018.— 93 с.
10. *Богомолов В. А.* Сталиногорск. Могилев. Бессмертие: О боевом пути 172-й стрелковой дивизии.— Тула: Свамиа, 2019.— 208 с., ил.
11. *Литературные истоки района Арсеньевского (ЛИРА): Литературно-поэтический альманах*. Кн. 2 / Ред. и сост., авт. предм\исл. Н. Ф. Луковкина.— Тула: Аквариус, 2019.— 344 с.
12. *Литературные истоки района Арсеньевского (ЛИРА): Литературно-поэтический альманах*. Кн. 1.— Тула: ООО «Типография «Новая Астея», 2016.— 252 с.
13. *Виктор Еремин*. Там, за поворотом: литературный альманах (Памяти бывш. гл. ред. «Тульской правды») / Сост. Н. Ф. Луковкина; идея М. Г. Баланиук.— Тула: Аквариус, 2019.— 144 с., ил.
14. *Владимир Резцов*. Песня о Гришке Отрепьеве: Историческая поэма.— Екатеринбург: Издательские решения по лицензии Ridero, 2019.— 494 с. ил.
15. *Виктор Щеглов*. Тыл — фронту. Из истории тульских оборонных предприятий в эвакуации (1941—1945 гг.).— Тула: Аквариус, 2018.— 360 с.
16. *Николай Людвигов*. А в тайге — тишина: Повесть о работе тульских оружейников в эвакуации в Златоусте (1941—1945 гг.) / Лит. обработка В. В. Щеглова.— Тула: Аквариус, 2019.— 392 с.
17. *Валерий Савостьянов*. Вещий камень: Стихотворения. Поэмы. Эссе / Предисл. В. Г. Ходулина.— Тула: Аквариус., 2019.— 672 с.
18. *Сорокажердьев В. В.* Литературный мир Мурмана. От Ломоносова до наших дней. Справочник.— Мурманск: Онимах, 2019.— 454 с., ил., фото (включена статья об Алексее Яшине).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 9.— Тула: Изд-во «Полиграфинвест», 2019.— 344 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *На лирической волне*: Альманах журнала «Приокские зори». Песни и романсы, пьесы для фортепиано, стихи, статьи и рецензии. Вып. 4.— Тула: Изд-во Аквариус, 2019.— 104 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Яков Шафран*. Так чувствует сердце: публицистика разных лет.— М.: «Новые Витражи», 2019.— 344 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Алтунина Л. Д.* Лики России. Кн. 1: Чайка с того света: рассказы, повести, очерки, эссе.— М.: Бит-принт, 2019.— 424 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *Яшин А. А.* Житие наше оцифрованное: Новеллино: Академия российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2019.— 330 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

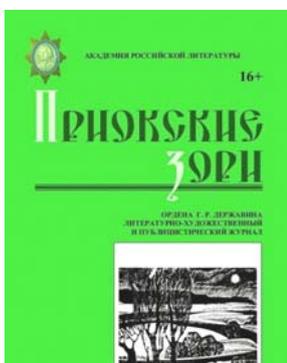
Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2020-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Уважаемые друзья, коллеги!

Вашему вниманию предлагается информация от редакции всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»:

Информационное письмо «Приокских зорь» № 6 от 04 сентября 2019 года

Уважаемые читатели и авторы «Приокских зорь», главные редакторы литературных изданий! По сложившейся традиции, учитывая, что №№ 1 и 2 «ПЗ» уже изданы, № 3 — в верстке, а № 4 сформирован, редакция и редколлегия журнала объявляет список авторов, выдвинутых на соискание всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации 2019-го года в всероссийском ордена Г. Р. Державина литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори»:

- в жанре художественной прозы Михаил Смирнов (г. Салават, Башкирия);
- в жанре поэзии Валерий Демидов (г. Тула);
- в жанре литературной публицистики Ефим Гаммер (г. Иерусалим, Израиль);
- в жанре литературоведения и литературной критики Евгений Трещев (г. Щекино).

Объявляется всероссийское и международное обсуждение выдвинутых кандидатур — свои отзывы просьба слать на наш адрес: priok.zori@mail.ru Все номера журнала с 2005 по 2019 г. см. на нашем сайте <http://www.pz.tula.ru> (с учетом того, что все названные кандидаты являются давними, постоянными авторами «Приокских зорь»).

Обсуждение заканчивается 01.12.2019 г., после чего будут объявлены лауреаты премии за 2019 г.

Редакция «Приокских зорь».

Уважаемые друзья, коллеги!

В газете «Русскоязычная Америка» № 547/2019 (Нью-Йорк) представлены работы члена Академии российской литературы — главного редактора Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художествен-

ного и публицистического журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» Алексея ЯШИНА: рассказы «Первый после боцмана», «Совесть союзника», «С лукошком по ягоды и нечто о рыбьем жире», «Такси до станции Астапово» размещены на Литературной страничке издания, с которой можно познакомиться по ссылке: <https://www.rusamny.com/2019/547/t06-547/>

Уважаемые друзья, коллеги!

В газете «Русскоязычная Америка» № 547/2019 (Нью-Йорк) размещены материалы члена Академии российской литературы — заместителя главного редактора Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» Якова ШАФРАНА «ГЕРОЙ И РОМАНТИК МОРСКИХ ГЛУБИН», посвященные Герою Советского Союза И. И. Фисановичу (очерк опубликован в настоящем номере «Приокских зорь»).

Уважаемые члены Академии российской литературы!

2 октября 2019 года в Бунинском зале библиотеки им. И. А. Бунина состоялось очередное общее собрание Академии РЛ.

В ходе мероприятия состоялась презентация антологии детской литературы издания АРЛ «За горами, за долами...» (выпуск 3) и награждение авторов сборника. Репортаж об этом мероприятии будет представлен позже.

Далее в ходе собрания были решены следующие основные организационные вопросы.

1. Утвержден проект Устава Академии российской литературы с поправками, изменениями и дополнениями, который будет действовать до второго полугодия 2020 года. (Устав несколько позже будет выслан членам Академии по электронной почте и опубликован в Вестнике Академии — литературном альманахе «Московский Парнас»).

2. Избраны руководящие органы Академии РЛ и утверждена структура руководства Академии на период до второго полугодия 2020 года.

3. Главным руководящим органом утвержден коллективный орган — Правление Академии российской литературы в составе: Тишковский Р.К. — председатель правления; Скоблов Е. М.; Лапшин М. И.; Карагодина О. Г.; Шепель А. Д.; Кузнецов В. М.; Иванова (Харина) Н. Е.; Яшин А. А.; Осипов Г. Б.; Шлезигер Н. Н.; Федоров В.Н.

4. Редакционный совет Вестника Академии — литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС» утвержден в составе: Тишковский Р. К. — главный редактор; Бояринов В. Г.; Тарасов А. Д.; Степанова Е. В.; Яшин А. А.; Шафран Я. Н.; Гончарова В. И.; Буланичев В. В.; Иванов Л. К.; Камаева Т. В.; Даштамиров С. С.; Осипов Г. Б.; Линник В.А.

5. Руководителями жанровых коллегий Академии утверждены:

Коллегия прозы — Борис Катковский.

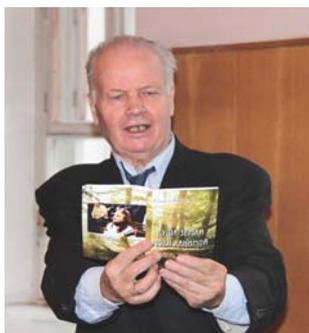
Коллегия поэзии — Ирина Лесная-Иванова (заместитель — Петр Гулдедава).

Коллегия публицистики — Михаил Лапшин.

Коллегия драматургии — Надежда Шлезигер.

Коллегия критики — Роман Тишковский.

Коллегия художественного перевода — Всеволод Кузнецов.

Коллегия литературы для детей и подростков — Евгений Скоблов.

Коллегия сатиры и юмора — Ольга Карагодина.

Издательско-журнальная коллегия — Елена Степанова.

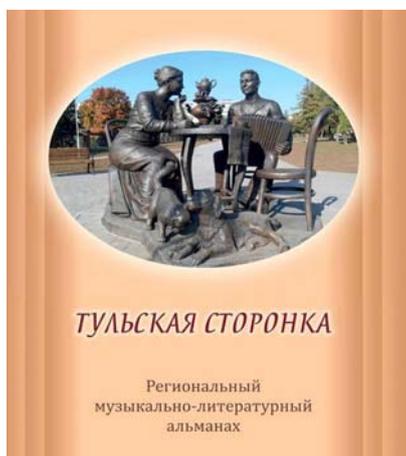
6. Почетный президент Академии российской литературы — Ханбеков Леонид Васильевич.

7. Правление, приемная и все подразделения Академии работают в прежнем режиме по утвержденному распорядку.

Почетный президент Академии РЛ Леонид Васильевич Ханбеков выразил удовлетворение итогами общего собрания Академии, передал коллективу большой привет и наилучшие пожелания творческих успехов!

Правление Академии РЛ.

* * *

В Издательстве «Аквариус» в серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышел в свет № 5 регионального музыкально-литературного альманаха «ТУЛЬСКАЯ СТОРОНКА», учредителем которого является РОО «Объединение тульских композиторов». В альманахе вошли песни и романсы, пьеса для баяна, стихи о родном крае, рассказы, статьи и рецензии о событиях в культурной жизни города и области авторов из Тулы, Алексина, Донского, Ефремова, Каменского района, Нижневартовска, Москвы, Новомосковска, Плавска, Черни, Щекинского района, Ясногорска.

Альманах адресован профессиональным и самодеятельным исполнителям, коллективам художественной самодеятельности, педагогам и учащимся учебных заведений, а также всем любителям современной музыки и литературы.

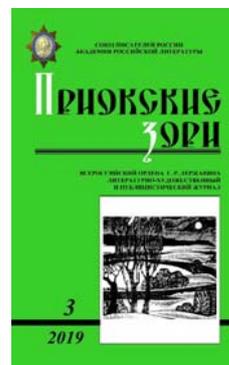
* * *

Уважаемые друзья, коллеги!

В рубрике «ИЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ АКАДЕМИИ» предлагаем вашему вниманию обзор литературно-художественного и публицистического журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» № 3/2019 (бумажная версия), полученный правлением из тульского отделения Академии российской литературы.

Издание любезно предоставлено членом Союза писателей СССР и России, членом правления Академии российской литературы, главным редактором всероссийского художественно-литературного и публицистического журнала «Приокские зори» Алексеем Афанасьевичем ЯШИНЫМ. Подробно познакомиться с номером журнала можно на его сайте:

http://www.pz.tula.ru/2019_3/00.html

Уважаемые друзья, коллеги!

В рубрике «Творчество авторов Академии» предлагаем вашему вниманию обзор новой книги члена Академии российской литературы Алексея ЯШИНА «ЖИТИЕ НАШЕ ОЦИФРОВАННОЕ»: Новеллино (девятая книга рассказов Николая Андрияновича): Академия российской литературы.— Москва: РОО «Литературное сообщество «НОВЫЕ ВИТРАЖИ», 2019.— 329 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Алексей Афанасьевич ЯШИН — член Союза писателей СССР и России, член Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член правления Академии российской литературы, главный редактор всероссийского художественно-литературного и публицистического ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори», Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, профессор.

Алексей Афанасьевич — писатель-прозаик, автор более 30 книг художественной прозы и более 500 публикаций в литературной периодике

Тулы, Москвы, Воронежа, Екатеринбургa, Красноярска и других городов.

Среди изданных книг: романы «В канцелярии» (1991), «В конце века» (2001), «Историк и его История» (2004), «Подводная лодка «Капитан Старосельцев» (2006), «Любовь новоюрского периода» (2009), «Страна холода», «Детство в Гипербореях» (2009), «Катехизис идеалиста» (2010), «Сны и явь полковника Хмурова» (2011), «Задушевные беседы об умозамещении» (2017) и др.

«...Алексей Яшин изобрел, да, изобрел, своеобразный метод иллюстрации своих произведений выразительнейшими гравюрами, офортами, рисунками из журналов середины XIX века — из "Нивы" и "Отечественных записок", сопроводив их своими подписями. Каждая из подписей — настоящий мини-фельетон или памфлет, обличительный микрочерк о типаже или явлении времени, которое мы нынче переживаем. С одной стороны, эта страница-иллюстрация не имеет никакой прямой связи с рассказом или очерком, текст которого прерывает, а с другой — дает хорошо оценимые дополнительные впечатления о наших временах, трудней которых дни и годы случались, но, как точно подмечено, подлея не было» (Леонид ХАНБЕКОВ).

* * *

В ДОНЕЦКОЙ Народной Республике прошло награждение писателей России.

* * *

СОСТОЯЛСЯ ПЛЕНУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

В работе пленума правления Союза писателей России, состоявшегося 17 октября 2019 года, приняли участие руководители и представители многих региональных организаций.

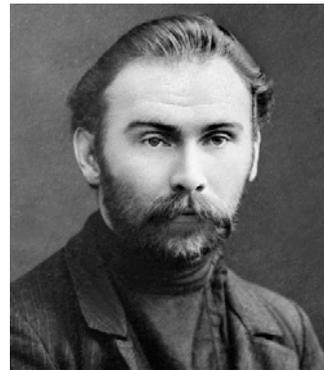

* * *

Елена Васильева.

22 октября 2019 г.— 135 лет со дня рождения Николая Алексеевича Клюева (22 октября 1884 — между 23 и 25 октября 1937).

Родился в деревне Андома (1) Олонецкой губернии. Рос под влиянием матери Прасковьи Дмитриевны — известной в тех краях былинницы, плачеи, «хранительницы традиций древнего благочестия», то есть из старообрядцев. После кое-какого начального образования по ее настоянию сын ушел в Соловецкий монастырь — «спасаться», пробыл там недолго и пошел странствовать по раскольничьим скитам России. В 1909 году в Петербурге публикует первые стихи. В 1905-м, будучи членом Крестьянского союза, попадает на полгода в тюрьму за антиправительственную агитацию. В последующие годы постепенно входит в литературную жизнь петербургской богемы, издает (1911—1913 гг.) книги стихов «Сосен перезвон», «Братская песня», «Лесные были» и становится центральной фигурой «поэтов из народа». В мае 1918-го вступает в РКП(б), едва ли не первый пишет стихи о Ленине, учуяв в вожде «керженский дух»... Однако научить новую власть уму-разуму (как это ему понравилось в случае с А. Блоком) не удалось: в 1920-м — исключение из партии «за религиозные взгляды»; в 1922-м в ответ на книгу «Львиный хлеб», поэму «Мать-Суббота» в рецензии Надежды Павлович Н. Клюев впрямую назван врагом. Все дальнейшее — «технология власти». В 1928-м — последняя при жизни книга

стихов «Изба и поле», в 1934 году — арест (2), высылка в Нарымские края, и в октябре 1937-го Николай Алексеевич Клюев расстрелян Томской ЧК. Реабилитирован в 1960-м (3). В 1977 году возобновляется публикация клюевских произведений, а через 10 лет впервые полностью выходит «Погорельщина»; еще через несколько лет в архивах КГБ В. Шенталинский (низкий ему поклон!) разыскал и опубликовал текст «Песни о Великой Матери», которую считали безвозвратно утерянной.

(1) Часто называют д. Коштуг (или Коштуги), но это центр волости, включавшей 18 деревень, в числе которых Андома.

(2) Статья 58 10 (кулацкая агитация); но есть версия, что политическая статья была приписана Н. Клюеву вместо некоторой бытовой...

(3) В этом году реабилитацию объявил только Военный трибунал Сибирского округа. Прокуратура РСФСР полностью реабилитировала Н. А. Клюева в 1988 г.

* * *

Дорогие друзья, предлагаем Вам отзыв на содержание № 3, 2019 журнала «Приокские зори», выходящего в Городе-герое Туле. Само содержание номера см. на сайте <http://www.pz.tula.ru>

Литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» — Тула, 2019 — № 3.

* * *

РЕДАКЦИЯ И РЕДКОЛЛЕГИЯ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» БЛАГОДАРИТ

Татьяна Геннадьевна Титаева

члена редколлегии, зав. отделом поэзии Н. Н. Тимохина, передавшего в дар Дому-музею Ф. М. Достоевского города Семипалатинска (Казахстан) экз. журнала и его альманаха «Ковчег», а также книги А. А. Яшина и Я. Н. Шафрана; директора Дома-музея Соловьеву Ирину Анатольевну и главного хранителя Дома-музея Татьяну Геннадьевну Титаеву.

Дом-музей Ф. М. Достоевского

НАША ПАМЯТЬ

21 декабря 2019 года
140 лет со дня рождения
ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА СТАЛИНА

Родился 09(21).12.1879 в Гори — умер 05.03.1953 в Москве.

Награды И. В. Сталина

27.11.1919 — орден Красного Знамени. Постановление ВЦИК от 20.11.1919, Приказ РВСР № 383, РСФСР.

Орден № 400 (заменен на дубликат № 3): в ознаменование его заслуг по обороне Петрограда и самоотверженной работы на Южном фронте.

18.08.1922 — орден Красной Звезды 1-й степени.

Бухарская Народная Советская Республика.

13.02.1930 — орден Красного Знамени.

Постановление Президиума ЦИК СССР от 13.02.1930.

Орден № 19 (с цифрой «2» в щитке): по многочисленным ходатайствам организаций, общих собраний рабочих, крестьян и красноармейцев... за огромные заслуги на фронте социального строительства.

1938 год — юбилейная медаль «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии». (СССР).

20.12.1939 — медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда и орден Ленина.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20.12.1939.

Медаль № 1, орден № 6235 (орденская книжка № 59382): за исключительные заслуги в деле организации Большевицкской партии, построения социалистического общества в СССР и укрепления дружбы между народами Советского Союза... в день шестидесятилетия.

1943 год — орден Республики (Тувинская Аратская Республика).

1943 год — Военный крест (Чехо-Словакия).

06.11.1943 — орден Суворова 1-й степени.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 06.11.1943, СССР.

Орден № 112: за правильное руководство операциями Красной Армии в Отечественной войне против немецких захватчиков и достигнутые успехи.

20.07.1944 — медаль «За оборону Москвы».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 01.05.1944.

Удостоверение к медали № 000001: За участие в героической обороне Москвы; ...за руководство героической обороной Москвы и организацию разгрома немецких войск под Москвой.

29.07.1944 — орден «Победа».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29.07.1944.

Орденская книжка № 3: за исключительные заслуги в организации и проведении наступательных операций Красной Армии, приведших к крупнейшему поражению германской армии и коренному изменению положения на фронте борьбы с немецкими захватчиками в пользу Красной Армии.

03.11.1944 — орден Красного Знамени.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 03.11.1944.

Орден № 1361 (с цифрой «3» в щитке): за 20 лет выслуги.

Май 1945 года — медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

1945 год — орден Сухэ-Батора (Монгольская Народная Республика).

26.06.1945 — медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и орден Ленина.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1945.

Медаль № 7931, орден № 117859: возглавлявшему Красную Армию в тяжелые дни нашей Родины и ее столицы Москвы, руководившему борьбой с гитлеровской Германией.

26.06.1945 — орден «Победа».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1945.

Орденская книжка № 15: за исключительные заслуги в организации всех Вооруженных Сил Советского Союза и умелое руководство ими в Великой Отечественной войне, закончившейся полной победой над Гитлеровской Германией.

1945 год — Военный Крест (Чехословакия).

1945 год — орден Белого льва 1-й степени (Чехословакия).

1945 год — орден Белого льва «За победу» 1-й степени (Чехословакия).

Октябрь 1945 года — медаль «За победу над Японией» (СССР).

1945 год — медаль «За победу над Японией» (Монгольская Народная Республика).

1946 год — медаль «25 лет Монгольской народной революции» (Монгольская Народная Республика).

Сентябрь 1947 года — медаль «В память 800-летия Москвы».

Указ Президиума Верховного Совета СССР.

17.12.1949 — медаль «Золотая Звезда» Героя Монгольской Народной Республики и орден Сухэ-Батора.

20.12.1949 — орден Ленина.

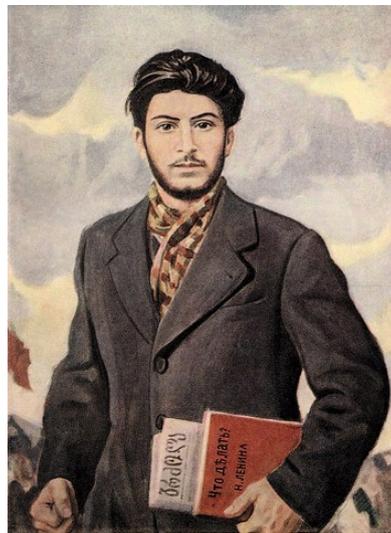
Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20.12.1949.

Орден № 117864: в связи с семидесятилетием со дня рождения тов. Сталина И. В. и учитывая его исключительные заслуги в деле укрепления и развития СССР, строящего коммунизм в нашей стране, организацию разгрома немецко-фашистских захватчиков и японских империалистов, а также в деле восстановления народного хозяйства в послевоенный период.

* * *

**И. В. Сталину
к 140-летию со дня рождения**

Худой, невидный я, рябой,
Совсем неведомого рода,
Душой к Библии Святой
Тянулся с пользой для народа.
И вот к служенью призван был
Из тихой семинарской кельи:
Не для молебнов — для борьбы
С пророками иноземья.
Чтоб победить всю эту рать,
Чужую нашему народу,
Над нею нужно будет встать,
Чтоб ограничить их свободу.
Народ поймет, народ простит
Необходимую жестокость.
В народе дух Петра не спит,
Не спит Ивана же стойкость.
Захочет враг страну сломить,
На наш народ пойти войною.
Придется десять лет прожить
Тогда заботою одною:
Придется строить, создавать,
Чтоб воевать могли солдаты.
А так хотелось блага дать
Народу, чтобы жил богато!
Но ведь не даром призван был
Из тихой монастырской кельи,
Чтоб отказаться от борьбы
С солдатами иноземья.
И если вновь придет пора,
Пора разрухи и упадка,
Придем мы трое — Мастера:
Дух мой, Ивана и Петра —
Помочь для роста и порядка.

Яков Шафран.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

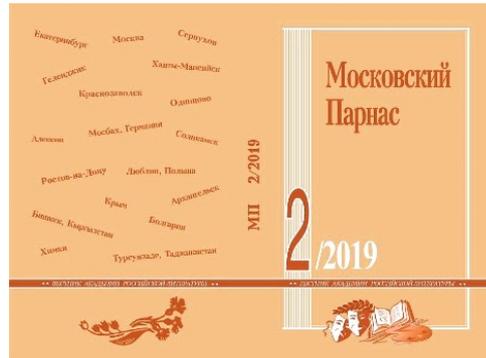
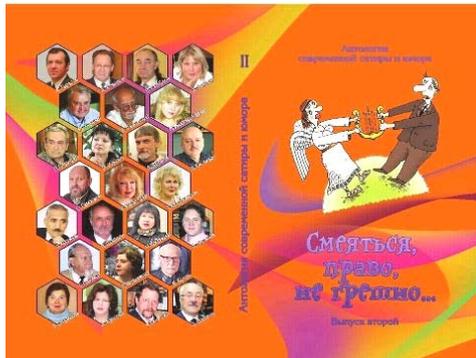

Редакция и редколлегия «Приокских зорь» поздравляет известного писателя, поэта и постоянного автора журнала Нину Павловну Гаврикову с Днем рождения и желает здоровья, больших достижений в творчестве и общественной деятельности и всемерного благополучия!

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

Уважаемые друзья, коллеги! Академией российской литературы в ноябре 2019 года при содействии Литературного сообщества «Новые витражи», коллегией сатиры и юмора осуществлено издание **антологии сатиры и юмора «Смеяться, право, не грешно...»** (выпуск 2-й). В книгу вошли произведения авторов Академии и других литературных сообществ и объединений.

Также вышел в свет № 2, 2019 **Вестника АРЛ «Московский Парнас»**.

КРЫЛЬЯ ДУШИ

ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОЕ

Вышли в свет сентябрьский и октябрьский 2019-го года номера газеты «Крылья души». Сентябрьский номер, наряду с традиционными рубриками, порадовал читателей подборкой произведений к 100-летию Сергея Есенина и достаточно информативной заметкой, посвященной выходу № 3, 2019 «Приокских зорь». В октябрьском номере в память легенды тульской журналистики опубликован отзыв «С любовью к жизни» на выход в свет литературного альманаха «Там, за поворотом» Виктора Еремина и его стихотворение. И в обоих номерах напечатаны стихи Якова Шафрана.

* * *

На конкурсе «Золотое перо Руси» в 2019-м году отмечены наградами наши постоянные авторы:

Медалью «За заслуги в культуре и искусстве» награждена Анна Барсегян (Барсова) (г. Екатеринбург) за проект «Имена и лики поэтов».

В номинация «Проза»: обладателем «Золотого пера Руси» (сертификат соответствия № 204) стал Пономарев Александр Анатольевич (г. Липецк) за произведение «Скала». Он же как автор ряда книг на военную тематику за высокий профессионализм стал обладателем Диплома соучредителя проекта Светланы Савицкой.

Обладателем «Серебряного пера Руси (Сертификат соответствия № 181) стал Новиков Андрей Вячеславович (г. Липецк, литературный журнал «Петровский мост»).

Серебряным лауреатом (диплом) стал Валерий Савостьянов (г. Тула).

И в номинации «Общественные коммуникации» «Серебряного пера Руси» (Сертификат соответствия № 183) удостоен Зайцев Олег Николаевич (г. Минск, Беларусь), председатель Республиканского общественного объединения «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь».

Валерий Савостьянов — лауреат литературного фестиваля «Словенское поле — 2019». Псков, Изборск, Остров — города, где состоялся в этом 2019-м году с 26 по 28 июля очередной, уже девятый, литературный поэтический историко-патриотический фестиваль «Словенское поле». В конкурсах фестиваля и самом фестивале приняли участие более 70 поэтов, и среди них поэт Валерий Савостьянов, член Союза писателей России, Правления Тульского отделения СП России, тульского клуба

православных писателей «Родник». Отрадно, что фестиваль приветствовал Председатель СП России Николай Федорович Иванов. В итоге Валерий Савостьянов стал вторым в самой престижной конкурсной номинации фестиваля, номинации «Профи», где соревновались только профессиональные поэты, члены Союзов писателей.

7 сентября 2019 года на торжественных мероприятиях, посвященных Дню города, «За личный вклад в социальное развитие города Тулы» член Российского Союза ветеранов Афганистана, Союза писателей России Макаров Николай Алексеевич награжден Почетным знаком администрации города Тулы «За заслуги перед городом» 2-й степени.

27 сентября 2019 года в Тульском государственном музее оружия состоялось торжественное собрание, посвященное 60-летию создания Тульского отделения Советского комитета ветеранов войны — Российского Союза ветеранов. За многолетнюю активную работу, помощь и поддержку ветеранского движения по поручению председателя Российского Союза ветеранов генерала Армии М. А. Моисеева председатель Тульского отделения подполковник В. Г. Выродов награждает члена Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана Макарова Николая Алексеевича орденом «За заслуги в ветеранском движении».

О НАС ПИШУТ

Ольга Приступенко представляет альманах журнала «Приокские зори» «Ковчег» в библиотеке города Азов (Ростовская область).

НАМ ПИШУТ

Валерий Акимов
(г. Нижневартовск)

ГОЛОС ИЗ ВЕЧНОСТИ-2

Наш постоянный автор.

Без мечты — нет человека! И какое же счастье, когда то, что задумал, осуществляется. Еще лучше, когда к этому необходимо приложить определенное усилие, чтобы стать поистине кузнецом своего счастья. Вчера, 25 июля, сбылась моя давнишняя задумка: я побывал на могиле дяди Кости, погибшего 30 ноября 1941 года в селе Койсуг близ Батайска, что в десяти километрах от Ростова-на-Дону. Как я уже рассказывал в статье ранее, прошлой осенью командир поискового отряда койсужанин Сергей Еременко отыскал меня через интернет, чтобы сообщить о найденном им месте захоронения Акимова Константина Семеновича — старшего брата моего отца. Тогда-то и поставил я перед собой цель: непременно побывать на могиле кровного родственника. К тому же и Сергей убедительно приглашал в гости. Вот и ждал я исхода холодов, чтобы по теплу отправиться в неблизкую поездку в незнакомое село Койсуг, которое за послевоенное время слилось с городом Батайском. О своем решении дал знать вожаку поисковиков и он пообещал сопроводить меня до мемориала. Осуществить поездку пришлось в два этапа: на первом этапе приехать в Кисловодск, а потом уже через некоторое время из него — до Батайска на электричке «Ласточка», на которой, если не смотреть в окно, то невозможно было понять: мы едем или сто-

им: такой у нее плавный и бесшумный ход,— наконец-то нас стали обслуживать комфортабельные средства транспорта. По прибытии в Батайск со мной познакомились пришедшие на вокзал поисковики самого разного возраста: от двенадцатилетних до моих ровесников. Мне предложили осмотреть город, которому в сентябре исполнится 250 лет, и все его достопримечательности, на что я с радостью согласился. По ходу экскурсии проводили фотосессии, которые выполнял фотомастер высокой квалификации тренер по айкидо Дмитрий Кретов, он же любезно предоставил и свое авто. Надо сказать, что погода вначале благоприятствовала нам, но потом стал накрапывать дождь, постепенно перешедший в ливень. Чтобы переждать его, мы зашли в старый батайский Свято-Троицкий храм, помолились перед намоленными иконами. И... о, чудо: перед нашим Богоугодным делом выглянуло солнце, тучи развеялись и стало такое ведро, что даже не верилось в недавние небесные хляби. После него мы ознакомились с одноименным строящимся собором, который поразил своими масштабами и красотой. Настоятель дал разрешение на осмотр и внутреннего убранства. Меня восхитила шедевральная работа иконописцев. На сельское кладбище мы приехали уже под вечер. К мемориалу погибших защитников Койсуга вела асфальтированная дорожка, проложенная местными коммунальщиками. На месте, где некогда было захоронение неизвестных воинов, сейчас стоит достойный монумент с опознанными погибшими защитниками Советского Союза. На могиле дяди Кости я рассказал стихотворение, написанное перед этим:

В КОЙСУГЕ

*Что ж вы, ветры, поете
Мне печальную весть!
Знаю сам, что в налете
Был убит дядя здесь.
Зря, дожди, слезы льете,
Не ему Божий суд!
Ведь когда при налете
Был убит дядя тут,
Сразу Богом оправдан.
Всем, погибшим в бою
За свободу и правду,
Суждено быть в раю!*

Пообщавшись с настоящими патриотами нашей Родины, чувствуется их неподдельная любовь к выбранному для души делу: поиску неизвестных страниц военной истории государства. Я сожалею, что до этого момента не дожили старшие Акимовы, какова была бы их радость. А дяди Костиным племянникам я расскажу в подробностях о встрече на ростовской земле с одержимыми людьми, которые поставили перед собой значимую цель, чтобы никто не был забыт и ничто не было забыто. Сердечное спасибо им за их Великий труд!

P.S.

От себя лично хочу особо поблагодарить Сергея Николаевича Еременко за организацию такого памятного для меня мероприятия. Весь день я был охвачен их вниманием и заботой — со времени выхода из вагона прибытия и до посадки в вагон отъезда. Такое не забывается. Спасибо!

* * *

29 октября 2019 года в зале приемов Посольства России в Государстве Кувейт прошло выступление кандидата педагогических наук, члена редакционной коллегии и заведующего отделом международных связей всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова Игоря Викторовича Карлова. Наш постоянный автор рассказал о своих публикациях в журнале «Приокские зори», о творческих планах, об отношении к произведениям современной литературы.

330220

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом);
2) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14,— полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

5) для стихотворений заголовки (названия) выравнивать по центру, шрифт — полужирный. Сам текст выравнивать по ширине с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный.

6) общий объем представленного материала — не более 5 стандартных страниц формата А4 (шрифт Times New Roman, междустрочный интервал — единичный). Для поэз объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

2. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле и в файле с фотографией. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом); Размер фотографии — 4×5 см.

2) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14 — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт: размер 16 — полужирный.

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5. Поля страницы — слева 2 см, справа 2 см. Таких параметров абзаца и страницы — шрифтом обычным придерживаться и далее.

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии, представленной и отдельно.

1. Фотографию выслать отдельным файлом (кроме той, что помещена рядом с текстом).

2. Пропорции должны быть в соотношении 5:4.

3. Фотография по пояс, изображение лица занимает не менее 30 % площади рисунка.

4. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

5. Фотография должна быть резкая, выполненная с хорошим разрешением, фотоаппаратом не менее 5 МПс.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадия Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: timohip63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

*С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.12.2019
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА ПОЛЕНОВА (1844 — 1927)
ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ**
Произведения В. Д. Поленова из собрания Тульского
областного художественного музея

В Назарете. 1882 г. Холст, картон, масло. 49×73

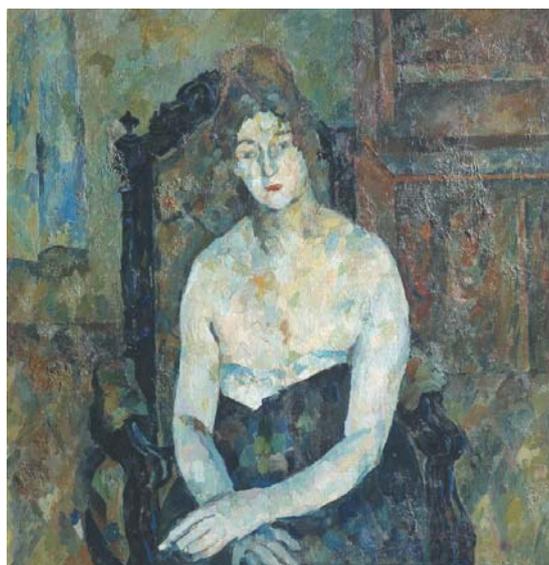

Река Оять. 1890 г. Холст, масло. 51× 88

**К 100-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО
ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ИСТИННЫЕ ЦЕННОСТИ**
Из собрания Тульского областного художественного музея

Дейнека А. А. (1899—1969). Бег. 1932 г. Холст, масло. 180×135

*Лентулов А. В. (1882—1943).
Портрет актрисы Чебоксаровой. 1919 г. Холст, масло. 102×88*